

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 1

Иркутск
Иркутский музей декабристов
2011

УДК 947.073
ББК 63.3(2)521-425
С 34

Редакционная коллегия:
О.А.Акулич (отв. редактор),
А.Н.Гарашенко, А.В.Глюк, Е.А.Добрынина

Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов.
С 34 Сборник статей. Вып. 1. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 270 с.: ил.

ISBN 978-5-905847-05-9

Сборник объединяет работы участников двух научно-практических конференций «Декабристские чтения памяти С.Ф.Коваля» (2009–2010), результаты научных исследований творческого коллектива Иркутского музея декабристов и публикации новых архивных материалов по истории декабристов и декабристоведению. Авторы – историки, музейеведы, педагог и инженер-конструктор, архивисты из Иркутска, Красноярска, Читы, Шелехова и Украины. Малые и большие открытия авторов в области декабристского наследия базируются на конкретных исторических фактах и документах.

Сборник предназначен для музейеведов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историей декабристов.

ISBN 978-5-905847-05-9

© Иркутский музей декабристов, 2011

К читателю

Настоящий сборник задуман первым в серии изданий Иркутского музея декабристов. Замысел редколлекгии – объединить историков, музейщиков и краеведов, изучающих историю судеб декабристов, отраженную в мемориальных коллекциях и в памятниках архитектуры и истории. Мы хотели бы сосредоточить внимание прежде всего на конкретно-исторических вопросах в изучении данной темы. Наш музей является преемником в издании научного сборника «Сибирь и декабристы», на страницах которого декабристологи всей страны обсуждают преимущественно теоретические и общеисторические вопросы. Музейное дело до последнего времени не было представлено на его страницах. Между тем музей декабристов в Иркутске существует уже пятое десятилетие. За эти годы изменился его статус: из маленького отдела краеведческого музея он вырос в самостоятельное учреждение культуры. С 1970-х годов ведется планомерная работа по формированию коллекций музея, исследовательская и популяризаторская работа, устанавливаются связи с потомками декабристов, музей активно участвует в формировании культурной политики в регионе. Собственные силы и научный опыт нашего творческого коллектива пока не позволяют нам издавать собственный сборник ежегодно. Этот первый самостоятельный научный сборник мы подготовили, базируясь на материалах конференций «Декабристские чтения памяти С.Ф. Коваля», которые Иркутский музей декабристов проводит с 2008 года. В последние три года в чтениях принимали участие музейщики Восточной Сибири. Мы планируем и впредь привлекать к сотрудничеству другие музеи, занимающиеся изучением декабристского наследия. В поисках наименования нашего нового издания мы обратились к собственным мемориальным коллекциям. В 2010 году музею посчастливилось приобрести два перстня из кандалного железа, которые по легенде принадлежали М.Н. и С.Г. Волконским. Образ этих знаков единения и верности подсказал нам и название сборника – «Декабристское кольцо». На страницах нашего издания объединились представители музейного сообщества Красноярска, Читы, Иркутска и Украины. Не только география авторов, но и временные пласты от начала XIX века сомкнулись в магический круг с веком XXI-м благодаря памятникам и музеям декабристов.

«Декабристское кольцо» – это, прежде всего, музейное издание. Его авторы – в большинстве своем специалисты музейного дела, как те, на чьем счету серьезные научные издания, отмеченные наградами в профессиональном сообществе, так и те, для кого эти публикации являются дебютными. Музей – это живой организм, открытая система, постоянно взаимодействующая с обществом, силами которого создается и которому призван служить. Результатом творческого сотрудничества с нашим музеем стали статьи архитектора и архивиста. Сознательно мы предоставили страницы нашего издания и учителю-краеведу. Каждый из авторов повествует о своем собственном от-

крытии в обширной и глубокой теме «Декабристоведение», и эти открытия имеют под собой серьезную источниковую базу.

Структура сборника отвечает потребностям научно-исследовательской работы музея. Открывается сборник разделом «Декабристоведение: историко-краеведческие исследования». Здесь читатель познакомится с некоторыми эпизодами биографий предков и потомков декабристов. Наш украинский коллега В.Г. Бухаров, директор Музея-усыпальницы семьи Раевских в с. Разумовка Кировоградской области, знакомит с результатами исследовательской работы по восстановлению усыпальницы и вводит в научный оборот обнаруженную им архивную метрику о рождении Марии Николаевны Раевской. Это позволяет автору по-новому взглянуть на взаимоотношения М.Н. Раевской и А.С. Пушкина. Красноярский историк Т.С. Комарова приводит и комментирует четыре новых письма детей В.Л. Давыдова из архивов Москвы и Красноярска. Данные первоисточники свидетельствуют о сохранении дружбы и взаимопомощи детей декабристов между собой до конца жизни.

В разделе «Музейное дело» читатель прочтет о коллекциях и новых атрибуциях музейных предметов. Его авторы – сотрудники нашего музея Н.М. Шапошникова, И.В. Пашко и А.В. Сакович. Материалом для научной реконструкции быта декабристов в экспозиции музея послужит статья Д.В. Ярош, выполненная на основе архивных документов.

К выявлению, музеефикации и сохранению историко-культурного наследия декабристов в архитектурных и исторических памятниках музея имеют самое прямое отношение. О судьбах и загадках двух мемориальных домов Трубецких повествуют читинский историк А.И. Нефедьева и иркутский архитектор и инженер-конструктор И.П. Пинайкин. И если первый автор традиционно опирается на архивные документы в хронологическом описании дома в Петровском Заводе, то второй читает и анализирует историю памятника по конструкциям дома и следам, оставленным на стенах памятника строителями разных лет. Статья И.П. Пинайкина написана по итогам уникального натурального исследования в процессе демонтажа дома Трубецких перед реставрацией в 2007 году. Автор формулирует «перечень строительных этапов раннего (досоветского) периода эксплуатации здания» на основе «деревянных первоисточников» и ставит новые исследовательские задачи перед историками. Драматическая история утраты и последующего восстановления декабристского некрополя в Иркутске в советский период скрупулезно изложена историком А.Н. Гарашенко. Автор не только суммирует весь корпус источников по теме, указывает на фактологические ошибки в текстах надгробных плит, но и дает рекомендации для дальнейшей научной реставрации могильных памятников декабристам на иркутских кладбищах.

В разделе «Люди и судьбы» читателя ждет встреча с основоположником декабристоведческой традиции в Иркутске историком-архивистом Б.Г. Кубаловым. Его судьба и его архивное наследие представлены в сборнике трудами историков И.П. Бедулиной и А.Н. Гарашенко.

Публикация статьи Б.Г. Кубалова «С.Б. Броневский и его донос 1837 г.» логически соединяет два раздела сборника. В разделе «Архивное наследие»

кроме неизвестной ранее работы декабристоведа о событиях сибирской истории 1830-х годов представлены новые источники. Публикации Е.А. Добрыниной и О.А. Акулич писем С.Г. Волконского и Е.И. Трубецкой сопровождаются обзором эпистолярного архивного наследия представляемых авторов и анализом опубликованного ранее.

В разделе «У нас в гостях школьные краеведы» мы представляем коллективную поисковую работу юных краеведов г. Шелехова, оформленную в статью их руководителем М.Н. Сапигевым. Она посвящена личности декабриста А.Н. Сутгофа. Соседство начинающих исследователей с профессионалами в рамках одной темы, по нашему глубокому убеждению, должно способствовать развитию интереса и повышению уровня краеведческих работ в будущем.

Сборник завершается разделом «Есть ли жизнь в музее?», посвященным истории сибирских музеев декабристов. Подобные музеи существуют не только в Иркутске, но и во многих других городах Сибири. Некоторые из них, как, например, ялуторовский музей, насчитывают уже около века своей истории. В первом сборнике иркутские музейщики О.А. Акулич и А.В. Грейзе знакомят коллег с материалами к летописи музея. Здесь же публикуются воспоминания о первом десятилетии в жизни музея создательницы и первой заведующей Иркутским музеем декабристов Н.С. Струк.

Мы надеемся, что «Декабристское кольцо» вместит в свой круг новых авторов, коллег и единомышленников. Надеемся также на благосклонное внимание и интерес наших читателей.

Декабристование: историко-краеведческие исследования

В.Г. Бухаров

Усыпальница семьи Раевских, Мария Николаевна Волконская и Александр Сергеевич Пушкин

Имя героя Отечественной войны 1812 г. Николая Николаевича Раевского навсегда вписано золотыми буквами в историю России. «Память его драгоценна Отечеству; имя его вечно будет славно в Русской армии, а жизнь принадлежит истории»¹ – проникновенные строки некрологии, подчеркнув значение свершившейся в 1829 г. утраты, оставили историкам для дальнейшего упоминания всего несколько скупых строк: погребен в имении Еразмовка Чигиринского уезда Киевской губернии.

Время давно изменило границы и административное деление бывшей Киевской губернии, и ныне этот адрес звучит совсем по-другому: село Разумовка Александровского района Кировоградской области. И мало кто знает, что именно здесь, в самом центре Украины, на протяжении бурного XX в., открытая вольным степным ветрам и опоясанная серебристым озером, медленно угасала и постепенно разрушалась всеми забытая Крестовоздвиженская церковь – усыпальница семьи Раевских, великолепный архитектурный памятник русского классицизма первой половины XIX века, объединяющий единым ансамблем восемь полностью сохранившихся захоронений членов этой замечательной семьи.

Но и время не властно над великим – начало XXI в. ознаменовано тем, что мощнейший энергетический потенциал, заложенный с первым камнем в основание храма «Во имя Спасителя нашего Иисуса Христа»², над гробом отца неутешного семейства Раевских, начал свое постепенное, настойчивое и объединительное высвобождение. А имя этому потенциалу – историко-культурное наследие семьи Раевских.

Богатейшее наследие Раевских в виде архивных документов и художественных образов, монументов и памятников, научных и литературно-художественных работ, городов и поселков, ботанических садов и хлопковых плантаций, островов далеких архипелагов и просто благодарной народной памяти, распыленное по огромным просторам бывшей Российской империи и далеко за ее пределами, как оказалось, очень плотно взаимосвязано и занимает важное место в многогранной славянской культуре. Как и всякое единое целое, оно имеет свои причинно-следственные связи, которые множеством незримых нитей тянутся к центру Украины, где, собственно говоря, и находится изначальная духовная составляющая наследия – усыпальница семьи Раевских.

История ее возникновения, строительства, восстановления и заложенного в ней символизма уже сама по себе является срезом многочисленных исторических событий мирового масштаба и требует отдельного и глубокого изучения, равно как и публикация отдельным изданием исследовательского пути по раскрытию всех ее тайн и загадок.

Данная работа, совершая небольшой исторический экскурс на эту тему, более подчинена формату информационного сообщения, обрисовывающего отдельные отрезки исследовательского пути и вводящего в научный оборот результаты последних и наиболее важных архивных изысканий, которые окончательно устраняют путаницу в датах рождения младших дочерей Раевских и позволяют по-новому взглянуть на совместное пребывание семьи Раевских и А.С. Пушкина на Кавказе в 1820 году, придавая обновленную свежесть взаимоотношениям Марии Николаевны Раевской и Александра Сергеевича Пушкина.

Предыстория

16 сентября 1829 г., через день после своего 58-летия, в усадебном доме имени Болтышка умирает гордость и слава русского оружия, «верный друг, нежный отец, истинный сын Отечества и православный нашей церкви»³ Николай Николаевич Раевский.

Выцветшие коричневые чернила записи на синем, изъеденном жучками листе метрической книги Еразмовской Богословской церкви об умерших в сентябре 1829 г. гласят: «Здесьшний владелец, Генерал от Кавалерии, Николай Николаевич Раевский. С покаянием умре. Погребал в селе Еразмовке Благочинный Протоиерей Баккановский с прочим Священством». В графе о месте захоронения стоит короткая запись «На особом месте»⁴. Лаконичная многозначительность трех коротких слов совершенно определенно указывает на то, что место для погребения было определено заранее и далеко не случайно, о чем говорит последующее возведение над захоронением каменного православного храма.

Следующим шагом семьи Раевских был заказ на разработку планов и фасадов этого самого каменного храма. Готовый проект не заставил себя ждать, и уже 14 июня 1830 г. в Полтаве старшая из дочерей Екатерина Орлова подписывает прошение на имя митрополита Киевского и Галицкого Евгения и препровождает в консисторию уже готовые планы церкви, которую имеет «намерение соорудить над гробом Отца своего Генерала от Кавалерии Николая Николаевича Раевского... во имя Спасителя Нашего Иисуса Христа»⁵. Она просит благословить ее на постройку храма, строительство которого намеревается начать летом этого же года. Буквально через месяц, 18 июля 1830 г., без всяких изменений планов и фасадов, строительство храма было благословлено и выдана разрешительная храмозданная грамота за № 109⁶.

Однако семейные обстоятельства и разразившаяся в 1830 г. эпидемия холеры в Чигиринском уезде на несколько лет отложили начало строительства, и только 3 мая 1833 г.⁷ состоялась закладка храма, который с самого нача-

ла предполагал двойное предназначение: во-первых, это должен был быть памятник, причем, согласно восстановленному первоначальному облику, памятник в виде древнегреческого храма «без верхов»⁸, более всего подходящий к образу пантеона, в котором и должен покоиться герой Отечества; во-вторых, это должно было быть действующее культовое сооружение, призванное заменить обветшавшую деревянную церковь во имя Евангелиста Иоанна Богослова.

После закладки храма в судьбе усыпальницы наступает долгая строительная пауза, а ее возведение растягивается на несколько десятилетий. Сразу после смерти мужа его жена Софья Алексеевна Раевская покидает имение и сначала переезжает к старшему сыну Александру в Полтаву, а через некоторое время с двумя дочками, Еленой и Софьей Раевскими, навсегда расстается с Россией и уезжает в Италию, где и заканчивает свой жизненный путь в 1844 г. Сыновья Александр и Николай заняты обустройством собственных судеб. До возвращения Марии Волконской из Сибири еще очень далеко, а, судя по фактически замершему строительству, Екатерина Орлова активного участия в дальнейшем возведении усыпальницы также не принимает. И неизвестно, сколько бы еще продолжался этот долгострой в судьбе усыпальницы, если бы не возвращение из Италии после смерти сестры Елены в 1852 г.⁹ самой младшей из дочерей генерала – Софьи Николаевны Раевской.

Она обустроивается в своем имении Сунки под Смелой, берет все хлопоты по завершению строительства на себя и уже 5 августа 1854 г. пишет прошение, опять же на имя митрополита Киевского и Галицкого, но уже Платона: «Церковь эта, по обстоятельствам так долго строившаяся, в нынешнем лете иждивением моим приводится к окончанию и вскоре будет готова к освящению. Преисполненная чувств преданности к родителю моему и по долгу истинно христианскому, я сама прибыла в имение, дабы присутствовать при обряде освящения. Посему осмеливаюсь всепокорнейше просить Вашего Архиепископского разрешения и благословения на освящение сего Святого Храма»¹⁰. После всесторонней проверки всех обстоятельств сооружения храма 11 сентября 1855 г. церковь была освящена.

Николай Николаевич Раевский родился в сентябре, в сентябре же и ушел из жизни, оставив для истории следующие хронологические рамки своей жизни: 14.09.1771–16.09.1829 (по старому стилю). Согласно церковному календарю, 14 сентября православная церковь празднует ежегодный, двенадцатый, не переходящий праздник Воздвижения Креста Господня. И совершенно естественным выглядит решение о внесении вновь освященного храма в реестр церковью Киевской консистории под наименованием Крестовоздвиженской церкви. Под таким названием усыпальница дошла до наших дней.

Строительство храма было завершено. И на этом фоне глубоко символическим выглядит тот факт, что начала его возведение старшая дочь Екатерина Орлова, а завершила сооружение пантеона героя его младшая дочь Софья Раевская, поставив тем самым точку на выполнении морального долга детей перед своим заслуженным и героическим отцом.

В первоначальном виде церковь представляла собой усыпальницу – пантеон в виде вытянутого с запада на восток прямоугольного в плане здания, с размерами основного объема 11×18 м, разделенного внутри на три нефа двумя рядами продольных квадратных колонн, по семь в каждом ряду. Средний, главный неф выше остальных, а два боковых образуют с продольными стенами крестово-ребристые межколонные своды. Украшением храма является портал из 12 колонн, поставленных в два ряда со стороны главного входа. Колонны – дорического ордера, совершеннейших пропорций и безукоризненного рисунка. Каждая колонна сложена из семи сборных блоков, отлитых из чугуна. Динамика фасадов не нарушается никакими излишествами, и здание является одним из самых совершенных по выражению стиля.

Наряду с очень интересными архитектурными особенностями самого здания храма не менее интересным выглядит архитектурное разрешение склепа, расположенного в полуподвальном помещении под зданием церкви.

Захоронение генерала от кавалерии Н.Н. Раевского было и остается той центральной точкой, от которой велся отсчет при проектировании и строительстве церкви. Не трогая самого захоронения, его просто закрыли каменным цилиндрическим пантеоном, который своим сводом и по сей день служит основанием для опоры центральной, алтарной части церкви. Вокруг пантеона остались широкие проходы, образованные с одной стороны фундаментом несущих стен, а с другой – арочными перекрытиями фундаментных опор внутренней колоннады церкви. Такая конструкция склепа позволила на завершающем этапе строительства церкви замуровать часть арочных перекрытий, образовав тем самым дополнительную камеру слева от центрального захоронения Н.Н. Раевского-ст., куда и был перемещен прах до сегодняшнего дня неизвестного из семьи Раевских. И это пока остается самой большой тайной усыпальницы семьи Раевских. Документальных подтверждений, кто это может быть, пока не обнаружено. С уверенностью можно только сказать, что тело было помещено в камеру до 1864 г., то есть неизвестный был вторым, вслед за Н.Н. Раевским-ст., захороненным в склепе церкви.

В 1876 г. в Сербии, в сражении близ селения Горни Адровац, от смертельного ранения в голову погибает старший из сыновей генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского-мл., русский доброволец полковник Н.Н. Раевский-внук. Газетные публикации так отозвались о недавних событиях в Сербии: «Тело павшего героя было похоронено со всеми военными почестями в монастыре св. Романа, на правом берегу р. Моравы, в четырех часах пути на запад от Алексинаца, но теперь оно уже перевезено в Россию согласно желанию его матери и родных и предано земле в имении Раевских Болтышка, близ Елисаветграда» (ныне город Кировоград . – *Авт.*)¹¹.

По инициативе Софьи Николаевны Раевской, уговорившей Анну Михайловну Раевскую (урожд. княжна Бороздина) совершить погребение сына в склепе Крестовоздвиженской церкви, тело было помещено в срочно подготовленную камеру, уже справа от центрального захоронения Н.Н. Раевского-ст.

13 февраля 1881 г. в канцелярию Киевского генерал-губернатора поступила телеграмма, подписанная княжной Марией Яшвилей: «Тетушка моя, поме-

щица Черкасского уезда села Сунок, дочь Генерала от Кавалерии фрейлина Софья Николаевна Раевская в имении своем сегодня скончалась. Покорнейше прошу ваше превосходительство дать телеграммой разрешение Приставу 1-го стана Черкасского уезда в м. Смелу перевезти тело покойной в фамильный склеп Раевских в селение Еразмовку Чигиринского уезда»¹².

Разрешение было получено, но так как камеры склепа к этому времени были уже заняты, а новые создать было просто невозможно, гроб с телом покойной Софьи Николаевны разместили в углу правого бокового прохода, рядом с племянником, полковником Н.Н. Раевским-внуком. После этого сквозные проходы вокруг камер были закрыты кирпичными перегородками и правой от входа части склепа был придан вид сплошной стены с четырьмя прямоугольными нишами на ней. Ниши в свое время были прикрыты однотипными чугунными плитами с надписями, обозначающими принадлежность захоронений в склепе усыпальницы, однако до наших дней сохранились только две из четырех. Две крайние были разбиты в бурные революционные годы и навсегда растворились в истории, оставив в наследство долгую и кропотливую исследовательскую работу по идентификации неизвестных захоронений в склепе церкви.

Удивительно, но факт: о Крестовоздвиженской церкви в истории не осталось никаких опубликованных сведений. Нет абсолютно никаких сведений ни в семейной переписке Раевских, систематизированной в шести томах «Архива Раевских»¹³, ни в подробнейших комментариях Бориса Львовича Модзалевского к «Архиву», а также и в другой его работе: «Род Раевских герба Лебедь», ни в иной научно-публицистической и мемуарной литературе. А если и упоминается, то подаваемая информация всегда сводится к коротким ссылкам на семейную усыпальницу в Еразмовке (даже без упоминания названия церкви), и не более того.

Не существует выверенных публикаций на эту тему и в советский период, не говоря уже о научных работах или отдельной монографии, за исключением заслуживающей внимания статьи В.Н. Дюмина в журнале «Строительство и архитектура» за 1968 г. Ее ценность заключается в том, что это первая привлекающая к себе внимание публикация об усыпальнице Раевских, которая дает научное представление об особенностях уникального архитектурного памятника и предполагаемых направлениях реставрационных работ¹⁴. К сожалению, и она не воспроизводит целостную картину и к тому же ошибочна в определении первоначального облика здания. Однако статья Дюмина во многом предопределила ход дальнейших архивных поисков, сократив до минимума путь к первоначальной истине и последующей восстановительной работе.

Поиск

Таким образом, если с дальнейшим поиском документов по первоначальному строительству и последовавшей затем перестройке усыпальницы для начала все было более-менее ясно, то вот с определением двух неизвестных захоронений в склепе, на которых не было плит, не совсем. Для начала надо было понять, каким образом и в каком направлении проводить дальнейший поиск вообще. Для этого пришлось отслеживать, собирать и систематизиро-

вать любые сведения по Крестовоздвиженской церкви в целом, с надеждой получить хоть какие-нибудь упоминания по интересующим захоронениям в склепе церкви.

По мере накопления материала начала вырисовываться более полная картина всех основных этапов в жизни усыпальницы, наполняя ее содержанием конкретными фактами и документами, но вот что касается неизвестных захоронений в склепе, то восстановить целостную картину не удалось до сих пор. Одно из захоронений так и остается неизвестным – по нему ни разу не встретилось ни единого упоминания и воспоминания, не говоря уже о каких-то подтверждающих документах.

Таким образом, для восстановления истины необходимо было самым серьезным образом обратить внимание на такой деликатный факт, как особенности погребения людей в усыпальницах православных церквей в дореволюционной России вообще и усыпальнице Раевских в частности.

Факт рождения и смерти человека остается зафиксированным в истории по-разному: например, в воспоминаниях родных и близких ему людей, освидетельствовании врача, проводившего лечение или же констатировавшего смерть, мемуарах биографов и историков своего времени и т. д. Однако единственным надежным и достоверным источником дооктябрьского периода, на который можно сослаться со стопроцентной уверенностью, по-прежнему остается запись в метрической церковной книге.

Запись о рождении и смерти человека всегда будет находиться в метрической книге той церкви, к приходу которой была записана семья человека, в чьей жизни и произошло одно из вышеназванных событий. Если человек происходил из крестьянского сословия, то это была почти всегда одна и та же церковь по месту жительства в селе или деревне, за исключением ограниченного числа дворовых людей, которые следовали за владельцем имения при его переездах в жизни с места на место. Если же он происходил из семьи владельца имения, то, как правило, это была одна из домовых или главных (по месту нахождения усадебного дома) церквей имения, за исключением случаев рождения и смерти в крупных городах и столицах империи. В процессе исследования многократно подтвердился следующий факт – священник никогда не ошибался с датой записи о рождении и крещении ребенка, которых в зависимости от прихода и статуса церкви могло быть от нескольких единичных до многих десятков в месяц. За детьми крестьян записывались дети мещан, дворян и наоборот. В метрической книге все были равны, процесс шел непрерывный, и графы заполнялись последовательно и аккуратно. Как правило, ребенка крестили почти сразу после рождения. Метрическая запись всегда осуществлялась по одной и той же установленной форме, и из нее всегда можно совершенно точно узнать, когда произошло фиксируемое событие, кто при этом присутствовал, кто был восприемником и т. д.

Метрические книги велись в двух экземплярах, из которых один оставался на хранении в архиве церкви, а второй сдавался в канцелярию духовного правления соответствующего уезда, из которого сшитые по благочинным округам и уездам подборки метрических тетрадей сдавались в архив губернской духовной консистории.

К сожалению, от первых экземпляров метрических книг, оставшихся на хранении в церкви, мало что осталось в истории, церковные архивы в подавляющем большинстве погибли в 20–30-х гг. прошлого столетия. А вот вторые экземпляры книг сохранились и ныне входят в отдельные фонды духовных консисторий бывших губерний, в основном находящиеся в архивах областных центров, совпадающих по своему административному назначению с бывшими губернскими городами и после изменения административного деления страны в советский период. Это что касается фиксации факта рождения или смерти вообще.

Нас же интересовала загадка неизвестных захоронений в склепе, поэтому нужны были документальные подтверждения именно факта смерти совершенно конкретных людей из семьи Раевских. Как оказалось, помимо метрических книг существует еще один источник документальной информации, который мог бы пролить свет на неизвестные захоронения в склепе. Это находящиеся в архивах дела о перемещении тел людей после их смерти, когда по завещанию умершего, желанию родных или же в зависимости от каких-то иных сложившихся обстоятельств требовалось совершить или перевоз умершего человека к месту захоронения, или его последующее перезахоронение. В этом случае требовалось обращение напрямую к губернатору, и только после его особого разрешения совершалось одно из двух действий.

Дела с прошениями относительно описываемых событий систематизированы по годам и находятся в фондах гражданских губернаторов. В описях они так и называются: дела о перемещении мертвых тел за такой-то год. Определенной формы в годовой отчетности нет, каждое дело индивидуально и в основном состоит из нескольких сшитых листков с оригиналом обращения к губернатору и ответом на него в виде разрешительного предписания местному руководству к выдаче родственникам на руки открытого листа на перевоз мертвого тела. Иногда, в зависимости от обстоятельств смерти, бывают дела более объемистые, с подробным описанием всей траурной процедуры, маршрута, конечной цели пути, решением консилиума врачей и т.д.

Кого искать в этих описях и фондах, определенное представление было. Например, по воспоминаниям старожилов села Разумовки, еще в 60-е годы XX в. была предпринята попытка идентифицировать неизвестные захоронения склепа усыпальницы семьи Раевских, для чего колхозные любители истории закрыли пустующие ниши листами жести, на которых краской написали: «Генерал-аншеф Раевский» и «Фрейлина Софья Николаевна Раевская». И если с еще одним генералом из рода Раевских местные краеведы погорячились, то вот с определением захоронения С.Н. Раевской не ошиблись. Однако и эти листы жести, не простояв и нескольких лет, исчезли со своих мест. Как бы там ни было, истину необходимо было восстанавливать, причем исторически достоверную и абсолютно выверенную.

Всего усыпальница Раевских насчитывает восемь захоронений, которые наглядно подтверждаются четырьмя мраморными памятниками на церковном погосте и четырьмя нишами склепа церкви.

Из них только Н.Н. Раевский-ст. умер в своем усадебном доме, и на его перемещение в пределах имения из Болтышки в Разумовку, расстояние между которыми

составляет четыре километра, не требовалось никакого разрешения, остальным оно было необходимо, так как они были перемещены в усыпальницу из самых разных мест: Сербии, имения Раевских Сунки, Царского Села, Красного Села, имения Гагариных Карачарово, имения Раевских Карасан, Севастополя. Таким образом, подтверждать захоронения необходимо было как путем нахождения записей в метрических книгах, так и обязательным поиском соответствующих дел в фондах перемещенных мертвых тел, если они, конечно, там сохранились. К этому необходимо было добавить обязательную проверку в архивах клировых ведомостей Еразмовской Крестовоздвиженской церкви за соответствующие годы и иных ведомостей, где также могло встретиться описание усыпальницы.

Как уже говорилось, все литературные публикации дают совершенно определенную картину о месте захоронения всех без исключения членов семьи Раевских, кроме двух: это полковник Азовского пехотного полка Николай Семенович Раевский (1741–1771), отец героя Отечественной войны 1812 г. Н.Н. Раевского-ст., «умерший в Яссах на 30-м году жизни от ран»¹⁵, и старший брат Н.Н. Раевского-ст. подполковник Нижегородского драгунского полка Александр Николаевич Раевский, погибший при штурме Измаила в 1790 г. в возрасте 21 года.

Таким образом, первая из исчезнувших чугунных плит должна принадлежать только кому-то из них, другого просто не дано. Забегая вперед, необходимо отметить, что в ходе архивной работы получены множественные, хотя и косвенные, подтверждения в пользу подполковника Александра Николаевича Раевского. При получении более достоверных сведений восстановленная чугунная плита склепа должна содержать следующую надпись: «Подполковник Нижегородского драгунского полка Александр Николаевич Раевский 1769–11.12.1790. Убит на стенах Измаила».

Вторая из исчезнувших чугунных плит теперь уже абсолютно точно подтверждает более ранние сведения о ее принадлежности младшей из дочерей Н.Н. Раевского-ст. Софье Николаевне Раевской. Это позволило 15 сентября 2004 г. в торжественной обстановке восстановить утраченную чугунную доску на камере с захоронением С.Н. Раевской, сделав на ней следующую надпись: «Фрейлина Софья Николаевна Раевская 17.11.1806–13.02.1881. Она была хранительницею устоев семьи»¹⁶. Дата смерти подтверждена найденными и уже упоминаемыми в этой статье архивными данными. Дата же рождения Софьи Николаевны для надписи была определена путем анализа основных опубликованных источников на эту тему: Модзалевский Б.Л. «Архив Раевских» и «Род Раевских герба Лебедь», Черейский Л.А. «Пушкин и его окружение» и др. И опять же, забегая вперед, надо отметить, что из всех биографов и историков именно Черейский оказался наиболее близок к истине.

И все было бы ничего, если бы не работа С.И. Афанасьева «Друзья мои...»¹⁷, где год рождения младшей из дочерей Н.Н. Раевского Софьи Николаевны Раевской определялся как 1805-й! А это означало, что ошибались практически все исследователи, генеалоги и биографы, относящие дату рождения Софьи Николаевны на 1806 г. Получается, ошиблись и мы, устанавливая чугунную доску на камере с захоронением С.Н. Раевской, ведь опубликованные Афанасьевым сведения получены из метрических книг!

Необходима была перепроверка, что и было сделано. Все оказалось абсолютно точным, а сама запись в метрической тетради выглядит следующим образом: «Раевская Софья Николаевна. Родилась 12 и крещена 21 июня 1805 г. в Исаакиевском соборе. Отец: генерал-майор и кавалер Николай Николаевич Раевский. Восприемники: коллежский советник Алексей Алексеевич Константинов; его дочь, девица Екатерина»¹⁸.

Более не было никакого смысла подвергать сомнению очень кропотливый труд С.Афанасьева, из которого просматривалась еще одна немаловажная деталь – метрические книги всех церквей Санкт-Петербурга за начало XIX в. проверены очень тщательно и ни о ком из сестер Раевских других выявленных сведений нет. Значит, они родились в других местах, надо все начинать сначала, причем теперь добавилась еще одна задача – окончательно разобраться с датами рождений всех младших дочерей Раевских.

В 2008 г. тихо и незаметно прошел столетний юбилей со дня выхода в свет первого тома «Архива Раевских», который охватывает переписку Раевских в основном за первую четверть XIX в. Огромный объем публикуемой и комментируемой информации не дал возможности редактору издания Борису Львовичу Модзалевскому дойти до мельчайших частных в своих комментариях к изданию. Поэтому для исследователей всегда будет оставаться пространство, на котором историческую информацию всегда можно скорректировать, уточнить и дополнить. Так получилось и в этот раз.

В многочисленных публикациях по жизнеописанию старшего поколения Раевских всегда обращает на себя внимание тот факт, что у авторов нет единодушия в отношении дат рождения младших сестер Раевских: Марии и Софьи, а если быть более точным, то в большей степени Марии, рождение которой, с оговорками, определяют 1805, 1806 и 1807 гг.

В поисках любых материалов по усыпальнице Раевских, в архивах как Украины, так и России, еще в 2004 г. был обнаружен документ, где рукой Михаила Сергеевича Волконского была сделана попытка систематизировать в виде таблицы даты рождения и смерти своих родственников по линии Раевских. В графе о рождении Марии Николаевны, своей матери, он написал: 1804 год¹⁹. Документ подлинный, но в силу сложившихся стереотипов, которые никогда не соотносили дату рождения Марии Николаевны на этот год, и эта запись, сделанная рукой сына, всегда подвергалась внутренним сомнениям – а не ошибка ли это?

Таким образом, для того чтобы окончательно установить истину, тщательной проверке пришлось подвергнуть первый том «Архива Раевских», а точнее – письма Н.Н. Раевского-ст. за 1800–1807 гг. на предмет упоминания в них сведений о рождении детей. В письмах к дяде А.Н. Самойлову за этот период Николай Николаевич не указывал конкретных дат рождения, однако почти всегда упоминал о состоянии жены во время очередной беременности, приближении родов или же о том, что они состоялись. Дата и место написания писем указывали на то, когда и где произошло или должно было произойти очередное радостное событие в семье Раевских.

В результате анализа писем были получены нужные сведения о рождении дочерей в 1803, 1805 и 1806 гг. В письме, датированном началом 1807 г.,

Николай Николаевич Раевский сообщает своему дядюшке о том, что у него уже «четыре дочери и два сына на руках», за которых он ответствен в этой жизни²⁰. А это означает, что ни о каком рождении еще одной дочери в 1807 г. уже не может быть и речи.

Определившись, таким образом, с датой рождения Софьи Николаевны (по Афанасьеву) в 1805 г., оставалось подтвердить рождение в 1806 г. Марии Николаевны Раевской. Письмо № 31 первого тома «Архива Раевских» указывает на рождение дочери в этом году в Каменке Чигиринского уезда Киевской губернии. Каменка была центром (по месту нахождения усадебного дома. – *Авт.*) родового имения Екатерины Николаевны Давыдовой, матери Н.Н. Раевского, и именно здесь во время длительной отставки из армии проживал Николай Николаевич со своим семейством. В Каменке было две православные церкви, оставалось найти и исследовать метрические книги каменных церквей за 1806 г., которые должны были находиться в 127-м фонде Киевской духовной консистории Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве.

Сомнений никаких не было – если и будет найдена запись, то никому, кроме, как тогда казалось, Марии Николаевны Раевской, будущей княгини Волконской, она принадлежать не может. Заказывались и просматривались метрики обеих церквей, но каково же было удивление, когда в огромной книге метрических тетрадей Чигиринского уезда за 1806 г., в записях именно Николаевской церкви местечка Каменка, открылись строки следующего содержания: «19 ноября 1806 года у генерал-майора Николая Николаевича Раевского дочь наречена Софія, которую воспринимала здешняя помещица генерал-майорша Катерина Николаевна Давыдова»²¹. Опять Софья! Тут уж действительно было от чего задуматься!

В семье одновременно двух Софий быть не может, значит, логично предположить, что Софья, рожденная в Санкт-Петербурге в 1805 г., в том же году и умерла. О ней, кстати, упоминает Б.Л. Модзалевский в своих комментариях к первому тому, без указания даты рождения младенца. Кроме того, найденная запись теперь уже окончательно уточняет дату рождения Софьи Николаевны Раевской-мл., меняя ее с 17 ноября (по Черейскому) на 19 ноября. Согласно этой же записи в метрической книге под порядковым номером 43, Софья Николаевна была крещена на следующий день, 20 ноября 1806 г. Так что чугунную доску на камере с захоронением Софьи Николаевны Раевской менять все равно придется. Менять на новую, с уточненной и окончательной датой рождения самой младшей из всех рожденных дочерей Раевских.

Поиск продолжался, и чтобы уже окончательно исключить все варианты и случайности, сначала была заказана метрическая книга этой же церкви за 1807 г., но, как и ожидалось, она никаких открытий и новых записей не принесла. Оставалась неисследованной метрическая тетрадь Николаевской церкви за 1804 год... Вот она-то и расставила окончательно все по своим местам.

В разделе о рождении детей за этот год под общим порядковым номером 31 была обнаружена запись, сделанная рукой священника Каменской Николаевской церкви Маковского, которая говорит о том, что 22 июля 1804 года «у Генерал-майора Николая Николаевича Раевского дочь наречена Марія,

которую воспринимала Генерал-майорша Екатерина Николаева дочь Давыдова»²². Крещена Мария Николаевна была через три дня, 25 июля 1804 г.

Таким образом, совершенно неожиданно развеялся давний исторический туман и была завершена почти 200-летняя неразбериха с датами рождения младших дочерей знаменитого семейства Раевских, предоставив исследователям возможность подтвердить или опровергнуть свои более ранние исследования и выводы, связанные с формированием образа Марии Николаевны Раевской, а также более точно аргументировать полемику вокруг взаимоотношений Марии Раевской и Александра Сергеевича Пушкина.

Более того, метрическая тетрадь Николаевской церкви за этот год принесла еще одно открытие – в сентябре, через полтора месяца после Марии Николаевны Волконской, в Каменке родилась еще одна Мария – дочь генерал-майора Андрея Михайловича Бороздина. Запись, сделанная рукой все того же священника Маковского, уже под порядковым номером 33, гласит: 5 сентября 1804 г. «у Генерал-майора Андрея Михайловича Бороздина дочь нареченна Мария, которую воспринимала Генерал-майорша Екатерина Николаева дочь Давыдова»²³. Крещена была Мария Андреевна через три дня, 8 сентября этого же года.

Две Марии – две судьбы, две удивительные судьбы на русском женском небосклоне...

Заключение

Научная работа над восстановлением историко-культурного наследия семьи Раевских продолжается, продолжается по многим направлениям, важнейшим из которых остается формирование основ историко-архитектурного заповедника семьи Раевских в с. Разумовка Александровского района Кировоградской области. Восстановлен внешний вид Крестовоздвиженской церкви – таким, каким ее хотел видеть генерал-майор Михаил Николаевич Раевский-внук.

Однако усыпальница по-прежнему таит в себе тайны и загадки, и продолжающийся путь по их раскрытию подарит нам еще немало открытий, одним из которых и является на сегодня конкретизированный образ Марии Николаевны Раевской.

22 июля 1820 г. во время знаменитого путешествия по Кавказу и Крыму семьи Раевских и Александра Сергеевича Пушкина на Кавказских Минеральных Водах отмечалась торжественная дата – 16-летие Марии Николаевны Раевской. «...молодая, стройная, более высокого, чем среднего, роста, брюнетка с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с немного вздернутым носом, с гордою походкою... дева Ганга...».

Поэту, которому самому едва исполнился 21 год, в этом путешествии открылась расцветающая прелестная орхидея: бутон свежести, нежности и очарования, рядом с которой он находился четыре счастливых месяца – с мая по сентябрь 1820 г. Ну не мог остаться равнодушным к этой юной красоте тот, кому само Провидение подарило удивительную организацию души – гениальную, неповторимую и любвеобильную.

Очень многие произведения Александра Сергеевича Пушкина, этого и более поздних периодов, проникнуты глубоким чувством утаенной, нежной и светлой любви, зарождение которой исследователи относят к эпохе его южной жизни, которая началась с достопамятного юношеского путешествия по Кавказу и Крыму²⁴.

Любое путешествие сближает людей, навсегда сблизило оно и Александра Сергеевича Пушкина с семьей Раевских, подарив истории невысказанное нетерпение юного сердца, а исследователям возможность доказать это нетерпение к Марии Николаевне Раевской. Версия о южной любви поэта получает теперь несомненное подкрепление, конкретизируя девичий образ во всем его очаровании.

В семейной переписке Раевских нет упоминания о том, каким образом отмечали дни рождений в кругу семьи. Нет ни одного упоминания в литературе и о том, каким образом это торжественное событие было отмечено 22 июля 1820 г. на Кавказе.

Что мог от себя лично подарить Александр Сергеевич имениннице в этот день? Может, эпилог к «Руслану и Людмиле», датированный как раз концом июля? А может, наброски к «Кавказскому пленнику», где уже были он и она?

Несомненно одно: в дальнейших исследованиях помимо версии о южной любви появляется еще один хороший шанс – посмотреть по-новому на эпизоды творчества великого русского поэта через новые обстоятельства его путешествия по Кавказу и Крыму.

Несомненно и другое: есть настоятельная необходимость еще раз вернуться к светлому образу Марии Николаевны Волконской, очистив и восстановив его во всей полноте высочайшей духовной организации, поразительный пример любви и самопожертвования которой еще не раз будет служить путеводной звездой будущим поколениям, в груди которых начинает просыпаться свое нетерпение сердца...

*И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе
Сибири хладная пустыня,
Последний звук твоих речей,
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

Приложение 1

Выдержки из писем Н.Н. Раевского-ст.

1. Письмо № 14. Н.Н. Раевский – графу А.Н. Самойлову, 7 августа 1803 г., Москва

«...Софья Алексеевна на днях ждет родить, слава Богу, здорова...»

Комментарий Модзалевского к письму внизу страницы: «В это время ожидалось появление на свет Елены Николаевны Раевской» (Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 23).

2. Письмо № 15. Н.Н. Раевский – графу А.Н. Самойлову, 24 августа 1803 г., Орел

«Трехнедельная болезнь жены моей не допустила меня выполнить намеренья моего ехать к Матушке в Польшу, срок родов ее будучи близок, я теперь из Орла возвращаюсь в свою деревню, не забудьте, Милостивой Государь дядюшка, что вы обещали сделать мне честь вашим посещением, если тогда жена моя уже родит, то я с вами поеду в Смелу...»

Комментарий Модзалевского к письму по поводу деревни: «Сельцо Екимовское, Каширского уезда, Тульской губернии» (Архив Раевских. Т. 1. С. 24).

3. Письмо № 16. Н.Н. Раевский – графу А.Н. Самойлову, 22 сентября 1803 г., с. Екимовское

«Софья Алексеевна после благополучных родов не могла еще избавиться своего нарыва на щеке, а я и дети, слава Богу, здоровы, – я все еще живу в деревне, и так писать мне к вам нечего, кроме принесения глубочайшего к вам почтения...»

Комментарий Модзалевского к письму: «Елена Николаевна Раевская, впоследствии фрейлина, родилась в конце августа 1803 г. († 4-го сентября 1852 г.)». А также перечислены имена ранее родившихся детей: Александр, Николай и Екатерина (Архив Раевских. Т. 1. С. 25).

В письмах Н.Н. Раевского графу А.Н. Самойлову, датированных 1804 г. (других писем за этот год никому более не было), а их всего пять: с 17-го по 21-й номер, ни слова не говорится ни о о предстоящем прибавлении в семье, ни о самочувствии жены Софьи Алексеевны, что сильно разнится по сравнению с предыдущими письмами за 1803 г., где было принято сообщать дядюшке, хотя бы вкратце, о делах семейных. Поэтому следующую выписку приводим из письма, открывающего 1805 г.

1. Письмо № 22. Н.Н. Раевский – графу А.Н. Самойлову, 10 июня 1805 г., С.-Петербург

«Вчерашний день поутру приехал я благополучно в Петербург, где Милостивой Государь дядюшка нашел своих здоровых, кроме Софьи Алексеевны, которая родила не совсем хорошо дочь, однако ж теперь оправляется...»

Комментарий Модзалевского к письму: «Родилась Софья Николаевна († 13 февраля 1881 г. в им. Сунки, Киевской губернии), впоследствии фрейлина» (Архив Раевских. Т. 1. С. 35).

Это письмо необходимо прокомментировать вслед за Модзалевским: действительно, родилась Софья Николаевна, но умершая не в 1881 г., а в том же 1805 г., во младенчестве.

2. Письмо № 31. Н.Н. Раевский и Е.Н. Давыдова – графу А.Н. Самойлову, 12 ноября 1806 г., Каменка

«Софья Алексеевна уже три дня как больна, в постели, нынче немного есть полегче... желаю, чтоб вы возвратились здоровы и нашли б Софью Алексеевну мою разрешившуюся, вы не можете вообразить, сколько она меня беспокоит и связывает».

Комментарий Модзалевского к письму: «В это время ожидалось рождение Марии Николаевны Раевской (род. 1 апреля 1807 † 10 августа 1863), впоследствии (с 1825 г.) жены князя Сергея Григорьевича Волконского (р. 1788 † 1865)» (Архив Раевских. Т. 1. С. 43).

Учитывая, что Борису Львовичу предстоял громадный труд по редакции и комментариям ко всему «Архиву Раевских», ему было не до вникания в мелочи, такие, например, как ожидание рождения ребенка при трехмесячном сроке беременности: письмо написано в ноябре, а в комментарии сказано, что Мария Николаевна родилась в апреле 1807 г. И вообще непонятно, откуда взялась эта дата – апрель 1807 г!

3. Письмо № 41. Н.Н. Раевский – графу А.Н. Самойлову, 10 января 1807 г., Смела

«Опасная болезнь Софьи Алексеевны удерживает меня здесь, и с сердцем и с долгом моим сходно, чтобы бросить все дела другие и иметь о ней попечение, она не только что одна, но и женщины не имеет порядочной, словом, я у нее все, вы можете судить о моем положении; у меня четыре дочери, два сына на руках...»

Комментарий Модзалевского к письму по поводу детей: «Екатерина, Елена, Софья, Мария, Александр и Николай Николаевичи Раевские». Это уже противоречит его же более раннему комментарию, где он называет дату рождения Марии как 1 апреля 1807 г. Эта неразбериха позднее перешла во все более поздние источники, заставляя исследователей или вообще опускать даты рождений, или упоминать, но с оговорками, справедливо порой замечая: каким образом А.С. Пушкин мог чувственно любить 13-летнюю девочку, которая, в сущности, должна была быть еще ребенком? (Архив Раевских. Т. 1. С. 54).

Приложение 2

**Сравнительная таблица дат рождения
и смерти младших сестер Раевских²⁵**

Раевские	Б.Модзалевский	Л.Черейский	Метрические книги
Мария Николаевна	1805(?) – 10.8.1863 (с. 73)	25.12.1805 или 1807 – 10.8.1863 (с. 338)	22.7.1804 – 10.8.1863
Софья Николаевна	1806 (26.5.1807?) – 13.2.1881 (с. 73)	17.11.1806 – 13.02.1881 (с. 338)	19.11.1806 – 13.02.1881

Приложение 3

Выписки из метрических книг

Тетрадь Киевской Епархии Чигиринской Протопопии местечка Каменка церкви Святониколаевской священника Петра Маковского с причетниками записана о приходных той церкви людях на три части, кто именно, когда родились и крестились, браками венчались и померли в каком обоего пола лета, и с означением всех обстоятельств Духовного регламента в 29-м пункте, именно значащихся в силу указа Духовной Дикастерии прошлого 798-го года августа 13-го состоявшегося из Чигиринского Духовного Правления. Дана 1804 года декабря²⁶

№	Рождение	Креще- ние	Часть первая о родившихся
30	5	6	В июле У Иоанна Ниживенка дочь наречена Анна и которую восприймала здешнего жителя Федора Гуренка жена Мария Федорова дочь.
31	22	25	У Генерал-майора Николая Николаевича Раевского дочь наречена Мария, которую восприймала Генерал-майорша Екатерина Николаева дочь Давыдова.
32	25	26	У Стефана Харченка дочь наречена Анна, которую восприймала здешнего жителя Иоанна Нужненка жена Ульяна Федоровна.
33	Л (скорее все- го, заглавная буква старо- славянского слова ПЯТЬ. – Авт.)	8	В сентябре У Генерал-майора Андрея Михайловича Борозди- на дочь нареченна Мария, которую восприймала Генерал-майорша Екатерина Николаева дочь Давы- дова.

Тетрадь Киевской Епархии Чигиринской Протопопии местечка Каменка церкви Святониколаевской священника Петра Маковского с причетниками записана о приходных той церкви людях на три части, кто именно, когда родились и крестились, браками венчались и померли в каком обоего пола лета, и с означением всех обстоятельств Духовного регламента в 29-м пункте, именно значащихся в силу указа Духовной Дикастерии прошлого 798-го года августа 13-го состоявшегося из Чигиринского Духовного Правления. Дана 1806 года декабря²⁷

№	Рождение	Крещение	Часть первая о родившихся
2	12	13	В январе (генваре) У правителя премьер-майора Ивана Есповича Беклемешова сын нареченный Михаилом, которого восприимал Генерал-майор Николай Николаевич Раевский.
42	13	16	В ноябре У дворового портного Василия Александровича сын нареченный Иоанн, которого восприимал Генерал Андрея Михайловича Бороздина сын Лев.
43	19	20	У Генерал-майора Николая Николаевича Раевского дочь наречена Софія, которую восприимала здешняя помещица Генерал-майорша Катерина Николаевна Давыдова.
44	23	24	У дворового столяра Иоанна Трофимова дочь наречена Екатерина, которую восприимала здешнего дворового Лаврентия Антоновича жена Евдокія Александровна.

Метрическая книга Еразмовской Богословской церкви за 1829 г.²⁸

№		Кто именно померлый	Лета		Как о б о л е з - нию	Кем исповедован и причащен	Где погребен	
Мужеска	Женска		Мужеска	Женска				
8		16	Здешний владелец Генерал от Кавалерии, Николай Николаевич Раевский. С покаянием умре. Погребал в селе Еразмовке Благочинный Протоиерей Баккановский с прочим Священством ²⁹		62 ³⁰	Обыкновенною	И о а н н Баккановский	На особом месте

Примечания

¹ Давыдов Д. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал. М., 1832. С. 3.

² Центральный государственный исторический архив Украины (далее ЦГИАУ). Ф. 127. Оп. 580. Д. 67. «Дело о постройке Крестовоздвиженской церкви». Л. 1.

³ Давыдов Д. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского... С. 14.

⁴ ЦГИАУ. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 1630. Л. 270 (см. приложение 3).

⁵ Там же. Оп. 580. Д. 67. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ «Церковь во имя Евангелиста Иоанна Богослова, первоначально построена деревянная в 1796 году. Она и ныне существует в ветхом состоянии (т. е. 1861 год – год подготовки сказаний к изданию. – Авт.). Но 1833 года 3-го мая заложена, на месте погребения генерала Николая Николаевича Раевского, новая каменная церковь во имя Воздвижения честного креста, в коей погребены и другие лица из владельческой фамилии. Она окончена только в 1855 году» (Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Белая Церковь, 2005. С. 548).

Несмотря на то что по реестру церковей Киевской духовной консистории в Еразмовке с 1855 г. числилась Крестовоздвиженская церковь и никакой более, на самом деле в селе вплоть до 1883 г. существовали две церкви: старая, деревянная Богословская, в которой проходили все службы для прихожан, и новая каменная Крестовоздвиженская, которая была усыпальницей героя Отечественной войны 1812 г. Н.Н. Раевского и была закрыта для массовых посещений, за исключением служителей церкви, в обязанности которых входило проведение обязательных служб, и членов семьи Раевских;

⁸ ЦГИАУ. Ф. 127. Оп. 855. Д. 75. Л. 5.

⁹ Борис Львович Модзалевский, взявший на себя ответственность за редактирование «Архива Раевских», выводит следующие хронологические рамки жизни Елены Николаевны Раевской: «родилась 29 августа (?) 1804 года; с 14 октября 1816 года фрейлина, умерла девицей 4 сентября 1852 года (48 лет 7 дней) в Риме и погребена на кладбище во Фраскати; помещица Ориентибаумского (дер. Шишкино, Ломоносово и др.) уезда. (Модзалевский Б.Л. Род Раевских герба Лебедь, СПб., 1908. С. 72). В то же время советский исследователь Н.Прохогин, изучивший в соборе Сан-Пьетро сохранившиеся записи о Елене Раевской, вполне обоснованно

ванно подвергает сомнению общепринятые даты рождения и смерти второй дочери Н.Н. Раевского: «Одна из дочерей Раевских, Елена, похоронена в кафедральном соборе Сан-Пьетро Апостола во Фраскати – живописнейшем городке в окрестностях Рима. Полагают, что это ей могло быть посвящено стихотворение, написанное поэтом во время его совместной поездки с семьей генерала Раевского в Крым в 1820 году:

Увы, зачем она блистает

Минутной, нежной красотой?

Она приметно увядает

Во цвете юности живой...

Отличавшаяся болезненностью Елена Раевская намного пережила поэта. На первой слева колонне внутри собора установлена мраморная доска. Вставленный в нее образок не был найден после воздушной бомбардировки, которой подвергся Фраскати во время Второй мировой войны, и заменен теперь приблизительной копией, как заменена стеклышком и одна из долек синего камня, образующих по краям его крест. Почему, однако, Елена Раевская похоронена в церкви? Этот вопрос не возникает в отношении ни З.А. Волконской, ни О.А. Кипренского, поскольку известно, что оба они в свое время перешли в католичество. Кипренский, возможно, для того, чтобы оформить свой брак с итальянкой. Зинаида Волконская впала под конец жизни в мистицизм и, как видно из ее записок, выдержки из которых опубликованы в вышедшей несколько лет назад в Риме и посвященной ее жизни книге, мечтала обратиться в католичество даже императора Николая I, а следовательно, вместе с ним и его подданных!

Настоятель собора Дон Джованни Буско, к которому я обратился с вопросом, сказал, что, по его мнению, Елена Раевская была полькой. Мой рассказ о Раевских и их дружбе с Пушкиным заинтересовал его. Проведя меня в маленькую комнатку, служащую архивом, приведенным им недавно в порядок, он достал с полки старую книгу церковных записей. В ней значилось, что «Елена Раевская – дочь Николая, покойного российского полковника», хотя и родилась в «греческом расколе», «примирилась» с римско-католической церковью. В стиле же латинской эпитафии на установленной в соборе доске, как мне кажется, угадывается рука Зинаиды Волконской, которая через семью мужа состояла в родстве с Раевскими. Сестра Елены, декабристка Мария Николаевна Волконская, и Зинаида Александровна Волконская были замужем за родными братьями.

Подробное описание «примирения» Елены Раевской с католической церковью завершается в книге записей данными, которые ставят под вопрос принятую в нашей литературе дату ее смерти 4/16 сентября 1852 г. (В XIX веке юлианский календарь разнился с григорианским на 12 дней.) В «Liber mortuorum ab an 1843 ab an 1866» на оборотной стороне листа 69 в записи под № 73, сделанной «в год господен 1852 в день 12 сентября», говорится, что она, «поддержанная в агонии присутствием священника, отдала душу Богу в день 10 текущего месяца в час седьмой ночи. Ее тело в 24 3/4 часа в день 11 было перенесено в кафедральную и приходскую церковь и сегодня после заупокойной службы и мессы было погребено в этом святом месте». Отсчет часов ведется по старой итальянской системе от захода солнца.

Итак, смерть наступила 10, а не 16 сентября. Откуда же могла произойти ошибка? На доске в церкви написано: «OBIT IV IDVS SEPT MDCCLII». Не принял ли кто-то латинское «IDVS» – «иды» за слово «день», переведя фразу как «скончалась в день 4 сентября 1852 года», в то время как она означает «скончалась за 4 дня до сентябрьских ид 1852 года», что и соответствует 10 сентября по новому стилю.

Ошибка, на этот раз, быть может, на доске, допущена и в отношении дня рождения Елены Раевской. По литературе она приходится по старому стилю на 29 августа 1803 года. Священник, делая запись в книге, этой даты не знал и написал, что ей было «около 50 лет». На установленной же позже в церкви доске написано, что «она прожила 48 лет и 7 дней». Не совпадают с принятыми не только число и месяц, но и год рождения» (*Прожогин Н. Бродя в краю чужом // Нева. 1978. № 6. С. 185–186*).

¹⁰ ЦГИАУ. Ф. 127. Оп. 580. Д. 67. Л. 10.

¹¹ Архив Раевских. СПб., 1915. Т. 5. С. 695. Прототипу графа Вронского в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Николаю Николаевичу Раевскому-внуку, его необычайно яркой жизни, деятельности и службе во многом посвящен пятый том «Архива Раевских», а также научно-популярный очерк А.Л. Шемякина «Смерть графа Вронского» (СПб., 2007).

¹² Государственный архив Киевской области (ГАКО в г. Киеве). Ф. 2. Оп. 17. Д. 59. Л. 33.

¹³ «Архив Раевских» был издан пятитомным изданием в период с 1908 по 1915 г. Шестой, неизданный том, вообравший в себя переписку Раевских за 1877 г. (в основном Михаила Николаевича Раевского), так и остался незавершенной работой Бориса Львовича Модзалевского, остановившейся в апреле 1918 г. вследствие революции. Корректурa тома сдана в библиотеку Пушкинского Дома 18 ноября 1926 г.

¹⁴ Благодаря Василию Никитовичу Дюмину (1905–1999) усыпальница семьи Раевских была впервые взята под охрану государства. В 1967 г., уже будучи на пенсии, киевлянин, член Украинского общества охраны памятников истории и культуры, архитектор по образованию, историк в душе и краевед по призванию, В.Н. Дюмин решил по собственной инициативе объехать места, связанные с декабристским движением на Украине, выявить и изучить исторические постройки, сохранившиеся с достопамятной эпохи. В июле 1967 г. он впервые побывал в Каменке, где первым делом посетил музей А.С. Пушкина и П.И. Чайковского и ознакомился с его экспонатами. Во время беседы с директором музея Марией Антоновной Шкалибердой был приятно удивлен тем, что совсем недалеко, в селе Разумовка Александровского района Кировоградской области, находится усыпальница героя Отечественной войны 1812 г., знаменитого Николая Николаевича Раевского.

На следующий день Василий Никитович сумел побывать и в Разумовке, где сама судьба свела его с бывшим директором Разумовской начальной восьмилетней школы Павлом Федоровичем Галинским, который, вызвавшись в провозачье, впервые и познакомил В.Дюмина с усыпальницей и как мог рассказал ее историю. Крестовоздвиженская церковь уже была без куполов, и ремонтные работы по превращению усыпальницы в музей были в полном разгаре.

При первом же осмотре сооружения его как специалиста сразу удивили классические формы здания и две колонны дорического ордера, оформляющие портал главного входа в церковь-музей. Решив проверить материал, из которого изготовлены покрашенные коричневой краской колонны, Василий Никитович достал перочинный нож и простучал им стенки колонн портала. Они отозвались глухим металлическим звуком, что могло означало только одно – тонкое художественное литье из чугуна. Даже беглый осмотр сооружения, в ходе которого обнаружили и другие замурованные в кирпич колонны, дал повод В.Н.Дюмину предположить, что это совсем не рядовая постройка, а очень редкий и уникальный памятник истории и архитектуры. Свои наблюдения и предварительное описание церкви с наброском плана-схемы сохранившейся части церкви В.Н.Дюмин в начале сентября 1967 г. представил во вновь созданное Украинское общество охраны памятников истории и культуры и отдел памятников архитектуры Госстроя УССР. После проведения дополнительных исследований постановлением Совета Министров УССР от 6 сентября 1979 г. № 442 категория охраны республиканская, охранный номер 1201, усыпальница героя Отечественной войны 1812 г. Н.Н. Раевского была взята под охрану государства. Правда, это практически никак не отразилось на дальнейшей судьбе усыпальницы, однако теперь без получения соответствующего разрешения колхоз «Червоный прапор» уже не мог на свое усмотрение определять ее судьбу.

¹⁵ Модзалевский Б.Л. Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908. С. 41.

¹⁶ Эпитафия Софье Николаевне Раевской полностью соответствует образу жизни младшей из дочерей Раевских, неоднократно подтвердившей на деле высочайший уровень воспитания и нравственных устоев, привитых ей еще в детстве. Вся ее последующая жизнь была своего рода семейным служением, и эта ответственность еще больше поддерживала ее «несокрушимые нравственные устои и желание при всех обстоятельствах защищать честь и интересы семьи» (Забабурова Н. «Все его дочери – прелесть» // URL: <http://www.relga.sfedu.ru/n33/cult33.htm>).

В 1867 г. Софья Николаевна Раевская пишет племянникам, Николаю и Михаилу Раевским, характерное нравоучительное письмо: «*Ваше несчастье, что Ваша мать (А.М. Раевская, урожд. кн. Бороздина. – Авт.) богата. Если бы Ваше состояние было бы скромнее, вы серьезнее бы отнеслись к жизни, Вы бы старались отличаться чем-нибудь другим, чем Ваши лошади, бриллианты, мундиры. Ваш отец и дядя были очень отличены своим умом, редкой интеллигентностью, которую они приобрели чтением и своей дружбой с умственными людьми, которых они искали. Вы, мои дорогие племянники, чем Вы отличитесь от толпы обыкновенных людей? Наша семья в прошлом отличалась интеллектуальностью, о которой вы не имеете понятия, и сравнение с теперешним поколением убийственно.*»

Несмотря на столь суровые строки к своим племянникам, которые как раз своей жизнью и бескорыстным служением Отечеству доказали все те же несокрушимые нравственные устои семьи Раевских, и то, что тетушка ошибалась по отношению к ним, она была по-настоящему добра, и ей удавалось всегда оставаться своеобразным центром семейного притяжения. «Я, Раевская сердцем и умом, наш семейный круг состоял из людей самого высокого умственного развития, и ежедневное соприкосновение с ними не прошло для меня бесследно». Все без исключения молодые Раевские, Орловы и Яшвиль искренне ее любили.

¹⁷ Афанасьев С.И. «Друзья мои...» (Новые биографические сведения о лицах Пушкинского окружения из метрических книг Петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Историко-филологическое отделение. Пушкин. комис. СПб., 2004. Вып. 29. С. 152–169.

¹⁸ РГИА. Ф. 19. Оп. 111. Д. 139. Л. 43.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 2. Л. 7. «Генеалогическая схема князей Волконских и родственных им фамилий», без даты. Удивительно, но в графе с обозначением числа и месяца рождения М.Н. Волконской стоит 24 декабря – очередная и совсем непонятная ошибка...

²⁰ Архив Раевских. Т. 1. С. 54.

²¹ ЦГИАУ. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 1277. Л. 199 об.

²² Там же. Д. 1225. Л. 148 об.

²³ Там же.

²⁴ 4 октября 2005 г., во время торжественных мероприятий, посвященных 150-летию освящения Крестовоздвиженской церкви в селе Разумовка Александровского района Кировоградской области, послом России в Украине В.С. Черномырдиным и прямыми потомками героя Отечественной войны 1812 г. Ириной Михайловной Раевской и ее дочерью Юлей Раевской, прибывшими на торжества из Франции, на месте бывшего хутора братьев Бондаревых Ставдлянская Лука (в 2 км от Разумовки) был открыт памятный знак, посвященный 185-й годовщине окончания совместного путешествия семьи Раевских и А.С. Пушкина по Кавказу и Крыму.

²⁵ Модзалевский Б.Л. Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

²⁶ ЦГИАУ. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 1225. Л. 148 об. Документ отработан в архиве 22 февраля 2008 г. До этого года метрическая книга исследователями была ни разу не востребована, о чем свидетельствует обязательный к заполнению вкладыш к делу.

²⁷ Там же. Д. 1277. Л. 197, 199 об.

²⁸ Там же. Д. 163. Л. 270. Книга очень старая, больших размеров (толщина), вся изъедена жучками, в кожаном, хорошо сохранившемся переплете, на котором отчетливо виден оттиск: «Метрические тетради Чигиринского уезда за 1829 год». Все тетради сшиты сначала по благочинным округам, а уже затем по уездам. В этой же метрической книге сразу за Еразмовской Богословской идут записи по Болтышской Покровской церкви за 1829 г. Там о Н.Н. Раевском не сказано ничего. Метрическая книга просмотрена 23 июня 2004 г. Просмотрена впервые.

²⁹ Запись сделана на листе синего цвета, на котором выцветшие чернила стали коричневыми. Единой, типографской формы не существовало, метрическая таблица разграничена от руки, причем записи друг от друга никак не отделены и сделаны трудночитаемым почерком. Данные о Н.Н. Раевском никак не выделены. Запись выше (под № 7) гласит о том, что умер господский человек Кирилл. Запись ниже – умерла девочка 1 года от роду. У всех (кроме Н.Н. Раевского) местом погребения указано общее приходское кладбище за селом.

³⁰ Очередная ошибка. Н.Н. Раевскому на момент смерти было 58 полных лет.

Т.С. Комарова

«Сибирские» дети декабристов (из неопубликованного)

По-разному складывались судьбы взрослых детей декабристов, рожденных в Сибири. Сведения о многих крайне скудны, иногда не совсем достоверны или отсутствуют вовсе. Тем любопытнее сохранившиеся сведения о связях детей декабристов между собой как для подтверждения их духовного родства, заложенного с детства декабристским окружением, так и для выяснения дальнейших судеб их отцов и матерей. В семейных фондах «государственных преступников» сохранились письма потомков, но многие не попадали в публикации, хотя свидетельствуют о многом: об искренней привязанности друг к другу, многолетней дружбе, глубоком уважении к своим родителям. Переписка детей С.Г. Волконского, В.Л. Давыдова – пример тому.

Остановимся на переписке Льва и Алексея Давыдовых с Михаилом Волконским. Михаил Сергеевич Волконский не разделял убеждений отца-декабриста, сумел сделать блестящую служебную карьеру. Однако пример родителей, поддерживавших друг друга на протяжении всех лет каторги и ссылки, был воспринят и продолжен новым поколением, выросшим в их среде. Взаимоотношениям детей декабристов и даже сохранению привязанности не мешали ни разность взглядов, ни различия в имущественном и общественном положении. И три приведенных письма – лишь немногие из ряда других свидетельств об этом.

Лев Васильевич Давыдов родился в Петровском Заводе 4 апреля 1837 г., став четвертым «каторжным» ребенком в семье. Из всех сыновей декабриста судьба отвела ему много счастливых лет и больше, чем кому-либо, лиха. В 1849 г. мальчик, по отзывам отца – «очень добрый ребенок», был принят в 1-й Московский кадетский корпус под фамилией Васильев, откуда был выпущен офицером в лейб-гвардии Семеновский полк с чином прапорщика. Высочайшим указом от 26 августа 1856 г. Льву были возвращены права потомственного дворянства (так в тексте. – *Т.К.*) и фамилия отца.

В 1860 г. Лев Давыдов ушел в отставку с чином подпоручика. 6 ноября этого же года он «вступил в первый законный брак с дочерью директора Технологического института, горного инженера генерал-майора Ильи Петровича Чайковского, девицей Александрой Ильиной». По просьбе братьев Петра и Николая Лев принял должность управляющего в Каменке, привел имение в образцовое состояние и приобрел репутацию хорошего агронома. В 1870 г. братья, в качестве вознаграждения, подарили Льву Васильевичу 50 тысяч рублей; присовокупив к этой сумме 20 тысяч из образованного для сибирских детей капитала, Л.В. Давыдов купил имение Вербовка в 12 километрах от Каменки, которое тоже сумел превратить в доходное хозяйство.

Лев Васильевич очень любил свою большую дружную семью. В 1878–1885 гг. каждое лето в доме любимой сестры и любимого зятя гостил Петр Ильич Чайковский, для которого были созданы особые условия. Композитор боготворил своих племянников, находя, что отдых среди них благотворно

сказывается на его творчестве. Так было до тех пор, пока не обострилась каменная болезнь печени Александры Ильиничны. П.И. Чайковский перестал ездить в Вербовку, не в силах видеть страдания сестры. Спасение от болей было только одно – морфин, постепенно женщина превращалась в наркоманку, осознавая это и страдая от того, что происходит с ней. В 1891 г., не вынеся очередного приступа, А.И. Давыдова скончалась. Она упокоилась в Александро-Невской лавре в Петербурге в одной могиле с дочерью Татьяной, скоропостижно скончавшейся на балу. Рано уйдет из жизни вторая дочь Вера, болевшая туберкулезом, оставив малолетних детей. Покончит жизнь самоубийством сын Владимир, любимый племянник П.И. Чайковского, посвятившего ему «Детский альбом»¹.

Выросшие дети уходили из дому, налаживая свою жизнь. В 1893 г. Лев Васильевич вторично женился на двоюродной племяннице покойной жены Екатерине Николаевне Ольховской. В публикуемом ниже письме к М.С.Волконскому Л.В. Давыдов объясняет причину повторного брака².

Июля 30, 1893 г.

Дорогой Михаил Сергеевич.

Ужасно тронут твоим вниманием. Твое милое письмо было прочитано с большим интересом матушкой (вдова декабриста Александра Ивановна Давыдова. – Т.К.) и сестрами, которые все шлют тебе душевный привет. Мама даже повеселела: ей так приятно было получить отзыв от близкого человека, соединенного вдобавок в ее воспоминаниях с Сибирью. Это уже большая теперь редкость для нее, а ведь лучшие годы ее жизни прожиты в Сибири.

Со мной теперь два сына, и жду старшего с женой (Дмитрий, Владимир и Юрий. – Т.К.). И это для меня праздник; зимой оставался совершенно один, что для меня, привыкшего к большой семье, было невыносимо и привело меня к решению жениться. Дети все взрослые, и нельзя от них требовать, чтоб нянчились с стариком, при том у каждого свои обязанности. Еще раз благодарю тебя и от души обнимаю.

*Сердечно преданный
Л. Давыдов.*

Другое письмо Л.В. Давыдова касается просьбы рассмотреть обращение его родственника по жене И.И. Чайковского, поступившее на имя М.С. Волконского. Очевидно, Ипполит Ильич, будучи попечителем мореходных классов, готовящих моряков для торгового флота, просил заступничества в деле, связанном с устройством и деятельностью учебного парусного флота. Ответ М.С. Волконского не сохранился, но на верхнем поле листа письма Л.В. Давыдова его характерным почерком проставлено «сделано». Какого-то рода протекция И.И. Чайковскому была оказана³.

2 июля 1893. Каменка

Дорогой Михаил Сергеевич.

Обращаюсь к тебе с просьбой такого рода: тебе писал частное письмо брат покойной жены моей Ипполит Ильич Чайковский, и я прошу обратить внимание на его письмо и поверить ему. И.И. Чайковский честнейший человек, послуживший бескорыстно не одному доброму делу. Будучи попечителем [кажется] мореходных классов, он, как старый моряк, горячо принимал к сердцу воспитание юношей для нашего торгового флота и, проделав большие затруднения, выстроил учебное парусное судно. Заслуги его по этому делу заслуживают внимания, тем более что он ничего лично для себя не желает, не об себе хлопочет.

Прости, что беспокою, но если мое заступничество может иметь какую-нибудь цену, считаю долгом заступиться за этого честного и хорошего человека.

Все мы здоровы, и все стараемся. Матушка последнее время заметно стала слабеть, но голова ее до сих пор свежая, несмотря на то, что ей минуло 90 лет.

Прими искренние пожелания здоровья и счастья всей твоей семье.

Душевно преданный и любящий тебя

Лев Давыдов.

В том же фонде сохранилось письмо другого сына В.Л. Давыдова, Алексея. Это был последний ребенок в многочисленной семье декабриста, на которого далеко немолодой отец не мог наглядеться, предчувствуя, что не успеет вырастить «последыша». «Обожаемый Алеша», «настоящий ангельчик», «ангелочек, хорошенький, милый, ласковый, с мордашкой, полной ума и плутовства» – не скупился на похвалы Василий Львович, описывая дочерям в письмах шалости сына. На склоне лет отца ребенок стал его радостью и настоящим утешением: «Алеша мой час от часу становится милее и утешает нас».

Единственный из сыновей декабриста, он не был отдан в кадетский корпус после принятия предложения правительства о помещении детей «государственных преступников» в казенные учебные заведения. В 1862 г. мальчик был отдан в лицей. В 1856 г. Алексея Давыдова восстановили в правах дворянских, но не в имущественных. Старшие братья образовали капитал и обеспечили своих братьев и сестер, лишенных наследства, дав каждому по 20 тысяч. Несколько лет Алексей Васильевич служил чиновником в Волынской губернии, состоял членом Киевской судебной палаты. Его четверых детей помогала воспитывать незамужняя сестра А.В. Давыдова⁴.

Его письмо к М.С. Волконскому, как и приведенное выше второе письмо Л.В. Давыдова, говорят о высоких нравственных качествах братьев⁵.

20 ноября [18]92. Орел

Дорогой Михаил Сергеевич.

Третьего дня скончался в Орле городской судья Рафаил Измайлович Дудкин, который некогда был мировым судьей в Борисоглебске и в судьбе которого принимали участие, как я слышал, ты ли сам или Сергей Михайлович (сын М.С.Волконского. – Т.К.); семья Дудкина, всего несколько месяцев как переселившаяся в Орел, осталась в самом ужасном положении: в день смерти Дудкина в доме не было ни копейки; на похороны мы, чины судебного ведомства, сделали складчину; но дальнейшая судьба брошенной в чужой город семьи самая тяжкая; а потому я и решился написать тебе об этом, уверенный, что если кто-либо из вас знает и принимает участие в лишившейся своего кормильца семье, то, конечно, в той или иной форме придет ей на помощь. Детей осталось, кажется, пятеро, младшему несколько месяцев.

Обнимаю тебя и прошу передать мой сердечный поклон всей семье.

А. Давыдов.

Сохранилось весьма любопытное письмо Веры Васильевны Давыдовой, касающееся ее замужества. «Верочка превращается в маленькое чудо» – так писал отец о самой младшей дочери, которая родилась в Красноярске в 1843 г. Крестил ребенка декабрист М.М.Спиридов⁶. С детства девочка проявила большие способности в музыке и рисовании. С возрастом Вера Давыдова превратилась в очень красивую, с необыкновенным цветом лица, девушку. Ею увлекался П.И.Чайковский, и одно время в Каменке вынашивалась надежда соединения пары. Взаимное увлечение длилось около трех лет. В 1866–1868 гг. композитор отдыхал вместе с семьей Давыдовых на дачах под Петербургом, в Финляндии, на побережье Балтийского моря в Гапсале (Эстония). Здесь Петр Ильич написал три пьесы для фортепьяно «Воспоминания о Гапсале», которые посвятил Вере. Но страсть Чайковского была охлаждена увлечением девушки высшим светом и его аристократическими салонами. Тем не менее до конца жизни композитор и Вера Васильевна поддерживали родственные и дружеские отношения.

В.В.Давыдова вышла замуж за Ивана Ивановича Бутакова, офицера военного фрегата «Паллада», путешествие которого в Японию описал И.А.Гончаров в очерках «Фрегат «Паллада». С 1854 г. И.И. Бутаков – командир этого фрегата, в 1868 г. произведен в контр-адмиралы. Это был человек с прекрасным, мягким характером, веселым нравом, которого любили экипажи кораблей. Замужество открыло перед Верой салоны высшего света и двора. От этого брака родилось трое сыновей, кроме того, двоих сыновей Бутакова от гречанки молодая жена усыновила (как указывается в семейной хронике. – Т.К.). Почти все сыновья стали моряками. После 1917 г. семья эмигрировала. Вера Васильевна скончалась в 1922 г. в Египте, куда выехала для лечения. Один из ее сыновей погиб во Вторую мировую войну, один из внуков вступил во Французское сопротивление и погиб в 1945 г.⁷

Публикуемое ниже письмо относится к счастливому времени в жизни В.В.Давыдовой: предстоящему замужеству. Адресовано письмо Вере Серге-

евне Трубецкой (урожд. княгине Оболенской), жене Ивана Сергеевича Трубецкого, сына декабриста⁸.

2 апреля [до 1874]. Москва

Милая, дорогая Вера.

Вы очень удивитесь появлению у Вас моей туфли. У меня голова идет кругом. Приступаю к объяснениям. Т. к. я выхожу замуж за Бутакова и уезжаю с ним 23 апреля сейчас же после свадьбы в Афины, то мне понадобилась пропасть вещей. Ольги Бороздиной (дочь Л.А.Бороздина, племянника В.Л.Давыдова. – Т.К.) не было в городе. Маша Евреинова не шевелится, я и решила обратиться к Вам с просьбой купить мне туфли, ботинки и прочее. Но вчера узнала, что Ольга вернулась, и потому избавляю Вас от хлопот и прошу только доставить мою туфлю к Бороздиным в дом [Фохтса] у Харламова моста. На будущей неделе Бутаков едет в Пб. И я попрошу его зайти к Вам. Мне очень хочется, чтобы Вы видели, какой хороший морской зверек очаровал всю семью Давыдовых. Настеньке Голициной (родственница Трубецких. – Т.К.) буду писать на днях. Крепко целую и обнимаю Вас, дорогая моя. Ив Серг. дружески жму руку.

Любящ. Вас Вера Дав.

В Государственном архиве Красноярского края во время просмотра фонда золотопромышленников Базилевских автором были обнаружены весьма любопытные сведения, имеющие отношение к семье декабриста С.П. Трубецкого. Но вначале небольшое отступление. 19 января 1852 г. в Иркутске состоялась свадьба Петра Васильевича Давыдова и Елизаветы Сергеевны Трубецкой. Неожиданный, быстро свершившийся брак сына и дочери двух декабристов порадовал обе семьи. 11 февраля 1852 г. Екатерина Ивановна Трубецкая писала Александре Ивановне Давыдовой в Красноярск: «Не могу Вам сказать, как я Вам благодарна за нежные, можно сказать, истинно родительские чувства Ваши к моей Лизаньке. ...И желала Бога благодарить за то, что Лиза ступила в ваше семейство; об этом и муж мой, и я <одно слово нрзб.> не можем ожидать для других наших дочерей». Екатерина Ивановна искренне высказала сожаление, что вряд ли следует ожидать для двух других дочерей подобных партий⁹.

Известно, что другая дочь Трубецких, Александра, не сразу приняла предложение руки кяхтинского градоначальника Н.Р. Ребиндера. В 1853 г. семья декабриста навестила молодых в Кяхте. И.Ф. Буттоц, поверенный золотопромышленников Базилевских на забайкальских приисках, оставил любопытные записи о зяте С.П.Трубецкого этого времени: «У него (Ребиндера. – Т.К.) странный характер. Премилое семейство Трубецких приехало в Кяхту, чтобы быть при родах м-м Реб., и у них чрезвычайно приятно в семейном кругу. Он же как маятник ходит из угла в угол, рассеянный и как будто не существующий. Жена его, некрасивая, но очень умная и добрая, приобрела здесь всеобщую любовь и расположение».

Позднее Буттоц, вероятно зная о непростых отношениях иркутского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева и Н.Р. Ребиндера, добавлял к этой ха-

рактистике: «Ребиндер уехал со своей семьей на минеральные воды. Вряд ли он соберется уехать отсюда, разве турнут самого. Такого нерешительного человека я еще не встречал. Все его тревожит, все беспокоит. Один из его подчиненных сказал ему однажды: «Что Вы за государственный человек, если Вы не можете заниматься делом оттого, что Ваша корова ушла». В тот день действительно их корова потерялась». И далее: «Он чересчур добросовестен, а этим никого не возьмешь»¹⁰.

И еще несколько сведений о жизни Трубецких на поселении. В Иркутске С.П. Трубецкой занимался сельским хозяйством: выращивал фруктовые деревья, завел огород, большой скотный двор. В начале 1850-х гг. семья занялась золотопромышленностью. В 1852 г. за Екатериной Ивановной были закреплены в Енисейском округе Енисейской губернии Еликонидинский и Алексеевский прииски, в 1854 г. – Ильинско-Миниатюрный, где-то в это же время – Александровский прииск К⁰ купца I гильдии В.Н.Латкина и княгини Трубецкой. В 1859 г. последний прииск был продан в другие руки. Отметим, что В.Н. Латкин находился в дружественных отношениях с семьей декабриста В.Л. Давыдова, живущей в Красноярске. Впоследствии прииски Трубецких, когда в губернии закончилась золотая лихорадка, перестали приносить доходы.

Исторические поиски – крайне увлекательное занятие. Занимаешься одними разысканиями, а попутно попадают материалы, от которых невозможно отказаться. Тем более если они имеют какое-то отношение к исследуемой теме. Так получилось и с публикуемыми выше письмами и документами. Для изучения столь злободневной в настоящее время темы социальной истории и истории повседневности они воскрешают давно ушедшую эпоху и ее обитателей, превратившись со временем в исторические документы.

Примечания

¹ Давыдов Ю.Л. Воспоминания о П.И.Чайковском. М., 1962. С. 16–23.

² ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 398. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 3–4.

⁴ Давыдов В.Л. Сочинения, письма. Иркутск, 2004. С. 257, 272, 459.

⁵ ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 397. Л. 1–2 об.

⁶ ГАКК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 26. Л. 160–161 об., 171.

⁷ Давыдов В.Л. Указ. соч. С. 176, 442.

⁸ ГАРФ. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 204. Л. 3–4 об.

⁹ Там же. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 15. Л. 5–5 об.

¹⁰ ГАКК. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 71. Л. 78.

Музейное дело

Н.М. Шапошникова

Комплектование фондовых коллекций Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов в 2000–2008 гг.

Анализ уже сложившихся коллекций Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов (далее ИОИММД) очень важен, поскольку чем разнообразнее, глубже, ярче будет интерпретировано то богатство, которым музей уже владеет, тем интереснее можно спланировать и последующее комплектование. Процессы эти, несомненно, взаимосвязаны.

Источниками для написания данной работы послужили первичные документы музейного учета. Это – книга поступлений основного фонда ИОИММД (КП № 1) и акты приема музейных предметов на постоянное хранение. В некоторых случаях к музейным документам прилагались расписки сдатчиков и записи легенд о предмете, зафиксированные рукой собирателей. Данные документы позволяют нам выяснить имена дарителей и собирателей музейных предметов, их адреса, стоимость предмета, если он был закуплен, лиц, содействовавших формированию мемориального собрания.

На 1 января 2008 г. в основном фонде ИОИММД насчитывалось 758 музейных предметов. Анализ фондов ИОИММД показал, что работа по комплектованию фондовых коллекций на протяжении последних восьми лет проводилась по следующим направлениям:

1. Научные командировки.
2. Сотрудничество с коллекционерами.
3. Дары от частных лиц, предприятий и организаций.
4. Приобретение предметов музейного значения у частных лиц, художников, мастеров декоративно-прикладного искусства.
5. Заказы музея на выполнение оригинальных работ.

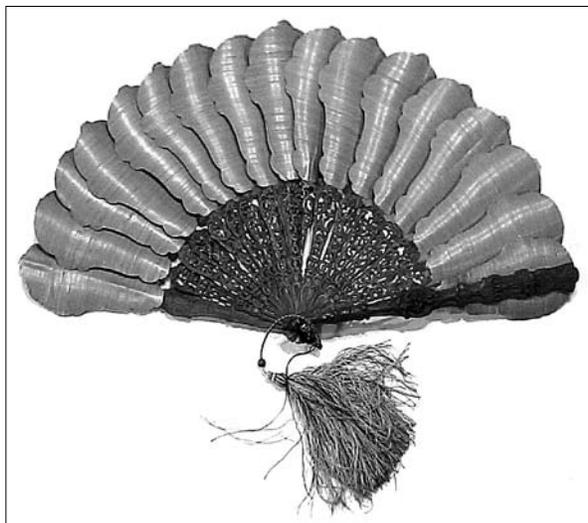
Среди музейных предметов, приобретенных музеем за последние восемь лет, несомненно, самыми ценными являются мемориальные вещи, принадлежавшие самим декабристам, их женам, членам их семей или людям, связанным с той эпохой. Принадлежность таких вещей конкретным людям во многом определена пока лишь устной легендой или преданием, и подлинность такой информации, несомненно, нуждается в дальнейшей проверке.

Так, среди подлинных реликвий можно назвать фарфоровую чернильницу и иконку-медальон походную с изображением Богородицы с младенцем (ИМД 1-1, 2), которые, по преданию, принадлежали декабристу П.Г.Каховскому и его семье. Эти вещи были переданы Иркутскому областному краеведческому музею иркутским ученым-декабристоведом Семеном Федоровичем Ковалем в 1995 г. на выставку в Дом-музей Волконских, посвященную 170-летию восстания на Сенатской площади. А в 2000 г. они стали первыми музейными

предметами, зарегистрированными в основном фонде ИОИММД. Датировка иконки-медальона определяется гравированной надписью: «Все упование мое на тя возлагаю 1834 год Июля 11 д.» по ободу рамки. Пока невозможно точно установить, является ли металлическая окантовка иконки поздней или изготовлена одновременно с ней. Судя по дате, предмет может быть отнесен к эпохе декабризма. А принадлежность иконки декабристу П.Г. Каховскому остается под вопросом до ее реставрации.

Уникальным по своему значению можно назвать приобретенный музеем в 2002 г. портрет декабриста Никиты Михайловича Муравьева работы художника-декабриста Н.А. Бестужева, 1836 г. (ИМД 62). Портрет ранее хранился в частном собрании в Санкт-Петербурге, был приобретен Александром Борисовичем Сидоровым (Москва), а затем продан музею. Акварельный рисунок заключен в деревянную раму, выполненную, по-видимому, позже, но в том же XIX в.

Одним из ценнейших экспонатов музея декабристов можно назвать книгу *Revue Britannique* («Британское обозрение») (ИМД 65), французское издание 1825 г., на обороте форзаца которой имеется автограф коменданта Петровского Завода С.Р. Лепарского: «видал Лепарский». По легенде сдатчика А.Б.Сидорова (Москва), книга принадлежала декабристу П.В.Аврамову в бытность его в крепости Акша с 1833 по 1836 г. В числе других она была завещана им дочери начальника Акшинской тюрьмы Аннушке Разгильдеевой. В 2002 г. данная книга поступила в основной фонд Иркутского музея декабристов.

*Веер. Первая половина XIX в.
Дерево, металл, соломка, шелк. Собрание ИМД*

Из мемориальных вещей особый интерес представляет веер бальный деревянный резной (ИМД 11), приобретенный музеем в 2000 г. у кемеровчанина Вячеслава Вениаминовича Тогулева. Веер, по устному преданию сдатчика, принадлежал императрице Марии Федоровне, супруге императора Павла I, и датируется первой третью XIX в. Веер хранился в семье Мэри Моисеевны Куш-

никовой, потомицы сенатора С.С. Кушникова, личного секретаря Марии Федоровны.

Другой веер – из слоновой кости, украшенный черным кружевом и блестками (ИМД 109), – еще более ценен для Иркутского музея декабристов. По преданию, он принадлежал княгине Марии Николаевне Волконской, которая, в свою очередь, подарила его семье декабриста А.Е. Розена. Веер был куплен музеем в 2005 г. у владельца антикварной лавки Андрея Викторовича Томилова (Иркутск).

Еще один предмет, связанный с декабристской эпохой, – металлический кофейник (ИМД 15) с клеймом производителей «Братья Щелкины», который, по преданию, принадлежал семье генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта. Кофейник хранился в семье потомков губернатора – Гороховых (Москва) и был подарен музею в 2000 г. Валентиной Владимировной Гапоненко (Улан-Удэ).

Н.А. Бестужев. Портрет декабриста Н.М. Муравьева. 1836. Бумага, акварель. Собрание ИМД

художественные копии, выполненные в технике оригиналов (масляная живопись, акварель, карандашный рисунок) с соблюдением установленных для копирования правил.

Работа над комплектованием этой части фондов велась в музее декабристов на протяжении всех восьми лет. За эти годы фонды музея пополнили различные копии, портреты и рисунки. В частности, среди таких предметов можно назвать копию миниатюрного портрета Анастасии Васильевны Якушкиной (1807–1846), жены декабриста И.Д. Якушкина (ИМД 72), выполненную художницей Татьяной Георгиевной Дубосарской (Санкт-Петербург) с подлинного портрета работы неизвестного художника начала 1820-х гг. Копия была приобретена музеем у автора в 2002 г. Кисти той же художницы принадлежит копия портрета

Важное место в фондах музея декабристов занимают изобразительные материалы. Наличие их в музеях, бесспорно, одно из важнейших условий для создания экспозиций. Если раньше большинство музеев могло обходиться только копийным материалом, то в настоящее время, исходя из повышенных требований к качественному уровню музейных экспозиций, невозможно при отсутствии нужных изоматериалов ограничиться только фотокопиями. Наряду с использованием определенного количества фотокопий и ксерокопий в экспозиции должны размещаться высо-

декабриста С.П. Трубецкого (ИМД 85), выполненная ею с миниатюры из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), и приобретенная Иркутским музеем декабристов в 2003 г.

В 2003 г. по заказу музея иркутским художником и реставратором Николаем Борисовичем Натягановым была выполнена в соответствии с принятыми правилами копирования копия с портрета иркутского гражданского губернатора И.Б. Цейдлера (ИМД 87) кисти художника М.И. Пескова (1854). Оригинал хранится в собрании Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. Копийный портрет был приобретен музеем декабристов в 2004 г.

Пополнялась коллекция музея декабристов и портретами, созданными современными художниками. Так, в 2001 г. иркутский художник Виктор Михайлович Мироненко подарил музею выполненный им в 1973–1975 гг. портрет декабриста князя С.Г. Волконского, на котором он изображен в последние годы жизни.

2003 г. ознаменовался для музея декабристов заметным культурным событием. Российской партией жизни музею был передан портрет матери С.Г. Волконского княгини Александры Николаевны Волконской (урожд. Репниной) кисти неизвестного художника конца XVIII–начала XIX в. (ИМД 80). Большой парадный портрет на холсте обрамлен золоченой рамой начала XIX в., специально подобранной для него в Санкт-Петербурге. В 2000 г. во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря (Москва) была проведена первоначальная экспертиза портрета, в 2001-м – окончательная, специалистами Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург). Результаты иконографических и технологических исследований подтвердили предположение о том, что на портрете изображена княгиня А.Н. Волконская. По заключению научных экспертов Москвы и Санкт-Петербурга, портрет имеет музейное значение и обладает исторической и антикварной ценностью.

Неизвестный художник. Портрет княгини А.Н. Волконской (урожд. Репниной). Конец XVIII – начало XIX в. Холст, масло. Собрание ИМД

Есть в фондах музея декабристов и другие портреты, выполненные художниками XIX в. Так, среди них можно назвать акварельный портрет М.И. Глинки (ИМД 88), написанный в 1830–1840-е гг. Яковом Федоровичем Яненко (1800–1852), в овальной раме орехового дерева. Портрет был куплен музеем у Юрия Григорьевича Епатко (Санкт-Петербург) в 2004 г. В 2008 г. в фонды музея был

оформлен портрет композитора Ф. Шопена работы неизвестного художника-миниатюриста 1840-х гг.

В том же 2008 г. был приобретен еще один уникальный по своему историческому и мемориальному значению музейный предмет – портрет Екатерины Николаевны Давыдовой (урожд. Самойловой, 1750–1825), бабушки М.Н. Волконской (ИМД 157). Портрет был выполнен неизвестным художником с оригинала В.Л. Боровиковского в 1820-е гг. и находился в частном собрании Ю.Г. Елатко, по его же инициативе в 1977 г. он был отреставрирован.

На протяжении 2000–2008 гг. коллектив сотрудников музея комплектовал коллекцию предметов дворянского быта конца XVIII – середины XIX в. как исходный материал для проектирования и создания бытовых типологических экспозиционных комплексов на строгой документальной основе. В числе таковых предметы мебели, как-то: тумбочка с овальной столешницей (Франция, сер. XVIII в.) – ИМД 181-1; киотный шкаф (Россия, XIX в.) – ИМД 181-2; шкаф-горка (Россия, XIX в.) – ИМД 195. К этому же комплексу предметов можно отнести предметы, выполненные из бисера: чубуки, кошельки, блокноты и т. п.; а также такие предметы быта, как чернильницы, печати, часы, подсвечники и, конечно же, книги.

Особым комплексом можно выделить предметы, приобретенные музеем для создания будущих экспозиций в усадебных постройках, таких, например, как людская изба. С этой целью сотрудники музея в 2007–2008 гг. собирали этнографические коллекции, предметы которых смогли бы отразить жизнь дворовых людей в дворянской усадьбе. Были собраны различные бочонки, кадушки, сундуки, корыта, безмены, бутылки, пузырьки и другие предметы.

Таким образом, можно говорить о том, что за 2000–2008 гг. сотрудники музея провели достаточно разностороннюю работу по комплектованию фондов, определили приоритетные задачи в этой области. Немалую роль в их осуществлении сыграла спонсорская помощь коммерческих организаций и частных лиц. Анализ этой работы позволил нам выявить имена людей, которые косвенно или напрямую были связаны с потомками декабристов, и людей, их окружавших. Эта и другая информация, почерпнутая из документов по научно-фондовой работе за последние восемь лет, позволит нам построить план работы по созданию концепции комплектования фондов ИОИММД на последующие годы.

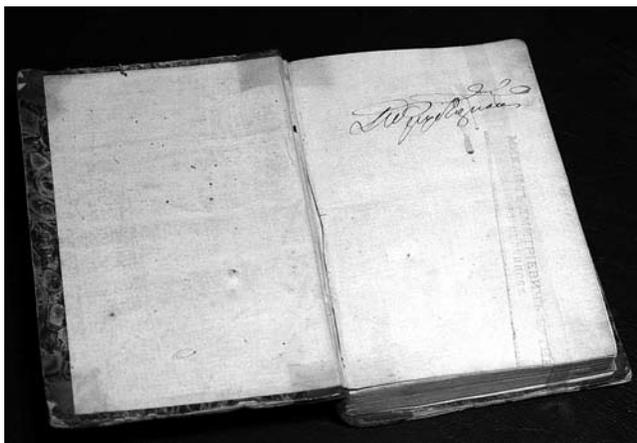
А.В. Сакович

Коллекция редких книг в собрании Иркутского музея декабристов

Начало формирования мемориальной коллекции Иркутского музея декабристов было положено в середине XIX в., еще при жизни декабристов в Сибири. Это было связано с деятельностью Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, созданного в Иркутске в конце 1851 г., а в 1870 г. переименованного в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.

ческого общества (СОРГО). В ведение отдела в 1854 г. перешли иркутский музей и библиотека, основанные в 1782 г.

Первоначально библиотека СОИРГО пополнялась в основном за счет добровольных пожертвований. «В 1854 году библиотека Отдела получила в дар 66 томов по естественным наукам от члена-соревнователя М.С. Волконского. Книги были из библиотеки его отца декабриста С.Г. Волконского»¹. Значительное число своих книг подарил библиотеке С.П. Трубецкой, когда покидал Иркутск после амнистии в 1856 г.²

Книга «*Mémoires de Mme la duchesse d'Abrantès, ou Souvenirs historiques sur Napoléon, la Révolution, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration*» («Записки герцогини д'Абрантес...» на французском языке). 1834. Брюссель. Автограф декабриста С.П. Трубецкого. Дар Л.В. Линицкого (Иркутск) в 1981 г. Собрание ИОКМ

Позднее туда же были переданы книги Н.А. Бестужева³. В 1867 г. библиотека СОРГО пополнилась книгами В.К. Кюхельбекера, которые передал баргузинский мещанин А.Мичурин⁴.

В 1879 г. библиотека, насчитывавшая к тому времени 10 227 томов книг, периодических изданий, карт и рукописей, погибла в огне страшного пожара. Вместе с другими погибли книги Волконских, Трубецких, Н.А. Бестужева, В.К. Кюхельбекера.

По счастливой случайности в числе уцелевших пятидесяти книг, которые были на руках у членов Отдела, оказалась книга, когда-то принадлежавшая декабристам братьям Борисовым. Это сочинение П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства», часть 3-я, изданное в Санкт-Петербурге в 1788 г. На томе – владельческая надпись братьев Петра и Андрея Борисовых, а также помета коменданта Нерчинских рудников С.Р. Лепарского: «видал Лепарский»⁵.

«Скорее всего, – отмечал Е.А. Ячменев, – том Палласа входил в число тех шестидесяти шести, что поступили в библиотеку СОРГО от Волконских. Дело в том, что один из братьев Борисовых, живших после каторжных работ на поселении в деревне Малая Разводная близ Иркутска, – Петр Иванович, был крупным естествоиспытателем, особенно близко дружил с С.Г. Волконским, который впоследствии занимался приведением в порядок имущественных дел

Борисовых после их смерти в 1854 г.»⁶. Сейчас эта книга находится в фондах Иркутского областного краеведческого музея.

Что же читали декабристы? Вопрос о библиотеках декабристов, о роли книги в жизни сосланных на каторгу и поселение в Сибири и сегодня остается актуальным, но недостаточно изученным.

Одним из первых, кто начал изучать библиотеку М.С. Лунина, был историк-краевед В.С. Манассеин. В его статье «Библиотека декабриста М.С. Лунина» приводится опись книг из библиотеки декабриста, относящаяся к 1841 г. и

Журнал «Revue britannique» («Британское обозрение») на французском языке.

1825. Париж. Принадлежал декабристу П.В.Аврамову. Дар И.С. Гринберга (Шелехов) в 2002 г. Собрание ИМД

тика, география, художественная литература. Предпочтение отдавалось справочным и научным изданиям, которые имели прикладное значение. Особый интерес представляла для них газетно-журнальная периодика. Популярностью у многих декабристов пользовалась французская газета «Debats». Она позволяла быть в курсе всех событий европейской общественно-политической, научной и культурной жизни.

В собрании музея во временном пользовании находятся конволюты «Debats» и другие редкие издания из фондов Иркутского краеведческого музея.

Особо следует отметить книги с автографами С.Г. Волконского и С.П. Трубецкого.

Двухтомник «Тактика и военный устав прусского короля Фридриха» с автографом С.Г. Волконского подарил Иркутскому музею декабристов известный ленинградский писатель и коллекционер Владимир Николаевич Грус-

и составленная по случаю его ареста и ссылки в Акатуй, а также сведения о других изданиях, которые по разным причинам не вошли в упомянутый список. «Все лунинское книжное наследие, – отмечал В.С. Манассеин, – дошедшее до нас и по крайней мере известное нам, равняется 141 книге»⁷.

В настоящее время бесценное книжное наследие декабриста хранится в редком фонде Научной библиотеки Иркутского госуниверситета.

В разное время изучением темы «Декабристы и книга» занимались А.Г. Боннер, Н.В. Куликаускаене, Р.И. Цуприк, П.Д. Войтик, Е.Н. Дунаева⁸.

В 1979 г. в Иркутске начала выходить документальная серия «Полярная звезда». Благодаря ей, удалось существенно расширить список печатных изданий, которые читали декабристы на каторге и в ссылке.

Декабристов интересовали история, политика, философия, медицина, агрономия, механика, архитектура, матема-

ланов, который много сделал для розыска декабристских реликвий. Другой его подарок Музею декабристов также бесценен – четыре тома из собрания сочинений французского драматурга Жана Расина из библиотеки декабриста К.Ф. Рылеева.

Книгу «Записки герцогини д' Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, Империи и Реставрации» с автографом С.П. Трубецкого подарил Иркутскому музею декабристов иркутянин Л.В. Линицкий в 1981 г.⁹ В том же году в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в Москве была проведена экспертиза подписи С.П. Трубецкого, которая подтвердила, что «приобретенная книга содержит подпись-автограф С.П. Трубецкого. Это убедительно доказывается сличением его почерка на образце с подписями в его письмах, например к И.И. Пущину, хранящихся у нас в отделе (ф. 243, 4.24)»¹⁰.

Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов начал свою самостоятельную историю с 2000 г., и в этом же году стал формироваться редкий книжный фонд.

Еще в 1984 г. заведующий Музеем декабристов ИГОМ Е.А. Ячменев и старший научный сотрудник О.Ф. Купчина составили список книг из 29 наименований, необходимых для экспозиции музея. Приводим этот список полностью, поскольку очевидно, что в дальнейшем по замыслу его составителей эти книги должны были составить основу фонда редкой книги Иркутского музея декабристов:

- «1. Гомер. Одиссея. Амстердам, 1731 г.
2. История Карла XII, короля шведского. Издание до 1839 г.
3. Ж.-Ж. Руссо. Духовные стихотворения и избранные сочинения (до 1839 г.)
4. Конфуций.
5. Записки Юлия Цезаря. Издание до 1839 г.
6. Луи Витэ. Баррикады. Париж, 1826 г.
7. Избранные сочинения лучших писателей Франции. Издание до 1839 г.
8. Сочинения преосвященного Иннокентия в 4-х томах (на французском языке). Издание до 1839 г.
9. Туэн. Альманах опытного садовника. Издание до 1856 г.
10. Наставление о разведении табаку и приготовлении оного. 1810 г.
11. Фишер. Энтомология. Издание до 1856 г.
12. «Поварское искусство» (на французском языке). Издание до 1839 г.
13. Ручная книга сельского хозяйства для всех состояний. Часть 5. Продолжение. О скотоводстве и начало скотского лечебника. Москва, 1803.
14. Русско-французский словарь. Издание до 1839 г.
15. Франко-русский словарь. Издание до 1839 г.
16. Всеобщий словарь французского языка. Составитель Буаст. Издание до 1826 г.
17. Календарь на 1826 г.
18. Сервантес. Дон-Кихот. Издание до 1826 г.
19. Стерн. Путешествие. Издание до 1839 г.
20. Загоскин. Юрий Милославский. Издание до 1830 г.
21. Фенелон. Похождения Телемака. Издание до 1856 г.
22. Шиллер. 7-томное издание, 1842 г.

23. И. Болтин. Примечания на историю древняя и нынешняя России. Часть 1. 1788 г.
24. Н.Полевой. История русского народа. Издание до 1830 г.
25. Лесаж. Жиль Блаз. Издание до 1830 г.
26. История Петра Великого в 30-ти томах. Перевод с немецкого, 1833 г.
27. Гуго Гроций. Об истине христианской религии. Лейпциг, 1726 г.
28. Томсон. Поэмы. Времена года. Издание до 1856 г.
29. Клод Флери. *Historia ecclesiastica*. 2-е изд. 1768–1798 гг.¹¹

Как видим, большую часть списка занимает перечень произведений художественной литературы, начиная с античных авторов и заканчивая писателями – современниками самих декабристов, треть списка – справочные издания, остальная часть – литература по религиозной тематике.

К сожалению, пока нельзя сказать, на основе каких источников был составлен данный список. Можно предположить, что авторы изучали эпистолярное наследие декабристов, и отметить, что некоторые экземпляры книг входили в состав библиотек С.Г. Волконского (№ 23), С.П. Трубецкого (№ 21), М.С. Лунина (№ 29), В.Ф. Раевского (№ 13) и А.О. Корниловича (№ 1) и хранятся сегодня в редком фонде НБ ИГУ¹².

В настоящее время из всего списка Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов располагает лишь одним томом из собрания сочинений Ж.-Ж. Руссо, 1823 г., и изданием книги Лесажа «История Жиль Блаза», 1835 г.

За последние десять лет редкий книжный фонд музея пополнился 216 изданиями на русском, французском и немецком языках.

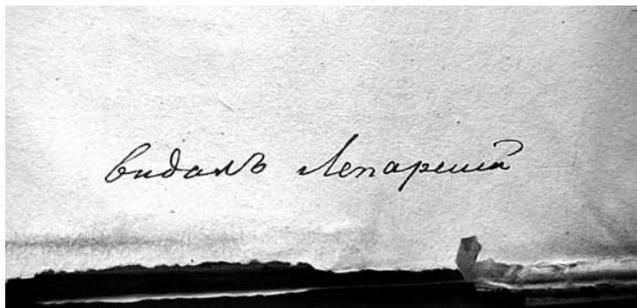
Художественная литература (50 томов) представлена прозой, поэтическими произведениями и драматургией, книги по естественно-научным дисциплинам насчитывают 3 тома, по истории – 51 том, по философии – 9 томов, по литературоведению и истории литературы – 22 тома, по географии и этнографии – 8 книг, религиозная тематика представлена 6 книгами, книги о театре – 4 тома, словари – 5 томов, конволюты журналов и газет – 12, альбом – 1, книга по кулинарии – 1, по педагогике – 2, по искусству – 1, книги о декабристах – 16.

Мемуарная часть редкого фонда, которая включает воспоминания самих декабристов и их эпистолярное наследие, представлена 25 изданиями.

К категории мемориальных экспонатов с полным правом можно отнести парижское издание 1825 г. журнала «Британское обозрение» с автографом коменданта Нерчинских рудников С.Р. Лепарского. Книга принадлежала декабристу П.В. Аврамову и значилась в описи вещей, оставшихся после его смерти. По легенде, записанной на первом форзаце, эта книга была завещана Аврамовым в числе других 47 книг дочери начальника Акшинской тюрьмы Аннушке Разгильдеевой. Этот факт подтверждает Р.И. Цуприк: «В описи вещей, оставшихся после смерти П.В. Аврамова, значится 47 томов (8 названий). В их числе... «Британское обозрение» (6 книг). Не исключено, что П.В. Аврамов занимался обучением дочерей Разгильдеевых, поэтому и завещал свою библиотеку 11-летней Аннушке»¹³. Книга была приобретена для ИОИМД

генеральным директором ИркАЗа И.С. Гринбергом у московского коллекционера А.Б. Сидорова в 2002 году¹⁴.

На данный момент список книг, необходимых для пополнения коллекции ИОИММД, дополнен изданиями, которые упоминаются в переписке декабри-

Автограф коменданта Нерчинских рудников С.Р. Лепарского на журнале декабриста П.В. Аврамова «Британское обозрение»

стов И.Д. Якушкина, И.И. Пущина, П.Н. Свистунова, А.В. Поджио, М.С. Лунина, М.А. Фонвизина, В.И. Штейнгейля. Это:

1. Rodolphe Toepffer. Nouvelles Genevoises (1841).
2. V. Constant. Adolfe (1816).
3. Chateaubriant. Les martyrs ou le triophe de la religion chrotienne. Paris, 1809.
4. Chateaubriant. Genie du Christianisme ou Beoutes de la religion chretienne.
5. Andryane A. Memoires d un prisonnier d etat en Spielberg. Paris 1837–1838. Т. 1–4.
6. Ольдекоп. Карманный французско-русский словарь.
7. L.A. Thiers. Histore de la revolution francaise. Paris, 1823–1827.
8. В.А. Соллогуб. Тарантас (1845).
9. Forgues E. La Chine ouverte. Paris, 1846.
10. Э. Сю. Вечный жид.
11. J.B. Honore Capefigue. L Europe depuis L avenement de Louis Philippe. 1847–1849.
J.B. Honore Capefigue. Histoire constitutionnelle de la France.
J.B. Honore Capefigue. Lhistoire des Juifs.
12. Альбрехт Даниэль Тэер. История моего хозяйства, или Основания рационального сельского хозяйства. М., 1830.
13. Г.Бичер-Стоу. Хижина дяди Тома. 1853.
14. Милютин Д.А. История войны 1799 г. 1853.
15. Д.В. Григорович. Пахарь.
16. Bernardin de St. Pierre. Romans contes opuscules (?) («Романсы, маленькие рассказы»).
17. М. Montaigne. Опыты.
18. А. да Рейц. Опыт истории российских государств и гражданских законов. М., 1836.
19. В.А. Жуковский. Няяль и Дамаянти. 1841.
20. Де Кюстин. La Russe en 1839. Paris, 1843.

21. Ranke L. Die romischen Papsta ihre Kirche und ihr Staat im 16 und 17 Jahrhundert». London. 1847–1848.
22. Victor Joly. Mensongeset realites de la guerre d Orient. Bruxelles, 1855.
23. Мундт Теодор. La Guerre pour la mer Noire. Leipzig, 1855.
24. Balbi A. Abrege de geographie redige sur un nouveau plan d apris les derniers traits de paix et les dacjuvertes les plus recentes. Paris, 1833.
25. Tocqueville A de. De la democratie en Amerique. Paris, 1835–1840.
26. Путешествие Базиля Холла в Соединенные Штаты.
27. Базиль Холл. Путешествие в Чили и Перу.
28. Ансийон. Золотая середина.
29. С. Герберштейн. Записки о Московитских делах (на лат. яз.)
30. В.А. Мацеевский. История первобытной христианской церкви у славян. Варшава, 1840.
31. Готхильф Генрих Шуберт. Die Geschichte der Seele («История души»). Штутгарт, 1830.
32. Ж.Ф. Остервальд. Размышления о священном писании. Женева, 1723.
33. А.П. Зонтаг. Священная история для детей.
34. A Lamartine. Nouvelles Meditations Poetiques, 1823; Jocelin. Episode. Journal trouve chez un cure de village. Т. 1–2. Paris, 1836.
35. И.Ф. Майер. Inbergriff des Glaubenslehre.
36. С.А. Маслов. О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании, 1849.
37. Ф.Р. Ламенне. Речи верующего. Париж, 1832.
38. С.М. Соловьев. Русская история. 1851. Т. 1.
39. Г.К. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. 1840.
40. А. Карра. Се qui l a dans une bouteille d encre («Что было в бутылке с чернилами»: «Женевьева», «Клотильда», «Гортензия»). Париж, 1839.
41. М.Ф. Сулье. Граф тулузский.
42. A. Dumeril. Zoologie analytique, ju Methode naturelle de classification des animaux. Paris, 1806.
43. Буаст. Всеобщий словарь французского языка.

В настоящее время редкий книжный фонд Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов располагает лишь самой малой частью книг, необходимых для реконструкции библиотек Волконских и Трубецких, и всего одной мемориальной реликвией – книгой П.В. Аврамова.

Поэтому по-прежнему одной из самых важных задач, стоящих перед музейными работниками, является поиск книжных раритетов и периодических изданий как для реконструкции библиотек декабристов С.П. Трубецкого и С.Г. Волконского, так и для восстановления круга чтения декабристов в целом. Это обеспечит дальнейшее научное исследование данной темы.

Примечания

¹ Ковалева А.С. Близкая сердцу сибиряка: (История первой научной библиотеки Сибири). Иркутск, 2003. С. 7.

² Куликаускаене Н.В. Книги декабристов в редком фонде библиотеки Иркутского университета // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 208.

³ Цуприк Р.И. О роли книг в жизни и деятельности декабристов в условиях забайкальской ссылки // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 129.

⁴ Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII века – февраль 1917 года). Иркутск, 1983. С. 59.

⁵ Ковалева А.С. Близкая сердцу сибиряка... С. 17.

⁶ Ячменев Е.А. Мемориальная коллекция Музея декабристов ИОКМ: от истоков до Иркутского музея революции (1854–1928 гг.) // Краеведческие записки. Иркутск, 1995. Вып. 3. С. 8.

⁷ Манассеин В.С. Библиотека декабриста М.С. Лунина // Отдельный оттиск из журнала «Библиотекведение и библиография». 1930. № 1–2. М., 1931. С. 8.

⁸ Боннер А.Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979; Куликаускаене Н.В. Книги декабристов в редком фонде библиотеки Иркутского университета; Цуприк Р.И. О роли книг в жизни и деятельности декабристов в условиях забайкальской ссылки; Цуприк Р.И. Книга в жизни декабристов на каторге [в Чите и Петровском Заводе] // Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975; Войтик П.Д. Библиотеки декабристов в Сибири // Библиотеки СССР: Опыт работы. 1960. Вып. 14; Дунаева Е.Н. Декабристы и книга. М., 1967.

⁹ Будаговская А.Н. Мемориальные книги декабристов в иркутских собраниях и возможности их экспонирования в Музее декабристов // Краеведческие записки. Иркутск, 2002. Вып. 9. С. 87.

¹⁰ Фонды ИОКМ. № 13895–81. Письмо и. о. заведующего Отделом рукописей ГБЛ (г. Москва) В.И. Лосева с подтверждением подлинности автографа С.П. Трубецкого на книге «Меуары герцогини д' Абрантес...». Л. 2.

¹¹ Фонды ИОКМ. № 13895–111.

¹² Боннер А.Г. Бесценные сокровища. С. 83–84.

¹³ Цуприк Р.И. О роли книг в жизни и деятельности декабристов в условиях забайкальской ссылки. С. 123.

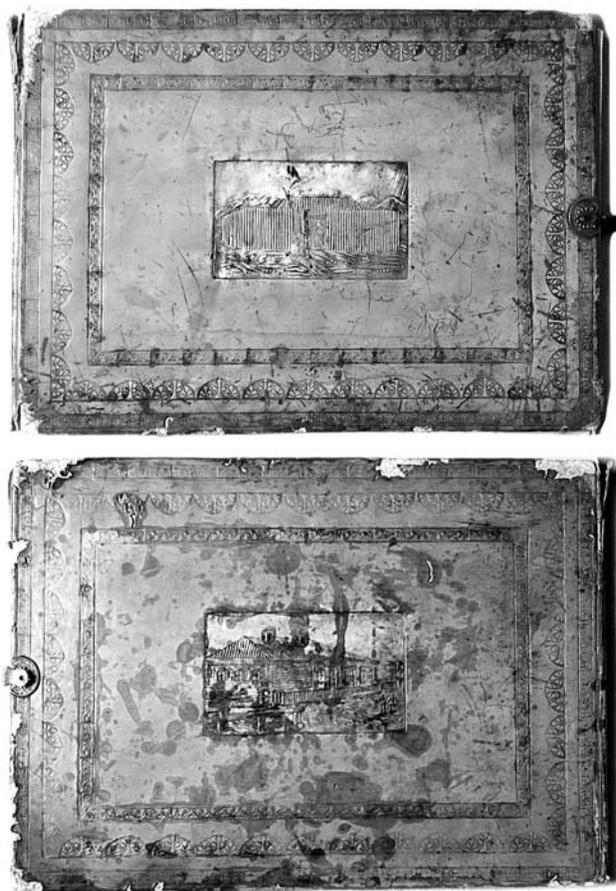
¹⁴ Книга поступлений предметов (основного фонда) на постоянное хранение Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов. Акт № 8 от 20 июля 2002 г. С. 43.

И.В. Пашко

Сибирский альбом кн. Е.И. Трубецкой (история одной реликвии)

В 1839 г., после 13 лет каторги, декабриста С.П. Трубецкого с семьей отправили на поселение в село Оёк в 36 верстах от Иркутска. «Накануне отъезда из Петровского Завода, с последней почтой»¹ кн. Е.И. Трубецкая отослала в Неаполь сестре гр. З.И. Лебцельтерн свой сибирский альбом, сделанный руками друзей по изгнанию – декабристов, наглядную повесть каторжных лет своей жизни. Почти столетие о судьбе альбома ничего известно не было. Вернуться реликвии из небытия помог случай. В конце двадцатых годов минувшего века живший в числе прочих русских изгнанников-эмигрантов во Франции православный священник, отец Иван Николаевич Кологривов, работая в Русско-славянской библиотеке на улице Севр в Париже, «обнаружил в ее архиве связку пожелтевших от времени писем. Ближайшее их рассмотрение выяснило всю ценность находки. В пачке оказались в большом количестве (63) письма княгини Е.И. Трубецкой...»². Эта счастливая находка послужила о. И.Н. Кологривову отправной точкой для дальнейших поисков и новых замечательных открытий.

И.Н. Кологривов начал изыскания в русских и французских кругах, имеющих родственные связи с кн. Е.И. Трубецкой. Поиски принесли успех. Так, например, кн. Робек графиня де Левис Мирепуа, правнучка гр. З.И. Лебцель-

*Обложки сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой. 1839.
Кожа, картон, металл, тиснение. Частное собрание. Париж*

терн, предоставила исследователю семейный архив Лебцельтернов, другие ценные документы и сведения Кологривов получил от живущих в эмиграции правнуков Е.И. Трубецкой – А.В. Давыдова, С.С. Свербеева и кн. Н.Д. Кропоткина, а «графиня д'Антенез предоставила в его распоряжение сибирский альбом княгини Е.И...»³. Итогом огромной и кропотливой работы стал серьезный научный труд.

И.Н. Кологривов принес в редакцию «Современных записок» монографию о кн. Е.И. Трубецкой, которая, по свидетельству редактора журнала, была «обширная (около 400 стр.)...»⁴. К огромному сожалению, этот капитальный труд, итог многих усилий, погиб в огне Второй мировой войны, во время фашистской оккупации Франции. Таким образом, до нас дошла только журнальная версия монографии И.Н. Кологривова о Е.И. Трубецкой, но даже эта, очевидно сильно урезанная, публикация и по сей день является

наиболее полным и достоверным собранием сведений о жизни и подвиге первой декабристки.

К работе И.Н. Кологривова обращались и обращаются, так или иначе, все исследователи, которых интересует судьба кн. Трубецкой. Одним из них был в 70-е гг. XX в. французский писатель, публицист Макс Эльбронн, посетивший Россию и живо заинтересовавшийся историей декабристов и декабристок. В Москве г-н Эльбронн познакомился с искусствоведом, ведущим декабристоведом своего времени Ильей Самойловичем Зильберштейном, а его проводником по декабристскому Иркутску стал известный сибирский поэт Марк Давидович Сергеев, сумевший своим творчеством сделать историю дворян-изгнанников известной далеко за пределами Сибири.

В 1977 г. Марк Сергеев получил в Иркутске посылку из Парижа с книгой Макса Эльбронна «Княгиня Трубецкая», переведенной автором на русский язык. Г-н Эльбронн сообщал в предисловии к своей книге, что «в основу ее положено сочинение И.Н. Кологривова, опубликованное во Франции в 1936 году в неполном виде»⁵. Осенью 1977 г., находясь в Париже с группой соотечественников – поэтов и писателей, Марк Сергеев отыскал в русском отделе Национальной библиотеки Франции на улице Ришелье три номера журнала «Современные записки» за 1936 г. с публикацией И.Н. Кологривова о Е.И. Трубецкой и сделал ксерокопию издания.

Позже Марк Давидович передал ксерокопию «Современных записок» сотруднику отдела «Музей декабристов» Иркутского областного краеведческого музея Евгению Александровичу Ячменеву.

Осенью 2001 г. в ту пору уже директор Иркутского музея декабристов Е.А. Ячменев, в свою очередь, отправился во Францию, где в Париже ему удалось познакомиться с праправнуком гр. З.И. Лебцельтерн гр. Клодом де Виньералем. В беседе с г-ном де Виньералем Ячменев выяснил, что в этом парижском доме хранится бесценная декабристская реликвия – сибирский альбом кн. Е.И. Трубецкой. В качестве семейной реликвии альбом достался де Виньералам от бабушки – графини де Виньераль, той самой, которая познакомилась с реликвией И.Н. Кологривова.

Вот что пишет в газете «Аргументы и факты» в июле 2005 г. Е.А. Ячменев:

«За 65 лет до меня этот альбом видел только один русский исследователь-биограф княгини Екатерины Ивановны Трубецкой – священник отец И.Н. Кологривов. В 1936 году он опубликовал два вида Читы и два вида Петровского Завода из этого альбома в своем очерке о княгине Трубецкой, изданном в парижском журнале «Современные записки». Остальные виды до недавнего времени в России были неизвестны»⁶.

Альбом состоит из листов размером 37×26,5 см. Число листов ни Кологривов, ни Ячменев не упоминают, но, учитывая количество изображений, лист с письмом княгини и два чистых листа, переданных в дар музею, листов было не менее шестнадцати. Кроме того, в своей публикации Е.А. Ячменев упоминает о «не заполненных в спешке листах»⁷.

«Альбом заключен в красивый тисненый кожаный переплет с кованой застежкой... Искусствовед Илья Зильберштейн в свое время предположил,

что этот переплет выполнен декабристом Дмитрием Иринарховичем Завалишиным, а застежку сделал декабрист Антон Петрович Арбузов», – отмечает Е.А. Ячменев⁸. И.Н. Кологривов же в описании альбома отмечает: «На альбоме кожаный переплет, сделанный либо А.И.Борисовым, либо Д.И.Завалишиным, с кованой застежкой работы, быть может, А.П.Арбузова, бывшего отличным слесарем»⁹.

*Н.А. Бестужев (?). Вид Читы (дома жен декабристов). 1829–1830.
Из сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой. Частное собрание. Париж*

На первой странице обложки в технике тиснения по коже изображен Читинский острог, на последней – дом Александры Григорьевны Муравьевой в Петровском Заводе. В определении авторства создателя обложки альбома приходится, прежде всего, полагаться на авторитет И.С. Зильберштейна. Независимо от того, кто исполнил кожаный переплет, необходимо обратить внимание на то, что изображение Читинского острога на первой странице обложки графически совпадает с акварельным рисунком Н.А. Бестужева «Ворота Читинского острога», созданным декабристом в 1829–1830 гг. и подаренным кн. М.Н.Волконской. Эта акварель, хранящаяся теперь в музей-квартире Н.А. Некрасова в С.-Петербурге, опубликована в монографии И.С. Зильберштейна¹⁰.

На первом листе альбома, как бы предваряющее и поясняющее его содержание, содержится письмо, написанное по-французски рукою самой кн. Трубецкой, по свидетельству И.Н. Кологривова – «золотой ключ к тайникам ее лучезарной души»¹¹. Имеет смысл привести это адресованное сестре письмо полностью:

«Дорогая Зинаида.

Вот альбом, который, я думаю, будет тебе интересен. Он содержит различные воспоминания о первой части нашей жизни в изгнании. Если ты найдешь работу плохо исполненной, то я прошу твоего снисхождения. Виды, цветы, все, вплоть до переплета, работа наших товарищей по изгнанию. Рисунки на переплете представляют один – большую тюрьму в Чите, другой – дом Александрины здесь, в Петровском. Что касается до рисунков, то я

всюду дала пояснения. Не нужно, дорогой друг, чтобы эти разные виды навели бы на тебя грустное настроение. Рассматривая их, скажи себе, что, если места видели тяжелые минуты, проведенные нами, они также были свидетелями минут удовлетворения. Мы завтра покидаем Петровский, памятуя о всех милостях, ниспосланных нам Господом за эти тринадцать лет, с чувством благодарности к Его божественному милосердию и с утешительной мыслью, что, где бы мы ни находились, пока мы будем уповать на Него, Он также будет с нами, чтобы нас защитить и утешить.

Я написала эти строки с полной откровенностью, ибо я знаю, что не брошишь эту книгу без нужды на столе и не будешь всем ее показывать. Она может представить интерес только для небольшого числа тех людей, которые меня действительно любят. – Петровский, 28-го июля 1839 г.»¹².

Остальные тринадцать листов (исключая чистые) содержат пять видов Читы, три вида Петровского Завода и пять акварельных рисунков с изображением лесных и полевых цветов. Авторство последних пяти изображений, с большой долей вероятности, принадлежит декабристу П.И. Борису, сибирское творчество которого достаточно хорошо изучено¹³. Так считал и И.С. Зильберштейн, написавший в своей монографии: «Судя по краткому описанию, в альбоме Е.И. Трубецкой имелось пять акварелей, также не подписанных, на которых были изображены полевые цветы Сибири. Имя автора этих акварелей можно назвать безошибочно: то был П.И. Борисов, еще в молодые годы изучавший флору и фауну. Он любил рисовать цветы, растения, птиц, бабочек. На каторге любитель-натуралист стал и художником-акварелистом»¹⁴.

Точно определить авторов изображений Читы и Петровска довольно трудно. Известно, что многие декабристы в той или иной мере владели навыками изобразительного искусства и пробовали применить свои умения в сибирском изгнании. Как отмечает И.С. Зильберштейн: «Среди заключенных Читинского острога было несколько человек, которые умели рисовать»¹⁵. Это Н.А. Бестужев, П.И. Борисов, Н.П. Репин, В.П. Ивашев, И.В. Киреев, А.В. Поджио, П.И. Фаленберг, И.А. Анненков, А.П. Юшневский, М.С. Лунин, М.А. Назимов, Я.М. Андреевич, А.И. Якубович.

Наиболее изучено творчество декабриста-художника Николая Александровича Бестужева, которому посвящена фундаментальная монография И.С. Зильберштейна, первое издание которой увидело свет еще в 1956 году. Однако даже этот капитальный труд не дает однозначного ответа на вопрос определения авторства некоторой части дошедшего до нас изобразительного наследия декабристов. Четыре главы своей монографии И.С. Зильберштейн посвящает той части художественного наследия Н.А. Бестужева, в которой художник-декабрист запечатлел виды Читы и Петровского Завода. Он приводит слова брата Николая Александровича, Михаила, о том, что «его лучшими и любимейшими из работ были виды Читы и Петровска».

Определенный вклад в выяснение авторства некоторых декабристских пейзажей на примере изучения сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой пытался внести Е.А. Ячменев. Так или иначе, авторство четырех работ из восьми Е.А. Ячменев, хоть и со знаком вопроса, определяет как работы Н.А. Бес-

тужева. И.Н. Кологривов же в 1936 г. писал, что альбом Трубецкой «содержит 5 видов Читы и 3 вида Петровского Завода, вероятно, работы Н.П. Репина и И.В. Киреева и 5 акварельных рисунков флоры Сибири, по семейному преданию принадлежавших кисти самой княгини»¹⁶. Эта цитата позволяет полагать, что потомки Трубецкой, предоставившие в распоряжение И.Н. Кологривова ее сибирский альбом и даже позволившие частично опубликовать несколько изображений из него, не смогли, судя по всему, дать исследователю сведений об их авторах.

Ксерокопия очерка И.Н. Кологривова о Е.И. Трубецкой из парижских «Современных записок» 1936 г., которой располагает Иркутский музей декабристов, к сожалению, не содержит иллюстраций, очевидно, они просто не были скопированы, в отличие от текста. Тем не менее ксерокопия содержит четыре сноски: «См. гравюру на отдельном листе»¹⁷. Анализ текста позволяет определить характер изображений, которые иллюстрировали публикацию И.Н. Кологривова. Это два вида Читы и два вида Петровского Завода. А именно:

1. Двор Читинского острога с гуляющими по нему арестантами.
2. «Дамская улица» в Чите.
3. «Дамская улица» в Петровском Заводе.
4. Церковь в Петровском Заводе с могилой А.Г. Муравьевой¹⁸.

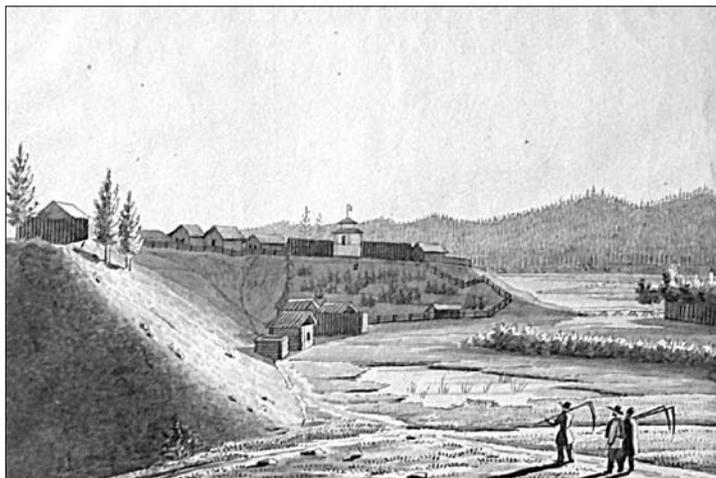
Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что только упомянутые четыре изображения были в какой-то мере известны интересующейся публике.

Возможно, И.Н. Кологривов в своей публикации указал имена авторов изображений, выбранных им в качестве иллюстраций, непосредственно под самими изображениями, т. е. на отдельных листах, но проверить это пока не представляется возможным.

Относительно сибирского альбома Трубецкой И.С. Зильберштейн пишет: «Убежден, что пять видов Читы, включенных в этот альбом, были исполнены Бестужевым» и далее: «Его кисти принадлежат и три вида Петровского завода в том же альбоме»¹⁹. Необходимо заметить, что авторство изображений из сибирского альбома Трубецкой И.С. Зильберштейн определил путем анализа тех изображений Н.А. Бестужева, которыми на тот момент располагал, т.е. еще до обнаружения самого альбома в Париже, поэтому окончательный ответ на вопрос об авторстве создателей альбома Трубецкой остался открытым.

По свидетельству Е.А. Ячменева, на момент его знакомства с реликвией альбом был в разобранном виде, поэтому последовательность изображений установить не представляется возможным. Кроме того, листы с акварелями П.И. Борисова были помещены в рамы под стекло, через которое затем делались ксерокопии, отчего качество копий с изображением цветов ниже. Весьма условно можно предположить, что читинские виды предшествовали петровским, поэтому нам будет удобно придерживаться такого хронологического подхода в рассмотрении альбома. Так, на одной из читинских страниц альбома изображена так называемая Главная улица в Чите. По атрибуции Е.А. Ячменева, автором, правда со знаком вопроса, указан Н.А. Бестужев,

акварель датирована 1829–1830 гг. В нижней части листа под изображением подписи по-французски, сделанные, возможно, рукою Е.И. Трубецкой: «Вид Читы. 1. Дом, занимаемый Александриной и Лизой Нарышкиной. 2. Мой дом, где я жила год. 3. Дом коменданта. 4. Гауптвахта».

*Н.А. Бестужев (?). Вид Читы (с малым казематом и садом коменданта). 1829–1830.
Из сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой. Частное собрание. Париж*

Многие работы Н.А. Бестужева являются вариациями одних и тех же видов, доступных взгляду художника-изгнанника. «В трех вариантах известен акварельный вид, на котором Бестужев изобразил «Главную улицу» в Чите»²⁰. Первое, раннее изображение, которое принадлежало А.Е. Розену, сохранилось лишь в виде черно-белой фотокопии и в монографии И.С. Зильберштейна не опубликовано. Автором второго изображения «Главной улицы», принадлежавшего кн. М.Н. Волконской и представленного в монографии, по мнению автора, без каких-либо сомнений, является Н.А. Бестужев. Для него характерен высокий уровень художественного исполнения. Эта акварель хранится ныне в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Наиболее любопытно, по мнению И.С. Зильберштейна, треть из сохранившихся изображений читинской улицы, хранящееся сейчас в Институте русской литературы в Санкт-Петербурге. Уровень владения акварельной техникой, с которым исполнена работа, позволил И.С. Зильберштейну предположить, что эта акварель – копия, выполненная «по-видимому, старшей дочерью Трубецких, А.С. Ребиндер, имевшей склонность к рисованию»²¹. «К кому поступила подлинная акварель с изображением вида «Главной улицы в Чите», подаренная Бестужевым Трубецким, и где она находится ныне, неизвестно», – заключает исследователь²².

Сравнительный анализ изображения Главной улицы Читы, хранящегося в Петербурге, с изображением из парижского альбома, особенно в плане композиционного сходства, позволяет предположить, что работа из Института русской литературы – это копия, сделанная дочерью Трубецких Александрой с оригинальной акварели Николая Бестужева, который подарил ее

Трубецким. Именно эта акварель была помещена в сибирский альбом княгини, хранящийся ныне в семье де Виньералей в Париже.

На следующем листе изображено место в Чите, где декабристы были задержаны на работах, – Чертова могила. Так узники называли овраг на

*И.В. Киреев (?). Вид Читы (место, прозванное Чертовой могилой). 1829–1830.
Из сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой. Частное собрание. Париж*

краю селения. Под изображением подпись по-французски: «Вид Читы, место, прозванное (далее по-русски) Чертова Могила». Атрибуция и датировка Е.А. Ячменева: художник И.В.Киреев (?), 1830-е гг.

И.С. Зильберштейн упоминает о нескольких вариантах изображения Чертовой могилы, созданных Н.А. Бестужевым. Кроме того, он отмечает, что один из сохранившихся вариантов – это «миниатюрная перерисовка, сделанная И.В. Киреевым. Она принадлежала Михаилу Бестужеву и была наклеена на письмо, отправленное им из Сибири родным. В отличие от подлинника, хранившегося в Читинском музее, на том варианте, который был в руках у Киреева, вместо декабристов и конвойных изображены крестьянка с ребенком и крестьянин, пасущий скот»²³.

На ксерокопии из Парижа тоже изображены крестьянка с ребенком и четверо крестьян, один из которых верхом на лошади. Можно предположить, что изображение из альбома Трубецкой – это прежде широко не известная работа Н.А. Бестужева, с которой и снимал в свое время копию И.В. Киреев. Искусствовед М.Ю. Барановская пишет о И.В. Кирееве следующее: «Его художественное наследие невелико: несколько зарисовок, в которых пейзаж играет главную роль, а быт отходит как бы на второй план. Тогда была мода украшать почтовую бумагу литографированными видами, и по просьбе М. Бестужева Киреев сделал для него двенадцать маленьких копий, которые послужили ему фронтисписами для писем к родным»²⁴. Автор статьи не уточняет, копии каких именно работ делал И.В. Киреев, но логично предположить, что это были копии работ брата автора писем, т. е. Н.А. Бестужева.

То же, но с меньшей долей подтверждения, можно предположить и в отношении изображения на другом листе альбома княгини: «Вид со двора

на Читинский острог». Художник И.В.Киреев (?), 1829–1830 гг. (по определению Е.А. Ячменева). Под изображением подпись по-французски: «Вид Читы. Сад во дворе большой тюрьмы». Это изображение могло быть исполнено И.В.Киреевым с утраченного бестужевского оригинала. Но поскольку качество этого рисунка ниже уровня мастерства Н.А. Бестужева, можно также предположить, что данная работа относится к тем, которые И.С. Зильберштейн назвал «авторскими повторениями, упрощенными и сделанными наспех». «Ведь в той же упрощенной манере Николаем Бестужевым были исполнены повторения и некоторых читинских видов, например «Вид комендантского сада в Чите» и «Берег Ингоды в Чите»²⁵. Приведенная выше цитата из монографии И.С. Зильберштейна позволяет рассматривать в том же ключе изображение и на пятом альбомном листе: «Берег реки Ингоды в Чите», предположительно, работы Н.А. Бестужева 1830-х гг. Подписи под изображением по-французски: «Вид Читы. 1. Сад коменданта. 2. Казачья слобода». На этом рисунке под изображениями сада и группы домов стоят цифры 1 и 2 соответственно. В исследовании И.С. Зильберштейна есть подробное описание акварели художника-декабриста, посвященной этому сюжету: «Акварель Бестужева, изображающая место купания декабристов, является одним из его наиболее интересных пейзажных произведений читинской поры. Наряду с правдивой передачей совсем неказистой, но глубоко поэтичной в своей простоте местности художнику удалось показать приближение осени. Справа на акварели изображен песчаный обрыв, чуть поросший кустарником, слева внизу – заливной луг и сад, обнесенный частоколом. Вдали – постройки, за ними горы, покрытые лесом. У подножия обрыва – женщина с бадейками на коромысле. Выразительно передана желтеющая листва предосеннего пейзажа, хорошо написана растительность, разные оттенки коричневой краски использованы для изображения склона»²⁶. О судьбе акварели И.С. Зильберштейн пишет следующее: «В числе тех акварелей с видами Читы и ее окрестностей, которые принадлежали Розену и в недавние годы находились в музее г. Изюма, имелось и превосходное авторское повторение того же сюжета. На нижнем поле акварели было каллиграфически выведено по-французски: «Чита. Предместье Култук, с западной стороны». Судьба этой акварели, так же, как и остальных трех бестужевских видов Читы, принадлежавших Розену, неизвестна»²⁷.

Это описание утраченной бестужевской акварели удивительно точно соответствует композиции акварели на ту же тему на пятом листе сибирского альбома Е.И. Трубецкой, хранящегося в Париже. Авторство Н.А. Бестужева в данном случае наиболее вероятно.

Еще на одном альбомном виде Читы представлены река и деревянные строения по ее берегам. На первом плане – три крестьянина с косами. Под изображением подписи: «1. Дом штаб-лекаря. 2. Дом и сад коменданта». Е.А. Ячменев определил авторство Н.А. Бестужева, как и в других случаях, со знаком вопроса. В монографии И.С. Зильберштейна подобное изображение не приводится и схожий сюжет не упоминается. Этот факт несколько затрудняет атрибуцию работы. Вместе с тем анализ изображения позволяет убедиться в сходстве художественного почерка автора этого рисунка и

предыдущего, что, в свою очередь, позволяет предполагать правильность определения автора работы как Н.А. Бестужева.

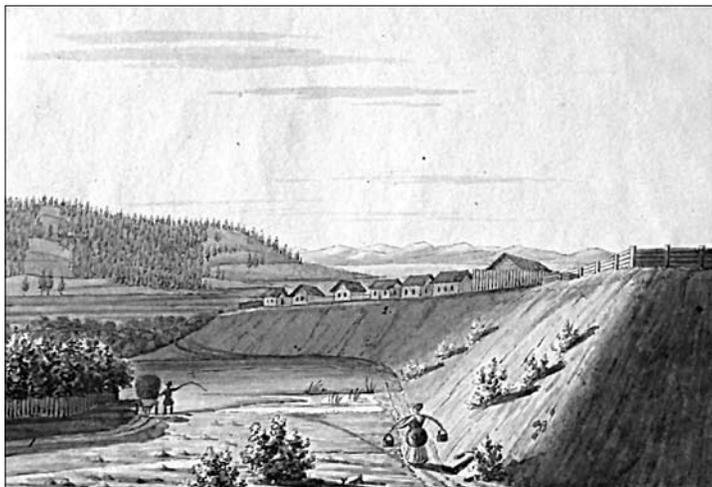
На первом листе с изображением Петровского Завода представлена Дамская улица. Подписи по-французски соответствуют нумерации на рисунке: «Вид Петровска. 1. Дом Александрины. 2. Наш. 3. Дом Анненковых. 4. Волконских. 5. Давыдовых. 6. Доменная печь. 7. Старая церковь». Предполагаемый, по определению Е.А. Ячменева, автор – Н.П. Репин. Автором подписей была указана Е.И. Трубецкая, но со знаком вопроса. Уточненный перевод подписей и анализ почерка, сделанные научным сотрудником Музея декабристов Л.Г. Гладовской, позволяют полагать, что подписи сделаны именно рукой княгини. В пользу этого предположения говорит, например, слово «наш», которым обозначен один из домов Е.И. Трубецкой в Петровском.

Определение авторства этой акварели весьма затруднительно. На сегодня известны три декабристских изображения Дамской улицы в Петровском Заводе. Первое – акварель работы Василия Петровича Ивашева. В настоящее время эта работа хранится в Государственном литературном музее в Москве. В 1988 г. она была опубликована в альбоме «Декабристы и Сибирь» без указания даты ее создания²⁸. Второе изображение Дамской улицы – рисунок Николая Петровича Репина, опубликованный в том же издании и датированный 1830–1831 гг. Место хранения – Всероссийский музей Пушкина в Петербурге²⁹. Третье изображение – это, очевидно, не публиковавшаяся ранее работа из парижского альбома кн. Е.И. Трубецкой. Сравнительный анализ трех этих изображений одного сюжета позволяет сделать вывод, что при фактически полном композиционном сходстве эти акварели значительно различаются по уровню художественного исполнения.

Менее совершенным в этом плане представляется рисунок Н.П. Репина, более искусно исполненными – работа В.П. Ивашева и рисунок из сибирского альбома Е.И. Трубецкой, приписываемый Н.П. Репину. Возвращаясь к сравнению трех вышеупомянутых изображений, необходимо отметить, что художественный почерк одного из них, а именно В.П. Ивашева, заметно отличен от других. Два же изображения, условно Н.П. Репина, имеют общие черты. Именно этот факт, то есть сходство почерка опубликованной ранее работы, изображающей Дамскую улицу в Петровском Заводе, и рисунка на ту же тему из парижского альбома, как нам кажется, позволил Е.А. Ячменеву предположить, что автором обоих изображений является Н.П. Репин.

К сожалению, нам не удалось найти публикаций, которые бы позволили составить определенное мнение об уровне таланта и мастерства В.П. Ивашева-художника. И.С. Зильберштейн отмечает: «Ивашева и Бестужева связывала общность художественных интересов. Ивашев любил живопись, сам рисовал... Как сообщает Михаил Бестужев, родители Ивашева, отправляя ему посылки, вместе со всякими домашними вещами иногда посылали «редкие рисунки и виды»; так, однажды к Ивашеву «был приглашен брат Николай, чтоб полюбоваться живописью»³⁰. Повторимся, что рисунок с изображением Дамской улицы в Петровском Заводе работы В.П. Ивашева отличается определенным мастерством и самобытностью. О ранее известном рисунке с тем же видом работы Н.П. Репина это сказать трудно. Об уровне художнического мастер-

ства Н.П. Репина и о приписывании ему некоторых работ Н.А. Бестужева И.С. Зильберштейн отзывается довольно резко: «...судя по тем подлинным работам Н.П. Репина, которые дошли до нас, это был столь плохой пейзажист, с такой примитивной дилетантской манерой письма, что приписать ему пей-

*Н.А. Бестужев (?). Вид Читы (сад коменданта и казачья слобода). 1829–1830.
Из сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой. Частное собрание. Париж*

зажи Николая Бестужева, отличающиеся отчетливым живописным почерком, можно было разве лишь по причине старческой забывчивости и полного неумения разбираться в произведениях изобразительного искусства»³¹.

В сравнении с видом Дамской улицы из альбома Трубецкой, рисунок, опубликованный Зильберштейном, представляется копией с оригинала, сделанного рукою более искусного мастера. Именно таким оригиналом в данном случае могла быть работа из альбома первой декабристки, поэтому возможно предположить, что автором его является Н.А. Бестужев. Когда-то, еще в начале своей деятельности на поприще художника-акварелиста, в Читинском остроге, Бестужев начал свой путь художника с копирования акварелей признанного мастера своего времени П.Ф. Соколова, привезенных в Сибирь женами декабристов. Сохранившиеся свидетельства тому брата художника декабриста М.А. Бестужева приводит И.С. Зильберштейн:

«Переход на акварель в больших размерах штрихами и крупными тонами – у него дело плохо ладилось, пока не получены были портреты работы нашего знаменитого портретиста Соколова. Брат был поражен его смелостью и бойкостью его кисти и, приняв его за образец, всю остальную, без сомнения самую большую, часть своей коллекции и множество портретов вне этой коллекции с наших дам, товарищей и многих знакомых, уже рисовал этою методою»³².

В годы пребывания Бестужева в Петровске опыт и мастерство художника-декабриста значительно выросли. Вот что пишет по поводу одного из бестужевских пейзажей Петровска И.С. Зильберштейн: «Следует отметить возросшее мастерство художника. Произведение это, несомненно, значительно сильнее читинских видов. Бестужев смело строит пространство в глубину

и умело намечает дали, он полностью овладел перспективой, рисунок его вполне точен, пропорции выдержаны. Хорошо передана воздушная среда, в пейзаже появилась прозрачность. Почти во всех деталях чувствуется уверенная рука мастера»³³.

Из вышеприведенной цитаты можно сделать вывод, что в петровский период Николай Бестужев не только уже перестал быть учеником, но и вполне мог быть учителем, а его работы – образцом для подражания. По-видимому, до нас дошли далеко не все работы Н.А. Бестужева, посвященные Петровскому Заводу. «Посылая в 1870 году М.И. Семевскому уцелевшие пейзажные работы брата, Михаил Бестужев писал: «Из восьми видов Читы у него осталось три, из шести видов Петровского осталось только три – все он раздарил»³⁴. Можно предположить, что одним из этих «раздаренных» видов был рисунок Дамской улицы, подаренный Трубецким, с которыми Бестужев был очень дружен все годы изгнания, а затем он оказался в альбоме княгини в Париже.

Известная же работа Н.П. Репина в таком случае могла быть копией, выполненной учеником, постигающим мастерство учителя.

Рассуждая об учителях и учениках, также необходимо упомянуть о детях декабристов, имеющих склонность к рисованию, а именно о сыне Давыдовых Василии и о дочери Трубецких Александре. В своей монографии И.С. Зильберштейн приводит цитату из письма А.И. Давыдовой к И.И. Пущину, в котором она пишет о сыне: «Вася большой охотник до рисования и много занимается; летом поедет в Петербург в Академию рисования, чтобы усовершенствоваться...»³⁵. Судя по репродукциям работ сына декабриста и сохранившейся копии общего вида Петровского Завода, как отмечает И.С. Зильберштейн, В.В. Давыдов «действительно был неплохим живописцем»³⁶.

Сохранилось множество сведений о любви к рисованию старшей дочери Трубецких Александры. И.С. Зильберштейн полагает, что известный портрет первой декабристки, выполненный Бестужевым, дошел до нас именно в копии, сделанной с оригинала художника рукою дочери Екатерины Ивановны Александры³⁷.

Александра Сергеевна могла делать и копии бестужевских пейзажей, о чем свидетельствует сохранившееся в архиве Бестужева письмо Александры Ребиндер к Е.А. Бестужевой, датированное 1854 г., в котором содержится просьба «одолжить ей ненадолго виды Читы и Петровского Завода, с которых ей хочется снять копию»³⁸.

Очень интересным представляется альбомный лист с изображением дома Трубецких в Петровском Заводе. По определению Е.А. Ячменева, автором данного изображения является декабрист В.П. Ивашев, и датирована работа 1830-ми гг.

Как уже отмечалось, сведений об Ивашеве-художнике, позволяющих в достаточной мере судить об авторском художественном почерке декабриста, не много. Искусствовед М.Ю. Барановская в своей статье, посвященной художникам-декабристам, называет В.П. Ивашева «талантливым художником» и отмечает, что «он рисовал пейзажи бегло и лаконично. В его рисунках есть мастерство. До

нас дошли его акварели, изображающие так называемую Дамскую улицу в Чите, свою камеру и камеры товарищей по Петровскому заводу»³⁹.

Большая часть работ, представленных в альбоме Е.И. Трубецкой, имеет некое стилистическое единство, а изображение дома Трубецких в Петровском отличается оригинальным почерком. Кроме того, стиль автора, создавшего изображение дома Трубецких в Петровском, как нам кажется, имеет общие черты со стилем, в котором исполнено изображение Дамской улицы в том же Петровском Заводе, атрибутированное как работа В.П. Ивашева.

На последнем, с видом Петровского Завода, листе изображены церкви в Петровском и декабристские могилы. Авторство и датировка, по определению Е.А. Ячменева, – Н.А. Бестужев. 1830-е гг. В данном случае с определением автора работы трудно не согласиться. Широко известна работа Н.А. Бестужева с изображением петровской церкви и некрополя, опубликованным, в частности, в монографии И.С. Зильберштейна⁴⁰ и в альбоме «Декабристы в изобразительном искусстве»⁴¹. Между акварелью, хранящейся ныне в отделе русской культуры Эрмитажа, и работой из сибирского альбома много общего – это, прежде всего, композиционное и стилевое единство. Различие двух рисунков – в количестве изображенных на них могил: на опубликованной работе представлены три могилы, на рисунке из альбома Е.И. Трубецкой – пять. Две могилы, изображенные на последней работе, – декабриста Александра Семеновича Пестова, умершего в 1833 г., и сына Ивашевых Александра, скончавшегося в 1834 г., – позволяют определить дату ее написания периодом с 1834 по 1837 г. Изображения храма и декабристских могил на работе из сибирского альбома пронумерованы и соответственно подписаны снизу листа по-французски: «Вид Петровска. 1. Старая церковь. 2. Могила Александрины и маленького Фонвизина. 3. Могила маленького Ивашева. 4. Могила Пестова, одного из осужденных, умершего в Петровском. 5. Могила дочери Анненковых». Подписи, как и на прежних листах, сделаны, скорее всего, рукою самой княгини как пояснения, предназначавшиеся для сестры Зинаиды, жившей в ту пору в далеком Неаполе.

Вышеприведенные соображения представляют собой очередную попытку атрибутирования изобразительных работ, составляющих сибирский альбом первой декабристки. Именно попытку, поскольку проблема атрибуции изобразительного наследия декабристов в целом существует давно.

Проблема эта имеет ряд факторов объективного характера. Так, например, многие сохранившиеся работы, даже Н.А. Бестужева, творчество которого является наиболее изученным, имеют спорную атрибуцию. Это связано, в частности, с тем, что, по свидетельству главного специалиста по данному вопросу И.С. Зильберштейна, попытка определения авторства некоторых сохранившихся и не имеющих подписи работ была предпринята только через 50 лет после их создания. Тогдашний владелец бестужевских акварелей М.И. Семевский через несколько лет после смерти М.А. Бестужева, прежде передавшего ему работы брата, почему-то решил уточнить их авторство и обратился за консультацией к А.Е. Розену, который, по мнению И.С. Зильберштейна, указал неверную атрибуцию ряда работ⁴².

Кроме того, существует проблема атрибутирования сохранившегося изобразительного наследия других художников-декабристов, например Я.М. Андреевича, И.А. Анненкова, Д.И. Завалишина, В.П. Ивашева, И.В. Киреева, А.М. Муравьева, Н.П. Репина. Многие из упомянутых художников-любителей, по свидетельству исследователей художественного наследия декабристов, находились в своем творчестве под влиянием более профессионального товарища – Н.А. Бестужева, что, в свою очередь, могло привести к заимствованию его творческого почерка. Это влияние Бестужева на своих товарищей и их подражание ему затрудняют определение работ, сделанных рукою самого Н.А. Бестужева, и, соответственно, работ его товарищей. Сложно заниматься атрибуцией декабристских работ, располагая цветными ксерокопиями изображений из сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой и черно-белыми репродукциями или только текстовым описанием работ художников-декабристов в научных публикациях, посвященных настоящей теме. Определить авторство той или иной работы весьма проблемно без возможности видеть непосредственно оригинал. Работы декабристов-художников хранятся в настоящее время в Музее А.С. Пушкина (Москва), Институте русской литературы (С.-Петербург), Третьяковской галерее (Москва), Государственном Историческом музее (Москва), Государственном Эрмитаже (С.-Петербург), а также в частных коллекциях. Только знакомство с сохранившимися оригиналами декабристского искусства, их анализ в сравнении с работами из альбома Трубецкой позволят, быть может, закрыть проблему их атрибутирования. Эта работа еще впереди.

Примечания

¹ Кологривов И.Н. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // Современные записки. Париж, 1936. Кн. 61. С. 278.

² Там же. Кн. 60. С. 204–205.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же.

⁵ Сергеев М.Д. С Иркутском связанные судьбы. Иркутск, 1986. С. 300.

⁶ Ячменев Е.А. Свидетель лет изгнания // Аргументы и факты. 2005. № 28.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Кологривов И. Княгиня Е.И. Трубецкая. Кн. 61. С. 278.

¹⁰ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 195.

¹¹ Кологривов И. Княгиня Е.И. Трубецкая. Кн. 61. С. 279.

¹² Там же.

¹³ Куйбышева К.С., Сафонова Н.И. Акварели декабриста Петра Ивановича Борисова. М., 1986.

¹⁴ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 222.

¹⁵ Там же. С. 196.

¹⁶ Кологривов И. Княгиня Е.И. Трубецкая. Кн. 61. С. 278.

¹⁷ Там же. С. 247, 254, 263, 267.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 206.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 207.

²² Там же.

- ²³ Там же. С. 209.
- ²⁴ Барановская М.Ю. Декабристы-художники // Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952. С. 56.
- ²⁵ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 238.
- ²⁶ Там же. С. 214.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Декабристы и Сибирь. М., 1988. С. 163, 259.
- ²⁹ Там же. С. 154, 258.
- ³⁰ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 290.
- ³¹ Там же. С. 202.
- ³² Там же. С. 113.
- ³³ Там же. С. 463.
- ³⁴ Там же. С. 215.
- ³⁵ Там же. С. 474.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 159.
- ³⁸ Там же. С. 474.
- ³⁹ Барановская М.Ю. Декабристы-художники. С. 56.
- ⁴⁰ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 475.
- ⁴¹ Принцева Г.А. Декабристы в изобразительном искусстве. М., 1990. № 36 (II 17).
- ⁴² Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 199–204.

Д.В. Ярош

К вопросу о быте семьи Трубецких на каторге и поселении

Работая в Государственном архиве Иркутской области над темой: «История сибирской библиотеки декабриста Сергея Петровича Трубецкого», нам удалось просмотреть дела Главного управления Восточной Сибири 24-го фонда об отправлении посылок и денег декабристам и их женам. Обнаруженные нами документы свидетельствуют о том, что в посылках присылались не только книги, но и все, что нужно было декабристам для жизни в суровых сибирских условиях, а именно одежда и продукты питания. В литературе тема быта декабристов изучена недостаточно, поэтому мы надеемся, что публикуемые материалы помогут более широко рассмотреть эту сторону жизни семьи Трубецких и в дальнейшем могут быть использованы в экспозиции музея.

Сохранившиеся документы 24-го фонда написаны на плотной бумаге, в большинстве дел почерк читаем. Но некоторые описи посылок, отправленных от графини С.И. Борх, родной сестры Е.И. Трубецкой, разобрать не удалось. В некоторых реестрах посылок указаны вес и количество присылаемых вещей.

В документах архива хранятся описи посылок на имя Е.И. Трубецкой с 1835 до 1839 г. В это время семья жила в Петровском Заводе. И обнаружен только один документ, который указывает на посылку, полученную в 1828 г. в Чите. Это реестр вещей, доставленных из Москвы мещанином Д.В. Бочковым. В нем перечислено содержимое посылки: вязаные башмаки, сукно синее 20 аршинов, холст 24 аршина, одеяла, платок, перчатки, курительный табак 25 фунтов, сапоги, вино, одеколон и даже ложки¹. Судя по этой по-

сылке, можно предположить, что Трубецкие использовали присылаемое не только для себя, но и помогали другим декабристам.

М.Н. Волконская в своих записках вспоминает: «Я получила «обоз» с провизией: сахар, вино, прованское масло, рис и даже портер; это единственный раз, что я имела это удовольствие; позже я узнала причину невнимания этого рода: мои родные уехали за границу. Между тем Каташа, Александрина и Нарышкина получали ежегодно все необходимое, так что всегда имелись вино и крупа для больных. Скоро нам разрешили свидание на дому, и как раз в это время я получила свою провизию; все было распределено между товарищами»².

После окончания каторги семья Трубецких в июле 1839 г. переехала на поселение в село Оёк Иркутской губернии. Данных о посылках Трубецким в этот период в архиве не обнаружено. Можно предположить, что их перестали контролировать (в то время как сведения о посылках другим декабристам находим в документах более позднего периода) или появились другие пути доставки, минуя Главное управление Восточной Сибири. Сохранились только данные о письме, пришедшем в 1840 г. «с ассигнациями на 1600 рублей и 16 билетами Государственного банка на 400 рублей серебром»³.

Посылки присылались в основном от матери Е.И. Трубецкой, графини А.Г. Лаваль, и от графини С.И. Борх. Кроме того, Трубецкие получали посылки и от своих товарищей: от Н.Д. Фонвизиной были отправлены книги⁴, от И.В. Киреева – «трубка в холсте с рисунком»⁵, от М.Ф. Митькова – «54 номера газеты (литературной) на французском языке»⁶. Документы свидетельствуют о том, что Трубецкие и сами отправляли посылки и даже деньги другим декабристам. Например, на имя И.Д. Якушкина были получены «письмо и сверток с французской книгой»⁷. «Жена Трубецкого отправила 200 р. государственным преступникам братьям Крюковым»⁸. А.А. и Н.А. Крюковы в то время находились на поселении в Енисейской губернии.

В Сибирь посылки доставляли: Санкт-Петербургский купец Григорий Федорович Чаплин, томский мещанин Копылов, иркутский мещанин Александр Ильин Балакшин, московский мещанин Данила Васильевич Бочков. За доставку посылок они получали вознаграждение. Например, Трубецкие «мещанину Балакшину за провоз 22 ящиков [заплатили] 1 р. 89 коп.»⁹. Для оберты ящиков использовались различные материалы, широко распространена была клеенка. Кроме того, пользовались холстом, реже – кожей. Посылки с винами и продуктами в основном отправляли в рогоже. Книги иногда пересылались в жестяных запаянных коробках¹⁰.

По дороге в Сибирь ящики нередко разбивались, их ремонтировали в близлежащих почтовых конторах (например, в Томской губернской почтовой конторе). Сохранились данные о средствах, потраченных на ремонт ящиков с 8 апреля по 1 июля 1837 г.

«Деньги, употребляемые на укупорку.

Г-же Трубецкой.

Для замены ящика куплено холста 8 арш. По 18 коп. на 1 р. 44 коп.

Веревки на завязку 9½ саж.³ по 8 копеек – 76 коп.

За исправление ящика – 35 коп.

Гвоздей железных на заколочку – 15 коп.»¹¹

Трубецким присылали самое необходимое: продукты, вещи, канцелярские принадлежности и др. Самими объемными были продуктовые посылки, но в них кроме продуктов пересылались и вина, «аптекарские вещи», восковые свечи, турецкий табак, а в некоторых – фаянсовая посуда. Посылки состояли из 18–22 ящиков. В период с 1835 по 1838 г. такие посылки Трубецкие получали один раз в год. В документах сохранились 4 полных реестра на посылки. Они дают нам сведения о потребностях семьи Трубецких на каторге. По одному из них, датируемому октябрем 1836 г., можно проследить движение посылки из Санкт-Петербурга в Петровский Завод. Посылку, адресованную Е.И. Трубецкой, в Иркутск доставил Г.Ф. Чаплин. Реестр состоял из 20 пунктов. Сюда входили: крупы, макароны, чай, мука, масло, табак, вина, посуда, «аптекарские вещи», в том числе различные травы¹². Другой реестр, перечень которого полностью совпадает с вышеуказанным, датируется также октябрем 1836 г., только об отправлении из Иркутска в Петровский Завод, и уже мещанином А.И. Балакшиным. Это свидетельствует о том, что реестры относятся к одной и той же посылке. Второй реестр составлен очень подробно, с указанием веса и общей стоимости всех посылаемых вещей. Приводим документ в полном виде.

«Фактура

На отправленные вещи и провизию из Иркутска в Петровский Завод, следующие от графини Александры Григорьевны Лаваль к господину коменданту при Нерчинских рудниках генерал-лейтенанту Лепарскому чрез подрядчика иркутского мещанина Александра Балакшина¹³.

А именно

	чистая		с тарой	
	пуд.	ф.	пуд.	ф.
1. Чаю цветочного	1	16	2	22
2. Кофею	3		18	4
Сахару-рафинаду	12			
3. Манной крупы	3			
Сыру швейцарского	1	10	14	3
Пармезану	-	24		
Зеленого	-	25		
Крупы рис	3			
Гороху сахарного	-	10		
Коринки мелкой	1			
Черносливу французского	-	20	3	23
Перловой крупы	1			
4. Макароны	1	10		
Вермишель	1	5		
Итого			38	12

5. Муки белой	5		10	35
Бобов белых	2			
красных	1			
русских		20		
Чечевицы		20		
6. Изюм синий		28		37
7. Бобов соленых	1			29
8. Свеч восковых	3		3	19
9. Табаку турецкого	2		2	33
10. Вина Сент-Эстеф 48 бутылок			5	17
11. Медок с тарой 48 бутылок			5	28
12. Тоже медок с тарой 48 бутылок			5	20
13. Го-Сотерн 50 бутылок			5	37
14. Мадеры лучшей 60 бутылок			6	30
15. Мускат Люнель 25 бутылок			5	26
Малаги лучшей 24 бутыл.				
16. Прованского масла ↑ сорту 50 бутыл.			5	23
17. Одеколон 36 флаконов			1	23
Одеколон 36				
18. Посуда фаянсовая			8	12
19. Аптекарских вещей				
Земляники сухой		10		
Малины		10		
Итого			69	34
Самбуку		10	5	24
Липового цвета		10		
Мяты		15		
Шалфею		15		
Ромашки		20		
Зверобою		10		
Пудру для детей		5		
20. Тоже Аптекарские вещи				
10 кусков магнолии			3	12
10 банок				
10 [банок] Гофманских капель				
6 [банок] Флердоранж				
6 [банок] мятной воды				
6 коробок <неразб>				
6 лепешек ипекакуан				
10 [лепешек] мятных				
На 3395 рублей				
Всего			117	2

«Аптекарские вещи» семья Трубецких использовала для лечения различных недугов. Например, самбук – дерево или куст бузины. Сок из плодов бузины использовался как слабительное, а получаемое из них повидло – как

действенное средство против кашля и простудных заболеваний. Гофманские капли – это лекарство, получаемое смешением одной весовой части серного эфира с двумя-тремя частями винного спирта; применялись при тошноте. Ипекакуана – южноамериканское растение. Лекарственное вещество из корней этого растения использовалось в медицине как отхаркивающее и рвотное средство. В лекарственных целях присылались «жене государственного преступника Трубецкого и для пользы других 2150 пиявок в трех посудилах на 360 руб.»¹⁴. Количество присылаемых лекарств может свидетельствовать о том, что Трубецкие делились ими с товарищами.

Все реестры продуктовых посылок по составу практически совпадают, но небольшие различия все же есть. Так, в некоторых реестрах присутствуют: мельница для кофе¹⁵, уксус французский, шоколад, мыло, курительные свечи, порошковая сода, спирт¹⁶.

Большое количество посылок приходило Трубецким с вещами – детскими ситцевыми и женскими фланелевыми платьями, шерстяными шарфами, дамскими атласными головными уборами, кружевными чепцами¹⁷, кроме того, они получали кисею, холстинку, ситец, фланель¹⁸. Вместе с вещами присылали книги: «Ящик с разным бельем, башмаками, перчатками, суконным картузом и 38 французскими книгами всего ценой на 800 р.»¹⁹, а также канцелярские принадлежности. «Екатерине Трубецкой: ящик, зашитый в холсте с одеялом 2, кофтами коленкоровыми 12, двойными простынями 12, бумагою большелистою, письменною 40, почтовою 50, тетрадною 250, конвертами [в] 10 пакетах, 100 перьев в 4 пакетах, 50 <неразб.> в 2 пакетах, 3 банки сухих чернил, 3 связки карандашей, географическою картою России в футляре с книгою Всеобщей географией Арсеньева, и особо 10 книгами на французском языке, уложено на 800 рублей»²⁰. С.П. Трубецкой в письме С.Н. Муравьевой (дочери Н.М. Муравьева) от апреля 1838 г. подтверждает факт получения канцелярских принадлежностей. «Сашенька [Александра Сергеевна, старшая дочь Трубецких] получила от своей бабиньки бумаги и карандашей черных и красных и краски, и тетрадь с носами, глазами, ушами, головами и прочая, которую она намерена перерисовать, чтоб не выходили вперед у ней на рисунках кривые лица»²¹.

Кроме вышеуказанного, Трубецким присылали огородные семена: свеклы красной, репы петровской, петрушки корневой, сельдерея корневого, капусты разных сортов, гороха, бобов, огурцов муромских и других. Подтверждение тому, что декабристы в Петровском Заводе занимались земледелием, находим в письме Н.А. Бестужева сестрам от января 1838 г.: «Сегодня посажены у нас в горшках китайские огурцы, которые в начале марта перейдут в маленький парничок и дадут в начале мая свежие огурцы»²².

В статье рассмотрена одна из сторон быта семьи Трубецких. По данным ГАИО, вещевые посылки присылались значительно чаще, чем продуктовые. Например, в 1836 г. Трубецкие получили 12 таких посылок на сумму 4770 рублей. Содержимое продуктовой посылки 1836 г., согласно вышеприведенному реестру, оценивалось в 3395 рублей. Таким образом, общая стоимость посылок в 1836 г. составила 8165 рублей, и это только по официальным данным. Кроме того, Трубецким присылали и деньги. В том же 1836 г. они по-

лучили 16 118 рублей. Все эти данные приблизительные, потому что иногда деньги женам декабристов присылали, минуя Главное управление. Так, М.Н. Волконская пишет: «Александрина, получавшая тайком много денег от свекрови, то через посылаемого к ней слугу, то другим каким-либо путем, выстроила себе дом»²³.

Кое-что из того, что присылали декабристам родные, можно было купить и в Петровском Заводе. В письме дочери А.И. Давыдова пишет: «<...>не могу ничего хорошего тебе послать. Купить бы можно здесь, но и рубля нету в доме»²⁴.

При отправлении в далекую Сибирь женам декабристов «ни денежных сумм, ни вещей многоценных» взять с собой не разрешили²⁵. Также они должны были постоянно отчитываться, на что потратили свои деньги. Помощь родных помогла декабристам выжить в трудные годы изгнания.

Примечания

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 47. К. 3. Л. 7.

² Записки княгини М.Н. Волконской / Под ред. Н. Морозова. Чита, 1956. С. 87. *Каташа* – Екатерина Ивановна, жена С.П. Трубецкого. *Александрина* – Александра Григорьевна, жена Н.М. Муравьева. *Нарышкина* – Елизавета Петровна, жена М.М. Нарышкина.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 52. К. 28. Л. 24.

⁴ Там же. Д. 9. К. 21. Л. 84.

⁵ Там же. Д. 5. К. 29. Л. 40 об.

⁶ Там же. Д. 11. К. 22. Л. 437.

⁷ Там же. Д. 9. К. 29. Л. 23 об.

⁸ Там же. Д. 13а. К. 23. Л. 46.

⁹ Там же. Д. 28. К. 27. Л. 191 об.

¹⁰ Там же. Д. 5. К. 29. Л. 23 об.

¹¹ Там же. Д. 28. К. 27. Л. 124. Сажень – русская мера длины. 1 сажень = 3 аршинам = 7 футам = 2,1336 м.

¹² Там же. Д. 5. К. 29. Л. 42 об.

¹³ Там же. Д. 11. К. 22. Л. 419. Пуд – русская мера массы (веса). 1 пуд = 40 фунтам = 16,38 кг.

¹⁴ Там же. Д. 7. К. 29. Л. 52 об.

¹⁵ Там же. Д. 28. К. 27. Л. 179 об.

¹⁶ Там же. Д. 40. К. 28. Л. 122.

¹⁷ Там же. Д. 4. К. 21 Л. 10.

¹⁸ Там же. Д. 28. К. 27. Л. 90.

¹⁹ Там же. Л. 198.

²⁰ Там же. Д. 40. К. 28. Л. 6.

²¹ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / Изд. подг. В.П. Павловой. Иркутск, 1987. С. 90.

²² *Бестужев Н.А.* Сочинения и письма / Изд. подг. С.Ф. Ковалем. Иркутск, 2003. С. 389.

²³ Записки княгини М.Н. Волконской. С. 96.

²⁴ *Давыдов В.Л.* Сочинения, письма / Изд. подг. Т.С. Комаровой. Иркутск, 2004. С. 85.

²⁵ Записки княгини М.Н. Волконской. С. 60.

Сохранение историко-культурного наследия

А.И. Нефедьева

Дом Е.И. Трубецкой в Петровском Заводе

После разгрома восстания на Сенатской площади в декабре 1825 г. его участники были отправлены в Сибирь. Вслед за декабристами разделить участь мужей прибыли их жены. Героические женщины отказались от дворянских прав и привилегий и перешли на бесправное положение жен государственных преступников. Самой первой проложила путь в далекую Сибирь княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль.

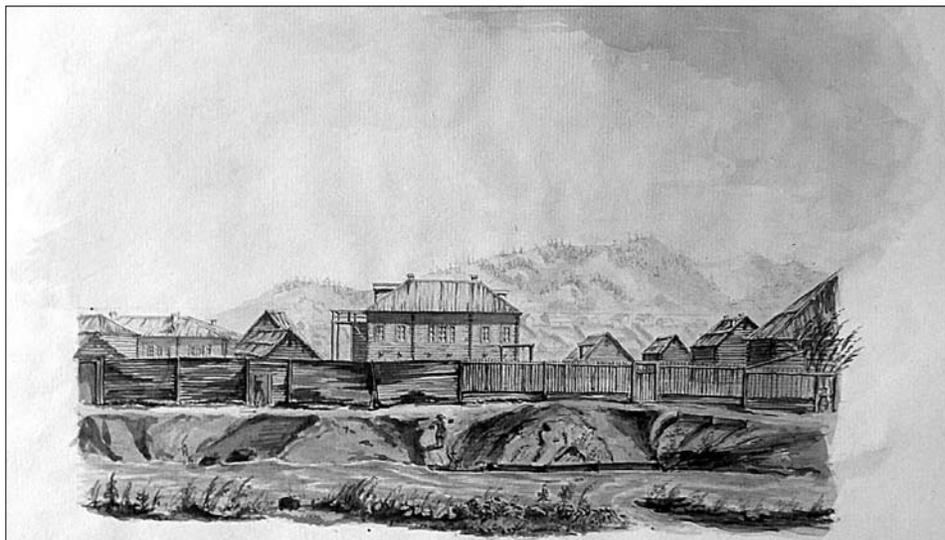
«Женщина с меньшею твердостью, – писал А.Е. Розен, – стала бы колебаться, условливаться, замедлять дело переписками с Петербургом и тем удержала бы других жен от дальнего напрасного путешествия. Как бы то ни

*В.П. Ивашев (?). Вид Петровского. Дамская улица. 1830–1835.
Из сибирского альбома кн. Е.И. Трубецкой. Частное собрание. Париж*

было, не уменьшая достоинств других наших жен, разделявших заточение и изгнание мужей, должен сказать положительно, что княгиня Трубецкая первая проложила путь, не только дальний, неизвестный, но и весьма трудный, потому что от правительства дано было повеление отклонить ее всячески от намерения соединиться с мужем»¹.

В январе 1827 г. Е.И. Трубецкая прибыла на Благодатский рудник, где прожила семь месяцев вместе с княгиней М.Н. Волконской в крестьянской избе со слюдяными окнами и дымящейся печью. Е.П. Оболенский позднее писал: «Прибытие этих двух высоких женщин, русских по сердцу, высоких

*В.П. Ивашев (?). Вид Петровского. Дом Трубецких. 1830–1835.
Из сибирского альбома кн. Е.И.Трубецкой. Частное собрание. Париж*

по характеру, благотельно подействовало на нас всех; с их прибытием у нас составила семья»².

В сентябре 1827 г. приходит распоряжение перевести декабристов в Читинский острог. Сюда начинают приезжать и остальные жены. По прибытии декабристки поселились вблизи тюрьмы в простых деревянных избах.

П.Е. Анненкова писала в своих воспоминаниях: «По приезде в Читку все дамы жили на квартирах, которые нанимали у местных жителей, а потом мы вздумали строить себе дома, и решительно не понимаю, почему комендант не воспротивился этому, так как ему было известно, что в Петровском Заводе было назначено выстроить тюремный замок для декабристов. Хотя, конечно, дома наши, выстроенные вроде крестьянских изб, не особенно дорого стоили, но все-таки это была напрасная трата денег, так как мы оставались в Чите только три с половиной года»³.

В августе 1830 г. декабристов перевели из Читы в Петровский Завод. Как и в Чите, жены декабристов построили себе дома, застроив ими небольшую улицу. Из воспоминаний О.И. Анненковой, дочери декабриста И.А. Анненкова: «Когда мужей перевели из Читы, почти у всех жен были куплены дома. Только баронесса Розен и Юшневская не имели собственных, а нанимали у обывателей. Они жили недалеко друг от друга на одной улице, которую сами декабристы стали называли «дамской» а местные жители – «барской» или «княжеской»⁴. На рисунке декабриста В.П. Ивашева показан общий вид Дамской улицы.

В отличие от декабристских домов в Чите, дома в Петровском Заводе были просторнее. Но при всем при этом они были очень скромны и в своем внешнем облике имели много сходства. По воспоминаниям Н.В. Басаргина, «каждая из дам, живши еще в Чите, или построила себе, или купила и отделила свой собственный домик в Петровском Заводе. Это исполнили они не сами, а поручили, с согласия коменданта, кому-то из знакомых им чиновников, так что, по прибытии их туда, дома для всех были уже готовы»⁵.

Но дом Е.И. Трубецкой к тому времени не был готов, об этом свидетельствует ее письмо матери А.Г. Лаваль от 28 сентября 1830 г., в котором Трубецкая сообщает: «...я должна буду строиться, об этом я напишу в ближайшем письме»⁶.

Установить точную дату постройки дома Екатерины Ивановны сложно, поскольку в разных источниках дается разная информация, но предположительно он был построен в период с 1830 по 1832 г.

Дом находился на берегу речки, вблизи каземата. Согласно рисунку В.П. Ивашева, он был рубленый, необшитый, с четырехскатной тесовой крышей и подшивным дощатым карнизом. Это был двухэтажный тщательно отделанный «шестистенок». В.А. Обручев писал: «Простой, бревенчатый, он, однако выделялся из всех заводских зданий стройностью и красотой размеров»⁷.

Екатерина Ивановна так описывала свой дом в письме от 29 мая 1836 г.: «У нас двухэтажный дом. В нижнем – комната для служанки и кладовые. В верхнем этаже 3 комнаты. Я сплю в 1-й из них с Никитой и его кормилицей. Другую занимают две малышки и их няня, а средняя служит гостиной, столовой и кабинетом для учебных занятий Сашеньки. Окна наши выходят на тюрьму и горы, которые нас окружают»⁸.

В Государственном архиве Забайкальского края (далее: ГАЗК) имеется документ «Атлас казенных строений при Петровском Заводе за 1842 год». В нем мы можем увидеть чертежи и фасады домов жен декабристов, в том числе и дом Е.И. Трубецкой. Дом действительно был построен в два этажа, к главному фасаду дома примыкало парадное крыльцо с открытым балконом над ним. Также около дома располагалось строение – амбар, огорожен дом был деревянной оградой, стоящей на кирпичных столбиках⁹.

В 1839 г. Трубецкие уезжают на поселение в с. Оёк Иркутской губернии и продают свой дом ведомству завода. После их отъезда в доме долгое время располагалась контора¹⁰.

С 1852 г. в доме проживал помощник управляющего заводом¹¹. В фонде ученого секретаря областного краевого музея Н.С.Тяжелова приводится письмо декабриста И.И. Горбачевского Е.П. Оболенскому от 17 июля 1861 г., опубликованное в журнале «Русская старина» в сентябре 1903 г., где он пишет: «В доме А.Г. Муравьевой теперь казарма солдат, в доме А.И. Давыдовой казарма ссыльных, в доме Трубецкой – квартира управляющего заводом, в доме Анненковой – контора»¹².

В фонде Н.С.Тяжелова в исторической справке о Петровском Заводе найдены следующие сведения: дом был куплен купцом Иофишем, который перенес его в 1914 г. с улицы Дамской на улицу Тумановскую (в 1922 г. пе-

реименована в Декабристов) и сдавал в аренду. По воспоминаниям жителей Петровского Завода, в этом доме в 1914 г. располагалась почтовая контора¹³.

По материалам действительно числится домовладелец Иофиш, проживающий по улице Тумановской, владение 19. А в доме проживают фотограф Арапов с семьей и начальник почтово-телеграфной конторы Солнцев с женой и детьми¹⁴.

Предположительно, с начала 1950-х гг. в доме был размещен Дом колхозника. При обследовании памятников Петровского Завода в 1952 г. старшим инспектором управления культуры г. Читы Курбатовой было установлено следующее: дом Трубецкой не сохранился в своем первоначальном виде, перестроен внутри и снаружи. Данный дом является собственностью райкомхоза, в нем помещается Дом колхозника¹⁵.

Решением заседания горисполкома Петровского Завода от 27 мая 1954 г. дом Е.И. Трубецкой, находящийся по улице Декабристов, 19, передается из ведения райисполкома в ведение горисполкома¹⁶.

В 1973 г. исполком городского и районного совета принял решение об открытии в доме Трубецких музея декабристов. Музей был открыт после реставрации в октябре 1980 г.

Примечания

¹ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 229.

² Сергеев М. Подвиг любви бескорыстной. М., 1976. С. 26.

³ Анненкова П. Воспоминания. М., 2003. С. 120.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 152–153.

⁶ Кирсанов Н. Трагедия диктатора. Омск, 2006. С. 121.

⁷ Цит. по: Краснова З.В. О домах жен декабристов в Петровском заводе // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 192.

⁸ Цит. по: Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. Иркутск, 1987. С. 15.

⁹ ГАЗК. Ф. 70. Оп. 5. Д. 600. Л. 9.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 214. Л. 600.

¹¹ Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 450. Л. 1.

¹² Там же. Ф. Р-1411. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

¹³ Там же. Л. 37.

¹⁴ Там же. Ф. 19. Оп. 3. Д. 119. Л. 226.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1210. Оп. 1. Д. 37. Л. 193–194.

¹⁶ Там же. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.

И.П. Пинайкин

Загадки старого дома (строительная история Дома-музея Трубецкого)

Иркутянам хорошо знаком несколько необычный по своей архитектуре старый деревянный дом по ул. Дзержинского, 64, известный в городе как Дом-музей декабриста С.П. Трубецкого. Это одна из архитектурно-исторических достопримечательностей города Иркутска, символ эпохи декабристов. Его внешний облик, знакомый нам последние тридцать лет, был воссоздан в 1970 г. после реставрации и приспособления здания под музейную экспозицию.

Существует несколько версий, определяющих принадлежность дома семье Трубецких, а также и другим членам декабристского сообщества.

По одной из них, С.П. Трубецкой проживал в доме с 1854 по 1856 г. По другой версии, в этом доме проживала одна из дочерей Трубецкого. Есть

Дом по ул. Дзержинского, 64. Собрание ИОКМ. Фото Новоселова. 1920-е – нач. 1930-х

также предположение, что с 1952 г. владелицей дома была дочь декабриста А.М. Кюхельбекер с мужем В.К. Миштовтом.

Более правдоподобной, по мнению бывшего директора музея декабристов Е.А. Ячменева, является версия, согласно которой, изначально в этом доме в 1843–1848 гг. проживал декабрист И.В. Поджио, а впоследствии владельцами дома были дочь декабриста А.М. Кюхельбекер с мужем В.К. Миштовтом. При отсутствии ясности в отношении истории этого строения практически никто не подвергал сомнению подлинность его изначального архитектурно-конструктивного устройства.

Удивительно, но история строительства знакового городского объекта практически не оставила следов как в городских архивах, так и в архивах государственных органов по охране объектов культурного наследия. Неизвестны точная дата строительства, автор проекта и первоначальные владельцы дома.

Необычно также и то, что не все результаты первых подробных архитектурных исследований, которые проводились в 1960-е г., были известны иркутским специалистам.

Напомним, что в 1966–1970 гг. перед приспособлением здания под нужды музея были проведены архитектурно-археологические исследования. Работы проводились специалистами Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры (далее ЦНРМ) под руководством архитектора Г.Г. Оранской. По материалам этих изысканий был разработан и реализован проект реставрации и приспособления здания.

Материалы не были сохранены в архиве Иркутского ЦСН и стали известны иркутским специалистам только в 2007 году. Соответственно, они никак не были учтены при разработке проекта реставрации 2005 года (главный архитектор проекта Л.К. Клайс), который, с небольшими изменениями, и реализован в настоящее время.

Между тем уже в ходе этих исследований были выявлены некоторые интересные архитектурно-конструктивные особенности строения. В частности, важное наблюдение, принципиально меняющее представление о первоначальной конструктивной схеме здания, было сделано при проходке шурфов под наружными стенами южного и западного фасадов. Там были обнаружены остатки деревянных «стульев» (деревянных столбчатых фундаментов), на основании чего архитектором Г.Г. Оранской был сделан вывод о более позднем периоде устройства каменной кладки подклета (в оригинале – цоколя). Однако это наблюдение зафиксировано только в виде примечаний на листах № 1 и 3 «Натурных исследований» 1967 г. Из материалов изысканий не вполне понятно, считала ли автор более поздним каменный вариант только наружных стен и признавала изначальную подлинность внутренних. Или, по умолчанию, все конструкции подклета были истолкованы Г.Г. Оранской как поздние. В пользу первого предположения косвенно свидетельствует принятый и реализованный в ходе реставрации 1960-х годов вариант частичной замены каменных наружных стен в осях 5-6 рубленным «новоделом».

В материалах ЦНРМ, однако, нет ответов на целый ряд других вопросов, неизбежно встающих даже при беглом осмотре здания. Например, насколько обоснованна и допустима конструктивная схема мезонина, никак не увязанная с нижележащими стенами и перекрытиями? С чем связано отсутствие под продольной бревенчатой стеной первого этажа опоры в подклете в виде продолжения самой стены или других опорных конструкций, например стоек? Чем обусловлена схема раскладки видимых потолочных балок, явно не согласованная с положением стены, разделяющей «гостиную» и «диванную»? Чем объясняется устройство перегородки, разделяющей «теплые сени» и «кабинет», прямо по краю оконной колоды? Большие сомнения вызывала также подлинность двери из «теплых сеней» в «буфетную», поскольку здесь прямо нарушались требования по минимально допускаемым размерам простенков.

В целом, оценивая материалы изысканий 1960-х гг., можно полагать, что законченной версии исходного объемно-планировочного и конструктивного устройства здания, которая легла бы в основу проекта первой реставрации, по материалам этих исследований сформулировано не было.

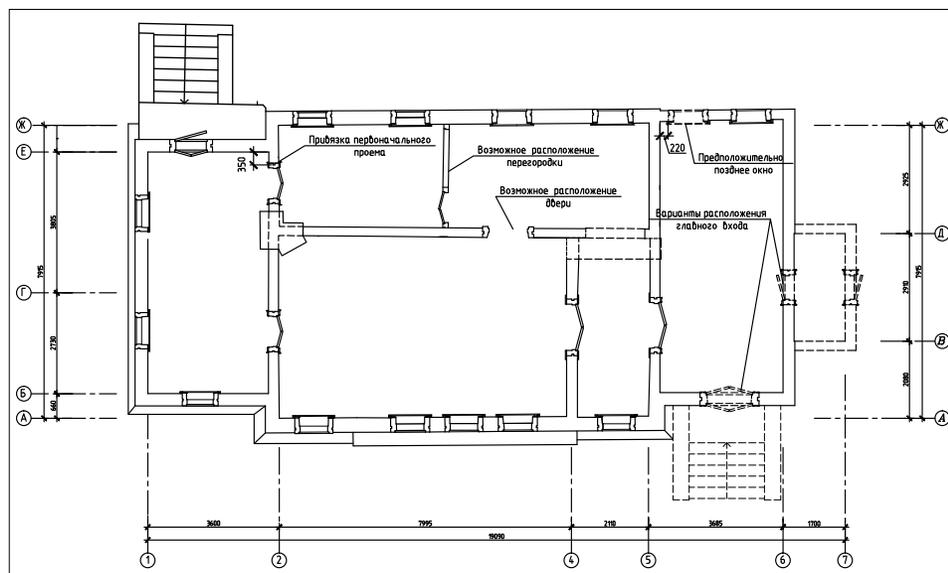
Обследование памятника в 2005 г., накануне второй реконструкции, проводилось в процессе эксплуатации здания в обычном режиме экспозиции. Доступ к скрытым под штукатуркой и фасадной отделкой узлам и деталям строения был сильно ограничен. Это не позволило дать объективную оценку состояния здания.

Возможность подробного изучения дома появилась только с началом его реконструкции весной 2007 г. На период проведения обследования экспертная группа еще не располагала материалами изысканий 1960-х гг. и вела свою работу практически с «чистого листа».

Результаты инженерного обследования достаточно подробно изложены в отчете 2007 г. (см.: Архив ООО ТПО «Иркутскархпроект». Т. 2. Кн. 5. Ч. 3. Шифр 393-07). Важно отметить, что в процессе производства работ эти материалы были расширены и дополнены.

По материалам обследования были внесены принципиальные изменения в конструктивно-технологическую часть проекта реставрации. В связи с большим объемом утрат и повреждений стен восстановление здания было предложено выполнить методом реставрационной разборки, а каменную кладку подклета усилить путем внедрения скрытых железобетонных элементов.

Анализ материалов этого инженерного обследования, а также результаты ранее проведенных изысканий позволяют сформулировать предполагаемый перечень и состав основных строительных этапов раннего (досоветского) периода эксплуатации здания. Следует оговориться, что он предложен толь-

Предполагаемая планировка дома на первом этапе строительства.

Автор И.П. Пинайкин. 2007

ко в качестве рабочей версии и может уточняться в ходе дальнейших исторических исследований.

Начало первого этапа строительства и эксплуатации дома датируется, по нашим оценкам, 1844–1850 гг. Изначально он был одноэтажным, без под-

клетка и мезонина на деревянном столбчатом фундаменте. Предполагаемая планировка дома представлена на рисунке. Ниже изложены основные аргументы и соображения в поддержку этой версии.

1. Границы строения в осях 1-6 не подлежат сомнению, поскольку остатки деревянных столбчатых фундаментов и фрагменты оклада были обнаружены нами и под остальными стенами здания. Факт наличия тамбура (или прируба санузла?) в первый эксплуатационный период подтвердить или опровергнуть невозможно, поскольку все подлинные конструкции этой части строения, включающей и так называемые холодные сени, были утрачены при реставрации 1960-х гг. Основной вход в здание мог быть расположен как с торца здания, по оси 6, так и с главного фасада по оси Б.

Новодел 1970-х гг., устроенный при реставрации западной части здания, исключает возможность оценки подлинности существующих окон и дверей. Между тем далеко небесспорным представляется воссоздание на месте дверного проема второго окна, в непосредственной близости (220 мм) от поперечной капитальной стены по оси 5. Размер простенка, т.е. выпуск венца, недопустимо мал. Еще меньшим был этот простенок у зафиксированной на обмерах 1966 г. двери, его величина составляла всего около 80 мм. В капитальных деревянных строениях выпуски венцов в угловых врубках, для предупреждения скалывания, никогда не принимались менее одного диаметра бревна (около 300 мм), и такие ограничения соблюдались весьма строго. Может быть, на этом фасаде в осях 5-6 было всего одно окно?

Допуская наличие первоначальной двери на месте существующего главного входа, трудно согласиться с принятыми размерами проема. Для размещения высокой двери потребовалось опустить проем ниже уровня окладного венца и разрезать его, чего никогда не делалось в деревянных срубах, тем более, устроенных на столбчатых фундаментах. К «холодным сеням», по данным Г.Г. Оранской, примыкал пристрой туалета с рубленным бревенчатым выгребом.

2. Изначальное отсутствие мезонина, по нашему убеждению, не вызывает никаких сомнений. Об этом свидетельствует целый ряд обстоятельств. Во-первых, пропорции и посадка мезонина хорошо вписаны только в общую композицию здания, но он никак не увязан с конструкциями нижележащих стен и перекрытий. Стены мезонина посажены прямо над оконными проемами, а подкосы консолей на дворовом фасаде оперты на венцы оконных перемычек. Между тем силовые элементы такого типа всегда совмещают с простенками здания. Во-вторых, оклады мезонина устроены непосредственно на плахах наката, а не на нижележащих балках перекрытия, хотя такое конструктивное решение прямо напрашивается в данной ситуации. Сами балки перекрытия ритмично разложены в габарите первоначальной гостиной в осях 2-4, но никак не связаны со срубом мезонина.

3. Стена, разделяющая «гостиную» и «диванную», является обычной дощатой перегородкой, набранной из двухкантного бруса толщиной около 100 мм. Она не перерублена с капитальными стенами, а примыкает к ним через пазованные привалочные брусья. Предположение о первоначально едином объеме гостиной хорошо согласуется с характером членения потолка балка-

ми перекрытия, ритмичную схему раскладки которых перегородка явно нарушает. Сама перегородка срублена достаточно качественно с припазовкой и чистой острожкой венцов.

4. Здание отапливалось двумя угловыми печами, расположенными в пересечении стен Д/2 и Д/4-5. Проемы под них были изначально обустроены при рубке здания, что подтверждается результатами последнего инженерного обследования. Следует отметить, что печь в осях Д/4-5 эксплуатировалась вплоть до начала 1970-х гг. Она зафиксирована на фотографии начала XX в. и фотографии советского периода, ошибочно датированной 1970 г., но уже отсутствует в обмерах Г.Г. Оранской 1966 г. Вопрос о размерах и компоновке этой печи остается открытым. Обследованием зафиксирован проем, капитально обустроенный на всю ширину «приемной». Вполне возможно, что печь использовалась для отопления как «гостиной», так и «холодных сеней». На это косвенно указывает восстановленный здесь в «новоделе» фрагмент стены по оси 5. Топка печей, вероятно, осуществлялась со стороны «буфетной». Следует отметить, что печь в осях Д/2 была изначально ближе к главному фасаду примерно на 35 см.

5. Вопрос о функциональном назначении помещения в осях 1-2 не получил однозначного ответа. В случае его использования в качестве спальни или кабинета помещение должно было быть отгорожено от дворового входа перегородкой. Однако никаких следов ранних конструкций нами обнаружено не было. Существующая перегородка «музейного» периода эксплуатации устроена при реконструкции здания в 1960-х гг.

6. Первоначальная дверь, соединяющая «буфетную» с «теплыми сенями», отстояла от наружной стены на 35–40 см, о чем свидетельствуют торцевые спилы нового откоса, проходящие прямо по первоначальным вставным шипам. Настоящая дверь, напротив, смещена к стене практически вплотную из-за рядом расположенной поздней печи. Существующие двери из «буфетной» в «холодные сени» однозначно поздние и устроены в советское время.

7. Есть все основания полагать, что при строительстве дома изначально не предусматривалось какой-либо дополнительной отделки интерьеров. Во-первых, внутренние грани венцов вытесывались заподлицо, в одну плоскость, с последующей чистой острожкой стены. Все усущенные трещины тщательно законопачены жгутами пеньки. При подготовке поверхностей под штукатурку такая обработка, наоборот, противопоказана. Во-вторых, на повышенные требования к качеству интерьеров «гостиной» указывает принятый способ перевязки бревенчатых стен в осях Б/2, Е/2 и Б/5. Венцы продольных стен не имеют сквозного переруба (выхода) в интерьеры «гостиной», а крепятся к ним в глухие прямые гнезда глубиной до 70 мм. Решение об устройстве штукатурки было принято значительно позднее. На это указывают изрядно потемневшие поверхности стен под драпкой и штукатурным наметом. Не случайно для лучшего удержания намета перед набивкой драпки по всей поверхности стен были сделаны затеси.

8. Фасады строящегося дома изначально предполагалось обшивать доской, о чем свидетельствует достаточно грубая наружная теска венцов и

отсутствие признаков атмосферной деструкции древесины, неизбежной в условиях открытой эксплуатации стен.

Таким образом, первоначальная архитектура одноэтажного здания была значительно скромнее дома Трубецких в Знаменском предместье г. Иркутска или дома Волконских.

Однако общее объемно-планировочное построение здания все-таки позволяет предположить, что его первым владельцем был человек дворянского происхождения, при этом, возможно, достаточно ограниченный в средствах.

Второй этап развития здания наступил, по нашим оценкам, через 7–10 лет, т. е. датируется 1850–1858 г. В этот период, вероятно, и появился каменный подклет, был устроен мезонин и сделана перегородка в «гостиной». На относительно небольшой временной интервал между первым и вторым этапами указывает целый ряд конструктивных и технологических особенностей сруба: сходное состояние древесины и характер обработки наружных и внутренних поверхностей стен, приемы рубки,

Конструкция мезонина на южном (дворовом) фасаде. 2007. Фото И.П. Пинайкина

тип и состояние других материалов (мох, дранка, гвозди).

С устройством мезонина появился проем в перекрытии для спуска в подклет и лестница подъема на мезонин. Появилась, разумеется, и третья печь для отопления мезонина. Все конструкции существующей лестницы – поздние, они устроены в период реконструкции 1960-х гг. К конструкциям раннего периода можно отнести только дощатую заборку, отделяющую лестницу от «буфетной». Сама же компоновка лестницы, по нашим оценкам, близка к первоначальной.

Смещение продольной стены подклета по отношению к вышележащей стене первого этажа может объясняться двумя причинами. Во-первых, перевязке стен подклета мешали печные фундаменты, а во-вторых, близко расположенная стена не позволила бы разместить лестничный марш в подклет.

Не вполне понятна ситуация с печью мезонина. По некоторым признакам – она поздняя, однако на стороне печи, обращенной в «буфетную», в штукатурном растворе обнаружены фрагменты газеты с хроникой событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Логично предположить, что существующие печи «приемной» и «гостиной» были полностью переложены. Этого требовали два обстоятельства. Во-первых, необходимость изменения планировочной структуры «приемной»

и появление дополнительного помещения «диванной», а во-вторых, чисто строительные проблемы, связанные с подработкой грунта под их фундаментами при устройстве подклета.

Считаем, что решение об устройстве перегородки совмещено по времени с надстройкой мезонина и является вынужденной мерой. Перегородка устроена в качестве силового элемента для укрепления продольных стен, а ее привалочные брусья, по сути, выполняют функции сжимов. На период устройства перегородки «гостиная» еще не была оштукатурена. В месте ее примыкания к стенам не обнаружено следов дранки.

Можно предположить, что столь масштабная реконструкция здания могла быть осуществлена его новыми владельцами с более высоким статусом и финансовыми возможностями. Однако вынужденное приспособление уже существующего строения не позволило сформировать типологически совершенную объемно-планировочную структуру дворянского дома.

Третий этап, по нашим оценкам, датируется 1867–1870 гг. Основные изменения касались, в основном, внутреннего обустройства помещений. Все помещения подклета, «приемной», «гостиной», «диванной», «кабинета», «буфетной» и мезонина были оштукатурены.

Поверхность перегородки, разделяющей «гостиную» и «диванную», перед набивкой дранки предварительно оклеили газетами и обоями. Общий перечень дат на фрагментах газет включает 1859, 1865, 1867 гг.

При снятии штукатурки было сделано одно интересное наблюдение. По периметру потолка «гостиной» был выполнен карниз, вероятно лепной, гипсовый. Нижняя грань карниза хорошо просматривается по всему периметру стен, а в пределах его высоты отсутствуют затеси на венцах. В остальных помещениях штукатурка была доведена до плоскости перекрытия, при этом был принят одинаковый способ подготовки поверхностей для помещений подклета, основного дома и мезонина.

Четвертый этап относится, по нашим предположениям, к концу XIX – началу XX в. На существенные изменения и утраты дома указывает единственная известная фотография, датированная началом XX в. По нашим оценкам, этот снимок, демонстрирующий достаточно запущенное по внешнему виду строение, правильнее было бы отнести к раннему советскому периоду. Основные изменения этого периода:

1. Изменена планировочная структура правого крыла здания. Дверной проем переделан в окно, а вход перенесен на боковой фасад с тамбуром, устроенным на месте холодного туалета.

2. На главном фасаде за счет расширения центрального окна подклета устроен еще один наружный вход. Сам подклет приспособляется под складские нужды, а его окна заделываются кирпичом.

3. Единый объем «холодных сеней» делится на две половины (печью и перегородкой) и устраивается вторая дверь из помещения «буфетной».

В советский период эксплуатации здание и далее подвергалось многочисленным переделкам, существенно искажившим его внешний облик и объемно-планировочные решения. Однако эти изменения уже не имели отношения к эпохе представителей мятежного дворянства на иркутской земле.

А.Н. Гаращенко

Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода (1925–1975 гг.)

Хронологические рамки нашего исследования мы определяем периодом в 50 лет – с 1925 г., времени празднования 100-летия выступления декабристов, и до 1975 г. – 150-летнего юбилея этого же события, которое отмечалось в бывшем тогда СССР с большим размахом.

Нужно отметить, что данной темы исследователи особо не касались. Первым, кто занялся изучением состояния декабристских захоронений в канун юбилейных мероприятий, был Б.Г. Кубалов. По итогам его работы появилась и соответствующая глава в книге «Декабристы в Восточной Сибири» – «Умогил декабристов». В своей статье нам придется неоднократно обращаться к этому исследованию, так как ничего другого, более целостного, касающегося захоронений декабристов в Восточной Сибири, нет. Хотя нужно отметить, что ранее, еще в 1912 г., к вопросу о пребывании декабристов в Иркутской губернии обращался городской секретарь И.И. Серебренников¹. Он проехал по Олонкам, Урику, Оёку, везде посетил могилы декабристов, дом В.Ф. Раевского, церкви, а также посмотрел дела в оёкском волостном архиве. Дореволюционные летописи Иркутска не дают какого-либо материала по данной теме.

Все захоронения декабристов в Иркутске в настоящее время расположены в трех местах: на бывшем Иерусалимском кладбище (И.В. Поджио), на территории Знаменского женского монастыря (Е.И. Трубецкая с детьми: Владимиром, Никитой и Софьей, декабристы П.А. Муханов, Н.А. Панов и В.А. Бечасный) и на бывшем Ново-Амурском, или, как его еще называют, Лисихинском кладбище (А.П. Юшневский и А.З. Муравьев).

Но так было не всегда. Если захоронения И. Поджио, Трубецкой с детьми, декабристов Муханова, Панова и Бечасного находились в городе изначально, то Муравьев и Юшневский были перенесены в Иркутск во второй половине июля 1952 г.

Отношение к могилам декабристов, как и к ним самим, в советский период истории нашего государства было идеологическим. Несмотря на то что декабристы рассматривались революционными деятелями в контексте ленинской оценки их как дворянских революционеров, как первенцев свободы, положивших начало этому движению XIX в. в России², отношение к их захоронениям было далеко не лучшим, о чем будет свидетельствовать все наше исследование. Но, с другой стороны, не попади они в разряд революционеров, говорить в нашей статье было бы вообще не о чем.

Начнем с захоронения И.В. Поджио на бывшем городском Иерусалимском кладбище.

Иосиф Викторович Поджио скоропостижно скончался 8 января³ (по надгробию – 6 января) 1848 г., приехав в Иркутск в гости к Волконским.

Первое упоминание о могиле И.В. Поджио встречается у иркутского летописца Н.С. Романова. В 1913 г. он собирал материал для продолжения своей статьи об Иерусалимском кладбище, напечатанной в «Сибирском архиве» за 1912 г. в № 12. Романов отметил, среди прочего, могилу Поджио,

записав: «На польском кладбище. Иосиф Викторович Поджио. Род. 22 ноября 1792 г., сконч[ался] 8 янв. 1848 г. (чужая плита)»⁴. Обратим особое внимание на короткую приписку – «чужая плита». Каким образом Романов определил, что плита на могиле чужая, нам не известно, в своих записях он это не поясняет. Но главное, что Романов совершенно верно указал дату смерти

Портрет И.В. Поджио. 1845.
Дагерротип Давиньона. Иркутск

декабриста. Перекликается по содержанию с текстом Романова заметка в «Календаре-справочнике по Иркутску и Иркутской губернии на 1914 г.»: «Могила И.В. Поджио. На польском кладбище (имеется в виду католическая часть Иерусалимского кладбища. – А.Г.) схоронен декабрист Иосиф Викторович Поджио. На его могиле лежит серовичная плита на каменной кладке, могила обнесена железной оградой. Плита имеет надпись: “Иосифъ Виктор. Поджио. Родился 22 ноября 1792 г., умер 8 января 1848 г.”»⁵.

В 1924 г. комиссия по празднованию 100-летия со дня восстания декабристов осмотрела захоронение И.В. Поджио на Иерусалимском кладбище. Сведения об этом осмотре нашли свое отражение в книге Б.Г. Кубалова «Декабристы в Восточной Сибири». В том же году в газете «Власть труда» Б.Г. Кубалов так же описывал найденную могилу⁶. К сожалению, материалы в книге очень скупы в плане описания, но имеется фотография могилы, передающая представление об ее состоянии и местоположении в то время. Правда, типографская печать книги, воспроизводящая фотографию, не отличается особым качеством, но тем не менее она дает представление о том, что памятник расположен не на том месте, где мы сегодня можем видеть монумент над могилой И.В. Поджио.

Б.Г. Кубалов пишет: «Лет 20 тому назад могилу его (И.В. Поджио. – А.Г.) кое-кто из иркутян помнил. Она поддерживалась в порядке Бражниковой Софией Васильевной, родственницей Поджио. По ее поручению могила была сфотографирована Н.С. Романовым, и снимок был передан Восточно-Сибирскому отделу Русского географического общества.

На четырех аршинной высоты находится плита из песчаника с высеченной на ней надписью:

Иосиф Викторович
Поджио
Родился 22 ноября
1792 г.
Скончался 6 января
1848 г.

Несколько лет тому назад доски, заменявшие свод склепа, истлевши, рухнули, и памятник глубоко ушел в землю, осталась на поверхности лишь часть плиты. Чугунная оградка покосилась, части ее кем-то похищены. Над всей могилой вместо осевшего памятника широко распустилась черемуха. В настоящий момент памятник реставрирован комиссией по подготовке юбилея декабрьского восстания»⁷. Таким был памятник в 1925 г.

Иркутскому Иерусалимскому кладбищу, как и десяткам тысяч кладбищ по всей стране, не повезло. В период социалистического строительства оно было разрушено. Этот процесс начался в 1930-е гг. и завершился к 1957 г., когда на месте кладбища был открыт Центральный парк культуры и отдыха. Хотя верховные власти и принимали решения о сохранении могил, имевших историческую, художественную и иную ценность, на деле все происходило совершенно по-другому. Созданная в Иркутске комиссия по охране памятников старины, природы и искусств (ОХРИС), в состав которой входили историки, музейные работники, сотрудники библиотек, в 1931 г., предположительно, составила «Список надгробных памятников Иерусалимского городского кладбища, каковые следует сохранить», но эти предложения не были учтены ретивыми советскими чиновниками. Из всех могил на Иерусалимском кладбище на сегодня сохранились только две – писателя М.В. Загоскина и декабриста И.В. Поджио, да и то вторая из них – достаточно условно. По поводу памятника Поджио в графе «Наименование памятника и краткое описание» в списке значилось: «Плита над могилой Иосифа Викторовича Поджио (декабрист). Ограда декабристская. 20 участок»⁸.

По поводу могил декабристов, и в частности могилы Поджио, в середине 1930-х гг. писал известный библиограф и историк В.С. Манасеин: «Среди надгробий иркутских кладбищ наибольший интерес вызывают, прежде всего, памятники на могилах некоторых из декабристов с характерными массивными однотипными на всех этих могилах чугунными решетками, в середине звена которой (так в тексте. – А.Г.) находится простой вытянутый четырехконечный крест с расходящимися от него лучами, которые заполняют собою все звено. На бывшем Иерусалимском кладбище находится памятник на могиле И.В. Поджио (ум. 1848 г.)...»⁹.

Очередной «Список памятников революционного движения и старины по Иркутску и Иркутскому району, признанных подлежащими государственной охране» был составлен 14 сентября 1936 г. и принят горсоветом 16 сентября того же года. В нем описывается состояние памятника И.В. Поджио и дается его точное местоположение:

«6. Могила декабриста И.В. Поджио	бывшее Иерусалимское кладбище	Могила находится у задних ворот кладбища, выходящих на 1-ю Советскую улицу, направо от поперечной аллеи около памятника Маргариты Варни в виде высокой мраморной колонны греческого стиля с большим мраморным крестом. Памятник из двух песчаных плит,
-----------------------------------	-------------------------------	--

положенных один на другой, окружен
чугунной оградой с лучистыми крестами.
Одно звено ограды отсутствует.
Памятник покрасить, оживить надпись,
убрать мусор и прибить мемориальную
доску»¹⁰.

Несколькими днями позже, 1 октября, сотруднику горсовета Здеткову был представлен список с предлагаемыми надписями на могильных плитах декабристов и польских повстанцев 1836 г. Можно предположить, что старые, оригинальные доски были уничтожены. Приводится по несколько вариантов, из которых оставлено по одному, остальные зачеркнуты. На могильную плиту декабриста И. Поджио предлагался следующий текст: «Здесь похоронен декабрист Иосиф Викторович Поджио, ум. 6 января 1848 г.»¹¹.

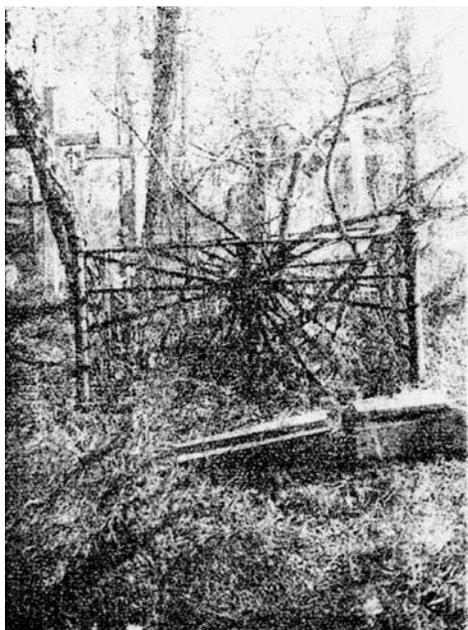
Интересно, что к этому же времени относится еще один «Список исторических памятников по г. Иркутску», в котором о захоронении Поджио записано следующее: «16. Могила декабриста И.В. Поджио. На могиле каменное надгробие с чугунной плитой. Окружена оградкой, типичной для могил декабристов»¹².

9 марта 1937 г. на заседании археологической и исторической секций Общества изучения Восточно-Сибирской области утверждался список памятников революции и старины. На заседании присутствовали Скородумов, Кудрявцев, Михалкин, Попов, Добромислов, Григорьев, Арембовский, Полтораднев, Романов, Манассеин, Сосновский, Петри, Багрянцев, Багрянцева-Курсанова. Доклад делал И.И. Михалкин. Среди прочих памятников, предлагавшихся на охрану, было постановлено: «3. Считать необходимым причисление к категории имеющих общесоюзное значение следующих памятников:

...г) Могилы декабристов Муравьева (Урик), А. Муравьева, Юшневского, бр. Борисовых (с. Большая Разводная), И. Поджио, Панова и жены декабриста Трубецкого (в Иркутске), декабриста Раевского (в Олонках)»¹³.

В списке памятников гражданской войны, революции и старины по Иркутской области, подготовленном в начале 1937 г., в отношении могилы И.В. Поджио указывалось, что состояние ее среднее и в 1936 г. на ней была установлена мемориальная доска¹⁴.

Последнее предвоенное описание памятника относится к 1939 г. Это «Список памятников исторических, революционных и архитектурных по Иркутской области, утвержденный президиумом Иркутского облисполкома от (дата пропущена. – А.Г.) сентября 1939 г.». Данный список составлен явно на материалах осмотра памятников исторических, революционных и археологических в городе Иркутске, который проводился на предмет определения возможности их дальнейшей охраны и реставрации 27 апреля 1939 г., т. к. тексты совпадают по смыслу, а местами и дословно¹⁵. В документе отмечалось, что на могиле декабриста находится «каменная плита с надписью прямо на плиту. Прямо на надпись прибита чугунная мемор[иальная] доска.

*Могила И. Поджио.
Фото из кн.: Кубалов Б. Декабристы
в Восточной Сибири. Иркутск, 1925*

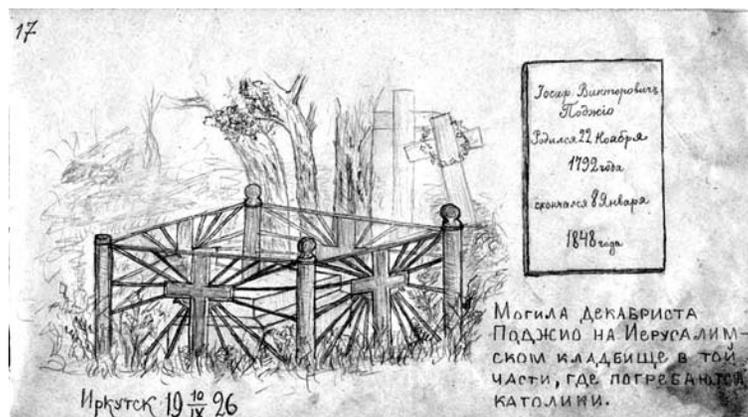
*Памятник И.В. Поджио.
Съемка 1960-х – 1970-х*

*Памятник на могиле И.В. Поджио.
Фото А. Гаращенко. 2009*

*Вид доски на памятнике И.В. Поджио.
Фото А. Гаращенко. 2009*

Могила И.В. Поджио. Рис. И.М. Любимова. 1926

Надгробие декабриста И.В. Поджио (предположительно) на Иерусалимском кладбище.
Фото В.С. Манассеина (?). Нач. 1930-х. Собрание ИОКМ.

Стильная оградка вокруг памятника разрушилась. Памятник сохранился хорошо, от оградки остались одни обломки, которые валяются тут же»¹⁶.

После Великой Отечественной войны государство еще раз вернулось к вопросу охраны культурного наследия. 14 октября 1948 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», подписанное И.В. Сталиным.

В Иркутской области составляются новые списки памятников. Иркутский областной отдел культуры 30 апреля 1949 г. запросил в партархиве копию списка исторических памятников Иркутской области. В ответ (4 мая) был получен список от 9 марта 1937 г., о котором говорилось выше¹⁷. 18 мая 1949 г. исполком областного Совета депутатов трудящихся принимает решение № 518 «О проведении паспортизации и ремонта исторических и археологических памятников». Любопытно отметить, что в «Выписке из приложения № 1» к этому решению исполкома в списке исторических памятников по Иркутску могила И.В. Поджио не значится, нет в нем могил Муханова и

Бечаснова¹⁸. Не попали могилы этих декабристов и в «Список исторических памятников, находящихся на территории РСФСР (Приложение № 1 к Постановлению Совета Министров РСФСР от 29 июня 1957 г. № 781) по Иркутской области»¹⁹. Такое положение с памятником Поджио можно объяснить тем, что в начале 1950-х гг. городские власти приступили к окончательной ликвидации бывшего Иерусалимского кладбища и созданию на его месте парка культуры и отдыха. Оставшиеся с довоенного времени бесхозные могилы были уничтожены. Когда же государственные органы, отвечавшие за состояние памятников, спохватились, было уже поздно. Поэтому отдел культуры Иркутского горисполкома в 1957 г. вносит в план работы на следующий год: «...2. Поставить памятник декабристу Поджио, захороненному на бывшем Иерусалимском кладбище»²⁰.

22 апреля 1958 г. городской отдел культуры заключил со скульптором Е.К. Андреевым трудовое соглашение на выполнение ряда работ по памятникам. Сюда входили в том числе и работы по монументам декабристам. Срок окончания работ планировался 1 октября 1958 г. По надгробию декабриста Поджио предполагалось: 1) изготовить проект и модель памятника, привязав его к месту захоронения; 2) изготовить модель мемориальной доски для дальнейшей ее отливки из чугуна²¹. Из тех задач, которые стояли перед скульптором, можно сделать вывод, что к 1958 г. памятника декабристу не было и не было точно известно место его захоронения.

18 ноября 1959 г. решением № 556 исполкома Иркутского областного Совета депутатов трудящихся было принято решение – просить Совет Министров РСФСР дополнительно включить под охрану республиканских органов могилу декабриста Поджио. В архивном деле с материалами за 1959–1961 гг. имеется недатированный список исторических памятников в Иркутске, в котором против позиции «Могила декабриста Поджио» отмечено: «устанавливается»²².

Памятник был установлен, но не на том месте, где находилось захоронение декабриста, и, конечно же, не такой, какой был на могиле первоначально.

В период подготовки к празднованию 150-летия восстания декабристов, если судить по архивным документам, были сделаны подходы к памятнику, но отмечалось, что «на памятнике нет мемориальной доски и утерян крест с памятника»²³, которого, кстати, нет и до сих пор.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Приведенные в летописи кандидата исторических наук, крупного знатока города Ю.П. Колмакова²⁴ и в книге Б.Г. Кубалова фотографии могилы Поджио не совпадают. Нужно ориентироваться на фотографию из книги Кубалова как более точную. Наиболее достоверным описанием могилы можно считать описание 1914 г.: «...серовичная плита на каменной кладке, могила обнесена железной оградой. Плита имеет надпись: “Иосифъ Виктор. Поджио. Родился 22 ноября 1792 г., умер 8 января 1848 г.”». Другие же упоминания о внешнем облике памятника – «На четырех камнях аршинной высоты находится плита из песчаника с высеченной на ней надписью: “Иосиф Викторович Поджио. Родился 22 ноября 1792 г. Скончался 6 января 1848 г.”» и «Памятник из двух песчаных плит, положенных один на другой, окружен

чугунной оградой с лучистыми крестами» или «На могиле каменное надгробие с чугунной плитой» – более позднего происхождения и вполне могут описывать разные памятники, а не памятник И.В. Поджио. Ныне существующее надгробие создано скульптором Е.К. Андреевым и установлено в 1959–1961 гг.

Определеннее можно говорить об оградке вокруг могилы. Она достаточно хорошо видна на фото в книге Кубалова. «Ограда декабристская», как назвал ее В.С. Манассеин, такими «массивными однотипными на всех этих могилах чугунными решетками, в середине звена которой находится простой вытянутый четырехконечный крест с расходящимися от него лучами, которые заполняют собою все звено», огораживалось большинство могил декабристов.

О местоположении захоронения декабриста можно отметить следующее.

Как это ни покажется удивительным, но при сломе некрополя и создании парка культуры и отдыха направления и расположение дорожек сохранились, об этом свидетельствует план кладбища 1899 г., поэтому они могут служить ориентиром. Так как католическая часть на Иерусалимском кладбище располагалась вдоль нынешней 1-й Советской, как раз до входа со стороны этой улицы, то современное расположение памятника соответствует конфессиональной принадлежности И.В. Поджио. Но о точности привязки на этой территории говорить не приходится. Судя по фотографии из книги Б. Кубалова, около могилы росли березы, но сегодня таких берез обнаружить не удалось. Стоит обратить внимание на следующую фразу в книге Б. Кубалова: «Над всей могилой вместо осевшего памятника широко распустилась черемуха»²⁵. Если считать, что это черемуха обыкновенная (*Radus racemosa*), которая растет в Европе, Сибири, на Кавказе, в Турции, Афганистане, Гималаях, то продолжительность ее жизни составляет 60–150 лет. Около современного памятника И. Поджио такая черемуха сегодня растет. Можно предположить, что именно о ней ведет речь Б. Кубалов, и тогда ее можно считать ориентиром в определении места захоронения декабриста. Но только если это именно то дерево, за что трудно ручаться.

По сведениям, полученным от Ю.П. Колмакова, могила декабриста находилась несколько дальше от дорожки, ведущей к выходу на 1-ю Советскую улицу, вглубь католической части кладбища. А что касается изображенных на фотографии берез, то они, по данным Ю.П. Колмакова, были уничтожены. Таким образом, получается, что памятник первоначально находился не прямо около входа на кладбище со стороны 1-й Советской улицы и ведущей от этого входа дорожки, а несколько в стороне и вглубь от дорожки (в левую сторону, если смотреть со стороны 1-й Советской). Памятник был утрачен в период создания парка и установлен, скорее всего, на приблизительном месте, а не над могилой декабриста.

Первоначальный облик захоронения сегодня определить достаточно сложно, поэтому на месте безликого памятника можно поставить другой, который будет иметь больше художественных достоинств (возможно, с барельефом И.В. Поджио), а вот что касается ограды, то ее можно восстановить по образцу сохранившейся «декабристской» ограды на могиле А.З. Муравье-

ва на Ново-Амурском кладбище. Необходимо также исправить дату смерти декабриста – 8 января 1848 г. Есть сомнение и по дате рождения: по метрическому свидетельству – 30 августа 1792 г., а по надгробию – 22 ноября²⁶.

Второе, самое большое по численному составу место захоронения декабристов исторически сформировалось на территории бывшего женского Знаменского монастыря.

Первыми, кто нашел приют в монастырской земле, да и вообще на территории Иркутска, были не декабристы, а малолетние дети Трубецких: Владимир (ум. 1 сентября 1839), Никита (ум. 15 сентября 1840) и Софья (ум. 19 августа 1845). Но конкретных данных об их погребениях обнаружить не удалось.

В дальнейшем здесь же похоронили Николая Алексеевича Панова (ум. 14 января 1850 г.), Петра Александровича Муханова (скоропостижно скончался 12 февраля 1854 г.), Екатерину Ивановну Трубецкую (скончалась 14 октября 1854 г. (на могильной плите – 11 октября 1854 г.)), Владимира Александровича Бечаснова (скончался, по данным П.А. Горбунова, 16 октября 1859 г., хотя на памятнике обозначена дата 11 октября). Объяснить причину захоронения государственных преступников на территории монастыря, а не городского кладбища без сведений архивных документов достаточно сложно, а таких данных выявить не удалось. Можно предположить, что здесь сыграло роль хорошее отношение к декабристам и членам их семей иркутских архиепископов Нила, Афанасия и Евсевия²⁷. Еще указом от 17 ноября 1771 г. Сенат запретил по всем городам производить захоронения при церквях и потребовал создать кладбища за городской чертой. Русское законодательство о кладбищах было изложено во врачебном уставе. Кладбища находились в ведении духовенства, так как погребение было тесно связано с религиозным культом (т. е. каждое данное кладбище доступно лишь для лиц определенного исповедания). Погребения при церквях запрещались и допускались лишь в виде исключения для некоторых старинных монастырей, находящихся в черте города. А в конце XIX – начале XX в. это позволялось лишь в виде исключения, с разрешения архиерея, для храмосдателей и других лиц, оказавших церкви особые услуги. Получается, что декабристов хоронили в ограде Знаменского монастыря в виде исключения.

Занимавшийся в начале 1920-х гг. поисками захоронений декабристов Б.Г. Кубалов обнаружил в метрических книгах иркутской Преображенской церкви записи о смерти некоторых из них, в том числе: «Внимательно проверяя списки умерших, составлявшихся всеми церквями Иркутска, в метрической книге Преображенской церкви удалось найти такую запись: “Государственный преступник Петр Александрович Муханов, 54 лет, скончался 12/15 февраля 1854 года от апоплексического удара, без напутствия. Погребение совершали священники Д. Попов с диаконом К. Лариным, запрещенным священником Е. Рубцовым и пономарем Т. Сизых – погребен в ограде иркутского Знаменского монастыря”». Как писал А.В. Белоголовый, «тело Петра Александровича похоронено в ограде Знаменского девичьего монастыря, и над ним памятник и чугунная решетка заказаны Марьей Алексан-

дровной²⁸, и она нипочему не хочет принять в этом ничьего участия, а делает все от себя, следовательно, могила его сохранится очень, очень надолго»²⁹.

О Н.А. Панове Б.Г. Кубаловым была найдена подобного типа запись с указанием, что он также «погребен в ограде иркутского Знаменского монастыря»³⁰.

Но выявить могилы удалось с большим трудом. Б.Г. Кубалов писал: «Что могилы их были основательно забыты, доказывает тот факт, что никто из живущих в ограде Знаменского монастыря не слышал даже и фамилий Муханова и Панова, ничего об их могилах не могла сказать нам и игуменья Софрония, живущая в монастыре тридцать третий год.

Когда поиски вокруг монастырского храма не дали положительных результатов, пришлось начать обследование могил, находившихся на отдельных частях монастырской усадьбы. Одним из старых участков, на котором совершалось погребение уже с конца XVI – начала XVIII в., является участок, расположенный налево от главного входа, обнесенный деревянной оградкой, – он ныне отведен под огород.

После недолгих розысков в этой части монастыря было обращено внимание на характерную решетку, напоминающую решетку вокруг памятников декабристов: Лунина в Акатуе, Юшневского и Муравьева – в Б[ольшой] Разводной. Прочсть надпись на памятнике было делом нелегким. Могила оказалась заваленной собранным со всего “огорода” хворостом, изломанной дугой, какой-то лестницей, к той же стороне стоявшего среди решетки памятника, где должна находиться доска с надписью, была сложена в два ряда сажень дров.

С трудом удалось пробраться за решетку к памятнику и, протиснув голову между дровами и памятником, прочсть:

Петр Александрович
Муханов
Род. 1800 г. 7-го января
сконч. 1854 г. 12-го февраля
“Господи, прими дух его
с миром.
Блажени милостивые,
яко тии Бога узрят”.

Рядом, шагах в трех от могилы Муханова, был обнаружен покосившийся серовик – “обычный кров немых могил”.

На месте креста, кем-то похищенного с памятника, стоял ушат с водой, приготовленной для поливки огорода. На одной из сторон надгробия остались едва заметные следы полувыветрившейся, когда-то раскрашенной под золото надписи:

“Николай Алексеевич
Панов
Скончался 14-го января
1850 года.
На 48 году от рождения”»³¹.

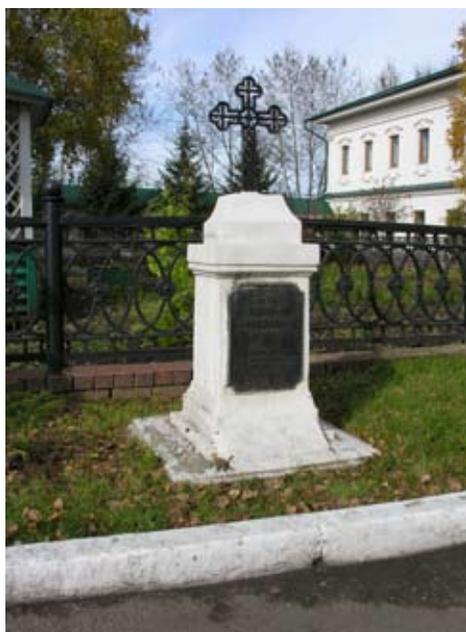
*Памятник на могиле Н.А. Панова.
1950-е (?). Собрание ИОКМ*

К.П. Мазер. Портрет Н.А. Панова. 1849

*Памятник на могиле Н.А. Панова.
1920-е. Собрание ИОКМ*

*Памятник на могиле Н.А. Панова.
Фото А. Гаращенко. 2009*

Поиски могилы Бечаснова оказались сложнее. Сразу после смерти декабриста П.А. Горбунов, бывший гувернер сына Трубецких Ивана, писал Трубецкому: «Не успел я уведомить вас о смерти одного из ваших товарищей (М.К. Кюхельбекера. – А.Г.), а приходится уведомлять о смерти другого – В.А. Бечаснов скончался вчера, 16 октября, утром... Послезавтра мы хороним его в монастыре подле Панова и Муханова. Веретенников даст деньги на похороны, и мы с Петрашевским взялись хлопотать о могиле». С.П. Трубецкой сообщил в письме Е.И. Якушкину от 20 ноября 1859 г., что Бечаснов умер, «простудившись при сооружении пароходов на Байкале. Эти известия переданы мне П.А. Горбуновым, продолжающим жить в Иркутске и который устраивал тогда с Петрашевским погребение Владимира Александровича в монастыре между могил Муханова и Панова»³².

В письме П.А. Горбунова указывается другая дата, чем на современном надгробии (11 октября), и говорится о месте захоронения декабриста – «мы хороним его в монастыре подле Панова и Муханова», правда, автор добавляет: «...и мы с Петрашевским взялись хлопотать о могиле». Этот текст можно истолковать и так, что вопрос о месте погребения на момент написания письма не был решен окончательно.

Откуда же появилась дата 11 октября? Б. Кубалов пишет: «Приступив к ознакомлению с метриками Иркутских церквей начиная с 1856 г., мы в метриках Спасской церкви нашли под 1859 г. такую запись: “умер 11 октября, погребен 14, потомственный дворянин Владимир Александрович Бечасный 58 лет. Умер от удара. Погребение совершали (такие-то)... Погребен в ограде Знаменского монастыря”»³³. Основываясь на этой записи, комиссия по поиску захоронений декабристов установила над найденной в Знаменском монастыре плитой, на которой, как сообщал Кубалов, «видны в верхней ее части несколько отдельных букв, от середины книзу нет никаких следов надписи, в нижней части плита немного расколота», чугунную доску с надписью:

Декабрист
Владимир Александрович
Бечасный
Умер 11 октября 1859 г.
58 лет.

Отметим, что Кубалов не смог прочитать на могильной плите ни одного слова, но тем не менее табличка была прикреплена. А куда она была прикреплена, на могилу ли Бечаснова? По мнению Б. Кубалова, а других розысков никто и не производил, была найдена именно могила Бечаснова, так как на нее указала Аграфена Трофимовна, жена младшего сына декабриста Михаила. «“На могилу часто ходила с Анной Пахомовной, говорит Аграфена Трофимовна, сядет она у памятника Трубецкой и, показывая на могилу мужа, говорит: дружки были, за одно дело сосланы... Последний раз старшему сыну я сама показала могилу лет семнадцать тому назад, а затем покойной дочери”».

О том, что могила В.А. Бечасного должна находиться близ главного входа в монастырь, недалеко от могилы Е.И. Трубецкой, сообщил мне П. Трунев, лично слышавший об этом от старшего сына Бечасного – Вадима.

По прибытии в Знаменский монастырь Аграфена Трофимовна еще из ворот монастыря указала памятник Е.И. Трубецкой, а затем, уверенно подойдя к глубоко ввалившейся в землю плите, сказала: «Вот могила Владимира Александровича»³⁴. Получается, что, когда памятник был выявлен Б.Г. Кубаловым, он располагался недалеко от могилы Е.И. Трубецкой («...плита находится как раз на тропинке, ведущей к могиле Трубецкой»). Но это место было определено по заявлению только одного человека – Аграфены Трофимовны, но ведь она могла и ошибаться, хотя, как она утверждала, посещала могилу часто вместе с вдовой декабриста. Но это только наше предположение, требующее дополнительного документального подтверждения. П.А. Горбунов, участник захоронения, указывал: «Послезавтра мы хороним его в монастыре подле Панова и Муханова». А, как известно, Панов и Муханов были погребены в старой части монастырского кладбища, примерно там, где сегодня стоят их памятники. В дальнейшем памятник был восстановлен на новом месте, недалеко от могилы Трубецкой. Была ли оградка вокруг могилы первоначально – выяснить не удалось, такие сведения не обнаружены. В 1925 г. группой Кубалова была установлена деревянная оградка, присутствующая на фотографии.

В 1925 г. могилы были очищены от мусора и сфотографированы. А после празднования 100-летнего юбилея о них опять забыли. На территории монастыря разместили школу-интернат глухонемых. В 1928 г. был установлен факт разрушения чугунной оградки у памятника Е.И. Трубецкой, находившегося возле Знаменского храма, воспитанниками этой школы. Но пострадал не только памятник жены декабриста, а и остальные захоронения. Как отмечалось в докладной записке «О состоянии охраны памятников старины, революционного движения, природы и искусств в Восточно-Сибирском крае» 1930 г., подписанной заместителем директора государственного музея Восточно-Сибирского края Г.С. Островским, «среди образцов головотяпства и вредительства по отношению к памятникам революционного движения следует указать на расхищение чугунных решеток и металлических досок с надписей с могил декабристов и кн. Трубецкой в ограде быв[шего] женского монастыря в Знаменском предместье Иркутска (Маратово), произведенное хозяйственниками усадьбы...». Интернат был выселен, но положение монастыря не улучшилось³⁵.

В то время как община верующих начала ремонтные работы в храме, 17 июля 1934 г. было принято решение о закрытии церкви, поскольку уча-

Н.А. Бестужев. Портрет В.А. Бичаснова. 1839

сток, где была расположена церковь, был отведен под строительство иркутского Аэрогидропорта³⁶. В ответ община обжаловала это решение и приостановила ремонт, отказавшись сдавать церковное имущество и продолжая, в надежде на положительное решение, заготовку материалов для работ.

Положительного решения не последовало – участок был передан Гидропорту, и одно время остро стоял вопрос о сносе Знаменской церкви. Руководство Гидропорта неоднократно обращалось в президиум горсовета и облсовета, требуя сноса церкви, как мешающей развитию порта и не дающей возможности его архитектурного оформления.

Еще в 1932 г. отмечалось, что могила В.А. Бечаснова была огорожена желтой деревянной решеткой³⁷. Но уже к 1936 г., судя по архивным документам, ограды не существовало, так как в «Списке памятников революционного движения, старины и искусства по Иркутску и Иркутскому району, признанных подлежащими государственной охране» в графе «Могила декабриста В.А. Бечаснова» указано: «Сделать ограду, покрасить»³⁸. А вот уже по данным на 1937 г., могила В.А. Бечаснова была разрушена³⁹. Наверное, точнее будет сказать, что была полностью разрушена деревянная оградка над могилой.

По довоенному генплану развития города церковь была предназначена к сносу⁴⁰, а памятники и прах декабристов Н.А. Панова, П.А. Муханова, Е.И. Трубецкой, а также Г.И. Шелихова от Знаменского монастыря планировалось перенести в ограду краеведческого музея на углу улиц Набережной и К. Маркса (могила Бечаснова в документе не упоминается)⁴¹. И только вме-

Могила декабриста В.А. Бечаснова.
Фото Г. Эннэ. 1926. Собрание ИОКМ

Памятник на могиле В.А. Бечаснова.
Фото А. Гаращенко. 2009

шательство директора музея А.П. Окладникова помешало сносу этого уникального памятника⁴². Последствия эксплуатации здания церкви Гидропортом были варварскими – храм использовался как гараж, овощехранилище и склад. Пострадала и вся территория вокруг храма, в особенности захоронения, подавляющее большинство которых были уничтожены⁴³.

16 сентября 1936 г. в горсовет поступил «Список памятников революционного движения и старины по Иркутску и Иркутскому району, признанных подлежащими государственной охране», в который попала и могила Н.А. Панова.

№	Наименование памятника	Местонахождение	Состояние памятников и перечень необх. ремонта
<...>			
5.	Могила декабриста Н.А. Панова	Кладбище быв. Знаменского мон.	Памятник из песчаника в виде часовенки со сломанным чугунным крестом. Покрасить заново, освежить выветрившуюся надпись, снять осколок креста, сделать ограду и прибить мемор. доску. Памятник стоит впереди церкви на юго-западе, отдельно за дорожкой» ⁴⁴ .

Таков текст официального документа. Но есть и другое свидетельство. В варианте статьи В.С. Манассеина «Старый Иркутск», хранящейся в НБ ИГУ, есть сноски, правда зачеркнутые, указывающие, что памятник Юшневскому был уничтожен в 1936 г., а памятник Панову – в 1934 г. Хотя последующие документы свидетельствуют о нем как о существующем.

27 апреля 1939 г. комиссия Иркутского облисполкома составила акт осмотра состояния исторических, революционных и археологических памятников в городе на предмет определения возможности их дальнейшей охраны и реставрации. В частности, отмечалось следующее: «3. Памятник на могиле декабриста Панова на площади Гидропорта. Обелиск памятника перенесен на другое место, сохранился хорошо, на обелиске надпись: “... – (так в тексте. – А.Г.)” и мемориальная доска. Пьедестала нет. Могила сравнена с землей, и точное место ее указать трудно, приблизительное же место знает сторож и работники Гидропорта». Комиссия вынесла следующую рекомендацию: «обелиск памятника поставить на пьедестал»⁴⁵. Было ли это сделано – из архивных документов выяснить не удалось.

По одним сведениям, в 1936 г. могила П.А. Муханова и покосившийся памятник на ней еще существовали⁴⁶. Но в рукописи В.С. Манассеина отмечается, что «памятник Муханову и совсем уничтожен только что /1936/». Следовательно, слом произошел в 1936 г., что подтверждается и официальными сведениями на начало 1937 г.⁴⁷

Особо нужно отметить судьбу могилы Е.И. Трубецкой. Екатерина Ивановна Трубецкая скончалась 14 октября 1854 г. (на могильной плите 11 октября 1854 г.), в один год с Мухановым.

К.П. Мазер. Портрет П.А. Муханова. 1849

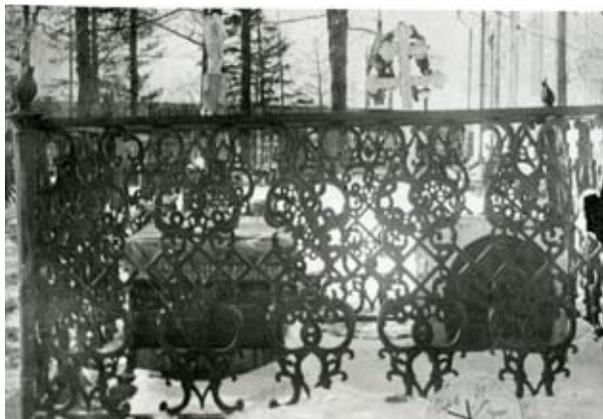
Памятник на предполагаемом месте могилы П.А. Муханова. 2-я половина 1960-х. Собрание С. Медведева

Памятник на предполагаемом месте могилы П.А. Муханова. Фото В. Калаянова. 1966. Собрание ИОКМ

Памятник на могиле П.А. Муханова. Фото А. Гаращенко. 2009

*Могила Е.И. Трубецкой с детьми.
Фото Г. Энне. 1925. Собрание ИОКМ*

*Могила Е.И. Трубецкой с детьми.
1930-е (?). Собрание ИОКМ*

После смерти жены, в ноябре 1854 г., С.П. Трубецкой уехал к старшей дочери А.С. Ребиндер в Кяхту, где прожил до начала января 1855 г. Тогда же он посетил Петровский Завод, где виделся с декабристом И.И. Горбачевским и вел переговоры с ним и П.А. Иоссе⁴⁸ об изготовлении художественной решетки чугунового литья для могилы жены. В письме Горбачевского к Трубецкому от 6 июня 1856 г. из Петровского Завода читаем: «Павел Андреевич Иосса дал мне рисунок решетки для отсылки к вам; напишите (письмо на его имя, но мне), нравиться вам будет или нет, – ежели не понравится, то можно избрать другой рисунок; также уведомьте, сделать ли решетку всю черную или те места, которые на рисунке темнее, сделать

их бронзовые или золотые. Такая же решетка в нашей церкви сделана, и чем хороша – ею обставлены хоры и оба клироса. Впрочем, Павел Андреевич сам что-то пишет на рисунке к вам, вы там прочтете и о вашем желании по первой почте уведомьте. Павел Андреевич просил меня к вам написать, что эта решетка будет отливаться не в домне, а в вагранке и что, во всяком случае, будет готова к тому времени, к которому вы желаете. Дощечку и литеры начали уже делать с модели. Денег ваших у меня теперь осталось 25 руб. сер., только этого будет мало – работа будет производиться вольными работниками, это скорее. Что она будет стоить, тоже неизвестно, ибо цена будет зависеть от веса чугуна и времени отделки. Извините, это уже наш здешний закон; Впрочем, я вас уведомяю, когда прислать еще денег и сколько, – хотя бы это было и примерно, – отчет вам будет сделан верный и полный...». Не известно, что ответил на это письмо Трубецкой. Но продолжение последовало, о чем читаем в следующем письме от 21 октября 1856 г.: «Благодарю вас покорнейше, Сергей Петрович, за ваше письмо от 22 сентября, которое я по-

лучил 13 октября, – так почта долго ходит, можете это видеть из численного пространства.

Мне сказали, что вы отъезжаете в Россию по первому зимнему пути, следовательно, в первый мой разговор с Павлом Андреевичем о решетке для покойной К[атерины] Ив[ановны]. Разговор этот теперь, когда пишу к вам, повторился, и вот что меня просил Пав[ел] Андр[еевич] написать к вам. Доска с надписью уже готова, и к решетке приступили работой, и Павел Андр[еевич] сказал, что он ее хочет так сделать, чтобы она служила образцом и примером в Иркутске для всех. Вы не беспокойтесь, хотя бы вы и уехали, вероятно, вы поручите постановку этой решетки человеку, который все исполнит, и если будет все от нас прислано по первому мореставу или зимнему пути, то есть в начале января.

Деньги вы присылайте теперь, Пав[ел] Андр[еевич] говорит, чтобы вы еще прислали бы 100 руб. сер., ежели будут лишние, то вам с отчетом остальное возвратят, ежели не достанет, то потребуют с того, кому вы это дело поручите. Ваших денег еще здесь есть 25 руб. сер. – здесь заплачено и за доставку до Иркутска с извозчиками, которые повезут опять в Иркутск от наших купцов».

В конце 1856 г. С.П. Трубецкой покинул Иркутск навсегда, выехав в Европейскую Россию, а ограда вокруг могилы Екатерины Ивановны еще не была установлена. Хлопоты по ее установке взял на себя Петр Александрович Горбунов, доверенное лицо Трубецких в Иркутске. 10 июля 1857 г. он писал Сергею Петровичу из Иркутска: «Решетки я еще не мог поставить до сих пор. Представьте себе, что ни один шип не приходится в свое место. Отливши решетку, они не потрудились собрать ее на месте. Я жаловался Бароце⁴⁹. Он обещал сказать комиссионеру Петровского Завода, чтоб он прислал своих ма-

*Памятный камень на могиле детей Трубецких.
Фото Г. Энне. 1925. Собрание ИОКМ*

*Могилы Е.И. Трубецкой с детьми.
1930–1950-е. Собрание ИОКМ*

стеров исправить эту беду. Отдать кому-нибудь постороннему я боюсь, могут испортить». Необходимые исправления все же были сделаны, и решетка в том же году была установлена⁵⁰.

В 1909 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» был опубликован указ, согласно которому священники церковей и монастырей должны были сообщить в консисторию списки лиц, захороненных в самих храмах, а также в церковной ограде. Указ этот дублировал распоряжение из Москвы в связи с составлением общероссийского некрополя, часть томов которого, по центральному российским городам, была опубликована. В соответствии с этим указом был составлен и список захороненных около Знаменского храма, конечно же, он не полный, как не полны все другие списки из-за сложности прочтения надписей на могилах или из-за того, кого священники посчитали нужным в них включить. В архивном документе читаем: «Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая. Родилась 27 ноября 1800 года. Скончалась 14 октября 1854 г.». Вместе с кн. Трубецкой погребены ее дети. На памятнике имеется надпись, но разобрать ее не представляется возможным⁵¹. Любопытно, что через 16 лет Б.Г. Кубалов сумел прочитать все надписи.

Могиле Е.И. Трубецкой повезло больше остальных, она не затерялась, и ее не разрушили до революции. Члены Комиссии по празднованию 100-летия со дня восстания декабристов сразу же нашли ее. Б.Г. Кубалов пишет: «Могила Трубецкой и ее детей хорошо известна иркутянам. Против главного входа в монастырь у церковной стены издали видна скромная решетка, а в середине из байкальского мрамора невысокое надгробие, с одной стороны которого прибита доска с надписью:

Княгиня Екатерина Ивановна
Трубецкая
Родилась 21 ноября 1800 г.⁵²
Скончалась 14 октября 1854 г.

Рядом с памятником Трубецкой, в той же оградке, помещен четырехугольный камень-памятник, под которым покоятся дети Трубецких: София, Владимир, Никита». Далее в сноске приводятся надписи на памятнике, расположенные с трех сторон:

«Младенец	Младенец	
Никита Трубецкой	Владимир Трубецкой	Софья Трубецкая
Родился декабря 10-го	родился сентября 4 дня	родилась 15 июля 1844 г.
1837 года, а скончался	1838 года, а скончался	скончалась 19 августа 1845 г.»
сентября 15 1840 года ⁵³ .	сентября 1-го 1839 года.	
«таковых бо есть	«таковых бо есть	
царство небесное».	царство небесное».	
Матвея гл. XIX, ст. 14.	Матвея гл. XIX, ст. 14.	

К 1925 г. относится фотоизображение могилы Е.И. Трубецкой с детьми Софьей, Владимиром, Никитой в Знаменском монастыре, выполненное Гу-

ставом Энне, которое дает представление о памятнике и огораживавшей решетке практически в первоизданном виде.

В советское время после размещения на территории монастыря школы-интерната глухонемых с памятниками над могилами членов семьи Трубецких случилось то же, что и с другими захоронениями, но с небольшими отличиями.

19 января 1933 г. Иркутский государственный музей Восточно-Сибирского края составил перечень памятников (религиозного культа) исторической и художественной ценности и значения, состоящих на учете Восточно-Сибирского краевого музея и Сектора науки Наркомпроса РСФСР. По городу Иркутску туда вошли могилы и памятники, находящиеся в бывшем женском Знаменском монастыре: памятник Шелихову, могилы декабристов Муханова, Панова, Бечаснова, а также могила семьи Трубецкого⁵⁴.

В середине 1930-х гг. в городской коммунальный иркутский историк В.С. Манассеин подал дополнительный список, к списку могил на бывшем Иерусалимском кладбище, подлежащих охране, по другим кладбищам Иркутска. В него предлагалось включить и могилы Трубецкой с детьми и других декабристов на территории Знаменско-

Памятный камень на могиле детей Трубецких.
Фото А. Гаращенко. 2009

го монастыря, а также «всю старую часть кладбища за деревянной решеткой – много древних плит, которые требуют обследования»⁵⁵.

О состоянии памятников на могиле Е.И. Трубецкой и ее детей можно судить из документа от 16 сентября 1936 г. («Список памятников революционного движения и старины по Иркутску и Иркутскому району, признанных подлежащими государственной охране»), в котором говорится: «Рядом два мраморных памятника подле правого алтаря. Нет ограды. Надпись на памятнике Е.И. Трубецкой повреждена от времени. Металлические доски на другом памятнике похищены». Предлагался и необходимый на них ремонт: «Устроить ограду, освежить надпись на памятнике Трубецкой. Прибить мемор[иальную] доску»⁵⁶.

К 1939 г. памятник был обнесен деревянной оградой и на него прибила деревянная доска (в 1936 г.). Акт осмотра комиссии Иркутского облисполкома свидетельствовал: «Памятник сохранился хорошо, реставрации не требует». Этот акт вызывает удивление, так как на памятнике отсутствовали чугунные доски, т. е. он потерял первоизданный вид. Что заставило членов

комиссии, в которую входили директор Иркутского облмузея Хамуева, научные работники – историки Ф.А. Кудрявцев от облархива и Арембовский от музея, инспектор горсовета по культурам Зеле, сделать вывод о его хорошей сохранности, непонятно⁵⁷.

После Великой Отечественной войны, как уже отмечалось, начались работы по восстановлению и реставрации, но в большей степени, конечно же, по восстановлению памятников на территории монастыря. 18 мая 1949 г. исполком областного Совета депутатов трудящихся принял решение № 518 «О проведении паспортизации и ремонта исторических и археологических памятников». В «Выписке из приложения № 1» к этому решению исполкома в списке исторических памятников по Иркутску значится и могила Н.А. Панова, на которой имелась мемориальная доска⁵⁸, прибитая в конце 1930-х гг.⁵⁹ Был составлен список исторических памятников, подлежащих первоначальному ремонту, по Иркутску в этот список попали памятники на могилах Н.А. Панова, М.В. Загоскина и Г.И. Шелихова, на ремонт и реставрацию которых требовалось

Могила Е.И. Трубецкой с детьми. Фото А. Гаращенко. 2009

Памятная доска на могиле Е.И. Трубецкой.
Фото А. Гаращенко. 2009

25 тыс. рублей⁶⁰. Но в 1949 г. ремонт не производился. 21 января 1951 г. составлен акт технического осмотра памятника на могиле Н.А. Панова, в котором отмечалось, что «общее состояние памятника удовлетворительное. Состояние территории памятника в пределах охранной зоны, ее благоустройство, озеленение – благоустроенная. Оградки нет. Могильного холма нет. Надгробие представляет собой четырехугольную тумбу с широким карнизом, сделанную из камня серовика, состояние которого удовлетворительное». Требовался текущий ремонт – произвести штукатурку и поднять памятник⁶¹.

Но ремонт не велся вплоть до 1953 г., когда в годовой план на этот год были внесены ремонтно-

реставрационные работы на сумму 3 тыс. рублей, на которые планировалось произвести штукатурку гранитным шлаком и отремонтировать ограду. Если судить по «Ведомости объемов работ по текущей реставрации исторических могильных памятников г. Иркутска по состоянию на 15 июня 1953 г.», работ было выполнено больше, правда, оценивались они в три раза дешевле, но, как оговаривался составлявший ведомость скульптор Е.К. Андреев, «ввиду отсутствия расценок на реставрационные работы расценки взяты ориентировочно». Итак, по каменному памятнику декабриста Панова планировалось следующее:

1. «Откопать ушедший в землю постамент и плиту каменные 45×45×1,5 м, с выемкой грунта в объеме до 6 м³ тяжелого грунта.

2. Вынуть из котлована плиту и памятник.

3. Из кирпича на цементном растворе выложить фундамент 2×2×0,5 м. 2 м³.

4. Установить на фундамент плиту и памятник.

5. Изготовить модель орнамента, слож. из листов лавра с углом на 50 см. Шт. 2.

6. Отлить орнамент... = 50 см = 6 п. м.

7. Установить по периметру плиты орнамент ж.-бет. п/м.

8. Вырубить в камне памятника 4 отверстия Ø = ¼" по.

9. Оштукатурить камень постамента цементным раствором.

10. Укрепить на камне памятника на свинец мемориальную доску – 1.

11. Песком с водой шлифовать памятник до выявления фактуры (фактуры. – А.Г.) камня, м² – 6 шт.

12. Заделать выломанные углы памятника цементным раствором.

13. Устройство приспособления для выемки и постановки камня на место.

По соображению Итого: руб. 1000-00»⁶².

Доска в память о младенце Никите Трубецком.
Фото А. Гаращенко. 2009

Доска в память о Софье Трубецкой.
Фото А. Гаращенко. 2009

Позднее в архивных делах отмечалось, что памятник был реконструирован в августе 1953 г. и нужно его побелить⁶³.

Вероятно, в процессе реставрации была допущена ошибка в написании имени декабриста на табличке, которая крепилась на памятник, хотя это могло произойти и ранее, в конце 1930-х гг. О том, что ошибка существовала и в 1960-е гг., можно судить из справки о состоянии памятников истории и культуры в Иркутске, которая составлялась 8–9 декабря 1965 г. комиссией в составе Л. Петровой, Н. Агалецкой и Г. Оранской. Члены комиссии отметили: «Могила декабриста Н.А. Панова (захоронен на территории Знаменского монастыря) имеет мемориальную доску с ошибками. Вместо имени и отчества Николай Алексеевич указано Николай Александрович (судя по сохранившейся фотографии, на табличке было написано: Александр Алексеевич. – А.Г.)»⁶⁴. Предлагалось исправить ошибку. Но если судить из анализа архивных документов и имеющихся фотографий, ошибка оставалась и в 1972 г. В период подготовки к празднованию 150-летия восстания декабристов вновь отмечалось (3 июля 1972 г.): «...на мемориальной доске на памятнике декабристу Н. Панову неправильно указано имя (Александр вместо Николай)»⁶⁵. Какое-то время на памятнике соседствовали две таблички, что зафиксировано на снимке начала 1970-х гг.

Завершая рассказ о захоронении Н.А. Панова, можно сказать следующее. Представленный в книге Б.Г. Кубалова снимок памятника на могиле Н.А. Панова и ныне существующий, отреставрированный в 1953 г. скульптором Е.К. Андреевым, достаточно схожи. Хотя напомним, что В.С. Манассеин отмечал слом памятника в 1934 г. Нужно отметить, что монумент большей частью сохранился в первоначальном виде. Утерян родной постамент, о котором невозможно судить по снимку из книги Б.Г. Кубалова. Это второй случай в Иркутске, когда сохранился, точнее, почти сохранился, родной памятник (первый случай – памятник А.З. Муравьеву на Амурском кладбище, о котором речь будет идти ниже). Неизвестна форма креста на памятнике, поскольку Б.Г. Кубалов отмечал, что его в 1925 г. не было.

Ограда вокруг памятника на фото в книге Б.Г. Кубалова не видна, так как ее в это время уже не было. Можно предполагать, что она была такой же, как на могиле Муханова, т. е. типичной декабристской, напоминавшей решетку вокруг памятников декабристам: Лунину в Акатуе, Юшневскому и Муравьеву – в Б. Разводной. Но это только предположение.

В то время, когда памятник был выявлен Б.Г. Кубаловым, он располагался в старой части кладбища в ограде Знаменского монастыря, налево от главного входа, «рядом, шагах в трех от могилы Муханова...». В 1936 г. комиссия, обследовавшая состояние памятников в городе, отмечала, что «памятник стоит впереди церкви на юго-западе, отдельно за дорожкой». Было ли это его первоначальным местом, сказать сложно из-за нечеткого определения его местоположения Б.Г. Кубаловым. В дальнейшем памятник так там и оставался. В настоящее время определить его «родное» местоположение не представляется возможным.

Сегодня, может быть, стоит восстановить типичную декабристскую ограду по образцу сохранившейся «декабристской» ограды на могиле А.З. Муравьева на Ново-Амурском кладбище.

После Великой Отечественной войны, когда были составлены новые списки памятников (1949 г.), могила П.А. Муханова в них не значилась, вероятно, ее не обнаружили, да и вряд ли пытались в тот период, когда составляли списки⁶⁶. Ее не существовало уже более десяти лет. Прошло еще восемь лет, и был составлен уже упоминавшийся «Список исторических памятников, находящихся на территории РСФСР» (1957 г.), могилы Муханова в нем нет⁶⁷. Но, что любопытно, в отчете о работе отдела культуры Иркутского горисполкома за тот же 1957 г. указывалось, что в ограде Знаменского монастыря на месте захоронения был поставлен памятник декабристу Муханову⁶⁸. На 1958 г. планировалось у памятника Муханову установить мемориальную доску с датами рождения и смерти, старый текст, и чугунную мемориальную доску с аннотацией. 22 апреля 1958 г. городской отдел культуры заключил со скульптором Е.К. Андреевым трудовое соглашение на выполнение ряда работ по памятникам. Сюда входили и работы по памятникам декабристам. Срок окончания работ – 1 октября 1958 г. Из ведомости объемов работ по реставрации и устройству исторических памятников Иркутска относительно памятника Муханову значилось: 1. Изготовить модель для чугунной отливки мемориальной доски со старинным текстом дат рождения и смерти. 2. То же модель доски мемориальной с аннотацией⁶⁹. Любопытно отметить, что, судя по сохранившимся фотографиям, памятник декабристу был совершенно иным, чем тот, который мы видим сегодня, и располагался он не там, где нынешний, а рядом со стеной храма. 18 ноября 1959 г. решением № 556 исполкома Иркутского областного Совета депутатов трудящихся было принято решение просить Совет Министров РСФСР дополнительно включить под охрану республиканских органов могилы декабристов И.В. Поджио и П.А. Муханова⁷⁰.

Вероятно, в процессе установки памятника была допущена ошибка в его расположении. О том, что ошибка существовала и в 1960-е гг., можно судить из справки о состоянии памятников истории и культуры в Иркутске, которая составлялась 8–9 декабря 1965 г. комиссией в составе Л. Петровой, Н. Агалецкой и Г. Оранской. Члены комиссии отметили: «Памятник на могиле декабриста П.А. Муханова... стоит в стороне от действительного места захоронения, в датировках допущены ошибки». Предлагалось исправить ошибки, вплоть до переноса памятника на законное место⁷¹, что и было сделано во второй половине 1960-х гг. Более точное время из-за отсутствия архивных документов назвать сложно. В 1972 г. при осмотре памятников декабристам Муханову и Бечаснову предлагалось закрепить на них мемориальные плиты⁷², в это время, как следует из фотографий начала 1970-х гг., памятник Муханову уже имел тот вид, что и сегодня, но ошибка в дате рождения сохранилась: вместо 1799 г. указан 1800-й.

Мы не знаем, как выглядел памятник, первоначально установленный Марией Александровной Дороховой после смерти П.А. Муханова. Пред-

ставленный в книге Б.Г. Кубалова снимок памятника на могиле декабриста не дает о нем представления из-за плохого качества снимка, и Б.Г. Кубалов не помещает его подробного описания. Можно, конечно предположить, что, устанавливая памятник Муханову уже после того, как был поставлен памятник Панову, Дорохова могла заказать аналогичный, ведь сделала же она традиционную «декабристскую» решетку. Ныне существующий монумент установлен, по нашему предположению, во второй половине 1960-х гг. и выполнен похожим на памятник Панову, вероятно, тем же скульптором Е.К. Андреевым или кем-то другим, положившим за основу памятник Панову.

В то время, когда памятник был выявлен Б.Г. Кубаловым, он располагался в старой части кладбища на территории Знаменского монастыря, налево от главного входа, в трех шагах от памятника Панову. К нему можно отнести и данные, касающиеся памятника Панову, о том, что «памятник стоит впереди церкви на юго-западе, отдельно за дорожкой». Было ли это его родным местом, сказать сложно из-за нечеткого определения его местоположения Кубаловым. В дальнейшем монумент был восстановлен на новом участке, рядом со стеной Знаменского храма (см. фото на с. 89). Во второй половине 1960-х гг. он был перенесен к памятнику Панову, что отвечает исторической правде. В настоящее время определить его первоначальное месторасположение не представляется возможным.

Сегодня, возможно, стоит восстановить типичную декабристскую ограду. Необходимо исправить и год рождения декабриста – вместо 1800 г. указать 1799-й, как более обоснованный.

В 1949 г. в списке исторических памятников по Иркутску значилась и могила Е.И. Трубецкой, на которой имелась мемориальная доска⁷³, прибитая в конце 1930-х гг. Составленный в сентябре 1949 г. паспорт на могилу⁷⁴ был направлен в Управление охраны памятников Комитета по делам культурно-просветучреждений при Совете Министров РСФСР, но в материалах Государственного архива Иркутской области его нет.

В «Акте технического осмотра памятника на могиле Е.И. Трубецкой», составленном 20 января 1951 г., говорилось, что тот представляет собой прямоугольный камень из байкальского серого мрамора, общее состояние которого удовлетворительное. Таким же определялось и состояние территории около памятника. Правда, отмечалось, что нет ограды и требуется ее устроить из железа. После этого памятник на могиле ремонтировался в 1953, 1954 и 1955 гг. Особенно полно реставрация проводилась в 1953 г., что осталось зафиксированным в ведомости объемов работ от 15 июня. Говорилось, что необходимо:

1. Откопать и очистить плиту памятника.
2. Подогнать цвет цементного раствора к фактуре камня памятника.
3. Заделать цементным раствором трещины на камне.
4. В углах сломанных просверлить в камне отверстия, на цемент заложить железные якоря и на них укрепить из цементного же раствора новые углы.
5. Отполировать под фактуру камня углы памятника.

6. Покрывать бронзой буквы мемориальной надписи на камне.
7. Очистить чугунную мемориальную доску от старой краски. Шт. 1 (т. е. мемориальная доска была установлена. – А.Г.).
8. Закрасить масляной краской под чугун доску. Шт. 1.
9. Всю плиту площадью 1,5 м заполировать до исчезновения трещин.
...Итого: руб. 300-00»⁷⁵.

В 1954 г. (по другим данным, в 1953 г.) была поставлена железная ограда, которая не является аналогом первоначальной, а напоминает стандартные кладбищенские ограды советского времени. Все работы выполнялись скульптором Е.К. Андреевым⁷⁶. Еще какой-то ремонт производился и в 1957 г., но в деле нет конкретных данных, какой именно⁷⁷. В 1958 г. ограда была окрашена⁷⁸.

В 1957 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР от 29 июня 1957 г. № 781, включавшее в себя «Список исторических памятников, находящихся на территории РСФСР» (Приложение к № 1), по Иркутской области, в который вошла и могила Е.И. Трубецкой⁷⁹.

Снимок могилы Е.И. Трубецкой 1925 г. дает полное представление о внешнем облике надгробных камней. Нужно отметить, что памятники большей частью сохранились в первоначальном виде, чугунные же плиты были уничтожены в конце 1920-х гг. Изменилось и расстояние между могильными камнями. На фотографии 1925 г. оно больше, чем сегодня. Их расположение могло быть нарушено в то время, когда на территории монастыря располагались школа-интернат глухонемых или Гидропорт.

Но тем не менее, когда памятники Е.И. Трубецкой и ее детям были выявлены Б.Г. Кубаловым, они находились подле правого алтаря храма, вероятно, на этом месте они находятся и сегодня, и это единственный пример, когда захоронение и памятник находятся на родном месте.

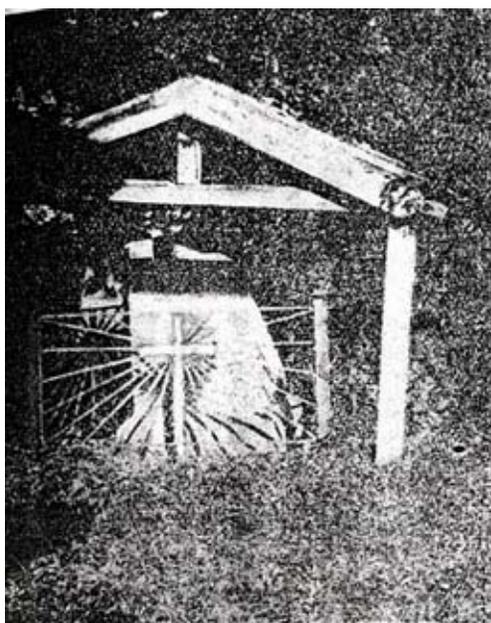
Сегодня крайне желательно восстановить ограду по сохранившейся фотографии 1925 г. Необходимо также внести исправления в текст. Е.И. Трубецкая скончалась 14 октября 1854 г., на могильной плите – 11 октября 1854 г. На надгробном камне неправильно указан и год рождения Никиты – 1837. Должно быть: 1835.

После Великой Отечественной войны ситуация с могилой декабриста В.А. Бечаснова сложилась следующим образом. Она не попала в «Список исторических памятников, находящихся на территории РСФСР» 1957 г.⁸⁰ и не была поставлена на государственную охрану в 1960 г., как могилы Поджио и Муханова. История затянулась до 1976 г. В дополнение к Постановлению Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» было принято постановление от 7 сентября 1976 г. (№ 495), по которому в списки памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения, была включена и могила Владимира Александровича Бечаснова.

Несколько раньше, в 1974 г., был составлен паспорт на памятник «Могила декабриста В.А. Бечаснова» (авторы Н. Полунина и Н. Стрельцова). В нем отмечается: «На могиле первоначально лежала каменная плита, кото-

Н.А. Бестужев. Портрет А.П. Юшневского. 1839

Могила А.П. Юшневского.

Из кн.: Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925

рая к 1925 г. глубоко ушла в землю. Новый памятник был установлен в 1960-е годы (по типу памятника, находящегося на могиле декабриста Панова)». К сожалению, в архивных документах не удалось обнаружить данных об установке памятника декабристу. Вероятно, он выполнен тем же скульптором Е.К. Андреевым или кем-то другим, положившим за основу памятник Панову. «Памятник на могиле декабриста выполнен из бетона, простой формы, памятник венчает крест, выполненный также из бетона. На памятнике находится чугунная доска, установленная одновременно с памятником, со следующим текстом: “Декабрист Владимир Александрович Бечаснов. Умер 11 октября 1859 года. 58 лет”»⁸¹. Вероятно, последнее утверждение неправильно. Доска была установлена не одновременно, так как в архивных документах за 1970 г. читаем: «...памятники декабристам Муханову и Бечаснову (Знаменская церковь): закрепить мемориальные плиты»⁸².

О том, как выглядело сооружение первоначально, можно судить по снимку, сохранившемуся в фондах Иркутского областного краеведческого музея. Судя по фотографии, это обычная плита из песчаника, каких было много на бывшем городском Иерусалимском кладбище. Из песчаника изготавлилась большая часть недорогих надгробий в Иркутске. Б. Кубалов отмечал: «Камень, из которого приготавливаются в Иркутске надгробия,

быстро выветривается – “шелушится”», соответственно, плохо сохраняется. Возможно, сегодня стоит установить над могилой Бечаснова такую же декабристскую ограду, как и у других захоронений декабристов. Необходимо исправить и дату смерти – 16 октября 1859 г.

Теперь перейдем к другой части иркутского некрополя декабристов – Амурскому кладбищу. Сегодня здесь находятся могилы А.З. Муравьева и А.П. Юшневского.

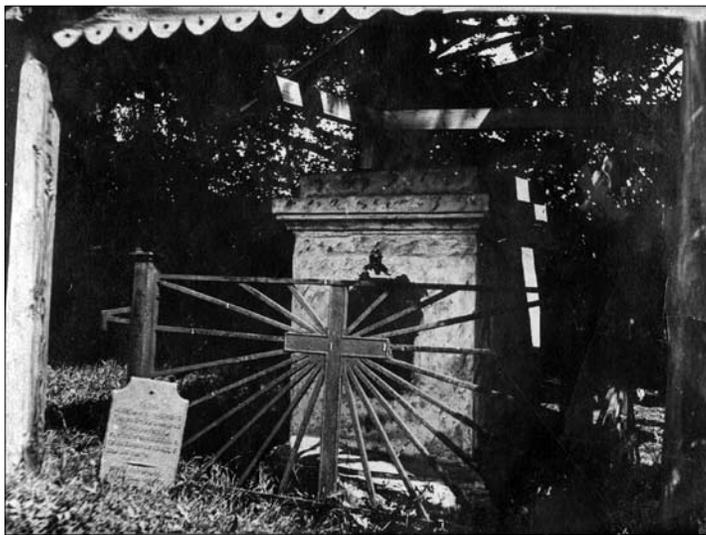
Алексей Петрович Юшневский скончался 10 января 1844 г. в Оёке, присутствуя в церкви на отпевании декабриста Ф.Ф. Вадковского.

В 1912 г. И. Серебренников смотрел дела в оёкском волостном архиве, где натолкнулся на интересный документ, текст которого он приводит в своей статье:

«И.о. Оёкского Волостного правления. Рапорт о внезапно умершем госуд. преступнике Юшневском. 10-го января 1844 г. № 6.

Господину заседателю иркутского земского суда.

Дежурный старшина Гаврила Михалев Волостному Правлению словесно донес, что сего числа, с полуночи в 10-м часу, во время отправления в Оёкской Успенской церкви божественной литургии было внесено в церковь для отпевания по христианской религии тело умершего государственного преступника Федора Федоровича Вадковского. В числе прочих представших в церкви людей был госуд. преступник Алексей Петров Юшневский и стоял вблизи гроба умершего Вадковского. Не прошло полчаса со времени его, Юшневского, прихода, он вдруг зашатался и повалился на пол и сделался без чувств; тогда же его с места подняли и привезли в дом Вадковского, отстоящий от храма Господня не более 100 сажень, где уже подаваемо было Юшневскому должное медицинское пособие г. дивизионным доктором,

Памятник на могиле А.П. Юшневского. 1936. Собрание ИОКМ

штаб-лекарем Романовским, который также был в церкви при отпевании литургии, однако же все преподаваемые Романовским пособия остались без помощи, и Юшневский, не прида даже и в малейшее чувство, помер, о чем Вашему благородию Волостное Правление честь имеет донести»⁸³.

Тело декабриста было перевезено в село Большая Разводная и погребено в ограде церкви этого села. (Хотя сам декабрист находился на поселении в

Памятная доска, выполненная в советское время и приложенная к памятнику на могиле А.П. Юшневского на Амурском кладбище. Фото А. Гаращенко. 2009

селе Малая Разводная, в пяти верстах к Байкалу от Иркутска, а села Малая Разводная и Большая Разводная были в версте друг от друга.)

Когда был поставлен памятник? К сожалению, в Государственном архиве Иркутской области не удалось выявить документов о заключении контракта на изготовление памятника, но можно с уверенностью предположить, что делался он тем же мастером, что и памятник А.З. Муравьеву, – Ильсей Ивановичем Савинским (им же был изготовлен и памятник Н.М. Муравьеву в Урике в 1845 г.).

В 1845 г. вдова Юшневского Мария Казимировна писала брату своего мужа: «Я часто вспоминаю тебя на могиле твоего добродетельного брата, мне не успели сделать рисунка памятника, потому до весны не могу прислать тебе его. Все подходит с благоговением к этому святому для меня месту. Дай Бог всякому оставить такую память о себе»⁸⁴.

Из этого отрывка следует, что памятник на могиле Юшневского в 1845 г. уже стоял. В маклерских книгах за 1845–1847 гг., где фиксировались все контракты на различные работы, наем служащих, поставки и т. д., контракта с Юшневской нет, значит, он был заключен и работы выполнены в 1844 г., так как маклерские книги за этот год представлены в архиве неполно.

Общий вид памятника А.П. Юшневскому на Амурском кладбище и сохранившаяся памятная доска со старого памятника, перенесенная из Большой Разводной. Фото А. Гаращенко. 2009

Изначально памятник Юшневскому был таким же, как памятник, который позднее М.К. Юшневская поставила и А.З. Муравьеву. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся фотографии. Можно предположить, что он был «из серого камня... вышиною 2 аршина и шириною 1½ аршина (142,24 см и 106,68 см) с площадкою из плит того же камня вокруг 1 квадратная сажень (4,54 кв. см)»⁸⁵. Как отмечал современник, «на его могильном камне вырезана любимая поговорка его: мне и здесь хорошо»⁸⁶. Плита с этой надписью сохранилась и вмонтирована в одну из сторон современного памятника А.П. Юшневскому.

Рядом с могилой А.П. Юшневского находилась могила А.З. Муравьева.

Артамон Захарович Муравьев умер 4 ноября 1846 г. Его тело погребли в ограде церкви села Большая Разводная, хотя сам декабрист, как и Юшневский, находился на поселении в Малой Разводной, но там не было храма.

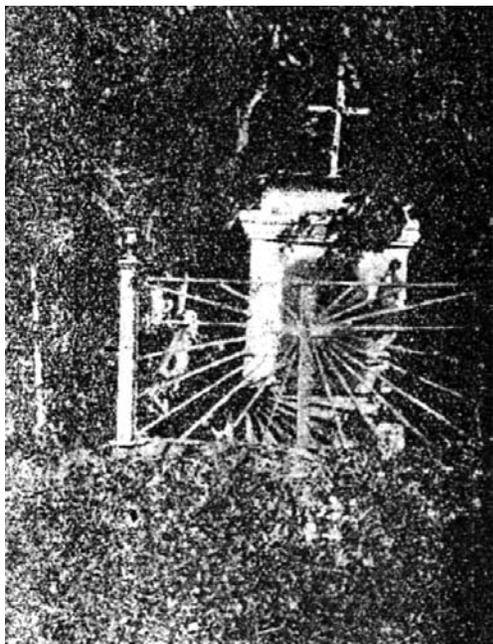
Памятник А.З. Муравьеву устанавливала М.К. Юшневская. О том, что именно М.К. Юшневская позаботилась о надгробии для Муравьева, свидетельствуют воспоминания крестьян села Малая Разводная, приведенные в книге Б. Кубалова, причем К.Я. Пятидесятников упоминает, что в памятник «Ишневичиха (так он именуется Юшневскую. – А.Г.) положила беленького ангелочка с крылышками»⁸⁷.

В Государственном архиве Иркутской области удалось выявить следующую запись в маклерской книге, датируемую 12 марта 1847 г. Мария Казимировна Юшневская заключила контракт с иркутским цеховым Ильей Ивановичем Савинским на возведение над его могилой памятника. Текст документа мы приводим полностью.

«1847 г. марта дня я, нижеподписавшийся, иркутский цеховой Илья Иванов Савинской, заключил сие условие с госпожою 4-го класса Марьею Казимировною Юшневской в нижеследующем. 1-е, подрядился я Савинской у Вас, г. Юшневской, построить надгробный памятник в деревне Разводной из серого камня с тем, чтобы оный был памятник вышиною 2 аршина и шириною 1½ аршина (142,24 см и 106,68 см) с площадкою из плит того же камня вокруг 1 квадратная сажень (4,54 кв. см) с моею окраскою белилами и маслом. 2-е, на памятнике этом оставить или высечь при постройке с одной стороны одно место для выкладывания в оное место доски медной с надписью, и так же сделать наверху оного памятника из того же материала карниз, промеж этого фигур никаких на оном не выделять. 3-е, под памятником свод делать так, чтобы он был не белен. 4-е, материал и камень для постройки означенного памятника должен приготовиться на собственной мой Савинского, а не на Ваш г. Юшневской счет, и при постройке я должен наблюдать (слово неразб. – А.Г.) чистоту и опрятность, как быть долженствуется, и постройку этого памятника должен я окончить непременно к первому числу мая месяца сего же года. 5-е, за каковую постройку рядил я, Савинской, с г. Юшневской получить платы ассигнациями 350 р., а на серебро 100 р. с тем, чтобы в число оных получить от Вас, г. Юшневской, мне, Савинскому, в задаток при заключении сего условия ассигнациями 100 р., а серебром 28 р. 57 ¹/₇ к. По вывозке камня ассигнациями 50 р. или серебром 14 р. 28 ⁴/₇ к. По начатии работы ассигнациями 50 р. или серебром 14 р. 28 ⁴/₇ к., а оставшие-

Н.А. Бестужев. Портрет А.З. Муравьева. 1838

Могила А.З. Муравьева. Из кн.: Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925

ся – по успеху работы означенного памятника. 6-е, тут же построить мне, Савинскому, каменную середину за цену 50 р. ассигнациями или серебром 14 р. 28 $\frac{4}{7}$ к., и 7-е, условие сие хранить с обеих сторон свято и не нарушимо, в чем и подписуюсь. К сему условию иркутский цеховой Илья Иванов Савинской руку приложил.

Контракт сей в Иркутске у маклерских дел лично дателем онаго явлен и в книгу 1-ю под № 76 записан, с тем чтобы контракт подателя принимаемую работу произвел людьми, имеющими на это ремесленной управы свидетельства.

Марта 12 дня 1847 г.

Контракт получил Илья Иванов Савинской»⁸⁸.

В тексте документа не указывается, для кого выполняется памятник. Но обратим внимание на условие 3 данного контракта: «3-е, под памятником свод делать так, чтобы он был не белен». Далее приведем текст из книги Б. Кубалова.

«В письме к жене Муравьева, Вере Алексеевне, оставшейся с детьми по ту сторону Урала, Юшневская, говоря о сооружении памятника над могилой Артамона Захаровича, упоминает, что в нишу памятника “заблагорассудила положить бюст покойного сына Артамона Захаровича”. (Вероятно, в свод, который заранее планировался при подготовке памятника, и был положен бюст. – А.Г.) У Муравьева было два гипсовых бюста его сыновей. Один из них был нечаянно разбит Артамоном Захаровичем, а другой Мария Казимировна, боясь отправить за Урал (в пути он мог разбиться), решила положить в нишу памятника. Найдя подтверждение слов Пятидесятникова в этом письме Юшневской, я, в присутствии сельской власти и технического надзора, вскрыл

одну из стенок памятника Муравьеву. В своде, действительно, оказался гипсовый бюст красивого юноши. Часть уха проникавшею вовнутрь памятника водою была испорчена; пьедестал под действием сырости отделился. Бюст – образец прекрасной художественной работы первой четверти девятнадцатого века – хранится в Иркутском музее революции (ныне он находится в Иркутском музее декабристов. – А.Г.)»⁸⁹.

Второе и главное подтверждение того, что выше речь идет о памятнике А.З. Муравьеву, – это текст письма Юшневской к брату ее мужа за 1845 г.: «Я часто вспоминаю тебя на могиле твоего добродетельного брата, мне не удалось сделать рисунка памятника, потому до весны не могу прислать тебе его.

Все подходит с благоговением к этому святому для меня месту. Дай бог всякому оставить такую память о себе»⁹⁰. Из этого отрывка следует, что памятник на могиле Юшневского в 1845 г. уже стоял и не было нужды ставить другой в 1847 г. М.К. Юшневская поставила Муравьеву точно такой же памятник, как и мужу, с такой же решеткой.

Дальнейшая судьба этих памятников и захоронений такова.

В 1936 г. был принят «Список памятников революционного движения и старины по Иркутску и Иркутскому району, признанных подлежащими государственной охране (в левом верхнем углу надпись: «Список принят Горсов[етом] 16/IX-36»)», в котором указывались и захоронения А.П. Юшневского и А.З. Муравьева.

«9. Могила декабриста А.П. Юшневского	д. Большая Разводная в 8 км от Иркутска в церковн. ограде	Могила не осмотрена. По сведениям, чугунная ограда разрознена, деревянная крыша испорчена. Произвести осмотр. Привести в порядок. Прибить мемор. доску» ⁹¹ .
--	--	---

Чугунные части памятника валялись около церкви и внутри нее⁹².

«...10. Могила декабриста А.З. Муравьева	д. Большая Разводная в 8 км от Иркутска в церковн. ограде» ⁹³	По сведениям, находится в порядке. Прибить мемор. доску.
---	---	---

К середине 1930-х гг. относится и такое описание памятников:

«1. Памятники на могилах декабристов А.П. Юшневского и А.З. Муравьева.

Находятся в бывшей церковной ограде. Памятники каменные с чугунными плитами, окруженные чугунными решетками “декабристского типа”»⁹⁴.

Любопытно, что в 1937 г. был составлен еще один «Список памятников гражданской войны, революции и старины по Иркутской области», в котором могила А.П. Юшневского не значится, а вот в отношении памятника на могиле Муравьева записано: «Каменный памятник с чугунными плитами и чугунной решеткой». Сохранность его отмечалась как средняя⁹⁵.

В октябре 1948 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры». В связи с этим проводились мероприятия и на территории Иркутской области. Могилы А.П. Юшневского и А.З. Муравьева в 1949 г. попали в список памятников, по которым планировалось провести паспортизацию (Решение № 518 Исполнительного комитета Иркутского областного Совета депутатов трудящихся от 18 мая 1949 г. «О проведении паспортизации и ремонта исторических и археологических памятников»)⁹⁶. Отмечалось, что сохранность памятников плохая⁹⁷.

По памятнику Муравьеву значилось: «Огородить и провести необходимые ремонтные работы на сумму в 5050 р.», а по памятнику Юшневскому намечались следующие работы: «Заново изготовить и огородить памятник». На эту работу планировалось затратить 10 800 р.⁹⁸ Фактически получается, что к 1949 г. памятника на могиле Юшневского попросту не было или были его развалины. Он был сломан вскоре после фотосъемки в 1936 г., о чем свидетельствует надпись на обороте фотографии: «...Разводная. Надмогильный памятник декабристу Юшневскому. ...лето 1936 г. В том же году памятник разрушен», поэтому и не попал в «Список памятников гражданской войны, революции и старины по Иркутской области» 1937 г. Эта информация подтверждается и свидетельством В.С. Манассеина о том, что памятник был уничтожен в 1936 г.

Но вот уже в подобном списке 1939 г. о памятнике на могиле А.П. Юшневского значится следующее:

«10. На могиле декабриста Юшневского Александра Петровича	Б. Разводная Ирк. р-на	Каменная плита в полуразрушенном состоянии	На учете местн. знач.	Требуются детальное обследование и реставрация».
---	------------------------	--	-----------------------	--

Бюст Никиты Муравьева, сына декабриста А.З. Муравьева. 1832 (?). Гипс. Найден Б.Г. Кубаловым в 1924 г. в нише надгробного памятника декабриста и передан в Иркутский музей революции. Собрание ИОКМ

В архивных материалах сохранился паспорт на памятник А.З. Муравьеву, составленный 25 мая 1949 г. заведующим избой-читальней села Большая Разводная Таюрским. В тексте паспорта присутствует следующее описание: «Памятник каменный, высотой больше метра, огорожен железными решетками, на верху памятника крест, который свалился». Упоминается и плита с надписью: «Здесь покоится прах Артамона Захарьевича Муравьева, скон-

чавшагося 4 ноября 1846 года на 53 году от рождения. Помяни мя, Господи, в царствии твоём». Составителем паспорта предлагалось провести следующий ремонт: «Установить крест и закрыть одну стенку изгороди»⁹⁹.

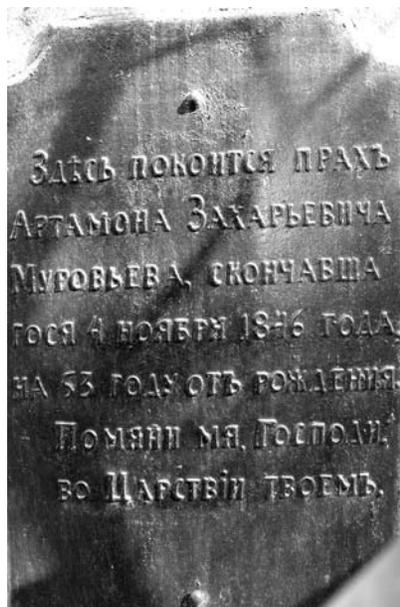
Через два месяца захоронения декабристов в Большой Разводной обследовала комиссия, которая 30 августа 1949 г. составила следующий акт:

«1949 г. 30/VIII

Мы, нижеподписавшиеся, заведующая Иркутским отделом культпросветработы Иркутского исполкома райсовета Герасименко Софья Ивановна, председатель Б.-Разводинского исполкома с/совета Коршунов Яков Петрович, финансово-налоговый агент Леонтьев Петр Иванович произвели обследования могил декабристов, находящихся в селе Б. Разводном Б.-Разводинского с/совета в бывшей церковной ограде, в настоящее время расположен дет. дом. 1). Могила братьев Борисовых и Муравьева (в ограде церкви находились могилы Юшневского и Муравьева, а могила декабристов братьев А.И. и П.И. Борисовых была на сельском кладбище, о чем еще в 1925 г. свидетельствовал Б. Кубалов. О том, почему могилу Юшневского приняли за могилу Борисовых, явно по ошибке, так как была снята чугунная доска с надписью о захороненном лице, ниже в тексте. Паспорт на могилу Юшневского упоминается в архивном деле и датируется 15 сентября 1949 г.¹⁰⁰, правда, в архивных делах он отсутствует, но все равно принадлежность его могилы была установлена. – А.Г.). Могила братьев Борисовых – памятник каменный, верх уничтожен, т. е. половины нет, ограды нет, и нет никаких надписей, могила осела. Могила Муравьева: ограда чугунная, памятник каменный, был на нем крест железный – снят, могила, т. е. памятник, южная сторона сделала осадку, с северо-западной есть плита с надписью, кто похоронен. Памятник весь оброс черемуховыми кустами»¹⁰¹.

Когда только началось планирование строительства Иркутской ГЭС, 25 июля 1949 г. заместитель областного отдела культурно-просветительской работы Е. Елина направила управляющему МОСГИДЭПом И.Ф. Ярошенко письмо (в ответ на запрос этой организации, который в архивном деле отсутствует), где говорилось: «На Ваше отношение от 21 июня 1949 г. областной отдел культурно-просветительской работы сообщает, что на побережье верхней Ангары, на участке Байкал – Иркутск, имеются исторические и археологические памятники.

1. В селе Большая Разводная находятся памятники и могилы декабристов Юшневского, Артамонова, Муравьева (должно

Доска с надгробного памятника А.З. Муравьеву, перенесенная из Большой Разводной на Амурское кладбище. Фото А. Гаращенко. 2009

быть Артамона Муравьева, так в тексте. – *А.Г.*), братьев Борисовых, состоящие на государственном учете»¹⁰².

22 сентября 1950 г. заведующая областным отделом культурно-просветительской работы Данилова обратилась к председателю исполкома Иркутского областного Совета депутатов трудящихся И.М. Никольскому со следующим письмом: «В зоне затопления Ангарской ГЭС (так первоначально называлась Иркутская ГЭС. – *А.Г.*) находится два исторических и 12 археологических памятников.

Исторические памятники представляют собою могилы декабристов А.П. Юшневского и А.З. Муравьева (куда-то девалась могила братьев Борисовых. – *А.Г.*) с установленными на них каменными памятниками, обнесенными железными оградами. Памятники эти находятся в деревне Большая Разводная Иркутского сельского района. <...>

Областной отдел культ.-просветработы просит Вас предусмотреть в решении исполкома сумму средств на перенос памятников декабристов из деревни Большая Разводная в Иркутск (бывш. Знаменский монастырь), а также ассигнований на раскопку археологических памятников (подчеркнем, что первоначально планировалось перенести останки декабристов на территорию Знаменского монастыря. – *А.Г.*).

Общая сумма средств, согласно прилагаемой смете на перенос исторических памятников и раскопку археологических памятников, составляет 300 тыс. р.»¹⁰³

28 июня 1952 г., уже ближе к началу строительства ГЭС, исполнительный комитет Иркутского областного Совета депутатов трудящихся принял Решение № 477 «О переносе исторических памятников декабристам Муравьеву А.З. и Юшневскому А.П.»¹⁰⁴. Могилы планировалось перенести на Ново-Амурское кладбище в районе Лисихи.

Было составлено несколько смет на производство работ, и 22 июля 1952 г. зам. председателя областного Совета депутатов трудящихся Рудаков утвердил смету на сумму 9 тыс. рублей. В смету входили следующие виды работ:

- разборка каменной кладки на цементном растворе с отмошкой до 5 м,
- разборка железобетонного перекрытия,
- разломка цементного бетонного основания,
- выкорчевывание деревьев, выросших на могилы, столетнего возраста,
- разборка металлической ограды (8, 4 п. м),
- отрывка могил в грунте из расчета на 6 могил на одну откопку 6×2,
- копка могил и погребение,
- изготовление гробов и венков,
- засыпка грунта после извлечения останков,
- рытье ям под фундаменты под памятники,
- бутовая кладка фундаментов под памятники,
- установка памятников на готовое основание из отдельных частей на сложном растворе,
- каменная кладка цоколя под ограждение на сложном растворе,
- бетонирование столбиков под чугунные столбы и забетонирование их,
- установка металлической решетки с частичным ремонтом, закреплением в бетон,

- очистка поверхности металлической решетки,
- лаковая окраска металлического ограждения,
- перевозка рабочих и инструмента на место работ и обратно,
- погрузка памятников на автотранспорт и разгрузка на месте,
- устройство штахетного ограждения с масляной краской,
- добыча каменных новых плит взамен негодных, отеска лицевой стороны,
- сбор соответствующим образом останков, исследование погребения, фотографирование и научное описание погребений и т. д.¹⁰⁵

Общий вид памятника А.З. Муравьеву на Амурском кладбище. Фото А. Гаращенко. 2009

15 июля 1952 г. иркутский археолог П.П. Хороших получил специальное задание партийных и советских органов перезахоронить прах декабристов, находившийся на кладбище в с. Большая Разводная. Причем выполнить это надо было быстро, не привлекая внимания местного населения. В исполкоме областного Совета П.П. Хороших показали план, на котором было обозначено с. Б. Разводная, где кружком были очерчены старое кладбище и церковь. Было добавлено: могилы раскопать, истлевшие гробы заменить на новые и перевезти в Иркутск, где предать земле на Амурском кладбище. В помощь был назначен профессор А.И. Казанцев. Первой раскопали могилу А.П. Юшневского, второй – А.З. Муравьева. Могилы братьев Борисовых, несмотря на тщательные поиски, обнаружить не удалось.

Перенос останков А.П. Юшневского состоялся во второй половине июля 1952 г. силами треста Иркутского горзеленхоза. Мы подчеркиваем, что именно останков декабриста, а не памятника с его могилы и ограды, так как они были разрушены.

Ремонт памятников проводился в 1953–1954 гг., о чем свидетельствует следующий текст «Списка исторических памятников Иркутской области, подлежащих охране, по состоянию на 10.3.1956 г.»:

«16. Каменный памятник на могиле А.З. Муравьева. Основное кладбище Нагорного района, рядом с могилой иркутского поэта Ольхона. Сохранность хорошая, памятник перенесен с. Большая Разводная (так в тексте. – А.Г.). Памятник союзного значения. Ремонт проведен в 1953 г.

17. Могила Юшневского Александра Петровича. Каменная плита. Основное кладбище Нагорного района, рядом с могилой иркутского поэта Ольхона. Сохранность хорошая, памятник перенесен с. Большая Разводная. Памятник союзного значения, поставлена ограда в 1954 г.»¹⁰⁶. Но в 1957 г., как отмечается в другом архивном деле, были «отремонтированы памятники: ...на могиле декабриста А.З. Муравьева... на могиле декабриста А.П. Юшневского»¹⁰⁷, вероятно, ремонт 1953–1954 гг. был произведен не в полном объеме.

В период подготовки к празднованию 150-летия восстания декабристов, которое достаточно широко отмечалось, относительно памятников А.З. Муравьева и А.П. Юшневского, если судить по архивным документам, не было произведено никаких работ, возможно, делался косметический ремонт, но данных об этом нет.

Сравнивая эти два захоронения, можно отметить следующее.

Первоначальный облик памятника А.П. Юшневскому, каким он был возведен в 1844 г., не сохранился. Есть только родная чугунная плита с надписью: «Здесь покоится прах Алексея Петровича Юшневского. Род. 12 марта 1786 г. Скон. 10 января 1844 г. на 58 году. Мне хорошо, слова покойного». Данный памятник возведен в 1952–1957 гг. Скульптор Е.К. Андреев. Его верхняя часть почти идентична верхней части памятника П.А. Муханову, установленного в 1957 г. (в настоящее время заменен другим).

Памятник А.З. Муравьеву – практически в первоначальном виде, каким он был возведен в 1847 г. Сохранилась и родная чугунная доска. Различаются только кресты, современный крест на памятнике выполнен во время реставрации в 1950-е гг. В настоящее время необходима его реставрация.

На могиле А.З. Муравьева сохранилась и подлинная ограда. Она достаточно хорошо видна на фото в книге Кубалова. «Ограда декабристская», как свидетельствует В.С. Манассеин, такими «массивными однотипными на всех этих могилах чугунными решетками, в середине звена которой находится простой вытянутый четырехконечный крест с расходящимися от него лучами, которые заполняют собою все звено», огораживалась большая часть могил декабристов.

А вот подлинная ограда на могиле Юшневского утрачена. Существующая оградка выполнена в 1954 или 1955 г. (в архивных материалах есть разночтения)¹⁰⁸ также скульптором Е.К. Андреевым, а первоначально она была такой же, как на могиле Муравьева.

В настоящее время возможно восстановить первоначальный исторический облик памятника Юшневскому, основываясь на внешнем виде памятника А.З. Муравьеву, его форма хорошо видна на снимке из книги Б. Кубалова и на фотографии могилы Юшневского 1936 г. То же самое относится и к решетке. Ее также можно восстановить по аналогу решетки вокруг памятника А.З. Муравьеву. А на памятнике А.З. Муравьеву необходимо восстано-

вить крест. Желательно сделать его таким, каким он был первоначально (его форма хорошо видна на фотографии из книги Б. Кубалова).

Закончить рассказ об иркутском некрополе мы хотели бы еще несколькими рассуждениями. Иркутский историк В.С. Манассеин в начале 1930-х гг. составил по меньшей мере два списка могил Иерусалимского кладбища, которые предлагал сохранить. Выявить удалось только один. Перечень не датирован. Он находится между материалами архивного дела за 1932 г., но, как следует из содержания другого документа из того же дела, относящегося к 21 ноября 1931 г., в котором упоминаются оба списка, можно считать, что документ относится также к 1931 г. Списки могил на Иерусалимском кладбище и других некрополях Иркутска, подлежащих охране, согласованные с Комиссией по охране памятников старины, природы и искусств (ОХРИС), в состав которой входили историки, музейные работники, сотрудники библиотек, были представлены в городской коммунальный отдел 22 марта 1932 г.¹⁰⁹ Любопытно отметить, что автор указал в списке помимо фамилии И.В. Поджио еще три захоронения декабристов, одно из которых было якобы Вольфа («Памятник над могилой неизвестного декабриста (Вольфа, доска сорвана), большой каменный памятник-пьедестал с распятием на верху, точно такой же, как в Урике над могилой Муравьева. Большая типичная декабристская чугунная ограда в каменных столбах. В этой же ограде еще несколько захоронений, которые должны быть также сохранены до выяснения»; «Плита над могилой декабриста – фамилия пока не разобрана. Ограда типичная декабристская»; «Могила неизвестного декабриста без памятника, деревянная желтая оградка, поставленная комиссией празднования 100-летия декабрьского восстания»¹¹⁰). Но известно, что Ф.Б. Вольф не был похоронен в Иркутске, так как в 1845 г. получил разрешение на переезд в Тобольск, где и умер в 1854 г. Кого еще имел в виду историк, говоря о трех, помимо Поджио, могилах с «типично декабристскими оградками»? Может быть, под оградками такого типа нужно понимать просто католические захоронения? Не нужно забывать, что И.В. Поджио был католиком. А возможно, это была могила П.Ф. Выгодовского (Дунцова), скончавшегося в Иркутске в 1881 г., или Агафьи Дмитриевны Люблинской (ум. 1882), жены декабриста Ю.К. Люблинского. Может быть, не все надписи на могильных плитах хорошо читались из-за их разрушения, связанного с климатическими или рукотворными воздействиями. Поэтому В.С. Манассеин мог ошибаться в написании фамилий. Точно известно, что на Иерусалимском кладбище были могилы жены декабриста В. Бечаснова Анны Пахомовны (ум. 1900) и его сына Вячеслава (ум. 1895)¹¹¹.

Примечания

¹ *Серебренников И.* Памятники пребывания декабристов в Иркутской губернии // Сибирь. 1912. 5 сент. (№ 196).

² «В 1825 году Россия, – писал В.И. Ленин, – впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» («О революции 1905 г.». Полн. собр. соч. Т. 30. С. 315). В статье «Памяти Герцена» В.И. Ленин

отмечал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию» (впервые статья «Памяти Герцена» была опубликована в газете: Социал-демократ. 1912. № 26. 8 мая (25 апр.).

³ Иркутский земский исправник 8 января 1848 г. доносил управляющему Иркутской губернией, что водворенный на поселение Иркутского округа Кудинской волости Усть-Кудинской слободы государственный преступник Иосиф Поджио «на 8 число сего месяца помер» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 61. Ч. 75. Л. 68).

⁴ ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 54. Л. 7. Любопытно в этой надписи то, что Романов указывает дату смерти декабриста 8 января. В книге «Декабристы. Биографический справочник» (М., 1988. С. 145) указывается, что «Поджио 2-й Иосиф Викторович (30.8 [по метрическому свидетельству, а по надгробию – 22.11.] 1792–8.1 [по надгробию – 6.1] 1848)». Таким образом, получается, что Н.С. Романов указал правильную дату смерти, но она к 1924 г., ко времени осмотра могилы Б. Кубаловым, изменилась. Возможно, с течением времени цифра 8 затерлась и Кубалов принял ее за 6.

⁵ Календарь-справочник по Иркутску и Иркутской губернии на 1914 г. С. 242–243.

⁶ Кубалов Б. Забытые могилы декабристов // Власть труда. 1924. 25 июня. С. 3 («...сотрудница Губархова В. Дербина нашла на католическом кладбище могилу И. Поджио. Ограда ее уцелела, унесены лишь с нее чугунные урны, что стояли по углам решетки. Над всей могилой широко разрослась черемуха. Надгробной плиты почти не было видно, часть ее, накренившись, глубоко ушла в землю, другая была покрыта травой.

Участниками поисков могилы была заступами выбрана земля, с плиты с места предполагаемой на плите надписи осторожно была снята ввевшаяся в ее вырезы грязь. Прочли надпись: Иосиф Викторович Поджио. Родился 22 ноября 1792 г. Скончался 6 января 1848 г.»).

⁷ Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 203–204.

⁸ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 74. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 206. Л. 55.

¹⁰ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19. Л. 158.

¹¹ Там же. Л. 154.

¹² Там же. Л. 173.

¹³ Там же. Д. 20. Л. 92.

¹⁴ Там же. Л. 95.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 34. Л. 67, 71. («4. Памятник на могиле декабриста Поджио – каменная плита с надписью на территории Иерусалимского кладбища. Плита и надпись на ней сохранились хорошо. На памятник сверху прибита чугунная мемориальная доска, закрывшая часть надписи, что совершенно неправильно. Стильная чугунная оградка вокруг памятника совершенно разрушена, остались только ее обломки, которые тут же валяются на земле». «Предложения... д. Памятник декабриста Поджио: 1. Поставить новую оградку, переставить мемориальную доску на др. место, с тем чтобы она не закрывала старую надпись».)

¹⁶ Там же. Д. 28. Л. 25.

¹⁷ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 20. Л. 90–91.

¹⁸ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 2.

¹⁹ Там же. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 239. Л. 2.

²⁰ Там же. Д. 189. Л. 29.

²¹ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 67. Л. 37, 39.

²² Там же. Л. 1, 20.

²³ Там же. Д. 124. Л. 61, 73.

²⁴ Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост., автор предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 682.

²⁵ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 204.

²⁶ Декабристы. Биографический справочник / Изд. подг. С.В. Мироненко. М., 1988. С. 145.

²⁷ Нил (Николай Федорович Исакович), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский (с 1840 г. архиепископ) с 23 апреля 1838 г. по 24 декабря 1853 г. *Афанасий* (Андрей Соколов)

– архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский с 24 декабря 1853 по 3 ноября 1856 г. *Евсей* (Евфимий Орлинский) – епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский (с 1858 г. архиепископ) с 3 ноября 1856 г. по 13 сентября 1860 г.

²⁸ *Дорохова Мария Александровна* (урожд. Плещеева, 1811–1887), двоюродная сестра декабристов Ф.Ф. Вадковского и З.Г. Чернышева. В 1830 г. вышла замуж за Р.И. Дорохова, сына известного генерала Отечественной войны 1812 г. Будучи очень несчастливой в браке, она в конце концов развелась с мужем, который впоследствии был разжалован в солдаты и убит на Кавказе в Чеченской экспедиции 18 января 1852 г. Служила классной дамой в Петербургском сиротском доме. Назначение Дороховой начальницей женского института Восточной Сибири состоялось 18 августа 1849 г. В Иркутск она приехала в начале 1850 г. Была дружна с П.А. Мухановым, за которого мечтала выйти замуж и который испытывал к ней взаимные чувства. 1 апреля 1855 г. она была назначена начальницей Нижегородского Мариинского института.

²⁹ *Муханов П.А.* Сочинения и письма / Изд. подг. Г.В. Чагиным. Иркутск, 1991. С. 419.

³⁰ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Восточной Сибири. С. 201.

³¹ Там же. С. 201–202.

³² *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / Изд. подг. В.П. Павловой. Иркутск, 1987. С. 49–50, 392.

³³ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Восточной Сибири. С. 198.

³⁴ Там же. С. 200.

³⁵ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.

³⁶ Там же. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 192. Л. 45.

³⁷ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.

³⁸ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19. Л. 162.

³⁹ Там же. Д. 20. Л. 97.

⁴⁰ Там же. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 350. Л. 20.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 192.

⁴³ Гидропорт находился на территории бывшего Знаменского монастыря до ноября 1943 г.

⁴⁴ ГАИО. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19. Л. 157.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 34. Л. 66 об., 71.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19. Л. 172.

⁴⁷ Там же. Д. 20. Л. 97.

⁴⁸ *Иоссе Павел Андреевич* (1827–1883), представитель российской горной династии. Выпущен из Института горных инженеров прапорщиком в 1847 г. Служил в Нерчинском горном округе. Управляющий Шилкинским округом Нерчинских заводов (1859), переведен на Уральские заводы (1864) – управляющим Сергинскими и Уфалейскими заводами (1866), на Кыштымских заводах (1870), уволен от службы по домашним обстоятельствам (1872), снова в службе с 1878 г. – в Горном департаменте, и. о. столоначальника, статский советник (1878), в отставке с 1881 г. Был женат на Елизавете Александровне Дейхман. Его внук – известный геолог, директор Геолкома Д.И. Мушкетов.

⁴⁹ *Бароцци де Эльс Иван Антонович* (1805–1863), горный инженер, генерал-майор. Из дворян Московской губ. Окончил Горный кадетский корпус в С.-Петербурге в 1825 г., определен в службу в Санкт-Петербургский завод, в 1826 г. – дежурный штаб-офицер Горного кадетского корпуса. С 1827 г. находился в штате Грузинской экспедиции, проводил геологические исследования (гора Мухровани, Армянская область, окрестности оз. Гокча), исполнял поручения по присмотру за работой Тифлиского Монетного двора, нефтяных колодцев крепости Баку, занимался исследованием природных горячих газов в связи с предполагаемым устройством в Баку стеклянного завода, составил подробную записку о состоянии горного дела в Грузии, заведовал Грузинским горным казначейством. В 1831 г. переведен на службу в Златоустовские заводы чиновником особых поручений по Оружейной фабрике, составил историческое описание Златоустовских заводов для включения в краткую историю Оренбургского края (1831), был помощником управляющего чертежной (1832), пробирером лаборатории на Екатеринбургских заводах (1833), управителем Каменского завода (с 1833 г.), помощником горного начальника Гороблагодатских (1846), Екатеринбургских (1847) заводов, в 1847 г. командиро-

ван в Нижнеудинский округ Восточной Сибири для производства изысканий с целью строительства железодельного завода. С 1848 г., в чине полковника, руководил сооружением Николаевского железодельного завода в Нижнеудинском округе (первый металл получен в 1853 г.). С 1855 г. – ревизор по чугуно-железному производству при Главном управлении Восточной Сибири с правами Уральского берг-инспектора, проводил инспекцию Петровского и Николаевского заводов (1856), испытания первых пароходов на Байкале (1858). Похоронен на Иерусалимском кладбище в Иркутске.

⁵⁰ Павлова В.П. Из архива С.П. Трубецкого: Письма И.И. Горбачевского // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 198–200, 202.

⁵¹ РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 15. Л. 5.

⁵² Б.Г. Кубалов указывает неверную дату, должно быть 21 октября 1800 г.

⁵³ Указанный год рождения Никиты, 1837, неверен – должен быть 1835 (*Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 472).

⁵⁴ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 169. Л. 6.

⁵⁵ Там же. Д. 74. Л. 5.

⁵⁶ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19. Л. 157.

⁵⁷ Там же. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 34. Л. 66–67.

⁵⁸ Там же. Д. 731 (ОЦ). Л. 141.

⁵⁹ Там же. Д. 28. Л. 25.

⁶⁰ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 20. Л. 107.

⁶¹ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 32. Л. 149–149 об.

⁶² Там же. Д. 2. Л. 26.

⁶³ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19 (по ОЦ). Л. 29, 34; Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 32. Л. 183.

⁶⁴ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 89. Л. 311.

⁶⁵ Там же. Д. 124. Л. 73.

⁶⁶ Там же. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 731 (ОЦ). Л. 141.

⁶⁷ Там же. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 239 (ОЦ 16). Л. 2.

⁶⁸ Там же. Д. 189. Л. 27.

⁶⁹ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 67. Л. 32, 37, 38.

⁷⁰ Там же. Л. 1.

⁷¹ Там же. Д. 89. Л. 311.

⁷² Там же. Д. 124. Л. 63.

⁷³ Там же. Д. 2. Л. 15.

⁷⁴ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 13. Л. 225.

⁷⁵ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

⁷⁶ Там же. Д. 32. Л. 155–155 об., 48, 57, 183; Там же. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 86. Л. 8.

⁷⁷ Там же. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 189. Л. 27.

⁷⁸ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.

⁷⁹ Там же. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 239 (ОЦ 16).

⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁸¹ Там же. Д. 345 (ОЦ 23). Л. 27, 29.

⁸² Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 124. Л. 63.

⁸³ Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 128. Л. 3; Сибирь. 1912. 5 сент.

⁸⁴ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 193.

⁸⁵ ГАИО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 45. Л. 38–38 об.

⁸⁶ Волконский С.Г. Записки / Изд. подг. А.З. Тихановской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991. С. 406.

⁸⁷ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 194.

⁸⁸ ГАИО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 45. Л. 38–38 об.

⁸⁹ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 194.

⁹⁰ Там же. С. 193.

⁹¹ ГАИО. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19. Л. 158.

⁹² Там же. Л. 163.

⁹³ Там же. Л. 158.

- ⁹⁴ Там же. Л. 163.
- ⁹⁵ Там же. Д. 20. Л. 94.
- ⁹⁶ Там же. Ф. Р-1933. Оп. 7 (ОЦ). Д. 731. Л. 137–159.
- ⁹⁷ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.
- ⁹⁸ Там же. Д. 20. Л. 106.
- ⁹⁹ Там же. Д. 21. Л. 236–237.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 86. Л. 2.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 21. Л. 216.
- ¹⁰² Там же. Д. 13. Л. 284.
- ¹⁰³ Там же. Л. 27–28.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 47. Л. 22.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 2–3, 15–16.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 86. Л. 8. В цитируемом документе Алексей Петрович Юшневский ошибочно назван Александром, так же как и в цитате при сноске 108.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 189. Л. 28.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 32. Л. 49 («Могила Юшневского Александра Петровича. Каменная плита. Памятник перенесен с Большой Разводной. Поставлена ограда в 1954 г.»); Там же. Л. 57. («Из акта выполнения лепных работ за июнь 1955 г. 1. Устройство железной ограды на могиле жены декабриста Трубецкой с установкой и реставрацией мемориальной доски, планировкой местности и устройством фундамента под ограду. Цена 1500. Сумма 1000 р. 2. То же на могиле декабриста Юшневского»).
- ¹⁰⁹ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 74. Л. 18.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 6.
- ¹¹¹ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Восточной Сибири. С. 205, 199; ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 74. Л. 6.

Люди и судьбы

И.П. Бедулина

Борис Георгиевич Кубалов (1879–1966)

*Б.Г. Кубалов. 1910-е. Фото.
Собрание ГАИО*

Б.Г. Кубалов родился 28 июля (по ст. ст.) 1879 г. в г. Тифлисе в семье провинциального актера. Кочевая жизнь в детстве, раннее начало трудовой деятельности (после смерти отца), да еще и в качестве учителя уже в 16 лет, – все это дало будущему историку бесценный житейский опыт, научило умению стойко переносить удары судьбы и приспосабливаться к трудностям. Неудовлетворенность своими познаниями, стремление к учебе привели Кубалова в гимназию, которую он окончил в 1899 г. в Бердянске. В 20 лет он стал студентом историко-филологического факультета Новороссийского университета, что находился в г. Одессе. Во время учебы, будучи учеником профессоров Е.Н. Щепкина и И.А. Линниченко, Кубалов увлекся историей русского государства.

После окончания университета в 1903 г. ему был присвоен диплом I степени и дано направление преподавать во 2-й женской гимназии Екатеринослава (Днепропетровск). Однако молодому 24-летнему историку, склонному к научной работе, было тесно в ее стенах, и он вернулся в 1905 г. в Одессу, где, работая в частных женских гимназиях, не ограничился простым учительством. С.Ф. Коваль отмечает: «Это были трудные годы реакции, наступившей после революции 1905–1907 гг. Преследования влекли частые смены места работы, материальные лишения, не сломившие, однако, молодого Б.Г. Кубалова»¹. Несмотря на трудности, он составил учебник «Русская история»², выдержавший два издания и считавшийся в те годы лучшим из всех существовавших учебников по этому предмету.

Наряду с основной работой Б.Г. Кубалов вел активную общественную деятельность: состоял в Обществе изучения истории и древностей края, в Обществе распространения технических знаний³, читал курс лекций по общей истории на общедоступных курсах для взрослых, пропагандируя передовые демократические идеи, участвовал в политических собраниях и диспутах.

Сибирский период начался у Б.Г. Кубалова в 1910 г. и продлился 15 лет. Он оказался в Иркутске, как указано в литературе, «по личным мотивам» или «семейным обстоятельствам»⁴. Его политическая активность на юге России не могла быть не замеченной царскими властями. Поэтому, несмотря на то, что в Одессе был опубликован учебник историка, а также напечатаны другие научные работы, во избежание преследований Б.Г. Кубалов покидает свой родной край и уезжает подальше от всевидящего ока полицейской системы. Таким местом в России всегда считалась Сибирь. Борис Георгиевич прибыл сюда уже опытным 31-летним историком, избежав тем самым возможного удара судьбы. По приезде в Иркутск Б.Г. Кубалов стал преподавать историю в губернской мужской гимназии, а через пять лет (в 1915 г.) переехал в Нижнеудинск, где был назначен директором вновь открывшегося реального училища, и проработал там три года. Уже в 1918 г. Б.Г. Кубалов направился в Забайкалье, в Петровский Завод, с целью организации четырехклассной гимназии смешанного типа для детей рабочих завода.

С самого начала пребывания в Сибири Б.Г. Кубалов «беспрерывно работал в архивах губернии, состоя активным членом Иркутской губернской ученой архивной комиссии» (ИГУАК), занимался «научной разработкой архивных материалов»⁵. В 1915 г., будучи в Нижнеудинске, он осматривал и описывал местные архивы. В 1917 г. ознакомился с состоянием бывшего Иркутского губернского жандармского управления, о чем сделал отчет на заседании ИГУАК. В Забайкалье историк изучал архивы Читы, Верхнеудинска (Улан-Удэ), Петровского Завода, Посольского и Троицкого монастырей. Вернувшись в Иркутск, он составил подробный отчет об этой научной командировке. Опытный исследователь, Б.Г. Кубалов сразу оценил богатство нетронутого архивного материала по теме ссылки в Сибири и начал активно ее разрабатывать. Кроме того, в этот период ученый встретился с М.К. Азатовским, который в 1918 г. также был в Чите. Их научные интересы совпали, что выразилось в дальнейшей совместной работе.

Из Забайкалья Б.Г. Кубалов в этом же 1918 г. вернулся в Иркутск, где снова стал работать преподавателем в губернской мужской гимназии, сделавшись довольно заметной фигурой в городской среде педагогов, лекторов, ученых, историков. Наряду с работой в ИГУАК он был избран председателем общества деятелей средней школы, председателем педагогического совета 1-й женской гимназии, читал курс лекций по русской истории в Иркутском народном университете. Здесь же лектором был и профессор В.И. Огородников, который не мог не заметить такого знатока местных архивов, незаурядного педагога, и Б.Г. Кубалов в этом же году был приглашен ассистентом в Иркутский государственный университет на кафедру истории России. В.И. Огородников знал, что Б.Г. Кубалов вплотную занимается изучением

архивов по истории каторги и ссылки, и у них родилась идея начать на кафедре подготовку к 100-летию юбилею восстания декабристов.

В марте 1920 г. Б.Г. Кубалов был приглашен В.И. Огородниковым во вновь образованное им учреждение – Центральный архив Восточной Сибири (ЦАВС).

Перед отъездом из Иркутска в 1921 г. В.И. Огородников дал положительную рекомендацию Б.Г. Кубалову, обратившись в историко-общественную коллегия гуманитарного факультета университета с высокой оценкой его как опытного научного работника в области русской и новой сибирской истории. И уже через год, в мае 1922 г., после сдачи магистрантского экзамена и публичной защиты работ, ассистент Кубалов избирается преподавателем по кафедре русской истории Иркутского государственного университета.

В 1921 г. Б.Г. Кубалов в штатном расписании губархива уже не значился. Сопоставив даты, можно предположить, что в это время он серьезно готовился стать преподавателем университета. Но 20 сентября 1922 г. Б.Г. Кубалова назначили на должность заведующего Иркутским губернским архивным управлением – губархивом⁶, которую он до 1923 г. совмещал с работой преподавателя ИГУ.

Период заведования Кубаловым Иркутским губархбюро обоснованно назван «целой эпохой»⁷. За три с небольшим года Б.Г. Кубалов сумел превратить Иркутское архбюро в настоящее научно-исследовательское учреждение, знание о котором вышло далеко за пределы Сибири. Этому способствовали его выступления с докладами в исторической секции ВСОРГО, участие в работе 1-го Восточно-Сибирского краеведческого съезда, а также 1-го Всероссийского съезда архивных деятелей в 1925 г. в Москве, где он был избран членом президиума съезда.

Занимаясь основными архивными работами по комплектованию, учету, обеспечению сохранности архивных фондов, а также «выхаживанием» помещения под архив, он не оставлял подготовку к столетию восстания декабристов. Имея в штате от трех до пяти единиц, загубархбюро на летний период набирал студентов госуниверситета (в 1924 г. их было 11), которые разбирали и описывали документы. Он организовывал поездки штатных сотрудников по местам ссылки декабристов: в Оёк, Черемхово, Бельск, Нижнеудинск, Тулун, Усолье, Олонки, Александровск, Усть-Куду, Балаганск, Малышевку. Они отыскивали могилы декабристов, собирали воспоминания старожилов о них. Итогом этой работы явилась известная книга «Декабристы в Восточной Сибири».

Бурная деятельность заведующего губархбюро высветила еще одно его качество – предпринимательскую жилку. Воспользовавшись решением Иркутского губисполкома о разрешении продажи книг и бумаги и расходовании вырученных средств «исключительно на содержание означенного бюро»⁸, Кубалов в январе – феврале 1923 г. продал бумаги на 1577 рублей, а за май – июнь – уже на 7720⁹. Таким образом, он мог оплачивать командировки, а также труд временных сотрудников.

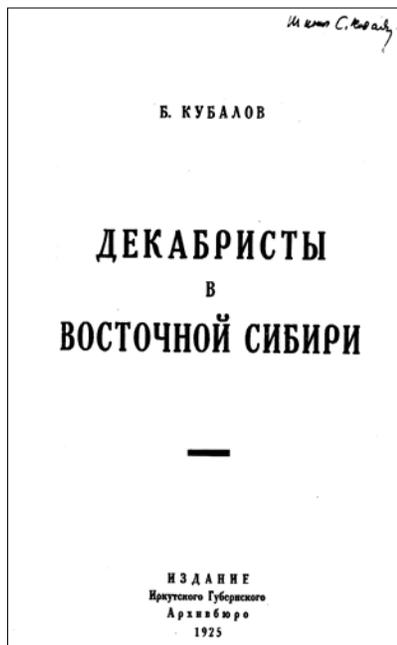
Наряду с научно-исследовательской и изыскательской, организационной работой Б.Г. Кубалов на всех уровнях и во всех инстанциях пропагандиро-

вал деятельность архивного учреждения, публикуя статьи в местной газете «Власть труда», организовывая экскурсии в архиве, чем наглядно показывал его значение для истории государства и края. Таким образом, Борис Георгиевич обладал широкой известностью и авторитетом как в органах губернской власти, кругах местной общественности, так и у руководства ЦАУ РСФСР, что сказалось на его дальнейшей биографии.

Несмотря на очевидный успех в Иркутске, Б.Г. Кубалов в конце 1925 г. переехал в Москву. Находясь в командировке, а затем в отпуске в Москве с 14 января по 14 марта 1925 г.¹⁰, куда он уехал для участия в съезде архивных деятелей¹¹, Борис Георгиевич познакомился с В.В. Максаковым, в то время руководителем Главного архивного управления. Благодаря этому знакомству, после личной беседы с В.В. Максаковым, 4 марта 1925 г. он написал на его имя заявление с просьбой о переводе его на работу в одну из секций Центрального архивного управления (Центрархива)¹². Уже 31 марта 1925 г. это заявление было рассмотрено на заседании Коллегии Центрархива РСФСР, где было принято постановление «поручить ОРГО выяснение в Наркомземе вопроса о возможности использования Кубалова на работе в ведомственном архиве Наркомзема, рекомендовав его как опытного архивиста»¹³. Для перевода в Управление Центрархива РСФСР в Иркутск был отправлен запрос об отправке «2-х политанкет, 2-х поручительств от 2-х членов РКП и 2-х подписок» на Б.Г. Кубалова, полученный в Иркутске уже 27 апреля 1925 г.¹⁴

Тем временем в Москве в апреле – мае обсуждался еще один вариант работы Кубалова – заведующим архивом Наркомздрава, что и было ему предложено. Борис Георгиевич, невзирая на жесткие условия – переезд из Иркутска в Москву за свой счет, отсутствие квартиры, в середине мая направил в Центрархив телеграмму о своем согласии с назначением на эту должность¹⁵. В июле 1925 г. в Москву были доставлены анкетный лист, подписка Б.Г. Кубалова и два поручительства, подписанные заведующей политсекцией Иркутского губархбюро Э.В. Климовской¹⁶ и членом президиума, секретарем Иркутского губисполкома и начальником губернской милиции Б.Н. Мельниковым¹⁷. По отъезде 4 декабря 1925 г. Иркутским губисполкомом Б.Г. Кубалову было выдано удостоверение, в котором указывалось: «Службу тов. Кубалов оставил *по своему желанию* (выделено авт. – *И.Б.*), ввиду переезда в Москву»¹⁸.

Решение Б.Г. Кубалова сменить место жительства и работы было обусловлено несколькими причинами. Один, по нашему мнению, немаловаж-

Книга Б.Г. Кубалова с автографом
С.Ф. Ковалева. Собрание ИМД

ный факт обращает на себя внимание при прочтении анкетного листа от 19 июня 1925 г., составленного и подписанного лично Б.Г. Кубаловым и заверенного печатью Иркутского губернского исполнительного комитета. Из графы о членах семьи узнаем, что его мать Мария Александровна Кубалова и брат живут в Москве. Мать служит актрисой, а брат (Александр Георгиевич) – «сотрудник Нарпита»¹⁹. С нашей точки зрения, проживание близких родственников в Москве – достаточно серьезное основание для стремления к переезду.

Далее, из письма В.Д. Вегману от 2 декабря 1924 г. узнаем о личной трагедии Бориса Георгиевича, которая также могла повлиять на решение сменить место жительства: «Неудачно сложившиеся обстоятельства – моя болезнь и преждевременная смерть одного из членов моей семьи – выбили меня из колеи и замедлили работу»²⁰. Сопоставляя факты, приведенные в анкетах Кубалова от 20 января 1924 г. и от 19 июня 1925 г., можно предположить, что речь идет о смерти одного из детей Б.Г. Кубалова (в 1924 г. в графе «семейное положение» он записывает: «жена, двое детей. Неработоспособный один»²¹. А в 1925 г.: «жена – Клавдия Николаевна 40 л[ет], учительница. Сын – Виталий, студент Технологич[еского], 19 л[ет]»). Кроме того, обращают на себя внимание данные об окладе Б.Г. Кубалова в Иркутском губархбюро – 50 рублей²². В Москве же оклад был назначен в 200 рублей.

Таким образом, учитывая вышеназванные мотивы личного характера, усиленные естественным стремлением работать в административном центре страны, которое было присуще большинству представителей творческой, научной интеллигенции, считаем возможным утверждать, что в конце 1925 г. беспартийный Б.Г. Кубалов уехал в Москву, благодаря протекции В.В.Максакова, фактически на повышение. Это не было «бегством от репрессий»²³, которых в этот период в Иркутске в архивной службе не существовало.

Так закончился иркутский период жизни известного декабристоведа, историка, архивиста, который оставил после себя не только память коллег, но и свои книги и статьи о декабристах и ссыльнопоселенцах.

18 декабря 1925 г. распоряжением ЦАУ РСФСР Б.Г. Кубалов был принят на должность архивиста-консультанта Центрархива РСФСР²⁴. В течение почти пяти лет историк-архивист принимал активное участие в макулатурной кампании, выезжая в командировки в регионы, для чего ему были даны достаточно широкие полномочия.

12 сентября 1929 г. ЦК и ЦКК ВКП(б) было принято постановление «О ходе проверки и чистки советского аппарата», которое касалось в том числе и беспартийных служащих советских учреждений. Поскольку архивная служба была структурным подразделением советского государственного аппарата, ее кадровый состав также был подвергнут «чистке». Утверждения о том, что Б.Г. Кубалов «тихо покинул архивную службу»²⁵ по причине тщетности борьбы с перегибами по уничтожению архивных документов на местах, в частности в Сибири²⁶, опровергаются документами его личного дела.

1 июля 1930 г. Б.Г. Кубалов был приглашен на заседание комиссии по «чистке», где ему был задан вопрос: «...можно ли на основании имеющихся

в ЦАУ документов установить, какие материалы фабрично-заводских фондов XVIII – нач. XIX в. в период макулатурной кампании погибли на Урале»²⁷. Кубалов предложил «продемонстрировать» комиссии на следующий день процесс оформления уничтожения архивных материалов на примере протоколов Поверочной комиссии Мосархбюро. Однако связка с 10 протоколами и проектом постановления Центральной поверочной комиссии не была обнаружена на месте, и поиски документов не дали результатов. В связи с этим 5 июля Борису Георгиевичу пришлось писать объяснительную записку на имя члена коллегии ЦАУ РСФСР В.В. Артишевского, что было уже абсолютно бесполезно в атмосфере борьбы с «саботажниками», «вредителями», «лентяями» и т. д.

Б.Г. Кубалов был уволен 1 августа 1930 г. с формулировкой: «...согласно постановлению по чистке аппарата по 2-й категории с запрещением работать в системе архивов». Причиной увольнения послужило достаточно серьезное основание – утрата документов. Б.Г. Кубалов был направлен в распоряжение биржи труда. Однако из постановления тройки ЦК по чистке совapparата при НК РКИ СССР от 5 октября 1931 г., то есть через год, следовало: «Учитывая положительные отзывы и то, что гр. Кубалов... работу проводит по-ударному и является сам ударником, тройка считает возможным снять 2 категорию»²⁸.

Новым местом службы Б.Г. Кубалова стал Всесоюзный государственный трест буровзрывных работ «Взрывпром» при военно-химическом объединении ВСНХ СССР, располагавшийся в здании ГУМа на Красной площади. В 1931 г. Б.Г. Кубалов стал директором издательства «Взрывное дело», а в годы Великой Отечественной войны ученый был руководителем курсов по повышению квалификации практиков-взрывников²⁹. Заметим, что, несмотря на то, что Б.Г. Кубалов был подвержен «чистке», ее можно считать формальной, поскольку «Взрывпром» являлся организацией не менее секретной, чем архивная служба, и отбор кадров в нее был достаточно серьезным и тщательным.

После войны Борис Георгиевич вернулся в Главное архивное управление. Он прожил долгую и плодотворную жизнь, осуществил 60 публикаций, издал монографии. Умер своей смертью в возрасте 86 лет в Москве, не имея ученых званий, но зато избежав настоящих репрессий, внося значительный вклад в культуру Сибири, ее историческую науку, декабристоведение, архивное дело.

Примечания

¹ Коваль С.Ф. Борис Георгиевич Кубалов (1879–1966 гг.) // Учен. зап. Вост.-Сиб. геогр. о-ва СССР, Иркут. обл. музей краеведения. 1971. Вып. 4. Ч. 1: Вопросы истории Сибири. С. 168–169.

² Русская история: (для самообразования и сред. школы). Одесса, 1909. Вып. 1. 125 с.; Очерки по истории московско-крымских отношений конца XVII века. Одесса, 1911. 44 с.

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П–5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 146.

⁴ Памяти Б.Г. Кубалова // Ангара. 1966. № 3. С. 110; Календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области. 10 августа 1879 г. 130 лет со дня рождения Б.Г. Кубалова, историка. 2009 г. Иркутск, 2008. С. 67.

⁵ ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 146.

⁶ Бывший ЦАВС, с 1923 г. – Иркутское губернское архивное бюро (губархбюро).

⁷ Душкина Т.М. К истории образования Государственного архива Иркутской области (1920–1941 гг.) // Архивы – источник истины. Материалы научно-практической конференции «80 лет государственной архивной службе России и исторический опыт комплектования, обеспечения сохранности и использования документальных богатств Архивного фонда Иркутской области». 23 июня 1998 г. Иркутск, 1998. С. 19.

⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.

⁹ Там же. Л. 36 об., 62.

¹⁰ Там же. С. 158.

¹¹ Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: Сб. документов к 90-летию Сибархива / Сост.: Л.С. Пащенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 2010. С. 157–158.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1067. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 19.

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-625. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1067. Л. 22, 24, 31.

¹⁶ Подробнее о Э.В. Климовской см.: Бендик Н.Н. Становление государственной архивной службы на Дальнем Востоке России в 1920-е годы. Хабаровск, 2002. С. 249–250.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1014. Л. 2–3 об., 6–9.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность... С. 156.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1014. Л. 13.

²² Там же. Л. 2, 3.

²³ Боброва В.С. Архивное дело в Сибири (1920–1960). Омск, 2010. С. 12.

²⁴ ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 51.

²⁵ Рекунова В. Два великих конспиратора // Байкальские вести. 2004. 21–27 дек. (№ 50). С. 15.

²⁶ Боброва В.С. Архивное дело в Сибири (1920–1960)... С. 196.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1014. Л. 59.

²⁸ Там же. Л. 56, 61.

²⁹ Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиогр. словарь. Т. 1 / Под ред. В.А. Динеса. Саратов, 2005. С. 490–491.

Архивное наследие

Б.Г. Кубалов

С.Б. Броневский и его донос 1837 г.

«После Сперанского, всколыхнувшего Восточно-Сибирский край, в нем вплоть до графа Муравьева-Амурского царствовала полная неподвижность. Генерал-губернаторы Броневский, Лавинский, Руперт оставили в Иркутске свои имена, и то ныне полузабытые». Так характеризует Суворов^а жизнь Восточной Сибири за четверть века (1821–1848 гг.)¹ и деятельность вершителей ее судеб за это время.

Конечно, с таким утверждением нельзя согласиться. О «полной неподвижности», полном застое Сибири за этот период не может быть и речи. Хотя медленно, но все же заметно формировалось общественное самосознание, открывались новые области промышленности, влиявшие на изменение жизненного уклада населения, росла сила и значение торгового капитала, пробивавшего пути к Востоку.

По своему положению, особым правом, предоставленным генерал-губернаторам как Восточной, так и Западной Сибири, эти люди должны были принимать активное участие в жизни края, способствуя развитию одних процессов, глуша и задерживая рост других. И если широкие круги сибирской общественности девяностых годов, когда писал Суворов, ничего почти не знали о деятельности сибирских сатрапов Лавинского, Сулимы, Броневского, Руперта^б, то все это до известной степени объясняется тем, что двери архивов, хранящих результаты деятельности сибирских генерал-губернаторов, были накрепко закрыты перед немногочисленными к тому же исследователями Сибири. Нет ничего удивительного, что при таких условиях в памяти ближайшего поколения остались лишь одни имена этих правителей, а не их дела, относящиеся к 20–40-м гг. XIX в.

Революция открыла двери архивов и дала возможность позднему поколению осветить под новым углом зрения прошлое сибирской окраины, показав в то же время подлинное лицо представителей и идеологов самодержавного строя николаевской эпохи.

Особенно ценный материал в этом отношении дают архивы Сибирского комитета и Главного управления Восточной Сибири.

Не ставя своей задачей осветить на основании архивных данных весь сибирский период деятельности С. Броневского, мы попытаемся, в связи с его характеристикой как генерал-губернатора Восточной Сибири, объяснить

¹ [Суворов П.П. Записки о прошлом. Гл. VIII. В Иркутске] // Русское обозрение. 1894. № 1. С. 93.

поданный им в 1837 г. донос на сибирское общество и вскрыть причины, побудившие Броневского сделать это.

По своему воспитанию, убеждениям Броневского следует отнести к типу администраторов аракатеевской школы. Фронтовик, требовательный формалист, враг «политических мечтателей», «либералов», он не обладал широким политическим кругозором, столь необходимым администратору, занимавшему ответственный пост^с. Пробыв в течение двух с половиной лет (1835–1837 гг.) генерал-губернатором Восточной Сибири, он не выдвинул ни одной новой идеи к улучшению жизни края, не разработал ни одного широкого плана реформ в той или иной области управления. Обладая большой энергией и работоспособностью, он тратил ее на мелочи. Ненависть Броневского к общественной самодеятельности, к либерализму была привита ему условиями детства, мыслями и симпатиями, разделяемыми родителями и тесным кругом их друзей, апологетов екатерининской эпохи, и вполне оформилась в стенах Тверского дворянского училища, а позже Шкловского корпуса, куда Броневский был направлен для окончания образования.

В своих мемуарах¹, составленных в 30–40-х гг. XIX в., Броневский так говорит о пребывании в Тверском училище: «Не могу себя упрекнуть в особенном стремлении к наукам и прилежании, но сознаюсь, что в этом училище запало кое-что в мою голову, хотя я был еще и мал... Шум и гром без умолку: охота, рысаки и скакуны, цыгане, фабричные, песельники и плясуны, сменяясь великолепными балами, не мешали делать дела и славить великую Екатерину. Все были счастливы и довольны. Пустыми идеями не забивали голов. Вот было время богатырей и торжества».

В Шкловском корпусе Броневский, не обнаруживая любви к наукам, остается верен себе: «фронт был моей душой, а напоследок тактика и фортификация». «К чести корпуса, надо сказать, пишет Броневский, что воспитание там давалось добросовестно, сообразно цели и назначению. Всякий знал, что мы службе и она нам необходимы и что непременно должно служить государю и отечеству каждому дворянину, – и так неизбежно, как жить и умереть. Политический бред, протеснившийся в Россию с французской революцией, учение последованием чуждой философии к Шкловскому корпусу не прикасались, и никто из моих товарищей не попал в ту жалкую категорию мечтателей, которые погибли или влачат свою грустную жизнь в изгнании за безрассудное предприятие поколебать то, что вековою привычкою, верою и степенью просвещения укоренено и держится незыблемо. И пока ложным

¹ Броневский С[емен] Б[огданович] (1786–1858 г.), переехав в 1837 г. в столицу, подводя итоги прожитому и прочувствованному, составил мемуары. Описывая детство, годы обучения, первые шаги службы и, наконец, с 1808 г. жизнь в Сибири, он заканчивает мемуары 1846 г. Охватывая почти всю первую половину XIX в., мемуары дают богатый материал для характеристики административной системы общественных отношений за этот период главным образом Сибири.

Копия мемуаров Броневского хранится в Ленинградской Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина под № 698 [ОР РНБ. Ф. IV. Д. 698].

Выдержки из мемуаров Броневского в биографической их части печатались в «Историческом вестнике», 1889 (Т. 38. № 12. С. 500–512). В части же, касающейся характеристики самого Броневского, характеристики сибирской общественности, административной системы и т. п., приведены в статье Н.Козьмина в его «Очерках прошлого и настоящего Сибири» 1910 г.

учением главная масса населенности не будет увлечена, будет держаться нескончаемые века».

Эти строки, написанные не юношей Броневским под свежим впечатлением пребывания в корпусе, а стариком с вполне сложившимися убеждениями, слишком характерны и в достаточной степени объясняют деятельность Броневского и ту политику, которую как генерал-губернатор Восточной Сибири он проводил не только в отношении политических ссыльных, но и всех классов общества, начиная от купечества, горожан и кончая рабочим классом и туземными племенами.

Нетерпимость к свободно высказываемой мысли, особенно в вопросах политики, вражда к «учениям чуждой философии» заставляли Броневского видеть в каждом культурном общении людей, в невинных собраниях скопища заговорщиков, стремящихся по меньшей мере к ниспровержению существующего строя.

«С самого прибытия моего в Иркутск, пишет он к Иркутскому гражданскому губернатору, составила противная партия некоторых лиц, которым вообще не нравится новый порядок вещей. Эта партия, продолжая деятельно свои собрания и жаркие суждения о способах управления и о прочем, громко излагает свои сентенции и всякий чрезвычайный случай, просто по стечению обстоятельств происшедший и не зависящий от действия властей, приписывая прямо управлению. Это скопище недовольных распространило далеко свои корни»¹.

Гражданский губернатор должен был со своей стороны, на основании этого предписания, принять соответствующие меры. Броневский был твердо убежден, что «противная партия» и вообще недовольные элементы могут выступить и активно. Эта уверенность поддерживалась в нем и подметными письмами, которые при полнейшем отсутствии гласности были единственным средством выразить протест против того гнета, который с тупой прямолинейностью проводился на окраине представителями центральной власти.

В августе 1836 г. к крыльцу канцелярии командующего войсками была подброшена записка с извещением, что на жизнь Броневского составлен заговор. 24 октября 1836 г. Броневский возвратился в г. Иркутск из поездки по Енисейской губернии. Советником экспедиции о ссыльных Скрябиным была поднята у ворот его дома записка, в которой заявлялось, что «в Иркутске будет бунт и первую хищною жертвой его будет генерал-губернатор».

В целях предотвращения бунта Броневский днем и ночью ходил и ездил почти по всем улицам и по окрестностям Иркутска, наблюдая за населением, а губернатору приказал «проявить строжайшую бдительность, произвести секретное обследование и открыть скопища неблагонамеренных, оружие и боевые припасы». Вся полиция была поставлена на ноги. Городничий, частные приставы и квартальные были «в непрестанных примечаниях по городу и разъездах». По глухим местам и перекресткам на ночь расставлялись скрытно полицейские служители, усилены патрули и разъезды, причем все

¹ [ЦАВС] Архив Генерал-губернатора Вост[очной] Сибири. Св. 20. № 12 (В настоящее время дело хранится в Государственном архиве Иркутской области, но шифровка дела изменена, так же как и других дел, на которые ссылается Кубалов. – *Публ.*).

это было приказано делать незаметно, чтобы не испугать жителей и не породить превратные толки в народе.

Опасность бунта грезилась ему и со стороны рабочих, и настолько серьезно, что в донесении шефу корпуса жандармов он считал необходимым сообщить: «все вообще здесь заводы и фабрики, которыми в особенности г. Иркутск, к удивлению, обставлен со всех сторон, даже в самом городе водворены суконные фабрики и ремесленный дом, – приводятся в действие одними каторжными преступниками, которые могут быть опасны»¹.

О том же он пишет и министру финансов. Сообщая ему (в конце 1836 г.) о положении в Восточной Сибири частных золотых промыслов и указывая на то, что почти вся работа там производится ссыльными, собирающимися в количестве «многих тысяч человек», он признает необходимость «иметь войско в центре этого сближения для предупреждения беспорядка и страха рабочим».

Таким образом, Броневский не сомневался в возможности выступления рабочих и на золотых приисках и единственным средством предупреждения считал принятие таких мер, которые могли бы запугать рабочих.

Страхом и репрессиями Броневский пытается удержать от побегов с заводов ссыльнокаторжан, эту подвижную недовольную массу, могущую стать грозной и опасной силой.

В донесении Сибирскому комитету он пишет: «В этих целях приняты мною самые строгие и решительные меры», и представлены от 18 мая 1835 г. № 945 к министру (так в документе. – *Публ.*) внутренних дел предложения об улучшении быта ссыльных и об увеличении строгости наказания за побег².

Опасаясь народных волнений в Забайкалье, где было сосредоточено большое число каторжных и ссыльнопоселенцев, Броневский в марте 1837 г. посылает такой приказ Нерчинскому окружному начальнику: «Для предупреждения и истребления всяких вредных скопищ, от каторжных и поселенцев, предписываю от Нерчинской и Читинской казачьих сотен расположить в необходимых местах пикеты и держать разъезды».

Пикеты были расположены на переправе через р. Шилку в Бянкиной, в Чите за ст. Кручиною на Яблоновом хребте, а также в окрестностях Нерчинска и других местах.

Нерчинский окружной начальник, исполняя приказание Броневского, проявил большое усердие. Он предложил Нерчинскому окружному суду, «нисколько не медля, предписать от себя наистрожайше всем волостным правлениям непременно и безоговорочно учредить при каждом селении ночные разъезды, в состав их должны входить только люди благонадежные».

Агинской инородной же управе и Урульгинской степной думе Земский суд предписал быть осторожным и не давать ходу беглым бродягам через их улусы.

Как русские, так и туземцы обязаны были помогать казакам дежурить на пикетах посменно.

¹ [ЦАВС] Арх[ив] Гл[авного] Упр[авления] Вост[очной] Сиб[ири]. Св. 13. Д. № 325. Л. 301.

² [ЦАВС] Сиб[ирский] К[омитет]. Д. № 67. С. 24 – 1836 г. Об управл[ении] Сибири.

Пограничный пристав в Цурухайтуевске (Разгильдеев⁴) предупредил всех пограничных жителей своего ведомства «не давать ходу беглым бродягам и задерживать их». Особенно бдительный дозор был установлен на переправах, где осматривали всех проплывающих «сомнительного класса людей»¹.

По тракту от Читы до Нерчинского большого завода было установлено 10 пикетов, в окрестностях Нерчин[ск]а 2, в Успенской волости 6, по Акшинскому тракту 4. На каждом мосту должно быть 2–3 казака.

Характерно, что Броневский не согласился утвердить представленный реестр пикетов, находя число их слишком большим и обременительным для казаков и крестьян, а потому число пикетов приказал убавить наполовину, оставив в самых крупнейших местах, а крестьян употреблять лишь для конвоирования, а не дежурства на пикетах, что отвлекало бы их от хозяйственных занятий. Местной власти приказано «соблюдать осторожность в надлежащей мере, стараясь не налагать тяжести жителям, казакам и крестьянам».

Вполне понятно, казаки и зажиточные крестьяне были той силой, опираясь на которую Броневский мог проводить на далекой окраине режим николаевской эпохи и подавлять всякую попытку протеста и возмущения тех или иных групп населения.

Весь далекий Север, не говоря уже о Камчатке и Охотском крае, был в полном смысле слова оставлен на произвол судьбы.

В 1836 г., впервые со дня присоединения края к России, его посетил представитель краевой власти; до этого года далекий север не видел у себя ни наместников, ни генерал-губернаторов, ни ревизующих Восточную Сибирь сенаторов. Первым из генерал-губернаторов Восточной Сибири непосредственно познакомился с этим краем в 1836 г. С.Б.Броневский. «Ужасный вояж в студеную якутскую страну, писал С.Б.Броневский коменданту Нерчинских рудников Лепарскому², я кончил в один месяц и десять дней. Бока мои докладывают об этом; но я уверен, что это будет иметь некоторую пользу для дальнего и совершенно забытого края, и если не я, то мои преемники успеют что-нибудь хорошее сделать, удостоверюсь, что Якутск не за горами»².

Что же увидел Броневский в Якутске? Прежде всего, он был поражен той силой якутской культуры, которая заполонила там все общественные слои русского происхождения: жены чиновников щеголяли в якутских нарядах, на торжественных обедах и балах якутский язык в высших слоях общества играл ту же роль, что и в столице – французский. Вот что пишет по этому поводу Броневский областному начальнику: «Чиновники, их жены силятся щеголять лепетом грубым, диким и неприятным для слуха»; особенно возмущался Броневский обычаем «высшего сословия» Якутска отдавать детей на воспитание в улусы; «обычай, по его мнению, отвратительный и вместе с этим необъяснимый никакими догадками», являющийся разве «как плод самого пошлого невежества» родителей³. «Няньки якутские, вскармливая

¹ ЦАВС [Фонд] Главн[ого] Упр[авления] Вост[очной] Сиб[ири]. Св. 20. Д. № 12. С. 6.

² Из жизни декабристов в Сибири (Письма С.Б.Броневского С.Р.Лепарскому) // Русская старина. 1899. Ноябрь. С. 328.

³ ЦАВС. Дело о жителях русского происхождения Якутской Области, в коих замечен упадок нравственности и самой религии и пр. Карт. 13. Оп. № 324.

своей грудью русских детей и от чрева матерей имея на них полное влияние, вместе с молоком своим передавали им свои якутские чувствования, привычки, понятия, суеверия», свой язык. В домашней обстановке, начиная от мелкой утвари и кончая убранством комнат, – на всем Броневский находил печать якутского влияния... Все это, вместе взятое, заставило генерал-губернатора призадуматься над теми мерами, какие следовало бы предпринять, чтобы «поднять упадок нравственности и самой религии», явившийся, по его мнению, результатом влияния якутской культуры. Упадок нравственности и религии генерал-губернатор мог увидеть в том увлечении горожан якутскими празднествами, с которым они отдавались им. Весною группы горожан тянулись в местные наслеги и улусы, чтобы присутствовать на великом празднике – Исых, празднике начатков кумыса и обновления природы¹.

Подозревая в неблагонадежности отдельные группы населения, создавая планы борьбы с одними и решительно борясь с другими, он зачастую проявлял самодурство, особенно в тех случаях, когда врагом общественного порядка оказывалась отдельная личность, сопротивление которой не могло страшить Броневского.

На акте губернской гимназии передовой учитель своего времени И.М.Поликсеньев в речи, произнесенной в присутствии Броневского и прибывшего из Петербурга генерала Чевкина^f, говоря о Наполеоне, охарактеризовал последнего с положительной стороны^g.

В речи учителя истории Броневский усмотрел не только агитацию, но и публичное оправдание идей революции, апологию Наполеона, представление о котором самого Броневского не расходилось с тем, которое в свое время, по указке Синода, духовенство и малосознательные общественные круги распространяли в народе.

Броневский не ограничился тем, что приказал директору гимназии прервать речь Поликсеньева, уволить его из гимназии, но демонстративно ушел с акта и тотчас же сообщил министру просвещения «о неприличном поступке Поликсеньева», придав всему делу политическую окраску².

Таким образом, куда бы ни заглядывал Броневский, будь то Забайкалье, далекий Якутск, золотые прииски, фабрики, школы, – он всюду находил упадок нравственности, религии, общественное недовольство, готовое вылиться в определенные формы протеста.

Ему всюду грезится опасность. В одних случаях он создает планы борьбы, предлагая проекты «строгих мер», в других, пользуясь полнотою власти, не только преследует отдельных лиц, носителей, как ему казалось вредных идей, но не останавливается перед преследованием отдельных групп населения.

¹ Щанов А.П. Сочинения. СПб., 1906. Т. II. С. 449. Его же: Историко-географические и антологические заметки о сибирском населении // Изв. Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва. 1872. Т. III. № 4. С. 201–203. (Много данных о влиянии якутов на население во всеподданнейших отчетах якутских губернаторов за 1880–90 г., а также в «Плане составленного к приезду иркутского военного генерал-губернатора летом 1901 г. общего обозрения Якутской области»). Рукопись в ЦАВС (Дубликаты всеподданнейших отчетов, а также «План» хранятся в ЦАВС без обозначения на них номеров).

² [ЦАВС] Фонд Гл[авного] Упр[авления] Вост[очной] Сиб[ири]. Св. № 20. Д. № 7. 1835 г.

Укажем хотя бы на дело Израиля^h, неудачного агитатора и апостола нелепой мистической секты, пустившей неглубокие корни в Забайкалье.

Встречаясь с фактами общественного недовольства, а порою протеста, Броневский, лишенный широкого политического кругозора, не в силах был выяснить подлинные причины подобных явлений.

Все зло, с его точки зрения, заключалось в конкретных носителях общественной заразы, в агитаторах и пропагандистах тех идей, которые по-разному воспринимали отдельные слои сибирского населения. Все зло Броневский видел в политических ссыльных, и прежде всего в лице декабристов и поляков-повстанцев. Они – бродильное начало общественного недовольства и надвигавшейся, как казалось Броневскому, грозной смуты.

Далеко не прямолинейный, Броневский, усвоив технику обращения с людьми, внешне относился к декабристам и полякам-повстанцам довольно внимательно, в действительности же чурался их, никому из них не доверял. Это, по-видимому, чувствовали и сами декабристы. Вот что пишет о посещении петровского замка декабрист Якушкин.

«Броневский, оставшись с нами наедине, спрашивал у нас, по принятому порядку, не имеем ли мы принести каких жалоб и, получивши ответ, также по принятому порядку, что мы всем довольны, был очень с нами любезен.

Потом для него отомкнули все двери коридоров, отперли настежь двери всех казематов, и в то же время каждый из нас должен был находиться в своем номере. Проходя коридорами, Броневский заходил в иные номера, а в другие только заглядывал с таким любопытством, с каким обыкновенно заглядывает в железные клетки какой-нибудь посетитель, осматривающий никогда не виденный им зверинец»¹.

Броневский был того мнения, что среднее сословие, как более грамотное, «заимствовав от политических вредные идеи, разовьет их в приличнейшем искажении в простонародии, с которым оно в ближайшем сношении по интересам – и пользуется уважением».

«Это мнение, продолжает развивать свою мысль Броневский, многим не понравилось, и я терплю в молчании. Но вопрошаю, кто бы на моем месте, будучи проникнут верою и верностью своему долгу, управляя мирным краем, куда никакая адская идея новейшего политического бреда не западала, остался равнодушно в молчании, видя высказанные последствия уже этих пагубных идей. Я исполнил мой долг по совести гражданина и нелицемерного слуги государя и умываю руки. Надеюсь на прозорливость монарха, что он не отдаст меня в руки либералов, дающих мне себя чувствовать...».

Этот рост влияния политической ссылки он иллюстрирует на примере тобольского кружка декабристов.

«В Тобольске... допущено слишком скопиться на жительство важнейшим преступникам, каковы: Фон-Визин, Муравьев и пр. Они учредили духовные беседы и поют псалмы, сидя за столами, по примеру апостолов. Некоторые из жителей города им уже подтягивают – и даже прокурор Черепанов. Тут кроется секта “Возрождение Христа”, будущие крестоносцы, реформаторы, отвергающие светские постановления нашей церкви... Если они успеют

¹ Из записок декабриста Якушкина // Рус[ский] Арх[ив]. 1870. № 8–9. С. 1630.

увлечь массу народа, то быть худу. Некоторые духовные особы, так же, как и их собрат, архимандрит Израиль, в это замешаны, и что тут заключается политическая цель к изменению в государстве порядка вещей, я нисколько не сомневаюсь. Может быть, говорит Броневский, случится это и не скоро, но дело растет... Приметил я это и в России. Сожалею, что мой донос государю в 1837 г. замаяли, назвав бредом больной головы. Но я предвижу в этом великую государственную важность, требующую неотложных и благоразумных мер. Хотя, говоря такие истины, я навлекаю гибель на себя, но для блага отчизны и нашей православной веры с радостью встречу смерть»¹.

Таким образом, не будучи в состоянии вскрыть причины общественного недовольства в крае, он ищет виновников его и сетует, что правительство оставило без внимания его донос 1837 г., которому он придавал большое государственное значение и требовал неотложных и благоразумных мер со стороны центральной власти. Что его докладная записка – по существу, донос на сибирское общество, в этом нет сомнения, иначе Броневский не добавлял бы: «приметил я это и в России».

В чем же сущность этого доноса и зачем было генерал-губернатору доносить, когда, имея довольно широкие определенные полномочия, он мог на месте принять решительные меры?

Вопрос этот интересовал историков сибирской общественности, проф. Козьмин Н.Н. хотя и коснулся его, но не расшифровал; подробно остановился на нем проф. С.Н.Чернов. Найдя в делах III Отделения собственной е. и. в. канцелярии донесение Броневского от 31/VII 1837, С.Н. Чернов посвятил анализу его небольшую статью².

Донесение это подано было начальнику III Отделения канцелярии е. и. в. Приведем его целиком.

«Государственные преступники, пишет Броневский, в Восточной Сибири, пребывающие в заточении в Петровском заводе и на поселении вот уже 11 лет, ни в каких дурных поступках замечены не были. Ведут себя тихо и спокойно. Не могу сказать, чтобы связи их собственно в Сибири были с кем-нибудь тесны и подавали подозрение на составление зловредного общества. Одно только, что несколько человек сделались очень набожны и ведут строгую циническую /sik/ жизнь. Хотя можно назвать это мистикою, как известно в России и всей Европе из мною заметного, но преданность непрестанному молению можно отнести к раскаянию и утешению, которое они ищут в ужасных потрясениях судьбы, над ними свершившейся.

Но если бы и было это притворно и преступники, действительно, обманывали бдительность надзора начальства, то меры предосторожности и закон политики, мне кажется, допускали бы желать освобождения от них края, младенствующего, беззащитного и наполненного толпами бесприютных поселщиков и каторжных, ничего в мире не имеющих и которых какая-нибудь бойкая голова, которых еще до этого не бывало, без труда увлечет в преступление, несмотря на коренное и сильное чувство (даже в этом несчастном сословии) – преданности к государям и предержавшей власти.

¹ Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. [СПб., 1910.] С. 66.

² [Чернов С.Н. Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Броневского о декабристах] // Каторга и ссылка. 1927. № 2 (31). С. 89.

По этим соображениям я полагал бы испросить государственным преступникам вообще помилование государя императора, столько уже в недавнее время явившего своего отеческого благодушия и милосердия к ним.

Помилование таковое, по моему мнению, может состоять: 1-е – в отправлении способных еще в Отдельный Кавказский корпус на службу, 2 – в дозволении пожилым уже и семейным жить в деревнях или у родственников без права пребывания в губернских и столичных городах и 3 – в отправлении нескольких за границу в другую часть света»¹.

Это донесение, говорит Чернов, замечательно тем, что в нем впервые в официальном порядке был поднят перед Николаем I вопрос об амнистии декабристов.

Ставя так вопрос, Броневский был уверен, что Николай I сочувственно отнесется к его мысли, тем более что на рапорте Томского губернатора, выдвинувшего еще до Броневского вопрос об отмене ссылки в Сибирь, Николай I положил такую резолюцию: «рассмотреть, нет ли возможности вовсе прекратить ссылку в Сибирь, оставя сие для одних каторжных».

Расчеты Броневского не оправдались. Его предложение Николай I признал «неудобоисполнимым».

Вслед за докладной запиской С.Н. Чернов помещает выдержки из мемуаров Броневского, приведенные нами, и, сопоставляя их с данными докладной, ставит такой вопрос: «Не имеем ли мы в представлении Броневского от 31/ VII 1837 г. тот самый его донос государю, который, по словам Броневского, замяли, назвав бредом больной головы».

Вопрос этот автор разрешает в положительном смысле.

Заключение С. Чернова нельзя признать обоснованным, а вытекающие из него выводы правильными.

К таким же выводам следует отнести утверждение о двуличии Броневского о том, что последний не хотел сознаться в своих мемуарах в той роли, которую якобы сыграл в укреплении в подозрительности к декабристам со стороны Николая I, что докладная подана из желания искупить перед декабристами свою вину.

Приведенную С.Н. Черновым докладную записку нельзя ни по виду, ни по содержанию назвать доносом. В ней о декабристах дан хороший отзыв, без чего не было бы оснований в той или иной форме поднимать перед Николаем I вопрос об их помиловании.

Броневский вступил в управление Восточной Сибири в 1835 г., когда отношение Николая I к декабристам было вполне оформлено и в укреплении в подозрительности к ним он ни в чем мнении не нуждается. Незачем было Броневскому и искупать свою вину перед декабристами проектом об их помиловании. Ни о какой вине Броневского перед декабристами не может быть и речи.

Затем, из-за вопроса о помиловании декабристов, как бы он ни был решен, был бы он замят или проведен в жизнь, – о «мученичестве» или «гибели» Броневского не могло быть и речи. Если мы обратимся к мемуарам Броневского, где он говорит о доносе, который замяли, то увидим, что «зло,

¹ Там же.

пустившее глубокие корни», лежит не столько в декабристах, сколько в каких-то «реформаторах, крестоносцах». «Если они успеют увлечь массу, пишет Броневский, быть худу... В этом деле замешаны некоторые духовные особы», цель его политическая – изменение государственного порядка вещей. Мысль Броневского работает в одном направлении; все сводится у него к личности архимандрита Израиля. «А что бы он ни наделал, пишет Броневский, если бы не проникнул его замыслов тамошний пастырь. Тогда возникло следствие, но какое слабое, попустительное». В этих словах нет ни намеков, ни оговорок, как склонен полагать С.Н. Чернов. Здесь все ясно. Броневский поднимает вопрос о пересмотре дела о секте Израиля. Документально обосновать наш вывод мы не могли до тех пор, пока, работая над делами Сибирского комитета, не встретили упоминания, что в 1837 г. повелением Николая I был учрежден «Комитет для рассмотрения предположений Броневского, между прочим и о замеченной им ереси за Байкалом». В состав членов Комитета вошел и обер-прокурор Синода.

Действительно, в делах канцелярии обер-прокурора за этот же год найдено было дело с докладной запиской Броневского от 26 июля 1837 г.¹, оказавшейся тем доносом, о котором в своих мемуарах Броневский уделяет большое внимание. Приведем ее в выдержках.

«С некоторого времени, пишет Броневский, в г. Иркутске, Кяхте и др[угих] местах между людьми разных состояний сделалась заметной особенная набожность и страсть к чтению святых книг. Людей, предавшихся этому, можно отличить по наружному благочестивому виду, по задумчивости и томному выражению лиц.

Набожество такое, без особого, впрочем, усердия к хождению в церковь, есть не что иное, как мистицизм...

Учитель этой религиозности неизвестен, но полагают, что некто из ссыльных.

Около 1826 г. появился переведенный из Костромской епархии в Иркутск архимандрит Израиль, имевший связи в Москве, и обнаружена очень подозрительная его переписка со многими лицами с употреблением секретных знаков.

Израиль известен хитрым фанатиком, показывавшимся боговдохновенным и многих к себе привлеком. Он, вероятно, избран какими-нибудь злоумышленниками создать новую ересь и водворить ее, прежде всего, в Забайкальском крае Иркутской губ[ернии], где тогда содержались все государственные преступники, где множество ссыльных, где вообще злейшие преступники и ересиархи возможных сект и до 18 000 душ старожилов-раскольников².

План Израиля был, как по делу видно, учредить за Байкалом два монастыря: мужской и женский. Для последнего прибыли из России две монахини. Цель открытия этих монастырей, с точки зрения Броневского, действует

¹ Ленинградский Центральный Исторический Архив. Фонд Канцелярии обер-прокурора Синода (1 экспедиция № 54 /109). «Дело об учреждении Комитета для рассмотрения предположений бывш. ген.-губ. Вост. Сибири С.Б. Броневского, между прочим и о замеченной им ереси за Байкалом».

² Семейские.

во вред религии и правительству. Израиль¹ не упустил заблаговременно быть у государственных преступников, в Читинском остроге, которым говорил очень двусмысленное поучение и оставил им речь свою на бумаге, с секретными знаками, был и у преступников Нерчинских заводов.

В 1834 г. Израиль начал действия свои в Кяхте, в домах купцов Молчановых¹, куда много собиралось купцов и прочих званий обоюбого пола. В этих собраниях читал он священные книги и толковал их по-своему превратно. По окончании молитв и земных поклонов одного другому продолжалось безмолвие с произношением мысленно всяким: “господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас”. Затем описываются действия.

Эмблема этой ереси – крест. Во всех письмах и поучениях изустных – крест в беспрестанном употреблении.

В Забайкальском крае очень умножилось крестов на горах, и на всяких примечательных урочищах, особенно где пребывали государственные преступники, везде ими воздвигнуты кресты».

«Если обратить внимание на ход литературы нашей, развивает свою мысль Броневский, то мистика везде заметна и, может быть, не без важной политической цели».

Далее Броневский дает справку о том, что действия Израила и его сообщников обнаружены полицией в 1834 г. Организаторы сосланы, последователи же его – три поселщика высечены плетью и посланы на поселение – купцы Молчановы, прапорщик Лыков – раскаялись и оставлены на местах.

«Купец Шевелев^k, продолжает Броневский, очень умный и образованный, будучи в связях с Израилем в исступлении фанатизма написал, что он государственный преступник, но тайну, которую знает, никакие муки у него не исторгнут. Он признан написавшим это в пьяном виде и оставлен не причастным к делу, тогда как этот человек слывет из всех сибирских купцов умнейшим...

Вообще на производство следствия обращено было слабое внимание, и я полагаю, что много виновных осталось безгласно и секта тайно продолжает свое действие.

Наблюдая за ходом этого религиозного явления и противопоставляя расширению его все то, что стоит в моих средствах, я могу сказать о нем следующее заключение: тайные злоумышленные общества в известное происшествие увидели ясно свое бессилие и нелепость дерзкого предприятия. Этот урок, конечно, внушил мысль присоединить к себе некоторых духовных особ, ловко могущих действовать на толпу, посредством разных ересей, и расколов, и глупых выдумок, умножая тем последователей и средства, а это клонится не иначе (судя по направлению умов целой Европы) как к ниспровержению общей тишины.

Может статься, что злой дух этот еще далеко не достиг зрелости, может быть, высшая полиция более знает, но, по глубокой преданности моей к поддерживающей власти и любви к отечеству, я изъявляю большое опасение и, как истинный христианин, почитаю смертельным грехом не предъявить этого, дабы изыскание правительства и меры вовремя разрушили бы гидру».

«Для ясного уразумения секты Израиля и для сравнения цели сего учения с новооткрытыми сектаторами, каковы, например, Попов, Турчанинов и пр[очие], не излишне будет взять подлинное дело от генерал-губернатора Восточной Сибири и подробно пересмотреть».

Вопрос, затронутый Броневским, был поставлен в такой плоскости, что замять его не было никакой возможности¹, и на него должен быть дан определенный и исчерпывающий ответ^m.

И действительно, вопрос серьезно и всесторонне обсуждался как в Комитете, так и в Синоде, тем более что в это время в столице находился и сам Броневский, принявший окончательное решение подать в отставку и не возвращаться более в Сибирь.

Основная мысль доноса, независимо от результата проверки его, произвела все же известное впечатление на Николая I и оказала влияние на выбор преемника Броневского.

При том настроении сибирского общества, которое в сгущенных красках нарисовал Броневский, Николай I считал необходимым назначить генерал-губернатором такого человека, который легко бы мог разобраться в вопросах роста революционных настроений и решительно вести борьбу с крамолой. Вот почему генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен состоящий в корпусе жандармов, начальник 5-го жандармского округа генерал В.Я. Руперт.

Вслед за назначением нового генерал-губернатора был поднят вопрос и о сильном, решительном представителе духовной власти в крае. Для занятия епископской кафедры в Иркутске была выдвинута кандидатура известного «столпа православия» епископа Нила.

Руперту, отъезжавшему в конце 1837 г. к месту нового назначения, было предложено выяснить положение дела, изложенного в докладной записке Броневского. Вот почему, прибыв в Сибирь, Руперт, прежде всего, отправляется в Забайкалье «для обозрения этого края». Вслед за ним туда же едет для обозрения епархии [епископ Нил].

Ни тот ни другой не подтвердили страхов Броневского и высказались против снятия крестов – меры, предложенной Синодом.

«Нет надобности или побудительных причин, пишет Руперт, снимать поставленные в разных местах Забайкалья кресты, как равно и против казематов государственных преступников, ибо из собранных епископом Нилом сведений ясно, что они поставлены, по существу, в том крае с давних времен по народному обычаю, на могилах умерших, на полях при совершении обычных молебствий или по другим случаям из одной лишь набожности и что от оставления этих крестов не предвидится никаких вредных последствий. Упразднение же их могло бы показаться в глазах народа неприличным действием со стороны начальства и послужить поводом для раскольников к самым неблагоприятным толкам против правительства и православной веры».

Беря под подозрение политическую благонадежность духовенства, Броневский, того не замечая, бросает вызов Синоду, пропустившему якобы в деле Израиля его политическую сторону.

При таком положении дела Броневский не мог встретить поддержку Синода. Напротив, Синод в лице обер-прокурора должен был выступить в защиту руководимого им духовенства. Вот почему уже в октябре 1837 г. Протасов^н пишет шефу жандармов А.И. Чернышеву:

«Что касается политической якобы цели Израиля, то из дел духовного управления нельзя усмотреть того, видно только, что Израиль был у государственных преступников в Чите и Петровском заводе, объезжая край по назначению архиерея, говорил им в присутствии военных чиновников, оставил речь на бумаге, “где говорит о падении и искушении человека, о любви божией, наказующей и милующей, о кресте, смирении и вечном блаженстве”. Секретных знаков в представленной им копии нет никаких, а есть несколько крестообразных начертанных слов в мистическом роде, представляющих понятие о соединении божественного совершенства с ничтожеством человеческим в лице исповителя».

Протасов ничего не придумывает, он говорит правду, что подтверждается и современниками Израиля. Так, в «Записках декабриста» Д.Завалишин отмечает: «В каземат был допущен начальник Забайкальской миссии известный архимандрит Израиль, окончивший впоследствии карьеру свою в Соловецком монастыре за то, что завел секту в Кяхте, где была у них богородицею одна несовершеннолетняя дочь купца (она вышла потом замуж за командира гарнизонного батальона, стоявшего в Чите, и я видел ее на балах, усердно выплясывающую французскую кадрили), были и апостолы. Вступив с нами в беседу, он увидел, как далеко многие из нас стояли выше его и в тех знаниях, которые должны были составлять его специальность, и был до того озадачен и сбит с толку новыми для него суждениями, что совершенно потерялся и поспешил убраться, прося только позволения прислать письменное свое рассуждение, где какими-то чертежами силился сделать наглядно понятным, “как вода может соединиться с огнем”».

Протасов не допускает и мысли, чтобы Израиль был избран злоумышленниками для действия в Сибири. По сходству вводимых им обрядов он, скорее всего, последователь Татариновой, с учением которой мог познакомиться от ее последователей во время своих странствований.

Далее он оспаривает утверждение Броневского о возможности присоединения духовенства к антиправительственным кружкам. «Это, пишет Протасов, всего менее может относиться к духовному сословию, которое нельзя упрекнуть ниже в малейшем к сему предмету участия, к чему причиною есть уже и то, что оно, при своем особенном образе воспитания, резко отделено от других сословий и потому всего менее может подлежать влиянию гибельных политических теорий века».

Не выясняя причин распространения мистицизма вообще и таких сект, как секта Израиля, в частности, Протасов считает необходимым пресечь зло усилением цензуры книг мистического содержания. «Но из всех мер главная общая и самая действительная состоит в православном и прямо отечественном направлении, которое по воле государя дается в духовном и светском обществе».

Мнение Руперга, Нила, Протасова предрешило исход начатого Броневским дела. Оно не было замято, делу был дан ход, но результат оказался печальным для репутации Броневского. Злые языки и недоброжелатели, учитывая всю вздорность и неосновательность доноса Броневского, назвали его «бредом больной головы».

Чем вызвана была подача этой докладной записки Николаю I? Правильно ли было такое заключение? В 1833 г. на полковом ученье 6-го казачьего полка Броневский расшибся при падении вместе с лошастью. После этого участились приливы крови к голове, в ушах звон, шум, затем глухота при непрерывном биении в ухе пульса. «Это, – пишет Броневский, – нагоняло на меня тоску, проявившуюся впоследствии ипохондрическими припадками».

Таким образом, в 1835 г., когда Броневский занял пост генерал-губернатора Восточной Сибири, он не был вполне здоровым человеком.

С первых же шагов своей деятельности, вскрывая своекорыстие, взяточничество и кумовство чиновников, он вооружил против себя чиновный мир. Ведя борьбу с спекуляцией хлеба, он восстановил против себя представителей торгового капитала. Он знал отлично, что за его деятельностью зорко следят и доносят в столицу посланные в большом числе в Сибирь жандармские офицеры¹. Страхи перед возможностью «бунта», подметные письма с угрозой лишить жизни Броневского^о неминуемо влияли на психику Броневского.

«Головные боли усиливались; все чаще повторялись припадки ипохондрии, мнительности. Он стал совсем недоверчив по отношению к окружающим. Всюду грезилась ему какие-то злые, направленные против него замыслы. Переутомление мозга и глаз сказывалось сильно. Лица и все предметы стали для него принимать зеленоватый цвет. Отдалив свою семью, которую он также подозревал в недоброжелательности, он мучился от одиночества и угрызений совести»².

Броневский сознавал, что он болен. «Годился ли я к какому-нибудь управлению, заносит он в мемуары, когда во всякой вещи я не мог видеть другой стороны, кроме дурной, когда воображение мое было расстроено и припадки головы с ожесточением продолжались».

Решив окончательно оставить службу, Броневский выехал из Иркутска в мае 1837 г. Его сопровождали жена, адъютант, чиновники особых поручений, доктор и др[угие] лица.

В столице «страшная *idée fixe*», что государственные преступники, декабристы, и их родня хотят погубить его, рисовала^р больному воображению страшные картины. Ему чудились виселицы перед окнами, палачи в красных рубашках. Расстроенное воображение подсказывало, что все это замыслы «либералов». «Мужики в красных рубахах и кушаках ходят кучами с топорами, пилами, веревками и дубинками и всяческими смертоносными орудиями».

Здесь мания преследования налицо... Проявления своей болезни он скрывает от окружающих, скрывает от Николая I, пред которым в июне

¹ [ЦАВС] Сиб[ирский] Ком[итет]. Отдел XIII. № 67. 1836 г. «Сведения, относящиеся до управления Сибири».

² Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. [СПб.] 1910. С. 62.

вторично поднял вопрос если не об отставке, то, по крайней мере, о годовом отпуске. В этот же момент необходимо было в глазах Николая I оказаться все тем жетвердым защитником самодержавия, православия и проявить максимум усердия в деле охраны не только Сибири, но и России от революционных веяний. И Броневский не нашел ничего лучшего, как сделать ставку на деле Израиля, раздув его до размеров политического заговора, участниками которого, начиная с политических ссыльных и высших чинов церкви, объявлены им все классы сибирского общества вплоть до крестьянства.

И действительно, читая докладную записку Броневского и те места мемуаров, которые посвящены делу Израиля, можно подумать, что если не Россия, то, во всяком случае, Сибирь находилась тогда накануне религиозной и политической революции.

Итак, донос 1837 г. – это не проект Броневского 1837 г. о «помиловании декабристов», а предложение вновь пересмотреть вопрос об Израиле. Проект же о «помиловании» является конкретным предложением Броневского, вытекающим из сущности доноса. Как «тихо и покорно» ни ведут себя декабристы, все же они, являясь бродильным началом, могут оказаться вредным элементом в отдаленном крае, который должен быть избавлен от них.

Примечания

Автограф: машинопись. ГАИО. Ф. Р-2873. Д. 28 (С.Б. Броневский и его донос 1837 г.). Л. 1–26.

Рукопись не датирована. Находится в личном фонде Б.Г. Кубалова. Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Исправлены очевидные ошибки и опiski автора. Все подчеркивания в тексте сделаны Б.Г. Кубаловым. Подстрочные сноски также авторские. К сожалению, удалось расшифровать не все сноски (названия фондов). Кубалов приводит их по шифровке дел начала 1920-х гг., которая существовала в Центральном архиве Восточной Сибири (ЦАВС), ныне Государственный архив Иркутской области (ГАИО). В настоящее время дела перешифрованы, поэтому сноски даются так, как они указаны в рукописи.

Затекстовые примечания – публикаторов.

^a *Суворов Петр Павлович* (1839–1901), писатель. Воспитание получил во втором Московском кадетском корпусе. Помещал стихотворения, фельетоны, корреспонденции и передовые статьи в «Петербургском листке», «Будильнике», «Голосе», «Петербургской газете» и «Вазе». В 1873 г. перешел на службу в Восточную Сибирь и стал писать в газете «Сибирь» и в «Известиях» Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1876 г. сражался в рядах сербской армии. В 1879 г., будучи в Тифлисе, написал большую поэму «В кавказских горах». В журнале «Век» в 1881 г. опубликована его статья «Байкал». Позже Суворов был сотрудником «Московского листка» и «Русского обозрения», где напечатаны его «Записки о прошлом», повести «Беспочвенники», «Из тревожной эпохи» и несколько других. В «Историческом вестнике» Суворов поместил биографию сенатора Синельникова и статьи: «Сенатор Синельников и император Александр II» и «Два сенатора». В 1895 г. принял участие в газете «Русское слово», а с 1897 г. помещает в «Московских ведомостях» статьи по общественным вопросам. Отдельно издал: «Житейские отголоски» (СПб., 1878), «Записки о прошлом» (М., 1899) и «Рассказы из далекого прошлого» (М., 1899).

^b *Лавинский Александр Степанович* (1776–1844), первый генерал-губернатор Восточной Сибири в 1822–1833 гг.; *Сульма Николай Семенович* (1777–1840), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1833–1834 гг., *Броневский Семен Богданович* (1786–1858), генерал-

губернатор Восточной Сибири в 1834–1837 гг.; *Руперт Вильгельм Яковлевич* (1787–1849), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1837–1847 гг.

^c Далее зачеркнуто: *генерал-губернатора*.

^d *Разгильдеев Ефграф Иванович* (1787 – ?), пограничный пристав. В 1804 г. поступил на службу казаком, в 1805 г. произведен в капралы и сразу же в урядники, а в 1806 г. в сотники. В 1810 г. получил 14-й класс и стал командиром тунгусского полка. В 1813 г. переведен на должность начальника Цурухайтуйской дистанции. Дважды, в 1806–1807 и 1820–1821 гг., в составе казачьего конвоя (последний раз в качестве начальника) сопровождал в Пекин русскую духовную миссию. В 1830-е гг. служил в должности пристава Цурухайтуйского отделения. В 1838 г. ему присвоили 8-й класс, соответствующий чину коллежского асессора и дающий право на потомственное дворянство. Награжден орденом Св. Анны 3-й ст., бронзовой медалью на Владимирской ленте, двумя Знаками отличия беспорочной службы. Отец иркутского архитектора Александра Разгильдеева.

^e *Лепарский Станислав Романович* (1754–1837), генерал-лейтенант. Из дворян Киевской губернии. Образование получил в Полоцкой иезуитской школе и был для своего времени человеком вполне образованным: знал латынь и свободно выражался и писал на французском и немецком языках. По окончании курса наук в иезуитской школе в 1778 г. он поступил на военную службу рядовым по вольному найму в Каргопольский карабинерный полк. Затем служил в Северском конно-егерском полку; участник войн конца XVIII в.; с 1800 г. – командир Северского конно-егерского полка; с 1816 г. – полковник. В 1826 г. был произведен в генерал-майоры, и в том же году ему было предложено место коменданта Нерчинских рудников. Должность эта была сопряжена с большой ответственностью, так как назначение Лепарского совпало, или, вернее сказать, было вызвано ссылкой в Нерчинские рудники лиц, замешанных в мятеже 14 декабря 1825 г. Выбор государя остановился на нем. Лепарский был назначен комендантом с большими полномочиями: ему была дарована неограниченная власть над заключенными. Устраивая жизнь декабристов первоначально в Читинском остроге, а потом в Петровском Заводе, Лепарский всеми возможными способами старался облегчить участь изгнанников. Испрашивая для них льготы и всевозможные смягчения у государя, он добился того, что декабристы были раскованы и фактически избавлены от каторжных работ. Строгий и придирчивый к малейшим мелочам внешнего порядка в исполнении установленных формальностей и обрядов, Лепарский не стеснял свободы внутренней жизни и в своих формах был вежлив, деликатен и мягок, чем заслужил положительные характеристики самих заключенных.

^f *Чевкин Константин Владимирович* (1802–1875), русский государственный и военный деятель. Получил образование в Пажеском корпусе. В 1827 г. участвовал в Персидской кампании; в 1828 г. находился в действующей армии при осаде Браилова и Варны и при переходе через Балканы и занятии Адрианополя. В Польскую кампанию участвовал в действиях против мятежников при Остроленке, при штурме Варшавы и взятии Модлины. В 1834 г. назначен начальником штаба корпуса горных инженеров. По роду деятельности Чевкин несколько раз объезжал горные округа. С 31 мая 1835 г. по 7 апреля 1836 г. он осматривал Уральские и Сибирские горные заводы. В период этой командировки Чевкин посетил Иркутск и встречался с Броневским. С 1853 по 1862 г. Чевкин был главным управляющим путей сообщения, а затем членом Государственного совета и председателем департамента экономии. С 1872 г. состоял председателем комитета по делам Царства Польского.

^g Далее зачеркнуто: *Броневский приказал директору немедленно прервать актовую речь, и Полкисеньев в полном смысле слова был стащен с кафедр*.

^h *Израиль* (в миру Иван Федоров), архимандрит. В 1825 г. перемещен из Костромской губернии в Иркутскую епархию, где в 1832 г. архиепископом Мелетием произведен в игумена. В 1829–1834 гг. управлял Троицко-Селенгинским монастырем, расположенным на берегу Селенги в 60 км от Верхнеудинска. Пытался распространить в Забайкалье еретическую секту, объявив себя «Ангелом светлым». Ему удалось найти сочувствующих не только в Троицком монастыре, но и в Кяхте. Однако, когда он приехал в Чикойский скит и провел там богослужения, явно нарушавшие церковные правила, иеромонах Варлаам написал донесение в консисторию, после чего Израиль был лишен сана и стал узником Соловецкого монастыря, проведя на покаянии 28 лет. Очевидно, С. Броневскому пришлось противостоять указанной секте.

ⁱ Далее зачеркнуто: *между прочим он.*

^j *Молчановы* – кяхтинские купцы. Дочь одного из них, Луки Тимофеевича, находилась под влиянием Израиля. Об этом свидетельствует письмо Н.Я. Бичурина (Иакинфа) к П.Л. Шиллингу от 1 марта 1835 г., в котором он пишет: «Вы знаете Селенгинский заштатный монастырь, а может быть, видали настоятеля сей обители игумена Израиля, который впоследствии произведен в архимандрита. Он хотя не был образован, но считался человеком умным и начитанным. В то время как Вы находились в Кяхте, он тайно составлял новую веру, в которой восстановил древнее, по его мнению, богослужение. Христос и другие лица, известные по истории сего спасителя, были живые, и сам себя он представлял Христом, дочь Луки Тимофеевича Молчанова имела титул Марии; крестьяне и некоторые из купцов пожалованы были апостолами, так что вся свита забайкальского лжеспасителя состояла почти из 70 чел. Вы слышали о новой пустыни на кяхтинской границе, покровительствуемой Шумковым. В прошлом году на пасхе Израиль пришел в упомянутую пустынь ночью. Старик Парфений, начальник сей пустыни, впустил их во двор и в церковь. Израиль пошел прямо к алтарю, растворил ногою царские двери и, назвав прежние обряды нечестивыми, приказал своим ученикам и спутникам вынести кресты из алтаря и поставить среди церкви, потом сел он на престол и в первый раз всенародно совершил богослужение по новым обрядам; по окончании сей комедии сказал Парфений, настоятель пустыни, что он может донести о сем происшествии начальству, и с сими словами отправился в Кяхту для проповедания своего учения. Но как он шел медленно, то в Троицкосавске уже ожидали его – одни как Христа-спасителя живого, а начальство – как ереси начальника. Котельников и некоторые другие кяхтинские купцы уже решились было принять его новое учение, но Николай Матвеевич Игумнов своею решительностью удержал их от сей глупости. Таким образом, взято было около 70 чел., представлявших разные святые лица времен Христа Спасителя, и уже разосланы по монастырям. Мария Магдалина и сестра ее привезены в Казань, а богородица с родителем ее Молчановым отведены куда-то в другое место» (цит. по: *Бичурин (Иакинф) Н.Я.* Ради вечной памяти. Чебоксары, 1991).

^k *Шевелев Александр* (отчество неизвестно), верхнеудинский купец 2-й гильдии. Первоначальный капитал заработал на откупках питейных, таможенных, конских и других пошлинах. Занимался торговлей с Китаем. Был одним из крупных жертвователей на развитие просвещения Верхнеудинска, сделал щедрый дар городу, подарив ему дом под уездное училище и обеспечив квартирами учителей. За это он был награжден серебряной медалью на алой ленте «для ношения на шею».

^l Далее зачеркнуто: *и необходимости.*

^m Далее абзац написан от руки, крайне неразборчив.

ⁿ *Протасов Николай Александрович* (1798–1855), граф, военный и государственный деятель, генерал-адъютант от кавалерии, член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода в 1836–1855 гг. Протасов известен преобразованиями духовных училищ и высшего духовного управления. Он улучшил внешние условия духовных училищ и семинарий, ввел в программу естествознание, медицину и сельское хозяйство, установил преподавание на русском языке вместо прежнего латинского, принимал меры к улучшению учебных руководств. За время своего обер-прокурорства Протасов окончательно завершил процесс подчинения синодального управления влиянию обер-прокурора, сделав из Святейшего Синода подобие министерства.

^o Далее зачеркнуто: *должно было отразиться.*

^p Далее зачеркнуто: *его.*

Публикация и примечания И.Бедулиной и А.Гаращенко.

Е.А. Добрынина

Письма декабриста С.Г. Волконского

*Портрет С.Г. Волконского. 1845.
Дагерротип Давиньона. Иркутск*

«Эпистолярное наследие декабриста С.Г. Волконского уже было предметом многочисленных публикаций. Тем не менее многие его письма еще не издавались». Так писал правнук декабриста М.П. Волконский» в 1961 г.¹

Со времени выхода в свет его статьи прошло 50 лет, но до сих пор письма декабриста публиковались лишь фрагментарно. Необходимо сказать, что речь идет о письмах сибирского периода, поскольку эпистолярное наследие С.Г. Волконского до 1825 г. было опубликовано под редакцией основателя Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевского совместно с внуком декабриста С.М. Волконским в 1918 г.², а также 13 писем декабриста к С.Г., М.Н. и А.Н. Волконским

1826 г. в статье Б.Л. Модзалевского «Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике»³.

М.П. Волконский собирался продолжить издание эпистолярного наследия декабриста, искал и переписывал в архивах и библиотеках письма прадеда. Сохранилась его переписка 1959–1961 гг. с М.П. Султан-Шах, сотрудницей рукописного отдела Пушкинского Дома, в которой идет речь о возобновлении издания «Архива декабриста С.Г. Волконского» и подготовке 2-го тома⁴. Однако этим планам не суждено было сбыться из-за кончины М.П. Волконского.

К изданию М.П. Волконский подготовил 23 письма из собрания Отдела рукописей ГБЛ, из них 20 писем к И.И. Пушину (1839–1855), одно письмо к В.П. Орлову-Давыдову (1859), одно – Г.С. Батенькову (1860), одно – к М.С. Корсакову (1862). В примечаниях к статье автор перечислил уже известные публикации писем, а также архивы, в которых хранятся неопубликованные письма С.Г. Волконского. Первым в этом списке значился архив Института русской литературы АН СССР, фонд 57.

В этом фонде, состоящем из документов семейного архива князей Волконских, насчитывается 1181 единица хранения довольно значительного временного периода – с 1751 по 1917 г. В аннотации фонда перечислены материалы С.Г. Волконского: «Заметки», статьи, замечания, заключения об

освобождении от крепостного состояния помещичьих крестьян; о быте казаков, родословная князей Волконских, формулярный список, духовное завещание, переписка родственников, письма С.Г. Волконского Е.П. Ковалевскому, Н.Д. Свербееву, А.О. Стадлеру, А.Е. Тимашеву, А.Н. Хитрово и др. Письма С.Г. Волконскому: И.А. Анненкова, Г.С. Батенькова, Е.А. Бестужевой, П.А. Вяземского, М.С. Лунина, Н.Н. Муравьева-Амурского, П.А. Муханова, А.И. Одоевского, И.И. Пушина, А.Е. Розена, С.П. Трубецкого, И.С. Тургенева, П.А. Тучкова, Е.С. Уваровой, А.П. Юшневского и др. Стихотворение Е.П. Ростопчиной «К страдальцам-изгнанникам» с дарственной надписью С.Г. Волконскому. Материалы М.Н. Волконской: заграничные паспорта, свидетельства о смерти и погребении, письма М.Н. Волконской должностным лицам А.Х. Бенкендорфу, П.П. Воейкову, С.Р. Лепарскому, А.Ф. Орлову и др. о судьбе детей, о переводе С.Г. Волконского из Уриковского селения в Иркутск и др. Письмо Николая I М.Н. Волконской с повторением предупреждения, касающегося ее поездки в Сибирь. Переписка С.Г. и М.Н. Волконских по делам владения имениями и домом в Одессе. Материалы М.С. Волконского: «Рассказ из скитальческой жизни моей в Сибири», некролог С.Г. Волконскому, формулярный список, письма М.С. Волконского. Письма Е.С. Молчановой (урожд. Волконской); Г.С. Батенькова, А.В. Кочубея, Н.А. Кочубея, Е.П. Оболенского, И.С. Тургенева, Е.И. Якушкина и др. Материалы С.М. Волконского и Б.Л. Модзалевского по изданию «Архива декабриста Волконского» и др.

Даже краткая аннотация этого фонда говорит о его бесценности как источника по изучению сибирского (в том числе иркутского) периода жизни семьи декабриста, ее окружения.

Материалы этого фонда во многом послужили основой для создания монографии Н.Ф. Караш⁵. Автор цитирует письма С.Г. Волконского и членов его семьи, хранящиеся в ИРЛИ.

В 2006 г. по заказу Иркутского музея декабристов были сделаны ксерокопии расшифрованных и переписанных писем С.Г. Волконского М.Н. Волконской от 1826 (4 на рус. яз.), 1852 (1 – машинописная копия на франц. яз.), 1 – без даты, записки С.Г. Волконского М.Н. Волконской по делам управления имениями от 26 мая 1852 г., а также писем Е.С. и Д.В. Молчановым с 1850 по 1857 г. Общее количество копий писем – 84, из них 7 – жене, 77 – дочери и зятю. Оригиналы, хранящиеся в ИРЛИ, написаны неразборчивым почерком, на русском и французском языках. Расшифровкой занимались несколько человек, визуально определяется как минимум три разных почерка, в том числе и Б.Л. Модзалевского.

Особый интерес для нас представляют письма к Елене Сергеевне и Дмитрию Васильевичу Молчановым, поскольку они адресованы не только дочери Елене Волконской, но и ее первому мужу – Молчанову, вольно или невольно ставшему главным героем одной из самых неприглядных историй правления Н.Н. Муравьева, так называемого занавесочного дела, длившегося в течение пяти лет. Пожалуй, это было самое трагическое для семьи время, время испытаний и тревог. В орбиту этого дела, так или иначе, были вовлечены и близкие люди, и целый сонм недоброжелателей Волконских.

Однако страсти вокруг Д.В. Молчанова и семьи Волконских разгорались и раньше. В 1850 г. М.Н. Волконская настояла на браке юной дочери с чиновником из ближнего круга Н.Н. Муравьева, несмотря на сопротивление мужа и друзей. Одним из противников брака Е.С. Волконской с Д.В. Молчановым был И.И. Пущин, который знал Молчанова по его службе в Западной Сибири. В письме к Ф.Ф. Матюшкину, характеризуя Н.Н. Муравьева, он писал: «В этом человеке много хорошего, но есть и свои слабости: одна из них, по-моему, безотчетная доверенность к *Мандарину*⁶. Ты, верно, угадаешь, кого я так назвал, когда он еще был не женат. Я никак не думал, чтоб этот гусь вступил в нашу семью сибирскую. Я в бытность мою в 849-м году в Иркутске говорил Нелинькиной маминьке⁷ все что мог, но, видно, проповедовал пустыне»⁸. В Иркутске Д.В. Молчанов стал ближайшим помощником генерал-губернатора. В 1852 г. М.Н. Волконская писала А.М. Раевской: «<...> у Дмитрия Васильевича на руках все дела Восточной Сибири; он ведет всю отчетность и пользуется полным доверием Н[иколая] Н[иколаевича]. Когда дело идет о том, чтобы отдать под суд какого-нибудь крупного богача, негодяя, всегда Дмитрий ведет следствие – до такой степени генерал уверен в его знании законов и в высокой честности»⁹. В августе 1851 г. Молчанову действительно было поручено ведение дела о наследстве иркутского купца-золотопромышленника Е.А. Кузнецова, одна из наследниц которого обвинила душеприказчика умершего купца – Ф.П. Занадворова – в утаивании значительной части капитала от раздела. Пока шло следствие по этому делу, Ф.П. Занадворов был обвинен в умышленном поджоге леса в Олёмкинском округе, где находились его золотые прииски. Расследование этого дела было поручено чиновнику А.И. Бибикову, который вызвал Занадворова к месту пожара. Занадворов уклонился от этой поездки, проигнорировал требование следователя и объявил, что от этой поездки его избавил Молчанов, получивший от него взятку в 20 тыс. рублей¹⁰. Генерал-губернатор лично провел расследование, которое, однако, не смогло установить виновность или невинность Д.В. Молчанова. «21 октября по распоряжению генерал-губернатора Вост[очной] Сиб[ири] Муравьева отставной чиновник Фавст Петрович Занадворов, главный наследник умершего Ефима Андреевича Кузнецова, посажен в тюремный замок за то, что будто бы подарил генеральскому чиновнику Молчанову двадцать тысяч рублей. Молчанов в получении означенных денег не сознался»¹¹. Несмотря на поданную Ф.П. Занадворовым жалобу в Сенат, император Николай I по ходатайству Н.Н. Муравьева распорядился судить его военным судом, но не в Иркутске, а в Омске, по просьбе обвиняемого. Суд не оправдал Ф.П. Занадворова, но и не принес спокойствия в семью Волконских-Молчановых. Перенесенное Молчановым потрясение, отступничество друзей, стена отчуждения, выросшая вокруг семьи, привели к серьезной болезни – прогрессивному параличу и развивающейся душевной болезни. Д.В. Молчанов вышел в отставку, однако разрешения выехать на лечение за границу, несмотря на многочисленные просьбы, он не получил. В 1855 г. Занадворов был освобожден, а возобновленное дело Молчанова было рассмотрено при Московском ордонансгаузе. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, Молчанов был арестован и заключен в тюрьму. Наряду с

основным делом рассматривалось и дело об обвинении его потомственным почетным гражданином, купцом-золотопромышленником П.П. Басниным в присвоении 300 рублей, пожертвованных В.Н. Басниным на огород при иркутском тюремном замке. Первоначально Молчанова приговорили к лишению всех прав и состояния и ссылке на поселение в Сибирь, а в 1856 г. он был оправдан¹².

Трудно сказать, кому было тяжелее все эти долгие четыре года, ведь рядом с осуждаемым и официальными властями, и людской молвой постоянно находилась Е.С. Волконская, дочь декабриста. Она унаследовала от матери, помимо умения любить, стойческую преданность гонимому обществом мужу. Замечательные душевные качества дочери отмечала М.Н. Волконская в письмах к родным: «Я должна повторить Вам, дорогая сестра, мою благодарность за Вашу доброту к Нелли: Вы были для нее самой снисходительной из ее теток и более всех оценили этого ребенка, мало развитого, но с благородным сердцем»¹³. Чувством любви к дочери и восхищения ею как настоящей женщиной, любящей, оберегающей, страдающей, но без гримасы страдания на лице, проникнуты письма отца. «Я как отец и ты как муж – мы оба должны гордиться нашей бесценной Нельгой, что за душа, она – Ангел, сошедший с высоты, чтобы утешить тебя и нас. Она достойная дочь Матери, которой цену и я и ты знаем. Какова бы ни была твоя будущая судьба, счастье семейной жизни несравненно выше всех побрякушек светской жизни» – так писал о своей дочери С.Г. Волконский Дмитрию Молчанову¹⁴. Столь высокую оценку отца можно расценить как преувеличение, следствие слепой родительской любви, если не знать о том, как оценивали человеческие качества Е.С. Молчановой, Нелиньки, как ее ласково называли в семье, друзья-декабристы. «Нелинька имеет свой особенный характер. Вообще, если бы я был помоложе, я бы непременно влюбился»¹⁵. «Все мы восхищались Нелинькой – что-то свое, неподражаемое для других в ней преобладает. Всякий раз, что ее вижу, не нарадуюсь ею»¹⁶ – это строки из писем И.И. Пущина. Истинно отцовские чувства питал к Е.С. Волконской Г.С. Батеньков. С ее фотопортретом он сфотографировался в конце своей жизни¹⁷. Эти чувства не помешали декабристу дать свою оценку личности Д.В. Молчанова: «Елена, Елена... жаль бедной Елены... но мне жаль и его. Человек даровитый, но вовсе потерял здоровье. Нравственно он, может быть, слишком современен, а теперь, право, настоящего нет, разве мы только сомкнули орбиту, ему не следует нам подобиаться, а все надобно вперед, вперед лететь по тангенсу»¹⁸. В письме И.Д. Якушкину от 25 сентября 1854 г.: «И здесь [в Соломенном. – *Е.Д.*] Елена так мне мила, что, кажется, Сергей Григорьевич опрыскал нас чем-то из своего собственного сердца. Вот уже я видел трех из нового поколения нашей касты и нашел [в]полне, что им дано не только самое ценное по положению их воспитания, смыкающее требования света с простотой человеческой свободы, но даже и душа – прекрасное отражение на семейства, из которых они произошли»¹⁹. В 1855 г. в письме И.И. Пущину Г.С. Батеньков, как бы подводя черту под разговорами и обсуждениями участи Е.С. Молчановой и отвечая на многочисленные вопросы «за что?» и «почему?», писал: «Странная, тяжкая судьба этой милой женщины! Верно, мы, имея несколько отрадных часов в жизни, передали ей восполнение

наших страданий, чтоб весь крест предстал в вечность бездоимочно. Нам до могил недалеко, а ей еще путь и путь...»²⁰.

Письма С.Г. Волконского к Молчановым – свидетельство не только любви и уважения к дочери, но и глубокой убежденности в честности и порядочности зятя, в несправедливости, совершенной над ним. И это несмотря на то, что когда-то он был противником брака дочери с Д.В. Молчановым. «Сердечный друг и сын» – так в письмах обращается к нему С.Г. Волконский. «Мы тебя знаем, любим, уважаем», «Клевета, злоба и подкуп восторжествовали над тобою, но ты остаешься перед мною то, что был: человек безукоризненный, и постигшее тебя несчастье еще более тебя сделало мне дорогим. Я переносу это испытание так, как и ты, твердо, уверен будучи в твоей невинности». Уверенность в невинности зятя и доверие к нему столь велики, что декабрист согласен навсегда остаться в Сибири: «Поверь, что даже если приговор, над тобою произнесенный, сохранится во всей его силе, то сердце мое и ум не перестанут тебя любить и уважать и что там, где ты будешь в предназначенной опале, там и я буду с тобою, буду лелеять тебя и оказывать тебе все пространство моей любви и уважения моего к тебе. Сибирь перестанет быть для меня местом ссылочным, а краем благословенным, и никогда из Сибири не выеду, пока там ты будешь, даже если [бы] Высочайшая милость доставила мне возможность выехать из Сибири».

В 1857 г. Д.В. Молчанов скончался. Последний год его жизни был страшным и мучительным для всех членов семьи, в то время уже находившихся в Москве. Молчанов все больше впадал в безумие. С.Г. Волконский, вернувшийся из Сибири в 1856 г., тяжело переживал за дочь, всячески ее поддерживал. 26 марта 1857 г. А.В. Ентальцева писала И.И. Пущину: «Бедный Сергей Григорьевич в отчаянии за дочь. Он опасается за нее всего, боится, чтобы не довершилось бешенством. От семейства таит свои опасения, свои слезы; со мною он делит их, рыдания этого старика раздирают душу, по крайней мере, облегчают его»²¹. Однако это несчастье еще сильнее сплотило семью: «Миша очень озабочен сестрою, это семейство очень дружно между собою, и любят друг друга до самоотвержения, все четыре достойны глубокого сочувствия по этой взаимной любви»²².

В письмах С.Г. Волконского, приводимых в данной публикации, большое место, помимо семьи, занимают картины иркутской жизни, преобразований и открытий времени Н.Н. Муравьева, взаимоотношения в среде декабристов, отношения с администрацией, заботы по опеке над наследниками и имуществом умерших друзей-декабристов, события Крымской войны.

Нельзя не согласиться с внуком декабриста С.М. Волконским, отмечавшим, что в письмах деда «события достаточно известные, но именно быт и психология людей <...> составляют самую дорогую сторону прошлого, тем более дорогую, чем труднее восстановить ее картину»²³.

Самая дорогая сторона прошлого семьи Волконских, истории Иркутска времени пребывания здесь декабристов до сих пор раскрыта только фрагментарно. В 1991 г. в документальной серии «Полярная звезда» были переизданы «Записки» С.Г. Волконского, в 2010 г. вышел 27-й том этой серии, посвященный декабристу А.З. Муравьеву, четвертьвековой юбилей отметил

музей, расположенный в доме Волконских. Не пора ли занять достойное место в документальной серии «Полярная звезда» тому с документами и письмами С.Г. Волконского, чтобы не постигла их участь продолжения «Архива декабриста С.Г. Волконского», издание которого в течение 102 лет числится неоконченным?

К сожалению, старая гвардия исследователей, занимавшихся кропотливой, тяжелой работой выявления, копирования (без помощи каких-либо технических средств), расшифровки, редактирования и подготовки к изданию литературного, документального, мемуарного и эпистолярного наследия декабристов, уходит безвозвратно. Необходимо, чтобы эта деятельность заинтересовала молодых исследователей, что является одной из задач данной публикации.

В публикацию включены 36 писем, ксерокопии которых хранятся в Иркутском музее декабристов. В копиях писем есть пропуски в тексте, скорее всего, это непонятные для переписчика части авторского текста. Письма С.Г. Волконского на французском языке переписаны в Пушкинском Доме без перевода на русский язык. Перевод публикуемых писем с французского языка сделан сотрудниками Иркутского музея декабристов Л.Г. Гладовской и О.А. Акулич.

Письма публикуются в хронологическом порядке в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, но с сохранением некоторых индивидуальных особенностей написания, например: сомневаюсь, шипко и т. д. Встречающиеся в тексте нарушения орфографии XIX в. – например, отсутствие удвоенной согласной, мягкого знака в уменьшительных прилагательных и т. п. – исправлены без оговорок. Подчеркивание передано курсивом. Сохранено авторское варьирование при написании нескольких фамилий, в комментарии дается их правильное написание или его варианты. Пропущенные слова и недописанные части слов восстановлены в квадратных скобках, неразборчивые слова и пропуски текста обозначены в угловых скобках.

Примечания

¹ Волконский М.П. Письма декабриста С.Г. Волконского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 362.

² Архив декабриста С.Г. Волконского / Под ред. кн. С.М. Волконского и Б.Л. Модзалевского. Т. 1. До Сибири. Пг., 1918.

³ В сб. «Бунт декабристов». 1825–1925. Л., 1926. С. 333–354.

⁴ Архив М.П. Волконского. ИМД НВХ. № 110.

⁵ Караи Н.Ф. Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. Иркутск, 2006.

⁶ Так некоторые декабристы называли Д.В. Молчанова.

⁷ Нелинька, Нелли, Нельга – Елена Волконская. Нелинькина маминька – М.Н. Волконская.

⁸ Пуцин И.И. Сочинения и письма. Т. 2. Письма 1850–1859 гг. М., 2001. С. 61.

⁹ Неизданные письма М.Н. Волконской // Тр. Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 2. С. 110.

¹⁰ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / Автор-сост. Н.П. Матханова. Новосибирск, 1998. С. 68–69.

¹¹ Иркутская летопись // Тр. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1911. № 5. С. 315–316.

¹² *Поджио А.В.* Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 493.

¹³ Неизданные письма М.Н. Волконской. С. 105.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 98.

¹⁵ *Пуцин И.И.* Сочинения и письма. Т. 1. Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. М., 1999. С. 396.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 97.

¹⁷ *Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 307.

¹⁹ Там же. С. 311.

²⁰ Там же. С. 357.

²¹ Декабристы. Летописи Литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 127.

²² Там же. С. 141.

²³ Архив декабриста С.Г. Волконского. Предисловие. С. 1.

1. Е.С. Молчановой¹

[Иркутск,] 24 фев[раля] 1851. № 6

Дорогой друг, моя обожаемая Нелли, ваши письма от 18 и 20 янв[аря] полны утешения для нас. Я тебе писал в понедельник, но не могу отказать себе в написании еще одного письма. Все, что ты мне говоришь об уважаемой княгине Катерине Алексеевне², вызывает во мне глубокое чувство благодарности к ней. Мое будущее, мое дорогое дитя, в радости и счастье, будущее же твое и твоего брата в спокойствии и утешении твоей добродетельной и уважаемой матери. Я счастлив, когда уверен в том, что мы можем вас троих оценить по достоинству и что мы справедливы и благосклонны по отношению к вам. И Господь вознаградит всех тех, кто благосклонен к тебе; когда говорят факты, слова не нужны. Я написал бы письмо моей уважаемой тете, но не знаю, доставят ли ей удовольствие мои строки. Всякий раз, я думаю, она знает, что я благодарен и предан ей. Это ты, мое дорогое дитя и мой друг, выполняешь эту обязанность: передаешь мои слова и моей тетушке, и князю Петру³, если он желает слушать, что сибирский край больше не край ссылки для меня с тех пор, как я узнал, что они любят и поддерживают моих детей. Я никогда не забываю их ко мне доброго отношения в былые времена. А на холодность с момента моего приговора они имели право, и, быть может, это был их долг. От всего сердца я благодарен моей тете за те ее воспоминания о моей прошедшей молодости – поры заблуждений, тогда я находил в ней благосклонного защитника и уверенного, дружелюбного наставника. Исполни, мое дорогое дитя, мое поручение со всей теплотой сердца, которой ты отличаешься, и моей теплотой, которую ты знаешь, несмотря на мои 63 года. Передавай дружеский привет всем нашим; напиши о моей сестре⁴, где она? и когда она вернется в la Casa Patria⁵.

Пусть Господь тебя хранит, пожми крепко руку своему мужу. Ваш отец и друг

Сергей Волконский.

[Преписка М.Н. Волконской на франц. яз.]

Нельга, мое дорогое дитя, добавлю несколько слов к письму папы. Я хотела тебе сказать, что унты были тебе отправлены прямой дорогой в Енисейск⁶; это все, что мы смогли найти хорошо сделанного; они стоят 30 р. серебром и 2 р. за перевозку <пропуск>, ты их подаришь, я надеюсь, твоей благодетельнице, нашей уважаемой княгине Екатерине Волконской, эта вещь, сделанная в твоей родной стране, ей доставит удовольствие, тем более если подаришь ее ты, преданная ей всем сердцем, сердцем чистым и молодым, за которое я так горда, Нельга.

Я тебя обнимаю и благословляю тысячу раз, так и Дмитрия⁷ и вашего будущего ребенка. Пусть доброта Господа всегда сопровождает вас. Мама твоя.

2. Д.В. Молчанову

[Иркутск,] 26 февр[аля] 1851. № 7

И от меня несколько строк, добрый друг Дмитрий Васильевич. Благодарю тебя и Нель[гу] за ваше доверие и любовь ко мне. Приедете, я надеюсь, что и вы будете мною довольны.

Третьего дня после полдня приехал Разгильдеев И.Е.¹, на другой день хотел выехать за моря, но схвачен был сильной недугой. Хорошо, что Танкевич² захватил: был сильной прилив крови к голове, пиявки и другие медицинские средства охранили покамест от воспаления в мозге. Если облегчение продержится, Ив[ан] Евгр[афович] выедет дня через три, надобно ему укрепиться. Его шипко беспокоит мысль, чтоб генерал не подумал, что он по-пустому теряет здесь время, дорогое для исполнения воли Ник[олая] Ник[олаевича]³, и очень меня просит все это объяснить тебе для доклада генералу, не быв сам в силах писать.

Теперь и личные мои просьбы:

1) отпуск на воды в Оренбургскую губ[ернию] на Сергиевские воды⁴ на 4 месяца;

2) снабжение меня на 1851 год газетою того размера, как я писал;

3) для вашего же удобства отправить обои для отделки квартиры вашей;

4) любить меня, как я вас люблю.

Ваш друг Сергей Волконский.

[Преписка М.Н. Волконской на франц. яз.]

Мой дорогой Дмитрий, я недавно, 24 и 27 числа, получила письма от Нельги. За одну неделю она побывала на трех балах – вот оно, доказательство силы и здоровья, чему я несказанно рада, на следующий день после последнего бала Катрин⁵ не застала вас дома, вы были на прогулке. Все больше и больше я прошу у Господа веселья, радости и счастья для вас. Я бесконечно благодарна Катеньке⁶ за ее милое небольшое письмо, которое доставило

мне огромное удовольствие. Я надеюсь на счастливое будущее для ее сына. Я ей написала на прошлой неделе.

Мой дорогой Дмитрий, запланированную поездку на Сергиевские воды мы отменили. Во-первых, у нас нет достаточно денег, Серж чувствует себя лучше, и к тому же хотелось бы избежать абсолютно не нужных нам встреч. У нас здесь тоже есть воды, помогающие гораздо лучше. В течение 10 лет моих страданий они просто необходимы для моего здоровья, однако я не могу себе этого позволить из-за отсутствия средств.

Вы едете в апреле к вашим родителям. Я очень рада, потому что это уже начало отъезда. До свидания, передавайте мои дружеские приветы всем, кого я уважаю.

3. Д.В. Молчанову
[Иркутск,] 23 марта 1851. № 8

Любезный друг Д[митрий] В[асильевич]. Чувство доверенности моей к тебе и убеждение [в] твоей ко мне дружбе будет водить моим пером. Я вкладываю в твое сердце не желчное негодование, но грустные впечатления, мною испытанные.

А[лександр] Н[иколаевич], вопреки всех приличий к моим летам и родственным связям и званию, пользуясь безгласностью моею пред законом, настоятельно требует от жены акт доверенности с настоятельным указанием, чтоб был дан без всякого об оном спроса у меня¹. Тому несколько месяцев жена без всякого о том моего ведения или указания, но единственно по чувству обязанности пред мною не вполне исполнила волю А.Н., означив некоторые исключения, но самовластный А.Н. опорочил ее и ныне требует ваше посредство [для] высылки доверенности по буквальному его указанию. Ж[ена], не по убеждению сердца, но по несообразному ни с чем чувству безусловного повиновения, вопреки моего желания покоряется воле своего брата и с нынешнею почтою отправляет этот акт, т[айно] от меня деланный, но сущность которого мне стороной известна. Я не шлю никакого возражения на сущность оного во всем, что в оном относится до твоей ж[ены], но полагаю, что гораздо бы вернее было передать вам имение купчей крепостью, нежели дарственной записью; дарственная запись может быть шатка по прежнему гражданскому быту твоей ж[ены]. Купчую же крепость она в полном праве заключить по быту своему за А[нной] М[ихайловной]² с тобою. Расходы же на то и на другое одинаковы. При том оба акта могли быть просто заключены ж[еной] здесь.

Но я не могу быть довольным образом производства этого дела и намеком А.Н. против меня в кругу моего семейства. В этом обижен м[ой] о[тец], и это кровная обида. Ж[ена] никогда не оспаривала полного права располагать тем, что поступило ей во владение по моему о[тцу], но в пополнительном наделе от моих п[оместий], если оно когда-либо совершится, я полагаю иметь право голоса, что, вероятно, будет оспариваемо А.Н. Не люблю выводить с[соры]; имел бы право написать к п[равительству] и остановил дело в отношении

доверия к А.Н. и чтоб дожидались моего назначения, но надеюсь, что ж[ена] признает мое право, тем более что у ней и у меня один предмет – надел поровну с е[е] д[етьми], это поручаю Божьему Покровительству.

Взойти мне по всем сим обстоятельствам в сношение с А.Н. и выказать ему всю несвойственность его требований (хотя имею на то полное право) я не хочу. Имея слишком много поводов к негодованию на него, снова взойти в переписку – это навлечь ему и себе новые неприятности. Но я полагаю иметь право и обязанности ж[ены] твоей, что я не одобряю действий А.Н. и покорности жены к его воле. Это не делаю я в виде жалобы на кровную, им мне наносимую обиду, но более в том отношении, чтоб чрез тебя узнать точное положение дел (о чем мы не имеем никакого положительного сведения) и чтоб ты постарался ловким образом изменить дурное направление хода дел, в чем ты это признаешь возможным.

Да и вы, мои друзья, объята каким-то непонятным для меня страхом к А.Н., я вижу это из письма твоего к ж[ене] от 17 февраля: *между должным уважением к случайному главе семейства и безотчетной к нему покорностью* есть грань; первую одобряю и рад, что вы ее ему посвящаете, другую не требую и к себе от д[етей] с[воих]. Дерзости А.Н. противу меня нет предела, он ставит меня перед ж[еной] и в[ами] в ничто, прилично ли это? Совестно ли это? Охранение ваших средств быта, охранение таковых же для с[ына]³, обеспечение нужд ж[ены], верно, не менее близки моему сердцу, как и его. Мои желания – не поэзия, как он это называет, не пустой спор слов, а чисто совестливое дело. Есть данные, от которых ни в коем случае не надобно отклоняться. В наделе в[ашем] должно иметь в виду и будущий надел с[ына], и текущее обеспечение нужд ж[ены] – все это должно быть основано на положительных данных, взяв в соображение, что есть, а на что имеется в ожидании. Ценность имений не по числу душ, но по последнему расходу за десятилетие, и, приняв в соображение постоянные местные выгоды, капиталы должны быть в соображении по законному на них росту. Во всех предположениях, расчетах меня одного прошу исключить, пока есть у в[ас], у с[ына] и у ж[ены] средства, мои слабые ограниченные нужды будут вами обеспечены, лишусь я этих средств – найду людей, которые не переставали меня уважать, мне помогут, но верно не протяну руку за лептой к семейству Р[аевских]. Д.В., я тебе даю право голоса во всем этом. Умоляю тебя не отклоняться от возложенного мною на тебя поручения из излишней щекотливости или снисходительности к А.Н. Он д[ядя] – я же о[тец].

Действия А.Н. всегда и во всем означаются с ничем не сообразным самовластием; какое он имел право не исполнить в отношении вас назначенной высылки вам денег и тем поставить вас в затруднительное положение? Я вполне признателен А[нне] М[ихайловне] за ее предложение ссудить вас займом, но не желал бы, доколь мы имеем средства, чтобы другим вы были бы обязаны попечением. И в этом радушном предложении А[нны] М[ихайловны], и в содействии С[офьи] Н[иколаевны]⁴ таинственность, в которую оно облекается, выказывается, что они объята каким-то страхом к А.Н. Для меня все это было бы единственным предметом смеха, если бы все это не относилось до вас и не оскорбило меня по сердцу за вас же. А.Н.

сосредоточивает в себе одним волю и действие; не отдавая никакого письменного отчета, не обеспечивает право собственности ж[ены] на капитал, у него находящийся, в случае его смерти (чего Боже его охрани) надпись на сундуке, дела и деньги с[ына] и м[ои] могут быть не приняты опекою достаточным законным указанием. Не понимаю также, почему билеты вкладов имеют, как о том сам раз известил, код по собственным его делам. Всякое действие по оним вкладам, как с согласия ж[ены] м[оей] и не иначе как с приобретением ей одной выгод. Это приводит меня к самовольно сделанной А.Н. ссуды О[рлову]⁵; этот долг, не имея никакого обеспечения, с ничтожными прописными выгодами, уже двадцать лет тянется, и чем и когда кончится, ничего не известно. Записывать в приход деньги прежних доходов – не мудрость, найти новые статьи дохода, возвысить хозяйственное положение имения, найти выгодное и обеспеченное положение капиталов – вот прямая бы заслуга, и ты сам говоришь, что Воронежское имение в жалком по управлению положении, хотя и имеет, как тебе это, наверное, известно, большую ценность. С.Л.⁶ пишет, что одесский дом разваливается, что не допускается и в казенном управлении, мне также известно, что из конного завода, мною учрежденного в Новой Репьевке⁷ и в котором при мне было до 80 маток, запас молодечков и сверхнужное количество случных жеребцов, вряд ли осталась одна водовозная лошадь, и это где – в Крыму, где лошади 10 месяцев на подножном корму. Скажу также, что сколько я понимаю смысл законов, хотя мои справки не делаются у Л.В.⁸, но достоверно могу сказать, что если А.Н. может по доверенности ж[ены] распоряжаться ее имением, то тем более она сама лично имеет на то право, с одним только ограничением, что всякая выдача ей собственно денег, как сходно с существующими узаконениями, путем правительства назначенными, также могу удостоверить, что по смыслу законов, коль скоро братья мои не отказались законным образом от моего наследства, все долги мои падают на них. А надел жены моей должен быть очищен от всякого запрещения.

Столь выхваляемая заботливость А.Н. состоит в том, что капитал, ей принадлежащий, составлен из денежного вклада племянника моего от остатков денежных доходов с имения до поступления оногo в управление А.Н., с приобщением доходов управления А.Н. до поступления имения в Опекунское управление не по одним моим долгам, но и по долгам братьев моих; мне бы весьма желательно иметь баланс постепенных и поименных сих вкладов со времени отъезда моего в Сибирь. По многим изложенным мною обстоятельствам я полагаю, что можно тебе склонить А.Н. сделать распоряжение.

Вот, друг мой Д.В., взгляд мой на дела, по которым в силу гражд[анского] закон[а] я чужд, но по совести могу и должен выразить свое мнение. Пишу к тебе не в упрек, а с чувством полной доверенности и неограниченной дружбы. Заранее знаю, что письмо мое и ожидания мои от тебя поставят тебя в затруднительное положение. Но с твоим умом, само достоинством и ловкостью авось успеешь все обделать, как ты можешь это рассудить, не для личных наших выгод, но для сущей и истинной пользы ж[ены], с[ына] и в[ашей].

Не защищая, а рассуждая – мое семейство во всех делах по управлению бывшего моего имения до смерти матери моей и по действиям братьев и

сестры моей, по ее смерти, о чем не раз им писал откровенно, я имею право судить и действия родственников жены моей в отношении ее и моих детей. Тетка К[атерина] А[лексеевна]⁹ родовое имение передала одной Орловой¹⁰, а А.Н., как из писем С[офьи] и Е[лены] Н[иколаевны] это нам известно, противится желанию их наделить по их смерти ж[ену] и д[етей] ее частью их имения¹¹.

Я не все высказал, что шло к делу; требовать от тебя ничего не могу, но вторично умоляю взять все сказанное мною в соображение и, действуя по совести, не ставить на первый план личные сношения. Я положительно желаю одного: что[бы] вы не могли мне упрекнуть, что я вам что-либо скрыл, а если ты не примешь мои указания в уважение и руководство, буду иметь право сказать: *je m'en lave les mains*¹².

Ж[ена] извещена [на] мой взгляд на требования ее б[рата]; в подробные суждения я не входил, это было бы поводом с моей и ее стороны, а этого я обязан избежать в уважение ее слабого здоровья, да потом я слишком дорожу ее расположением, чтоб дать повод ее на меня негодованию. Во всю мою жизнь я всегда действовал все въявь, писать к отъявленному врагу – это было бы глупость, низость. Первое не приписываю себе, вопреки приговора А.Н., которому не сроден по душе и уму. Но если ты думаешь, Д.В., что мой взгляд может быть принят к делу, если ты полагаешь, что А.Н. довольно благороден, чтобы принять [дру]жеский голос о[тца], защищающего выгоды свои к д[етям], без гнева и нового укора, ты можешь сие мое письмо ему сообщить. Я выше его гнева, а если он поймет чувство, которое руководило моим пером, то, несмотря на все сделанные им мне кровные обиды, я скажу ему от души: *Спасибо!*

В изложении моем о непонятных для меня распоряжениях А.Н. позабыл пометить, что не понимаю расчета, заклады имения с обязанностью платить по 6 на 100% и отдавать взятый капитал лишь по 4 на 100%. Безденежье так велико, что я убежден, что как сей капитал, так и прежде скопленный мог бы под верные обеспечения помещен быть по 8% на 100. Тогда бы оставался капитал неведим и ж[ена] имела б достаточные средства на ее расходы.

Пишу много, но, поверь, без желчи к А.Н. я изложил свое мнение и желание; высказать же мне его было в обязанности перед всеми вами. Жену твою заочно крепко целую. Тебе же жму крепко дружескую руку. Продолжайте быть счастливыми друг другом, и да благословение Божие охранит вас от всех мирских зол и испытаний.

4. М.Н. Волконской
7 июля 1852. Иркутск

Передо мной сейчас два твоих письма, мой дорогой, любимый друг, от 10 и 28 июня, единственные, которые я получил от тебя из Тарасуна¹. Я не могу тебе выразить словами, милый друг, как я счастлив твоему отношению ко мне, возврату твоего доверия и нежности ко мне. Чтобы я был достоин

этого до конца моих дней, да сохранит тебя Провидение на долгие счастливые годы.

Я не получаю известий непосредственно от Молчановых, за исключением тех, которые пришли из Красноярска и Томска. Почтовые марки на конвертах писем, адресованных тебе и которые я не читаю и не вижу (правда, о них мне Герман² говорил), мне позволили проследить их маршрут. Я им пишу часто, и в последний раз я их упрекнул за молчание. Мы им в глаза смотрим, а они часто к нам спиной поворачиваются.

Хорошо бы иногда давать урок Нелли, потому что от Молчанова мы не можем ничего другого потребовать, кроме того, как сделать счастливой нашу дочь, чем он и занимается. Иван Иванович³ сообщает мне, что он хочет уехать из Нерчинска 16 числа. Известие о твоей долгой разлуке с сыном, вероятно, наводит на тебя грусть, мой добрый друг, но наши личные чувства должны смолкнуть перед превосходствами службы, склонить нас к тому, что всякая мера генерала принята им в его пользу и знания служебные для нашего сына. Мишель меня не забывает, пишет мне много, просто и доверительно. Я ему в этом признателен и благодарю его за это. Я регулярно ему пишу, его, бедного мальчика, нужно развеселить, и я ему рассказываю обо всех событиях в Иркутске. Спасибо за то, что ты сообщаешь мне в деталях о том, что происходит у вас, в вашей местности и ее окрестностях, и особое спасибо за то, что ты подробно сообщаешь мне о себе. Ты принимаешь ванны, и от них тебе становится лучше. Я этому очень рад. Эти ванны холодные или горячие? Могут ли они освободить тебя от страданий, таких острых и продолжительных, которые ты выносишь в течение долгого времени с такой покорностью и душевной силой? Из соображений осторожности я тебя вверяю Софье Николаевне⁴, которая о тебе великолепно заботится во время приступов страдания. Я помню о твоём благодушном воспоминании. Ты поступаешь правильно, милый друг, возвращаясь через Кяхту. В Маймачине⁵ будет на что посмотреть, это может доставить некоторое развлечение твоей сестре. Это твой долг. Но, честно говоря, на вашем месте, если бы вам позволило здоровье, я направился бы к Большому заводу⁶.

Я представляю себе радость и удивление нашего доброго и отважного Мишеля, но, увы, это утопия, которую, впрочем, нужно только попытать с согласия генерала. Я плохо сумею рассказать тебе о Мишеле, так как я целиком и полностью им очарован: его заботой о тебе, его суждениями, его привязанностью к тете, его доверием, искренностью, непринужденностью по отношению ко мне, теплотой души, преданностью генералу. Не два месяца, а год, даже больше года, как он, по его словам, готов приступить к исполнению службы, доверенной ему генералом. Господь Бог в помощь ему в этом и защитит его в эти дни. Мишель мне дает кое-какие поручения, которые я выполняю и о которых тебе сообщаю.

[Далее по-русски.] Перловую крупу, изюм, шоколад взял в лавке Бело-голового⁷, дома не отыскал. [Далее по-французски.] Кофе я добавил, чтобы потчевал своих гостей, я ему отправлю, если смогу потребовать еще этот долг от Мазаровича⁸ – маленький бочонок «Хереса», все остальное, в том числе и вино, есть дома, согласно его записке. Я пишу в Деволай⁹ для до-

ставки с оказией, имея в виду уменьшение расходов, но если он испытывает трудности, я потребую от него, чтобы он обратился к тебе и поступил в твоё распоряжение для дальнейших <пропуск>. Отправка этого здешней почтой будет в тягость твоему бюджету и превысит закупочные цены на местах. Устрой все, как ты хочешь, согласно местным обстоятельствам. Я надеюсь, ты получишь мое письмо, находясь еще в Тарасуне, так как ты мне еще не говорила о своем отъезде <пропуск>, и достигнешь генерала в Чите. И еще пару слов о Мишеле. Не стоит ли тебе отправить ему Абакума, и проси вернуть Нинишку¹⁰ с оказией. Это у тебя отнимет несколько дней поездки, но так будет лучше для Мишеля. В остальном делай так, как ты хочешь. Изменение маршрута генерала вызвало здесь много разговоров, так как он не собирается посещать Кяхту. Здесь не знают причины и прибегают к разным предположениям¹¹. Говорят об отзыве генерала и о приезде сюда генерала Анненкова¹². Однако это все вздор. Потеря доверия стала бы большой неблагоприятностью по отношению к лейтенанту¹³, настолько сильно преданному благу, что в светлых и благородных целях он все свои желания и здоровье отдает службе. В Кяхте готовились к большим приемам: вина, блюда, туалеты, украшения – во все это Иркутск внес свой вклад. Меня беспокоит только одна вещь: если это нарушит планы Ребиндера¹⁴. Здесь теща¹⁵ вся в расстроенных чувствах и, поддерживаемая Черным доктором¹⁶, гувернанткой-сводницей¹⁷ и тевтонским бароном¹⁸, дает волю гримасам и проклятиям¹⁹. Все это смешно. А в остальном, дорогой друг, все это только для тебя одной. Кстати, об этой семье²⁰... я скажу тебе словами моего крестника²¹. Я ему говорил о его сестре Лизе²² и о тех прозвищах, которые она ему дала. [Далее по-русски.] Ты не знаешь сестру Лизу, она не Лиза, а Лиса. [Далее по-французски.] Слово вовсе не глупое.

Я отправляю Софье Николаевне газеты, полученные со времени моего последнего письма, и прошу позаботиться. Сообщи мне, когда ты будешь на вашем берегу Байкала. Все тщательно устроено Разгильдеевым под его же руководством: все претензии и благодарности можно выражать ему. Вот уже несколько дней Василий²³ ведет себя лучше, но, однако, я пишу Мишелю, что на него нельзя полагаться. К тому же что-то нужно делать из камердинера, который, как я думаю, на половинном жаловании. Напиши ему об этом тоже. Маша²⁴ умнее, а Иван Осипов²⁵ с серьезностью относится к твоим счетам и поручениям. Я провел свои именины грустно, так как я их провел вдали от тех, кто мне дорог. Я не сомневаюсь, что вы все обо мне думали.

Твой друг и муж Сергей Волконский.

5. Д.В. Молчанову

по делам с А[лександром] Н[иколаевичем]

[Иркутск,] 24 июля [1852 г.]

Вчера получено на имя жены моей из Москвы от А.Н. от 21 июня письмо, и как я ее жду через несколько дней и чтоб письмо не разошлось с нею, я это письмо оставил до ее приезда, прочел оное и до ее приезда решил сооб-

щить тебе, мой друг, мой взгляд по этому письму, уверен будучи, что он совершенно будет согласен с ее взглядом. При этом письме приложена копия со сделки с племянником Р[епниным]¹. Жаль, что ты не приехал до совершения, многое бы остановил. Если увидишь племянника, скажи ему, что совестливое содействие его матери², его самого и Александра Никитича³ меня тронуло до глубины сердца; я горжусь ими, и моя признательность выше всяких слов, им одним сын мой обязан будет обеспечением будущего своего состояния⁴. Дядя приписывает себе одному, по обыкновению, всю честь по этому делу; по-моему, он просто передаточное лицо; дядя пишет, что он сделку сделал на свое имя, а не [на] имя жены моей, потому что не имел достаточной доверенности; но об этой сделке, как идут переговоры его уже несколько месяцев с Р[епниным] и с женою моею, то можно было давно вытребовать ее в том виде, в каком была она нужна для заключения сделки на имя жены моей. Странно также, что письмо А.Н. и копия с предполагаемой сделки без его подписи⁵, и невольно тут рождается сомнение во мне; это был бы факт во всяком споре с наследниками или опекунами, тем более меня это удивляет, что А.Н. в собственных делах своих соблюдает аккуратность, которою он тщеславится, которую в каждом письме он ставит на вид. Мне кажется, что мысль передать духовным завещанием от А.Н. на арендное содержание – мера непрочная, если и не возникнет со стороны прямых наследников А.Н. никакого сомнения, то может оно возродиться от опекунов или боковых наследников, в том, что деньги, отданные в аренду Р[епнину], не были собственные жены, а просто А.Н. как опекуна своей сестры; ибо нет никаких доказательств, что действительно эти суммы есть собственность жены, да притом какая гарантия, что жена переживет А.Н. и что А.Н. успеет вовремя сделать духовную. Как, по-моему, переделать сделку поздно и невозможно, то лучше всего прижизненно А.Н. передать право на аренду жене моей, а она даст ему на управление оной. Конечно, это сопряжено с новыми расходами, которых и без того уже было много, но как иначе достичь того, что мы так давно ищем, – бесспорного обеспечения состояния Миши и освобождения его и нас от тягостной опеки А.Н.; жена же, получив передаточное право на управление или А.Н. и другим лицам на случай его смерти. Но передать аренду сыну невозможно, потому что он по силе закон[а], том 10, ст. 1422, 1428 и 1429, не имеет права на владение оной. И выбор ее будет руководим тою материнскою любовью и попечительностью, которая есть отличная черта ее души. Или, оставив акт на имя А.Н. на прежнем основании, склонить А.Н. составить серию заемных писем от имени его на имя жены моей или сына. Эти заемные письма прислать сюда и по мере получения доходов с аренды и высылки денег сюда ежегодно уничтожать по одному векселю. Само собой разумеется, что эти заемные письма засвидетельствовать по крепостным делам, а жена будет их возвращать А.Н. по получении здесь денег ежегодно. Для лучшего же обеспечения прав А.Н. высылки заемных писем и обращение их по уплате можно будет облечь в законную форму. В сущности, то же ли это самое, что имеет в виду А.Н. впоследствии для сына моего, и я не предвижу, какое он может на это сделать возражение. Мне кажется, мы имеем право ожидать от него доверия, посвятив ему таковое неограниченно в течение 20 лет. А.Н. получил от Р[епнина] кроме права на

аренду векселей на сумму 29 597 р. 72 к. серебром. Эти документы сделаны на имя А.Н., и он хочет их передать сыну или жене по духовному завещанию (следственно же, невольно это даст вид награды или наследства от себя. Какое заключение можно приложить и к распоряжению его по духовному завещанию, и на счет аренды). Между тем не проще ли было, если эти документы тогда же написать на имя жены или сына, и каким образом можно передать векселя по духовному завещанию, когда они все написаны на кратковременные сроки. Уплата или взыскания будут делаться А.Н., вероятно, до вскрытия духовной, и, следовательно, статья духовной, передающая эти векселя, будет нарушаться самими платежами. Теперь по этим документам проще всего, мне кажется, сделать просто передаточные надписи без возврата на имя сына или жены и прислать их сюда. Срок же высылки денег известен племяннику, и в случае неполучения вовремя платежа закон определяет образ взыскания.

Из письма А.Н. я вижу, что он продолжает иметь желание сохранять у себя билеты Опекунского совета на имеющийся у него в наличности капитал жены моей под тем предлогом, что переписка билета на имя жены или сына потребует потери из капитала до 6 т[ыс]. руб. сереб[ом]. Я, с своей стороны, продолжаю иметь твердую волю, чтоб билеты сии были поименной собственностью жены или сына. Каким образом потеря может произойти 6 т. р. сер., я этого не понимаю и поручаю тебе привести это в ясность и полагаю, что одна надпись передаточная достаточна для охранения бесспорных и безотлагательных прав жены или сына. Он обещает выслать список этих билетов, но для нас тут нет ничего прочного и окончательного.

Я посылаю при сем письме записку о делах, которая составлена в том же смысле, как это письмо, за исключением некоторых рассуждений, могущих быть истолкованными А.Н. в обиду ему. Эту записку даю тебе полное право сообщить ему. Да поможет тебе Бог в добром и затруднительном деле, которое ты принял на себя.

Записка, представленная мною жене моей с суждениями моими о управлении во время моей ссылки именьями и поступившими капиталами Александром Николаевичем Раевским, возражения по его мыслям и действиям и мой взгляд во всем, что относится до изложенных обстоятельств, – в этой записке.

1

Наделение имением и капиталами, принадлежащими матери, право принадлежит ей одной, и никому более. Всякий уполномоченный, хотя и был бы брат ее, должен только быть исполнителем ее воли, ее намерений в такой мере, в какой она назначит надел детей своих.

2

Она определила дать дочери:

а) Воронежское имение, состоящее из 325 душ на пашне, богатое качеством и количеством земли и приносящее ежегодно дохода среднюю меру о трех тысяч рублей серебром.

б) Таврическое имение Новорепьевку, состоящее из 84 душ, но при десяти тысячах десятин земли и которое с начала 1852 года отдано в арендное содержание на десять лет за три тысячи рублей серебром в год.

в) Иркутский дом, который можно, по крайней мере, оценить [в] пятнадцать тысяч рублей серебром.

г) Но как Воронежское имение заложено, хотя и не с дозволения твоего, в Опекунский совет, но взамен вырученной суммы, поступившей уже в состав капитала, предназначенного для сына, то, видя очищение сего долга, предполагается прибавить в надел дочери одесский дом, оцененный А.Н. 15 т. р. с. с тем, чтоб дом сей или был продан, и вырученная сумма поступила бы в очищение долга, лежащего на Воронежском имении, а в случае недостатка пополнено было им, ежели дочь оставит за собой этот дом, то ежегодная плата процентов была бы на ее ответственности.

д) На Воронежское имение и на иркутский дом акты владения дочерью совершены, на одесский дом и на Новорепьевку необходимо их сделать неотлагательно.

е) Акт на владение дочерью Новорепьевкой и одесским домом в Иркутске сделать невозможно, не имея никаких данных местных, ни владетельных актов, и странно, каким образом А.Н., зная хорошо по собственным своим делам порядок судопроизводства, может желать, в избежание собственных хлопот, чтоб этот акт был составлен здесь в Иркутске.

ж) А.Н. предполагает, приводя здесь собственные его слова, «что, несмотря на все наши крики, брани и требования, не трогая из наличного капитала ни копейки, доход с Новорепьевки высылать он будет на собственное твое содержание». Доходы с Новорепьевки должны принадлежать сполна дочери с начала 1852 года, А.Н. сам же признал, по моему мнению, непосредственно прислав Д[митрию] В[асильевичу] копию с арендного акта. Отделением доходов от Новорепьевки в пользу твою выйдет, что этот надел есть только мечтательность. Я даже полагаю, что нечестно дать дочери акты на имение, а доходы брать себе.

з) И поэтому я настоятельно прошу:

и) чтоб весь надел, назначенный дочери, был окончательно за ней закреплен, чтоб доходы от одного вполне ей поступили и за сей 1852 год и чтоб управление всем ее наделом было предоставлено ей непосредственно и на ее благоусмотрение;

і) во избежание всевозможных, хотя немало непредвиденных неприятностей между братом и сестрой обязанность родителей принять меры по предупреждению оных.

Полагаю благоразумным написать закон <одно слово неразб.> по всему тому, что дочери назначено в надел по §§ А. Б. В. Г сей второй статьи и с прибавлением 29 127 р. сер. лично тобой, по твоим словам, дочери данные наличными деньгами или вещами. Этими действиями положительно и без всякого преимущественного чувства к одному из детей определится то состояние, которое передано дочери.

Из этой суммы уже исключены 4000 р. сер., заменяемых доход с Воронежского имения за 1851 год.

3

Об образе составления капитала для сына от распоряжений А.Н. положительного мнения подать не могу, потому что не имеется от А.Н. точного и подробного отчета об управлении им твоими имениями со времени данного от тебя ему первого уполномочия; ни отчета о разных суммах, поступивших от Р[епнины]х во время управления их имениями Нижегородским и Ярославским. Равномерно ни о количестве сумм, поступивших от продажи одесского хутора и от таковых же по другим предметам, ни общий свод погодно расходов по высылке денег тебе, или выдаче по покупкам твоим, или назначенным переводам. Но при прочтении письма А.Н. к сыну от 25 февраля 1852 года я нахожу:

а) Что это письмо оскорбительно для родителей и что А.Н. не вправе уничтожать волю твою как в распределении имениями и капиталами, так и безусловном распределении доходов с одного.

б) Что, сверх того, А.Н. не следовало бы давать повод сыну нашему стать в независимое положение к родителям и уверять его, что он всем будущим своим состоянием единственно попечению А.Н., устраняя совершенно всех родственников, которые добровольно передали ему имения, поступившие к ним в силу государственных узаконений.

в) А.Н. не следовало бы также опорочивать твои действия и поступки и укорять тебя в глазах сына, как он это выражает «транжирной жизнью», когда жизнь твою ты только посвящаешь для пользы твоих детей.

г) А.Н. приписывает единственно своему попечению, и, как он выражается, «несмотря на наши безрассудные расходы» (что следовало бы ему доказать цифрами и в сущности чего, полагаю, ты не сознаешься) составить капитал в 203 000 р. сер.

д) По моему мнению, эта сумма составлена не из бережливости или оборотов собственными действиями А.Н., а от продажи имений или залога оных, и это последнее действие не только что невыгодно, но даже и накладно, платив 6 процентов и брав только 4.

е) По моим соображениям, в состав этой суммы поступило:

ж) За Нижегородское имение с присоединением твоей 7[-й] части от залога 1500 душ по 60 р. сер. – 90 000 р.

з) От залога из Воронежского имения 165 душ (если остальные не заложены) также по 60 р. сер. – 9900 р. с.

и) От продажи Ярославского Заозерского имения 63 000 р. сер.

й) По долгу Орлова в 1834 по 1844 по письму А.Н. сия сумма возросла уже от процентов до 60 000 р. ассигнациями, и письму 1853 г. можно полагать, что при убогих даже 4 со 100 процентов эта сумма возросла до 80 000 асс., что составит на серебро 83 000 р.

NB. Не могу утаить, что первоначальная ссуда была сделана покойному М[ихайлу] Ф[едоровичу] О[рлову] без всякого твоего о том предварительного согласия и что ты о том уведовлена была уже по его кончине. Далек от моей мысли желать высокого росту процентных денег, но когда в казне и то под залог, платится при займе 6 процентов. Справедливо было бы таковой процент и тебе платить.

к) Всего от вышеозначенных источников 185 900.

л) По письму А.Н. наличности твоего капитала 203 000 р. с.

м) И поэтому от предположенных мною в §§ ж, з, и, і сей статьи прихода денег не доставать будет 17 100 р. с.

н) Хотя я не могу определить, из каких источников поступила эта сумма, по неимению достаточной отчетности за все время управления твоими делами, но, однако ж, полагаю иметь право заметить, что кроме ежегодных доходов поступали в его ведение и другие суммы, из которых мне известно, что от Р[епнины]х в счет 100 000 р. асс., которыми они признали быть должными, получено А.Н. 60 000 р. асс., кроме того, поступила сумма от продажи одесского хутора, и, наконец, должны были поступить к А.Н. с имений Нижегородского и Ярославского по двукратному управлению оными А.Н. И полагаю себя вправе считать эти доходы значительными, основываясь не только на прежних моих данных по сим имениям, но по ценам даже, по которым ныне проданы, когда за Ярославское получено 63 000 р. с. и когда сам А.Н. согласился взять арендное содержание нижегородских имений в уплату долга Р[епнина] на покупку имения за сумму 135 000 р. сер.

4

Я полагаю, что все наши расходы, если б даже и были «транжирны», как говорит А.Н., не могли поглотить все ежегодные доходы, и если выслан был тебе капитал 100 000 р. асс., то половина оного поступила на постройку дома, $\frac{1}{4}$ на здешние свадебные расходы, а последняя $\frac{1}{4}$ состоит в наличности в процентах по 8 на 100. Единственно положительным подробным отчетом, основанным на положительных данных, может меня заставить А.Н. сознаться, что ты обязана попечительности А.Н. скоплением тех 17 100 р. с., которые превышают в наличном твоем капитале поясненные мною поступившие суммы, и что наши расходы, исключая случай свадьбы дочери, не превышали наши годовые доходы.

5

Предполагаемая сделка А.Н. для окончательного расчета с Р[епнины]м в долге 135 000 р. с., по моему мнению, не весьма прочна.

а) Арендное содержание, взятое на имя А.Н., в случае его смерти несколько не обеспечивает право сына ни на сумму, поступившую до сего в уплату долга, ни на следующие к уплате. Наследники могут, а опекуны должны, несмотря на духовное завещание, оспаривать право нашего сына.

б) А.Н. не имеет права передать сыну нашему права на арендное содержание, потому что он по законам не может содержать аренду заселенного имения.

в) Срок, на который дозволено законами брать арендное содержание, не свыше 12 лет, и поэтому весь расчет на погашение долга 135 000 р. должен быть сделан не на 15, а на 12 лет.

г) По изъясненному вышеозначенных 3-х §§, нужно приступить к другому рода сделке, которая была бы основана на точном смысле законов и, сверх

того, для избежания всяких наследственных недоумений и столкновений, была бы сделана на твое имя.

6

На случай же смерти твоей до истечения арендного срока ты должна по духовному завещанию, заранее тобой составленному, поручить взимание арендной платы по контрактному условию лицу, тобою выбранному, имеющему законное право на содержание аренды заселенного имения, и ясно означив ему, чтоб все взносы с арендного содержания и деньги, еще не уплаченные до твоей смерти, должны поступить сыну твоему.

7

По письму А.Н. от 25 февраля 1852 г. 203 000 р. сер. в наличности. Я полагаю исключить из сей суммы 3000 р. с. на твои расходы в текущем 1852 году, и поэтому останется в наличности 200 000 р. с., по которым предлагаю следующее распоряжение:

а) Вложить все сии 200 000 р. с. в Опекунский совет на один безымянный билет для приращения процентами и процентами от процентов на 10 лет и 4 месяца, в течение которого возрастет он, если мой подсчет не ошибочен, до 300 000 р. сер.

б) Сей билет должен быть доставлен для хранения тебе. Сохранение билета матерью предохраняет все семейство от всяких недоумений и беспокойств, при случае смерти А.Н. нимало не охраняемых образом хранения их А.Н., и ты примешь те же меры предосторожности, которые сохраняются А.Н. для безопасного хранения билетов.

в) Нет никакой надобности, чтобы сын наш был передан духовным завещанием А.Н. попечительству Н[иколая] О[рлова]¹ или иного душеприказчика А.Н., в особенности когда ты жива.

г) Что же касается до неприкосновенности этого капитала, кроме обязательного срока, объясненного при вкладе, неизменность твоего слова и нравственность сына, а к этому еще и значительность суммы билета, отнимающую всякую возможность к сделке или размену в Иркутске, – в том служат ручательством.

8

Но помещение наличного капитала сполна в Опекунский совет на срочное время без отделения ежегодных процентов лишает тебя доходов с этого капитала. Поэтому для обеспечения средств к твоему существованию с сыном предлагаю тебе обратиться тебе все, что ежегодно будет поступать чистого дохода от арендного содержания по долгу Р[епнины]х.

9

Меры, мною предлагаемые, приводят в совершенную ясность:

а) Вопрос об управлении имениями и капиталом и упрощает отношения твои с семейством и с А.Н.

б) Дочь твоя выйдет из зависимости в отношении имений, ей наделенных, не только от А.Н., но даже и от нашей. Я полагаю, что даже неприлично

оставлять ее в этой зависимости или в какой-то опеке, которой только можно подчинить слабоумных или расточительных.

в) Ты с сыном обеспечена в излишестве средствами к существованию.

г) Он обеспечен значительным капиталом, владение которым получит лишь в зрелые лета.

д) Что же касается до присылки билета, то ты должна изъяснить А.Н., кому доверяешь получение одного под обязательную расписку передачу этого билета лично тебе.

10

Никаких денежных актов и документов в суммах и имуществе, принадлежащих тебе, я на имя А.Н. допустить не могу. Это только запутывает отчетность, нисколько не обеспечивая прав твоих, ни сына на оные. И в случае смерти А.Н. могут произойти споры и иски, нимало не отстраняемые подписями руки А.Н., которые опекунами могут быть не приняты в уважение, быв сами обязаны отчетом, и которые перед законом ничтожны без представления законных счетных книг по управлению в силу уполномоченной доверенности.

11

Всеми предлагаемыми мною тебе мерами вышеизложенными состояние наших детей приходит в прочный вид, не требующий от тебя никаких забот, ни опасений.

12

Труды А.Н., обращенные на пользу всех многочисленных членов его семейства, значительно облегчатся в отношении тебя, и ему останется только труд по управлению арендным имением до погашения долга Р[епнины]х 135 000.

13

С арендного имения для погашения в 12 лет долга 135 000 р. с. ежегодный чистый взнос дохода должен быть 11 250, и в течение 11 лет это причтется ежегодно процентов за неуплаченную часть капитала.

Ты должна настоятельно и неизменно обязать А.Н. присылкою этих денег полугодовыми сроками по мере получения оброка. Получая в известные сроки, ты можешь отчетливо распоряжаться своими расходами и в то же время прекратить все на А.Н. переводы и получения. Я в полной уверенности, что при бережливости в расходах, к которым ты так ревностно приступаешь, ты успеешь сделать ежегодно значительное сбережение и составить запасный капитал, пустив ежегодные сбережения на процент.

14

Принимая в соображение, что арендный расчет на 12 лет и вклад наличного 200 000 руб. сер. капитала на 10 лет и 4 месяца, то по истечении сего срока в сообразности с 12-летним арендным ты к ежегодным твоим доходам в течение года и 9 месяцев получишь по истечении 10 лет проценты на 30 000

р. сер. капитала, что и составит 21 000 р. сер., что значительно увеличит запасный капитал, который, предположительно, можно считать возможным от 40 000 р. сер. до 50 000.

15

Если же ежегодными сбережениями или из других источников составит предполагаемый запасный капитал, то от тебя будет зависеть, соображаясь ли с ценностью наделов детям или по собственному твоему произволу, без всяких посторонних направлений в пользу одного или другого или более достойному – назначить надбавочный надел.

16

Назначение надела каждому из твоих детей сделано по твоему предназначению. Безымянность только ломбардного билета несогласно только твоему желанию. Конечно, вернее было бы сделать просто билет на твое имя, но, может быть, встретилось бы на это затруднение по сепаратным постановлениям, до быта нашего относящимся. Я остаюсь при моем мнении, что вклад капитала не на личное имя сына есть необходимое обуздание могущего встретиться взрыва страстей и необходимая гарантия его собственных выгод. Юные его лета, неопытность, могущие возродиться страсти могут его завлечь в необдуманные расходы. Я отдаю полную справедливость его чувствам, его уму, его примерному поведению, но не менее того остаюсь при мнении необходимой предосторожности.

17

Что же касается до щекотливого положения Д.В. требовать выдачи билета безымянного – доверенность наша в получении его им лучшим охранением от упрека, к чему еще, в охранение этой щекотливости, способствует и парадокс обязательной расписки при выдаче ломбардного билета.

18

Если я частью высказал о резком моем мнении насчет А.Н., то я прошу тебя не искать в моих выражениях и суждениях следов моего личного негодования против него, а видеть только порыв мой – доказать несправедливость его суждений о тебе, неприличность высказывать их сыну твоему, что я полагаю обидным для нас и предосудительным для сына.

19

Изложив откровенно свои мнения, я имел в виду совершенное беспристрастие к детям и полное доверие к тебе, но, признаюсь, желаю, чтоб сия записка осталась документом моего возражения на письмо А.Н. от 25 февраля 1852 г. к сыну нашему и получила бы, подобно оному, гласность в твоём семействе, не возбраняя тебе дать таковую гласность тем уважительным <одно слово неразб.> лицам, которым ты доверяешь дела и участь детей твоих.

б. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 1852

Любезные друзья, дорогие мои детки, надоедаю вам моими письмами, но не могу удержаться в разлуке с вами хоть заочно поговорить с вами.

Я здоров. Вы, верно, знаете, что жена выехала из Тарасуна и приехала в Читу 12-го сего месяца. Пишет, что 17-го будет в Верхнеудинске¹, а 27-го в Иркутске. Я не очень понимаю, что: с 17-го по 27-е слишком много на переезд из Удинска в Иркутск, слишком много, чтобы заехать в Селенгинск и Кяхту. О поездке в Кяхту не пишет, но М-ме Ек² пишет, что с нашими едет в Кяхту. Желая, чтоб побывала в Маймачене – взгляд на место и жителей любопытен, да при том желал бы, чтобы увиделась с Ребин[дерами], чтоб не дала повода к толкам и перетолкам³.

Здесь их много: в непосещении генералом Кяхты винят дедушку Девятой⁴, винят и вас, как двигателей этой перемены, дай Бог, чтобы и первый взгляд был так же ложен, как и второй. Говорят, что Н[иколай] Р[оманович] очень обижен этим изменением направления пути Н[иколая] Н[иколаевича] и что имеет намерение оставить градоначальство. Что тут правда – не знаю. Тамбурина⁵ огорчена, разобижена, дала ход своей желчи, судит и рядит на перетолк ума и приличия – и побуждается в этом известным[и] вам ее советниками. Авось этот отъезд – ошибочное предположение, желаю от всей души по моей преданности к Н[иколаю] Н[иколаевичу] и уважению к Н[иколаю] Р[омановичу]. Генерала ждут к 24-му, все тогда для нас разъяснится, а ты, мой друг Дмитрий, вероятно, и теперь уже знаешь, что есть истинное.

Другая новость Иркутска – это отъезд Занадворова⁶ с Агн. Алек.⁷ в Петербург. Отъезд вследствие письма Фа[в]сту из тайги⁸. Предлагал Персин[у], чтоб медиком и, вероятно, ходатаем по делам ехал бы с ним; предл[агал] 2000 руб. сер., он просил 5000, и на то согласились, но И[ван] С[ергеевич] отказался по причине болезни его сына⁹. От А.Л.¹⁰ нет частных известий – официальных же не могу знать. Доверие Фавста к жене его не по пустой причине: довольно, вероятно, смазал миллионов и, видно, чувствует, что крыж ему здесь¹¹. Что успею узнать – сообщу.

Перестройка идет вяло – много полили, помешали беспрестанные дожди, ливни, да к тому и неожиданная встреча. Наружная стена пристройки и коридор осели от подкопа. Оставить так нельзя было, будут подымать, много хлопот и остановка в производстве работ.

Внутренняя отделка комнат идет хорошо и успешно, устройство лестницы идет вяло, в полработы плотн[ицкой] и столярной, а краски нет и начала. От встреченной осадки до исправления оной остановилась и кладка оран[жерейной] печи. В осадке стен есть частью неосторожность И.Як.¹², вернее, взгляд И.Е.¹³ Спорить и не было бы пользы и лучше было бы мирно согласиться к исправлению с объявлением приплаты за эту работу. Не сердись, мой друг, но частью и ты виноват. Подкоп под строение требует бдительного и ученого присмотра архитектора, а ты не хотел этого. А.В.¹⁴ лучше варенье варит, <пропуск> приготавливает.

В доме люди, лошади, собаки здоровы.

Жену ожидаю, но прошу ее убедительно остановиться недели на две на заимке А.В. Запах краски, шум <пропуск>, неочищение двора от всякого мусора, беспрестанная помеха к уборке – все выставлено ей на вид, не знаю, согласится ли. Письма от жены весьма успокоительны: не хвастается здоровьем, но какой-то отпечаток спокойствия, веселости – весьма мне утешительно. В постоянной переписке с Мишей, скучает быть в разлуке, но усердно занимается. Я ему посылаю не только советы, но имею попечение и о средствах жизни, и вещественных, и мысленных, посылаю и провизию, и книги, а к этому и театр[альные] сведения и обзор обществ[енных] иркутских событий и сплетен.

С нетерпением ожидаю от вас известий из Москвы, надеюсь их иметь от конца июня и поэтому почты через две. Удачна ли будет ваша семейная дипломатия? Что-то не густы. Ожидаю известий и из Питера, покамест чистосердечных. Своих люблю горячо, и поэтому близка к моему сердцу встреча вас с ними и прием их вас. Напишите мне истинные ваши впечатления и их действия с вами. <Пропуск> меня с ними. За <пропуск> передайте им мою признательность. В сердечной моей преданности им, надеюсь, они уверены, вопреки их взглядам и предубеждениям. Вас обоих прижимаю к сердцу, истинно вас любящему.

7. Д.В. Молчанову
[Иркутск,] 28 июля [1852 г.]

Черновое письмо, писанное 28 июля по-французски,
но здесь во всем том, что по делам относится,
переведенное по-русски для сведения по этим делам

Жена приехала 27[-го] в Иркутск, и мы имели удовольствие читать твое письмо от 27 июня. Поручение, данное тебе к А.Н., гораздо упростилось свиданием твоим с Р[епниным], дай Бог, чтобы все порученное тебе дело было тобою проведено в окончание с полным охранением прав собственности неоспоримой жены и сына, с тем же охранением всяких недоумений, могущих возродиться от прежнего принятого порядка А.Н. сохранением также всякой сложности в управлении арендою и без выдачи слишком пространных и необеспеченных доверенных актов. Все это поручаю тебе устроить и сколько возможно без причин, которые могли бы подать повод А.Н. к негодованию на нас, и буде он возымеет намерение учинить разрыв с нами, чтобы укор в этом разрыве лежал бы единственно на нем.

Письмо мое от 24[-го] (посланное тебе страховым) выразило тебе мой взгляд по нашим делам до получения письма твоего из Нижнего и свидания твоего с Р[епниным]. Изложенное мною тебе по делам после свидания во многом изменяется. Ты все сам рассудишь, но я полагаю, что мысль моя – взять с А.Н. векселя взамен должествующих поступить ежегодных взносов с аренды к уничтожению долга по аренде с Р[епнина]. Есть лучший способ. Согласится ли он на это, вряд ли, хотя бы мы имели право ожидать от него этого после той неограниченной доверенности к нему, которую мы ему посвящали более 20 лет. Авось Бог его вразумит и тебе поможет в устройении дела столь важного для родительского попечения о детях.

8. Д.В. Молчанову
[Иркутск,] 4-го августа 1852

Спасибо, люб[езный] дру[г] Дмитрий, за добрые вести, сообщенные нам тобой письмом твоим от 5-го июля. Это лучший подарок, который ты мог мне представить на день моего Ангела¹. Безмятежная жизнь с семейством жены моей, обеспеченное состояние сына и дочери – лучшее утешение для наших родственных связей и родительских чувств. Спасибо, мой друг, за ловкое, рассудительное окончание этого дела. По получении подробных сведений гласных об окончании сделки и передаче всех дел и документов от А.Н. буду писать ко всем по принадлежности. Но по этим делам я бы желал иметь некоторые подробные сведения, о которых прошу тебя испросить сообщения от А.Н.

1. В чем состоит постепенное поступление от моих родственников, наличных ли сумм или доставленных в разные времена. И в чем состоит такое же поступление сумм от доходов с имений, переданных в разные времена племянниками моими в управление А.Н.?

2. Желательно бы было мне иметь полный баланс ежегодных доходов и расходов по управлению А.Н. общих дел жены моей, не в виде поверки по управлению, но как отчет собственно себе и вам – на что израсходовано то, что почитали всегда собственностью наших детей.

По аккуратности управления А.Н. собственным имением и делами многих опекаемых, так сообщено мне <пропуск>, я уверен, что таковой отчет легко достать в его конторе, лишь бы дано им было на то согласие, а в оном не могу сомневаться, как документы для нас необходимы для правильного раздела между вами.

Поручаю все это твоему ходатайству, поручаю тебе объяснить А.Н., что желание иметь таковые сведения – мне близкие к сердцу, а не поверка его управления. Я желаю знать, в чем именно я обязан *своим* в их содействии к обеспечению средств жизни моим деткам, я желаю иметь полные данные, чтобы и вам, и сыну дать отчет в наших расходах и иметь правильное мерило к общему между вами разделу.

Похлопочи о моем поручении, очень буду тебе обязан. Жену твою целую, а тебе жму дружески руку.

[В пакете с подписью:] Бумаги по делам нашим по имению со времени отъезда Д.В. в Москву.

9. Д.В. Молчанову
[Иркутск, 1852 г.]

Д.В., мне тяжело говорить с тобой о семейных делах, по моему убеждению, в темных тонах. Я горжусь своим положением политического парии¹, но вследствие этого быть объектом недоброжелательных действий Ал. Ник., даже в адрес моей дочери, быть отстраненным от участия в урегулировании положения дел, касающегося будущего состояния моих детей, я вам признаюсь, больше невыносимо. Мое имущество было разделено на две ча-

сти. Одна часть – наследство с присоединением имущества, приобретенного мной, вторая часть, которая по закону, досталась при разделе моим братьям, а затем моим племянникам как первостепенное имущество².

Что касается имущества, доставшегося моей жене, оно является, не только по закону, но и по закону моей совести, собственностью моей жены, которой она может распоряжаться без какого-либо контроля с моей стороны.

Касаемо имущества, которое досталось при разделе моим племянникам. Если они доведут до конца их похвальное намерение, о котором они мне сообщили, то я предполагаю, что какая-либо договоренность не может быть достигнута без моего личного согласия. Я хочу выносить решения лично – и о размере их пожертвования, и также о размере моей благодарности, которую я им должен выразить. Закон не признает за мной этого права, и я позволил Ал. Ник. воспользоваться этим законом против меня, но так как мои племянники исполняют желание их отца и их собственное – это долг племянника перед дядей, оказавшимся в положении вне закона; я хочу знать их намерения; я хочу участвовать в конечном соглашении; я хочу высказать свое слово в финале этого акта.

Ваше отношение к Ал. Ник. не совпадает с моим. Оставайтесь при своем мнении, но не требуйте, чтобы я изменил свое. Ваша порядочность мне известна – именно это позволяет мне надеяться, что вы не согласитесь на *какие-либо условия, предложенные Ал. Ник.*, без моего ведома, так как это нарушит мои права и не будет соответствовать той преданной теплой дружбе, которая нас *троих связывает*.

Мои отношения с семьей Раевских испорчены окончательно. А.Н. ответил перед Господом за все плохое, что он мне сделал в моей собственной семье, он пользуется моим положением, чтобы лично оскорбить. Я не оберегаю мою собственную семью от всей несправедливости по отношению к ней.

С этой же почтой я отправляю письмо моему племяннику Василию³, я настоятельно прошу вас передать ему это письмо без промедления и какого-либо контроля с вашей стороны или от кого-либо. Вы можете его прочитать для того, чтобы убедиться, что мое поведение благородно, в отличие от А. Ник., чьи поступки скверны.

10. Д.В. Молчанову
[Иркутск,] января 1854

Письмо твое от 10-го дек[абря] произвело на меня печальное впечатление неудовлетворительными сведениями, которые ты получил от доверенного твоего по делу арендного условия с племянником моим Василием Николаевичем Репниным. Тем печальнее было это впечатление, что я в то же время получил от лиц, заслуживающих доверия, известия, что дела моего племянника в весьма расстроенном положении, как бывшее мое Нижегородское имение передал, по назначению братьев моих, жене моей и детям моим. Я полагаю долгом выразить с своей стороны полное мое неудовольствие и требовать от Репнина отчета.

Я не имею возможности изменить ход положения дела в таком его виде, со всеми необходимыми подробностями. Потому что все, что было сделано по этому моими братьями и племянниками с Александром Николаевичем, было сделано помимо меня, и в течение 25 лет шурин мой не давал мне никакого извещения ни касательно того, что было положено между этими вещами, ни касательно управления этим имением, и я не получал никакого отчета о доходах, которое оно приносило. Поэтому я имею только те общие сведения, которые получил от тебя вследствие переговоров твоих с Александром Николаевичем и Василием Николаевичем.

Это вынуждает меня обратиться к тебе с тем, чтоб ты сообщил это письмо моей сестре Софье, а ее прошу передать к сведенью Варваре Алексеевне¹, дочери ее Варваре² и Александру Никитичу, с той целью, чтобы они своим семейным ходатайством и настоянием требовали со стороны Василья Николаевича исполнения обязательств, которые должны быть для него священными, потому что они возложены были на него в час смерти праведной отцом его и его дядею, которых он не мог сам исполнить своей воли по обстоятельствам, от него не зависящим; сверх того, Василий Николаевич сделался исполнителем бескорыстной воли двоюродного своего брата [Александра Никитича]. Эту сделку он принял добровольно, и положительно могу утвердить, что она весьма выгодна для него.

Повторяю, что я не имею никаких точных сведений о всем, что было сделано по делам до твоего посредничества, что же касается до *предсмертных* распоряжений братьев моих, то они были мне сообщены самой княгиней Варварой Алексеевной и княгиней Зинаидой Александровной³. Оба мои братья пред смертью возложили детям своим обязанность не воспользоваться тем имением, которое принадлежало мне лично, имение, которое, конечно, законом переходило к ним, но которое отвергала их совесть. Племянники мои приняли это совестное обязательство и вступили в сношение с шурином моим Александром Николаевичем, уполномоченным от жены моей в то время принятия имения сходно с волею покойных моих братьев.

Как происходили передача и принятие этого имения, к удивлению моему, мне не известно; до меня дошло только, что переговоры кончились передачею племянниками моими Александру Николаевичу доверенности такого широкого размера, что он не только имел полное право управления над имением, но что даже приобрел право делать заем под залог законным образом и даже мог без предварительных с ними сношений продать Заозерское имение. В это время шурин мой мог бы точно то же сделать и с Нижегородским имением, но принял в уважение семейные выгоды и другой стороны, он уступил Репнину полное владение бывшим моим Нижегородским имением на известных тебе условиях, между [н]ими сохраненных и которые были вполне для него выгодными. Я одобрил эту снисходительную меру потому, что она, представляя явные выгоды для моего племянника, не была в ущерб выгод моих детей. Я не мог предположить, чтобы эта сделка, добросовестно принятая с обеих сторон, могла иметь те невыгодные для моего семейства последствия, которые теперь оказываются. Вот последствия этой сделки. Племянник мой вступил во владение не только частью моего имения, кото-

рую передавали ему законы и от которой он по воле отца отказался в пользу моего семейства, но он завладел частью, переданною мною племяннику моему Александру Никитичу, и даже седьмою частью, законно принадлежащей жене моей, и пользуется доходами с них уже полтора года, не исполняя ни одной статьи условия, добровольно им сделанного с моим шурином; не выплатив трех полугодовых платежей в силу условленного арендного акта, что составляет к 1-му генв[аря] 1854 года около двадцати тысяч рублей серебром, и своей неустойкой подвергает жену мою, сына и самого меня суровой необходимости делать для существования нашего займы, которые здесь трудно произвести и которые влекут за собою отяготительные проценты и, наконец, увеличиваясь непрерывно, могут пасть в ущерб капиталу, уже переданному нами сыну нашему и который тем самым для нас свято неприкосновенен.

Вот, любезный друг, изложение неприятного и затруднительного положения, в которое поставил меня Репнин своим неотчетливым исполнением обязанностей, которые бы должны быть святыми и в отношении покойного его отца и всего моего семейства. Должно немедленно положить конец этому. Я не мог адресовать это письмо прямо моим родным, потому что не могу изложить им вполне весь ход этого дела и всех подробностей, которые тебе более известны по двухлетнему участию в переговорах, которое ты принимаешь в нем. Для меня непостижимо, каким образом Василий Николаевич мог вступить во владение этим имением по выданному ему Александром Николаевичем в законных формах акту, без получения от него столь же прочно сделанного обеспечения в исполнении и с его стороны принятых им условий. Если основанием этому служила вера в честное его слово, то исполнение такого доверия должно бы быть долгом святым, но если, сверх всякого чаяния, он намерен удерживать часть, которая ему доставалась, то это будет постыдный захват, но будет еще постыднее захватить часть, благородно отданную моему семейству племянником Александром Никитичем, и законный надел жены моей.

Если неудачные спекуляции, в которые вовлек его Гульемучи⁴, причиной этому, то может ли это оправдать Василия Николаевича в нарушении обязанностей его, наложенных на него волею покойного его отца, и тоже тех, которые он сам добровольно заключил при гражданской сделке. Я полагаю, что Василий Николаевич должен бы изыскать средство для безотлагательного расчета с нами или предоставить такое обеспечение, которое необходимо, чтоб сохранить за семейством моим сумму им должную и тем самым не отягощать существования моего семейства, уже без того довольно тягостного.

Прошу тебя, любезный друг, чтобы ты передал родным моим настоящее мое требование к оказанию должной справедливости моему семейству, и пусть Миша спишет копию с моего письма для сведения Александра Николаевича, а тебя убедительно прошу, чтобы ты приложил к нему дополнения и пояснения, которые по этому делу более тебе известны, чем мне.

Мне тягостно говорить об этом и передавать семейному совету причины моего неудовольствия на сына старшего моего брата, но я должен был защищать благосостояние моего семейства и не могу молчаливо глядеть на вред,

который ему наносит человек, который близок моему сердцу и который должен бы быть попечителем моих детей. Я надеюсь, что ты, мой друг Дмитрий, исполнишь возложенное мною на тебя поручение к моим родственникам, и я смею надеяться, что они добросовестно кончат это дело, которое продолжается почти тридцать лет.

Твой друг и отец С[ергей].

11. Е.С. и Д.В. Молчановым
10-го сент[ября] 1854. Иркутск. № 1

Первыми словами начинающейся переписки с вами, добрые друзья, будет то же, что я вам лично сказал, расставшись с вами в Ирети¹, – да Божие благословение будет над вами и вам в помощь – берегите себя и тем вы нас успокоите о вас – мы же любить и беречь будем Серезу² и молить за него Всевышнего – и тем будете спокойны за него.

Возвратились мы³ благополучно и вступили в дом, не будив никого, в 3½ ночи. Ехали хорошо, без приключений. Странно нам было застать в Зуе⁴ почту, которая туда приехала за час до нас, а выехала из Тырети⁵ шестью часами прежде, притом же они там ночевали, чтоб не вредить сну Комаровича⁶.

Выспавшись зело, я сейчас, Дмитрий, взялся за исполнение твоих поручений, и вот отчет: до приезда моего уже было сделано распоряж[ение] взять подорожную на имя Борзатти⁷ и немедл[енно] отправить его вслед за вами, в том предположении, что Мокшецкому⁸ нельзя ехать, но я успел остановить и боится не получить подорожной у меня, и я буду вопреки неудовольствию Борзатти, который плачет и затеплил перед образом лампаду и не выходит из комнаты <пропуск> то, что тобою <пропуск> и сказали.

Об отъезде Мокшецкого ничего не могу сказать положительного. По словам Кукена⁹, он подлежит большой ответственности, по словам Мокшецкого – никакой, а служащий в том казачьем отделении столоначаль[ник] Малахов¹⁰ мне лично сказал, что эта попытка ревизионного начальства не имеет ни основательности, ни рассудительности и что с приездом генер[ала] это все кончится пустым, и поэтому я буду держаться твоих назначений и буду понуждать Кукена к запросам, а Мокшецкого к ответам, но должен сознаться, что Кукена изложенные доводы не основательны, а объяснения, мне сделанные Мокшецким, стоящие доверия. Кукен хотел тебе писать с нынешнею почтою, сделал – не знаю, уверяет в преданности к вам, но или глуп или обманывает. Был у Шапошникова¹¹, просил содействия, буду у Кар[ла] Кар[ловича]¹² и там попытаюсь, но отчет об этом разговоре сообщу только с будущей почтою. Не спроси[ть] [ли] мне у Кукена, может ли все это разъясниться к 18-му. Ответ может быть, если даст удовлетворительные объяснения Мокшецкой. Всего скорее решит приезд генер[ала]: или посадит Мокшец[кого] на гауптвахту или, дав нахлобучку другим, отпустит его к тебе, чего я очень желаю для тебя и для Борзатти, для тебя – потому, что с одним Федором тебе и Нелли не справиться в дороге, а для Борзатти – потому что горе и скука с ним.

Иоганна требуют в Лифляндию – очередь в солдаты или на временную военную службу, просится ехать с Борзатом, если поедет Мокшецкий, то нет места, если не <одно слово неразб.> и не найдет попутчика, то увижу.

Родные мои детки, так спешу, что вряд ли разберете мою рукопись, и в ней ни слова о маме, о Сереже, а только все здоровы, и мы с Аделаидой тоже. Время прекрасное: выносят Сережу и всегда с целой свитой – Шонька, Маша, Авдотья и ваш сынок на руках у кормилицы, и моя жена возле. Сережа мил и здоров, так, как и при вас был.

Счетную часть буду следить по назначен[ным] вами расходам. *На путешествие Борзатти* – 8-ю? серию с процентами (так в тексте. – Е.Д.), т. е. 417 р. *На твои расходы* 7 серий с пополнитель, всего 383 р. На пошлины Таскину¹³ 1 серия – всего 16 серий, да сверх всего 19 серий наших, т. е. 1000 р. сер., которые вы нам дали займы. О всем этом говорю, боясь путаницы у жены, и для этого ее поверил.

Довольно, надо вас пожалеть. Заочно вас благословляю с горячею молитвою к Богу и с горячею любовью к вам.

12. Д.В. и Е.С. Молчановым
[Иркутск,] 17 сент[ября] 1854. № 3

Мои дорогие друзья, сегодня очень важная дата и для вас, и для нас. Именно в этот день в церкви и на небесах был благословлен ваш союз¹. И вот прошло уже четыре года, три абсолютно счастливых, но последний год был полон испытаний и тревог. В этот день, как и на протяжении всех четырех лет, мы несказанно за вас счастливы, сегодня хочется забыть этот тяжелый год, и мы просим Всевышнего вернуть и вам, и нам светлые дни первых лет вашей совместной жизни. Пусть Господь всегда помогает вам, вашему ребенку, вашему брату и нам здесь.

Макшицкий не может уехать, я жду приезда Запольского², чтобы устранить многочисленные трудности, в большей части ссоры из-за пустяков, но также частично и законные – не из-за хищения денежных средств, а как следствие незнания и неясности указаний, данных Макшицкому. Надо надеяться, что генерал будет судить об этом деле беспристрастно <пропуск> захудалый мастер, так как инструкция, которая была дана Макшицкому, – его произведение, и не может <пропуск>.

Я сделаю все что смогу для Макшицкого и надеюсь, ваше письмо ему поможет предотвратить плохое мнение о нем, которое, единожды получив, очень трудно исправить.

Таким образом, наш друг Борзатти уезжает завтра, я ему дал путевой лист только до Красноярска, а что касается его дальнейшего пути, то я отправил к Стадлеру³ бумагу со всеми деталями, где говорится о его положении и о вашем участии. Присоединится ли он к вам, не знаю, мы хотели бы одного – чтобы ни у вас, ни у Нелли не было бы проблем в пути. Приедет ли он раньше вас в Москву, это зависит от его *скорости* передвижения. У меня было много трудностей с ним, недовольство с его стороны, сцены с женой, но так

как я уже потерял надежду на приезд Запольского, который недавно получил многочисленные неотложные поручения второй речной экспедиции⁴, к тому же генерал приедет не раньше чем через восемь дней, я не мог больше задерживать Борзатти, который плакал и причитал, он может закончить тем, что заболит. Надо признаться, что для вас это будет очень тяжелое, хлопотливое дело, требующее затрат.

К письму я прикладываю инструкцию, максимальное опоздание – 18[-е], и именно к этому числу к вам должен приехать Борзатти. Я должен вам отправить письмо от 17[-го] в Омск, что я и делаю, если письмо вас там не застанет, это не моя вина. Моя жена писала вам в Ялуторовск, так что не волнуйтесь, если не получите от нее письма в Омске, где получите только мое. Я не могу не написать несколько строк о вашем прелестном сыне. Правда то, что он здоров, весел, и вы можете быть абсолютно спокойны на его счет, Господь хранит бесценные дни вашего ребенка. Моя жена и сестра⁵ ходили в церковь при институте⁶, и ваш сын тоже. Горячие мольбы о вас матери, друга, доброй тети, которой является Софи, присутствие ребенка – все это поможет вам в вашем благополучии. И, надеюсь, наши просьбы будут услышаны Богом. Я пишу вам письмо и молюсь о вас с теплотой моего сердца и со слезами на глазах.

Мы получили письмо от Мишеля 16 августа, моя жена вам его отправила через Боголюбова⁷. Но из-за того, что эти личные просьбы всегда так неоднозначны, я вам перепису то, что Мишель говорит о нем [*далее по-русски*]: «Он [Н.Н. Муравьев. – Е.Д.] принял меня прекрасно и, по-видимому, мною доволен, он выслушал всю мою правду, сказал, что мне верит и вследствие этого берет меня с собой. Мы выезжаем 20-го числа в Уст[ь]-М[аю]⁸, где оканчиваются мои владения, потому, непременно не теряя время; вероятно, ген[ерал] согласится на мои предложения, и если все пойдет так же хорошо, как теперь, то кому же их приводить в исполнение, как не мне? Итак, не ждите меня прежде трех недель после приезда Н.Н. Потерпите, не торопите меня, дайте мне кончить начатое, и тогда я ваш. Ручаюсь заодно, я увижу тетушку в Сибири во что бы то ни стало. Ничего не могу сказать вам относительно моего дела, потому что сам многого не знаю и выжидаю удобной минуты, чтобы представить мой отчет. Моя правда не повредила мне – я этого и ожидал». Вот все, что относится до Миши единственно в служебном отношении. Приехали и Казакевич⁹, Савич¹⁰, бар. Крюднер¹¹ – все моря[ки] и из которых уже последние вас обгонят. Сказывали мне, что он потолстел. Но благодарим Бога Всевышнего за эти добрые известия о Амуре и приморских приобретениях – скажу одно: все прекрасно по рассказам. Два фрегата дошли благополучно, и на одном из них Путятин¹² поплыл к японским берегам, где транзитом объявил нам три выгоды как американцам. Моряки говорят, что наша флотилия Тихого океана может состязаться с морскими силами в главн. Англо: Фран. и что экспедиция против Шангай¹³ может быть удачна, чтоб там одним ударом истребить страшные количеством запасы товаров <далее до конца фразы неразб.>. Новой экспедиции Амурской – приказаны с большой <пропуск> приготовления, кто будет во главе – неужели Аннич[ков]¹⁴, не тот главный, увидим. Моряки при приезде дадут

вам много подроб[ностей], которые докажут вам всю ложь, всю черноту Грота¹⁵. О генерале, когда он приедет, не знают. Ехал Казакевич 27[-го] из Аяна. Если определит ген[ерал] 35 дней с остановками, то все-таки ждать надо его к 24-му в Иркутске. Ген[ерал], доплыв до Витима¹⁶, оттуда отправил эстафета к ген[ералу], сами воротились и будем ждать Н[иколая] Н[иколаевича] по сю сторону Киренги¹⁷ – две станции ближе. Бойтесь головомытия за поездку <пропуск> навстречу. Все в страхе ждут генера[ла]. Калифата кончится, а [в] чем будет развязка, не знаю – увидим. С Моллером¹⁸ кончил – он сам предложил 250 руб. за два срока и за первое полугодие, я сейчас послал 125 ру[б.] при письме – весьма учтивом в отношении его, но где упомянул о неожиданности этого отвода от начальства. Разберете ли вы мою грамоту, сомневаюсь, если это письмо застанет вас в Омске – сообщите эти новости.

Сестра, кажется, ждет несколько дней по приезде генер[ала], и если Миша воротится с ним или вскоре за ним, то дождется его. Ее глазам хуже¹⁹, не противлюсь и не упрашиваю в отношении отъезда. Но пора передать – <одно слово неразб.>. Кормилица, мама свидетельствуют почтение, Шанька тоже, любя, забавляют Сережу, а теперь <одно слово неразб.> Султана, был в комн[ате]. Чувством сердца я всегда с вами, до свидания, но не прежде трех лет, и, как всегда, оканчивая мое письмо, поручаю вас и сына вашего покровит[ельству] Божию.

Ваш друг и отец С[ергей] В[олконский].

13. Д.В. и Е.С. Молчановым
[Иркутск,] 18 сент[ября] 1854

Мои дорогие друзья, я вам писал вчера и отправил письмо, следуя вашим указаниям, в Омск¹. Но то письмо вы получите позже строк, которые я пишу сейчас. У меня появилась случайная возможность написать еще одно письмо, я этого не мог предвидеть.

Эти строки попадут к вам через двух моряков *эскадрильи* Путятина, первого – барона Крюднера, сына красавицы Крюднер² <пропуск> Адлерберг, помощника великого князя Константина³, и второго – господина Савича. Они нам обещали встретиться с вами в любом случае, днем или ночью, в дороге или в городе. Таким образом, вы узнаете свежие новости о вашем ребенке и о нас. Я очень рад, что появилась возможность передать вам еще одно письмо через этих двух господ, но я хочу также, чтобы они вам поведали интересные известия о нашем крае, о политической и военной обстановке в наших поселениях (колониях) Тихого океана, о Татарском проливе, о Японии, о возможности посягнуть на Шанхай, тем самым на английские фабрики.

Мне бы очень хотелось, чтобы вы от них узнали все подробности, ведь именно вы столько сделали, чтобы добиться этого. Также я хочу, чтобы вы убедились еще больше во лжи и коварстве господина Грота. Я не рассказывал о нем этим господам – они его сами знают. Мне жаль, что эти господа не смогли встретиться с Дядькой⁴, который тесно связан с Гротом, и только поэтому он попал в дом к Трубецкому⁵.

Мы вам отправили письмо Мишеля от 16 августа после его встречи с генералом. Спасибо Господу, все хорошо, Мишель очень доволен. Он полагает, что приедет только через три недели после прибытия генерала. Но в дороге мне сказали, что слышали, что Буссе⁶ будут поручены дела поселенцев. Это вполне возможно из-за интриг и по настоящим обстоятельствам, но я не расстроен таким поворотом событий, потому что Мишель теперь сможет сопровождать мою сестру до Урала, она уезжает через несколько дней после приезда генерала, прибывающего 25 или 28 числа этого месяца. Я вам напоминаю, хотя я писал об этом вчера, что Борзатти должен уехать сегодня утром с Макшицким. У последнего же с отъездом было много проблем, по большей части весьма необоснованных. Кукель <пропуск>. Я не знаю, как идут дела со всеми этими удручающими и ничемными приближенными генерала, который, несмотря на свою стойкость духа и строгость в работе, не может со всем справиться. Оказалось невозможным отправить все, что вы просили в тарантасе, куда взгромоздился Борзатти, сидел, словно воробей на свае, таким образом, я решил не отправлять вам подсвечник, который обещал выслать в январе. Не сердитесь на меня за то, что решил нарушить ваши указания и действовать не совсем в ваших интересах, но это было необходимо.

Я буду держать вас в курсе дел Макшицкого, я уже написал Павлу Иван[овичу]⁷, чтобы просить справедливости и защиты с его стороны. Я узнаю, каков результат вашего письма Н[иколаю] Н[иколаевичу], и если дела Макшицкого наладятся, то сообщите ваши указания по поводу его отъезда.

Вы с трудом разберете мое письмо, как и длинное письмо вашей матери, говорю аминь моей эпистоле. Пусть Господь вас хранит, пусть Господь хранит вашего ребенка и нас здесь. Я отправил Борзатти к Стадлеру, надеюсь, что там⁸ с его отъездом будет меньше проблем, чем у меня здесь. Ваш друг и отец.

14. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 20 сентября 1854

Следуя указаниям, которые вы мне дали, я вам пишу в Ялуторовск¹, хотя предполагаю, что мое письмо вас там не застанет, но я руководствуюсь вашими указаниями. Мы получили ваше доброе письмо <пропуск>, и о вас нам рассказал Разгильдеев, с которым встретились в *дороге в двух станциях от Канска*². Благодарим Господа за исключительно хорошие новости от вас. Мои дорогие друзья, я вам столько писал, что уже должен бы избавить вас от скуки читать мои письма, но когда я вам пишу, мне кажется, что вы передо мной – за это меня простите. Борзатти наконец уехал, я его задержал до 18[-го], все предполагая отправить с ним Макшицкого, к несчастью последнего, его дела усложнились. Ни Н[иколай] Н[иколаевич], ни П[авел] И[ванович] не приезжали, так что я отправил одного Борзатти, который был передо мной словно приговоренный к смерти и хотел уже ехать на свои средства. Я уверен, что Макшицкий не сможет к нему присоединиться, и тем лучше, если Макшицкий мог бы быть вам полезен, Борзатти же – груз в дороге. Борзатти, несмотря на палящее солнце осеннего дня, оделся как зимой – брюки,

куртка, пальто на меху – и взгромоздился на тарантас, где сидел как воробей на свае, и рядом Миночка³, нелепая, как никогда.

Чем закончатся неприятности у Макшицкого, я даже и не знаю, если здесь нет должностного преступления, о чем я надеюсь и думаю, это все из-за неопытности и незнания дела. Я написал Запольскому, посмотрим, сможет ли он помочь ему, квитанция Запольского не совпадает с тем, что нам говорил Макшицкий [*далее по-русски*], и хотя большая часть предметов выше образцов, но остальные ниже, и в этом без малого 2000 ар[шин] сукна, а то ценный предмет. Увидим, что решит генерал, а здесь, кроме Шелашникова⁴ и Забар[инского]⁵, все против него. [*Далее по-франц.*]

Если генерал будет действовать, как прежде обещал, если он уволит Макшицкого, то я его отправлю вместе с сестрой, если он будет здесь к ее отъезду, он будет ей полезен в дороге. Что касается ваших планов насчет Макшицкого, это ваши дела, возможно, он будет полезен и вам, но нужно его контролировать и присматривать за ним.

До сегодняшнего дня ничего хорошего о приезде генерала не слышно. Вчера племянник моей тети⁶ получил письмо от К[атерины] Н[иколаевны]⁷ из Киренска, она вернула Мишу из Витима, ждет новой остановки Н.Н., 16–25[-го] он, возможно, будет здесь. Неизвестно, увидим ли мы Мишеля вместе с ним, я хотел бы этого для своей жены и сестры, которая не может более задерживаться, что касается меня, то я лишь хочу, вы это знаете, чтобы карьера Миши удалась. Под нашей крышей все хорошо, Сережа растет, весел, приятен, опрятен и, конечно же, благодаря вашей матери вполне здоров и полон сил, которые она дает ему. Сестра любит и вас, и нас и очень хочет узнать Мишеля, Аделаида добра и к вам, и к нам, очень умна в своих суждениях и возражениях. Я, в ожидании жестоких испытаний предстоящей разлуки навсегда с сестрой, чего я не могу избежать, не смею ее больше задерживать. Воспоминания о двух месяцах, которые она мне посвятила, наполнили мое сердце чувством безграничной благодарности к ней – до моего последнего вдоха. Я молюсь за нее, за жену, за вас, за Сережу и Мишеля. Пусть хранит вас Господь.

Новости о войне и политике неутешительны, война и политика проходят жестокие испытания, но Государь и народ находятся на высоком положении. Пусть Господь им поможет, конец – делу венец. Мои молитвы за Его Величество и за родину полны теплых чувств, кормилица, Маша, Шоня и весь дом шлют вам дружеские приветы. Я чувствую себя хорошо <пропуск> с благословения Господа.

[*Приписка М.Н. Волконской:*]

Нельга, ангел мой, я тебе написала сегодня утром в Кострому, уверена, что это письмо не застанет вас в Ялуторовске. Я бесконечно вас благословляю. Чичик⁸ вас обнимает. Мама ваша, обнимаю вас крепко.

[*На обороте приписка И.И. Пуцина карандашом:*]

Это письмо получили в Ялуторовске 6-го октября. Послезавтра отдается на почту по адресу, сообщенному С. Григорьевичем. Мантилья отправлена

в Красноярск. Жажду получить известие о благополучном прибытии вашем на место. Храни вас Бог. Все мы вас дружески обнимаем.

И[ван]П[ущин].

15. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 24 сент[ября] 1854. № 5

Вчерась неожиданно приехал к нам Миша. Говорю «неожиданно», потому что, как вам известно из посланных к вам его писем, мы его ждали не прежде как три недели после приезда генерала. Наш общий друг Миша здоров, потолстел, посмуглел и в особенности развился в плечах. Об радости нашей его видать в семейном нашем кругу нечего мне говорить – вы это поймете, заочно делить эту радость из наших и его писем. Сестра полюбила его, и он на нее сделал то же впечатление, какое при первом свидании Неля. Благодарен сестре за радушное ее чувство к моим детям еще более, как за то, что меня посвящает <пропуск>. Миша тебе расскажет если не с этой, то с будущей почтой все, что вас об нем, про него занимает. Благодарю Бога, что он воротился, благодарю Бога, что генерал им доволен и сказал ему при отправлении его: «Скажите С[ергею] Г[ригорьевичу], что я Вами доволен, очень доволен, и не было ни одного случая мне его за что-либо пожурить». Теперь хорошо, лишь бы опять не повредили злые и завидливые люди, а чтоб оберечь себя от этого, надо вести себя умно, осторожно и часто светскими бездельничьями не вредить себе. Буду стараться охранить Мишу советами, долговременной моей опытностью светом людей.

Мама, Чичик, кормилица и я здоровы, сынок ваш день ото дня становится милее и теперь бабу знает более всех, да и не мудрено: как не спит, то не спускает его с глаз.

Павел Иванович Запольский приехал сюда вчерась; нонче я его видел, и он в ответ на мое письмо о Мокшецком сказал: «Обещаю вам, что на другой день доклада моего Н[иколаю] Н[иколаевичу] Мокшецкий будет отпущен». Дай Бог, чтоб это сбылось и одного мнения с нами, что просто против него пустые придирки. Павлу Ивановичу передал твои поручения, Дмитрий, и извинения, что ты к нему не писал; он не сомневается в твоей дружбе. Завтра ждут генерала, интриг полный короб наготовили; да охранит его Бог от вспышек, а не миновать столкновений. Что достоверно мне будет известно, сообщу. Генерал сам отправил Мишу, чтобы угодить сестре, от Миши не <пропуск> искательства.

Поручаю вас благословению и покровительству Бога.

С[ергей] В[олконский].

16. Д.В. и Е.С. Молчановым
[Иркутск,] 27 сент[ября] 1854. № 6

Вчерась пришла давно ожидаемая почта, опозд[авшая] почти четырьмя днями, и привезла нам письма ваши: одно из Красноярска, другое из Ачинска и тре-

тье из станции Кеи¹. Читали ваши письма в семейном нашем круге с чувством горячей любви к вам и с теплыми молитвами к Богу о вас и о Сереже, который как бы вслушивался в наш разговор. Чичик здоров, мил, крепкого сложения, весел, забавен и теперь имеет нового баловника – дядю своего, я говорю «нового», потому что мы все это делаем – жена во главе, сестра и Adélaïde тоже, и я тоже, и Миша тоже, а вслед за нами и кормилица, и Маша, и Авдотья, и Шонька, и Ваня. Баловство это не в беду ваше[му] сынку при теперешнем его младенчестве, да еще имеет годика два на это, если Бог позволит; тогда уже надо будет иначе действовать – не строго, но рассудительно, и тогда я буду ваш представитель, если Бог не принесет сюда к тому времени [вас] или нас к вам. Я говорю, строгость не к Сереже, но к самим себе, потом[у] что ты, моя Нелли, и брат твой примером, что без строгости с детьми обращения, а с рассудительным образом для этого при воспит[ании] можно достичь до образцовых детей, как вы оба, мои дорогие, родные детки. Вот уже три дня как Миша с нами, и как у него щеки распухли, то безотлучно всматриваюсь, вслушиваюсь, и время проходит быстро, много рассказывает занимательно, а чувства семейные, общественные, служебные горячи и взгляд – верный, светлый. Он счастлив в семействе, дай Бог ему счастья в поприще служебном, теперь стал на хорошей стезе, признан дельным, авось не изменится это убеждение. Я дорожу благосклонным расположением Н.Н. к моему сынку, молю Бога, чтоб Миша был всегда достойный оного, авось для него настал перелом счастливый, лишь бы опять это не изменилось происками завистливых людей, и буду настаивать, чтоб Миша держался М[ихаила] С[еменовича]², тут не будет зависти.

Все мы здоровы, генерал приехал вчера ночью и нонче был в полдень с К[атериной] Н[иколаевной] у сестры моей, учтивость замечательная, жены не было дома, каталась с Чичиком, я явился к сестре в исходе заседания и принят был радушно.

Новости – производство Невельского³ в контр-адмиралы, Козакевича в капитаны 1-го ранга и Корсакова в полк[овники], об этом последнем есть приказ, о первых пишет М[ихаил] С[еменович], который был принят с восторгом царем и наследником и Констант[ином] Николаевичем⁴. Генерал[у] дано позволение приехать в Петербург, но он не знает, воспользуется ли этим дозволением, и если поедет, то первым зимним путем. Здесь Запольский, Дейхман⁵, ждут Михайловского⁶, Ребиндера – до сих пор нет ни по чему, ни в относи[ельности] дел, ни лиц развязки. Тому несколько часов приехал Беклемишев⁷, останови[лся] у нас и свидетельствует вам свое почтение.

Отъезд сестры откладывается до первого зимнего пути, но все еще не решено положительно. Желал бы, чтоб генерал был бы зимою в Питере, вероятно, он приложит старание, чтоб ты, Дмитрий, получил позволение ехать за границу. При первой встрече не было о тебе речи со мной, но, надеюсь, <пропуск> или через сестру узнать все то, что может тебя интересовать.

Нонче не пишу о делах наших с Репн[иным]. Надо обдумать, да и ты не любишь, чтоб тебе сообщали свой взгляд, одно напишу, то думаю и тебя прошу принять в соображение, что скажу; вить частью это дело мое по началу, а Мишино – последств[ие], и грустно мне, что оно не кончено. Далее не пишу,

боюсь опоздать, сел было рано писать – беспрестанно отрывают, жена пишет – она вся в Чичике. Поручаю вас благословиению Божьему.

Ваш друг С[ергей] В[олконский].

Миша не пишет, по обыкновению оставил до <пропуск>, а теперь у него гости. Между прочим, Якушкин-отец⁸ поручил мне передать вам всем его приветств[ия], Николая⁹ тоже.

17. Д.В. Молчанову
[Иркутск,] 3 окт[ября] 1854. № 7

Письмо, что посылаю вам, добрый и уважаемый детка, чрез Казакевича, который внезапно чрез несколько часов едет курьером в Петербург. С последнею почтой ген[ерал] получил позволение прибыть в Петербург, но, кажется, хочет избегнуть этой поездки и посылает Петра Васильевича для всех переговоров по морской части, в которых теперь главное дело и затруднение и нужно много разрешений свыше.

В Иркутске только и разговоров о немилости встречи с Н.Н. Струве¹ и Соловьева². Для первого причина – слабое управление с богатыми тузами, расходы свыше средств, вмешательство в дела жены его и взятки и интриги в Якутске, ныне было свидание и объяснение первого, и кончилось тем, что дозволено ему просить перевода и выдано в том свидетельство. Многим копал могилу, а наконец самому наготовил такую же, и вырыта самим, близкими и друзьями. Соловьев же в опале – потому что во время проезда Н.Н. подали жалобы на Алекме³, что притеснительно рассчитался с рабочими, плохо их кормил, приворовочки в лавочках на Лене, помещал их тесно и опасно от слишком тяжелого груза на палубе и, наконец, в Жигалово⁴ при прогоне скота сделана потрава хлеба, за которую не только не дал удовлетворение, но даже по этому предмету написал грубое письмо к генералу, которое показал он Н.Н.

Все, что тебе сообщаю, и сведения эти от самих пострадавших и сходны с вестями из других источников. Струве пишет в Питер о переводе, а по должности скажется больным⁵. Лично ко мне он был всегда радушен, и я остаюсь в этих же сношениях, судить обо всем этом ни с ним, ни с кем не буду. Авось ничего на меня не выдумают, буду осторожен не для своей пользы, но для Миши. Удивят ли тебя сообщенные новости, не думаю, ты многое предвидел.

Сестра, как ты это должен знать, остает[ся] до первого зимнего пути, а оный так непостоянно временем устанавливается, что вряд [ли] можно определить, когда выедет. Сестра пишет <пропуск> об Мише, так, как и о Нелли, не боюсь это вам сказать <часть фразы неразб.>. Сережа мил, здоров, подбородок славный и часто румянец – сердце бы ваше порадовалось, смотря на него. Мама вся живет в нем и этим уже чересчур балует, так Миша и я останавливаем, но поверьте, что на это редко есть причина – да Бог его сохранит вам и нам. Мишка его без памяти любит. Дела Мишки хороши. Вчерась я был первый раз на малое время у генерала (был занят приготовлением о справке Казакевича, чего я не знал), он мне повторил, что очень доволен вашим братом, лишь бы это подержалось и опять его не очернили ни за что ни про что, надо будет вести [себя] осторожно,

часто без данных много портят, и вести себя усердно и умно и остерег[аться]. Запольский был и уехал, Беклемишев тоже, оба вам усердно кланяются. Первый был принят немного сухо, но потом оправился и уехал довольным. Ген[ерал], при рек[омендации], о нем сказал: «Хвали[ть] его – одна беда. Штаб мой его не любит, а его вся беда от его язычка и пера». Федор Андреич⁶ принят отлично и представлен вместе с Амурским представит[ельством]. Попадется ли в это представление Миша, вряд ли, да, признаюсь, и невозможно. Николай Романович здесь, едет завтра, не знаю ничего об нем, да, наверно, недоволен, что есть его <пропуск>. Мокшецкому дал письмо Запольский к ген[ералу], что вышло из этого письма, еще неизвестно, увидим, а если узнаю до отправления письма – сообщу. Трапезников⁷ был принят хорошо, как сам мне говорил. О смерти Борисовых⁸ вам, вероятно, сообщила жена. Смерть, Андрея постигшая, с колыбели до могилы жила в нем, и самоубийство его достойно уважения. Мне по этой смерти бездна хлопот. Охранена собственность многих, в том числе и твоя, приняты меры к похоронам, удовлетворен при том все-то уже четверт[ый] день – это в Разводной, да еще дня на три. Скаж[ите] <пропуск> им сообщить Булычеву⁹, что все рисунки найденные перешлю к нему и что надеюсь, что недобрал деньги за текущий год, мне поможет получить, чтоб сделать надгробный монумент¹⁰. <Последняя фраза неразб.>.

Ваш друг и отец С[ергей] Волк[онский].

18. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 8 окт[ября] 1854 г. № 7

Мои дорогие друзья, причина моего молчания вам известна. Вот уже восемь дней как я постоянно занят из-за неожиданной экстраординарной кончины обоих Борисовых. Представьте себе, что только сегодня мы их похороним, то есть после девяти дней дознания, переговоров, писаний К[арлу] К[арловичу]¹. Главная причина такой задержки – это административная восприимчивость. Моллер требовал первенства над Ефимовым² во всех распоряжениях <одно слово неразб.>.

Наконец все закончилось, и я должен уже садиться в экипаж, чтобы ехать на похороны, оба брата будут в одной могиле, вместе после смерти, как они были с самого детства и до самой смерти, в разное время их существования, и затем они оба будут преданы святой земле. Петр имел на это право, и Андрей будет там, который в приступе безумства покончил с собой. Пусть земля им будет пухом. Я потерял в Петре сердечного друга, по совести я могу сказать, что выполнил свои обязательства перед ними, как и при жизни, так и после <одно слово неразб.>. Все, что их интересовало, собрано у меня.

19. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 10 окт[ября] 1854. № 8

Где вас застанут эти строки, вероятно, в Москве. Бог там в помощь вам, друзья мои, а сильное действие холеры тревожит нас, будьте осторожны¹. Будьте тверды духом и при малейшем сумнении приступа болезни приступите к решительным мерам лечения, а мы здесь возносим ежедневно теплые молитвы к Всевышнему об охранении вашего здоровья и ниспослании вам всякого утешения и счастья.

Последние вести от вас из Каинска² от 24[-го]; может быть, нонче вечером (пишу раненько, все спят в доме), может быть, до отхода почты получим из Омска тем правдоподобнее, что для почты запоздали. Вероятно, первое от вас письмо будет из-под крова Якова Дмитриевича³, который пишет мне, что вас ждет, и которой принял вас, не сомневаюсь в этом, радушно. Этот человек, когда свой, отличный, здесь же он был под влиянием вам известных и не тот был иногда, как если бы себя выказывал в наготе, – благородным, и такова его душа.

Мы Якова Дмитриевича ждем зимою, обещал приехать, а как тогда сестры не будет, то я предлагаю ему остановиться у нас наверху в ваших комнатах, желал бы, чтоб принял предложение не из каких либо <одно слово неразб.> расчетов, но по истинной дружбе и уважению к нему.

Сестра моя, как вы уже знаете, осталась до зимы, до пути первого, к этому ее склонил Ник[олай]Ник[олаевич], она здорова и добра к нам всем, Мишу она полюбила. Как я уже это вам писал, Adélaïde bonne prevenante aimable comme de coutum[e] et toute soins pour ma femme et pour votre enfant⁴. Сережа здоров, мил, забавен, но все зубков нет, но, говорят, случается, что и до году их нет и без худых последствий. Сережу выносят, как теплая ясная погода. Кормилица заботлива о нем – и кормит, и нянчит, отличная женщина, а Шонька, Маша и Люта в всегдашней прислуге. Все идет хорошо, лишь бы не изменилось. Мама ваша вся живет в Сереже и Мише и поэтому здорова.

Дела Мокшецкого не устраиваются. Генерал ничего не решил и предоставил решить отчет, где началось и кончилось все это дело, как распоряжением и заготовлением, так и приемом и браковкой. Может быть, это и к лучшем[у], если Павел Иванович⁵ захочет помочь, как обещался, и справит с Войск[овым] упр[авлением] главный свой взгляд и расчет. Кукен⁶ много обещал, но весьма мало сделал – глуп, труслив и судит не своим умом, а гениальной головой (т. е. по его мнению) малого Гильдебранда⁷. Понимаешь, из этого какой выходит ералаш.

Что делается в городе и на всех сценах жизни оною, мало знаю, времена бойки, и надо вести себя осторожно. Падение Струве все еще занимает многих, пред тобой, пред братом твоим он много виноват, копал многим ямы, а сам попал в те, которые ему выкопали жена и теща⁸, хотя этого сам не видит и в этом не сознается самому себе, мне его жаль и в служебном отношении оставил по себе хорошую память

Кат[ерина] Иван[овна]⁹ все больна, и вот уже восемь дней, что, кроме медиков и чисто семейных лиц, никто ее не видит, даже ни Поджио, ни Якуш-

кин не допускаются. Медики в доме заверяют, что нет ничего опасного, в городе же не скрывают безнадежность излечения. Все в этом доме делается не по-людски, а как подумаешь о предстоящем горестном событии, от которого да Бог их охранит, много и тяжело подумаешь о Сер[гее] Пет[ровиче]¹⁰ и о моем крестнике¹¹. Нонче именины Зины¹² не под радостным влиянием. Ты, верно, заочно спросишь меня, не выходит ли она замуж, – чисто не знаю. Было время, что дела Н[иколая] Д[митриевича]¹³ шли ладно, много об этом хлопотали Струве, но теперь, кажется, перемена декораций, более на сцене Якушкин¹⁴, и тут много действует Дядька – не очень счастливый в свадебном последствии быта, как вы это знаете¹⁵. Н[иколай] Д[митриевич] еще не приехал, ждут его с часу на час у Струве, а будет ли он именинный подарок – увидим, и что узнаю, сообщу. Исписал в <пропуск> четыре страницы и если получу от вас новое письмо или что узнаю – прибавлю листок, а теперь кончаю тем, что про себя скажу, что я здоров и люблю по-прежнему.

С[ергей] В[олконский].

20. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 15 октября 1854 года. № 8

Несмотря на то что мое письмо датировано 15[-м] числом, пишу я вам в понедельник, 16[-го], т. к. оно уйдет только в понедельник 16[-го], ибо печальные события последних двух недель полностью поглотили все мое время, и мои письма и записки вам писал наспех, я писал не подробно, сейчас у меня нет дел до послезавтра. Письмо мое не будет отличаться лаконизмом, но события, мной описываемые, будут приближены к реальным, так что вам придется набраться терпения, и если оно вам покажется грустным и неинтересным, сразу же можете его сжечь.

30 сентября нарочный курьер от тетушки Кази¹ рассказал мне новость, что Петр мертв, Андрей² повесился и что дом их горит. Я тут же сел в экипаж и поехал в Разводную, там я увидел уже потушенный огонь и совершенно бездыханные, но еще теплые тела моих товарищей. Распорядившись, чтобы обезопасили дом от грабежа и последствий, и посетив М[арию] К[азимировну], которая была сильно взволнована произошедшим, я вернулся в город, так как мне надо было успокоить домашних и я не должен был вмешиваться на месте ни во что, прежде чем законное расследование не удостоверило причины и обстоятельства. Завтра наутро я был на месте, где я обнаружил уже прибывших Ефим[ова] и врача Гамбурцова³, которые приступили к составлению протокола, все могло быть улажено через несколько часов. Так, приехала комиссия казаков⁴, направленная Моллером, которая остановила всякое расследование, кроме их действий, и стали настаивать, что необходима медицинская экспертиза тел, которая может быть проведена только через трое суток. Эта административная обидчивость повлекла за собой кучу помех, мне нужно было спасти вещи, хранившиеся у братьев, принадлежавшие разным людям. Я столкнулся с большими трудностями при изъятии этих вещей <пропуск> и смог только по прошествии 3 дней, когда

тела уже начали разлагаться и не в силах был что-либо изменить. В конце концов, на четвертый день после вскрытия они заключили, что Петр умер в результате нервного удара, а его брат был в приступе безумия, и я полагал, что на этом все закончится и, может быть, похороним братьев в одной могиле, опустив их тела в святую землю, чего я добивался. Комиссия выдала мне необходимые бумаги, но духовные власти пустились в дискуссии, и только по прошествии 4-х дней я смог похоронить братьев – одна могила в святой земле их приняла, и та же земля их покрыла. Господь мне помог выполнить все обязательства перед ними и преодолеть большие трудности. Семь рисунков для Ив[ана] Дем[ьяновича]⁵ – у меня, остальные работы должны быть рассортированы, чтобы не отправлять двойные, также несколько книг, подписанные его именем, ему будут отправлены, и я хотел бы, чтобы он дал распоряжение относительно всего того, на что он считает, что имеет право требовать, и я через вас хочу его попросить о том, чтобы он мне дал разрешение получить от белой головы⁶ то, что прибыло полгода тому назад в декабре 1854 г., все, что он хотел, так как я использую эти честно заработанные Петром деньги на установку памятника на могиле двух братьев. Что касается Ив. Дем., передайте детали и данную просьбу и попросите его писать мне ответ на адрес моего сына.

Смерть Петра должна была быть легкой, очень внезапной, но я думаю об Андрее, который, увидев умершего брата, представил свое удручающее будущее. Зная его привязанность к брату и ожидающее его одиночество, я понимаю пришедшие к нему мысли о самоубийстве. Сначала он хотел вскрыть себе височную вену при помощи бритвы, но ему не удалось, он попытался удавиться, ему не удалось. Тогда ему пришла мысль повеситься, и ему пришлось приложить небывалые усилия для того, чтобы завязать узел и сломать замок западни на чердаке, рискуя быть застигнутым, и, в конце концов, он достиг своей цели. В комнате Петра царил порядок, как будто он только что вышел, у Андрея же все вверх дном, полный беспорядок. Повсюду следы крови, все тело Петра покрыто кровью Андрея и самого Петра, хотя неповрежденного.

Последние минуты жизни Андрея, должно быть, были ужасны, есть даже нечто поэтическое в его смерти, в этом припадке безумия есть доля здравого смысла, его нужно пожалеть. С христианской точки зрения мы должны его простить, а с философской точки зрения он достоин восхищения. Пусть Господь отпустит грехи обоим братьям, пусть Господь примет во внимание жизнь Петра, которая нравственно ежедневно была жизнью праведника, пусть Господь простит Андрею его приступ безумия возвышенного, по моему мнению, по своей привязанности к брату. Пусть земля будет им пухом. Я оплакиваю их с чистой совестью, так как на протяжении 28 лет и до момента, когда их тела были опущены в землю, я выполнил все обязательства по отношению к ним. Я пока не могу вам сказать, все ли книги, что я отдал переплетчику, целы, но пред всевидящим оком я в этом сомневаюсь, все эти две недели я не считал, а вчера возникло новое препятствие, таким образом, я думаю, что смогу отчитаться только с пятничной почтой.

Когда я подумал, что все неприятности закончились, новая смерть случилась в нашей жизни – смерть Кат[ерины] Ив[ановны]. Эту смерть мы ожидали или, скорей, предвидели уже давно, но не тогда, когда она настигла свою жертву.

С мая этого года болезнь прогрессировала день ото дня. <Пропуск>

Персин, которого родные боялись раздражить, отказывался посещать больную более одного раза в неделю. Приезд Ребиндера улучшил состояние покойной, она убедилась, что положение ее дочери улучшилось, она была очень рада заботам о ней своего зятя и сердечно простилась с ним, со спокойствием, утешением за свою дочь. Она корила себя за то, что повлияла на ее решение выйти замуж. Но ночью того же дня, когда уехал Ребиндер, у нее была сильнейшая рвота с ужасными болями. Отправили за Персиным и его соломенным чучелом Стефенс[ом]⁷. Они оба приехали растерянными и решили, что им необходима консультация. Послали за Грибовским⁸, который приехал, за Касаткиным⁹, он не приехал, но княгиня была настолько слаба после приступов рвоты, что обсуждали лишь случай <пропуск> и определили, что несварение, так как они обнаружили следы рябчика и грибов, картошки, соуса, что дали по неосторожности княгине. Они не говорили о какой-либо хронической болезни и определили простое несварение желудка, они не осматривали больную, не смогли с ней поговорить, так как она была слишком слаба, и эта консультация ни к чему не привела, ни подробностей болезни, ни отчета о лечении, и как ни повторяли просьбу к Грибовскому прийти, он не зашел ни завтра, ни в последующие дни. С каждым днем больная становилась все слабее, и, несмотря на это, они в этой ее слабости видели надежду на выздоровление.

Многие, в том числе и я, советовали организовать консультацию. С[ергей] П[етрович] ее жаждал, но никак не мог решиться на нее, а лечащие врачи не только не требовали ее, но делали вид, что не находят ее необходимой, как будто они боялись быть обвиненными и что их ошибка в лечении будет доказана. 12 числа этого месяца больная сама сказала мужу: «Врачи меня плохо лечат, они не понимают, чем я больна, и они никогда не решались на консультацию, все под влиянием Персина и боятся обидеть его». Мне нужен, говорила она, лед вовнутрь, стакан кваса, что уже означало огонь в ее внутренностях. Ей в этом было отказано, решение было изменено благодаря Персину, который из своей постели письмом разрешил удовлетворить желание больной и приехал только следующим утром в обычный час своих повседневных визитов, обнадежил и прописал хлористую ртуть, которая подействовала чрезмерно возбуждающе на нервную систему, ей дали наперстянки, которая не подействовала. Он опять обнадеживал, хотя я не знаю, исходя из чего, но ночью с 13[-го] на 14[-е] была очень беспокойна, и в 6 часов утра больная сама попросила, чтобы ей назначили соборование и чтобы отправили за Грибовским и Касаткиным. Соборование ей было назначено, больная приняла это, будучи в здравом уме и твердой памяти, окруженная близкими, но постепенно ее взгляд затухал, язык начал путаться, она вытянула руки, желая обнять всех присутствовавших там детей, и умерла между 7 и 8 часами на руках своего мужа. Когда врачи приехали, ее уже не было

в живых. Персин и Стефенс, у них хватило смелости <пропуск>, так как ее смерть была ожидаема каждым, кто ее видел, это было очевидно <пропуск> знающими. Эта бессердечность, это неумение держать себя как следует, это отсутствие благодарности – новая страница в жизни Персина, полной коварства. И все это сошло ему с рук и, вероятно, будет сходить. 14[-го] числа Якушкин, Поджио и я приехали каждый со своей стороны. Мы приехали к 9 часам, раньше врачей, но мы уже не застали Кат[ерину] Иван[овну] в живых. К 10-ти часам именно мы вместе с ее мужем перенесли ее из кровати страданий в помещение, где потом стоял гроб, ее тело еще было теплым, выражение ее лица спокойным. Несмотря на два дня задержки похорон, ни одного следа разложения, хотя смерть совершенно определена. Мы начали молиться по обыкновению, постепенно гостиная стала наполняться людьми. 18[-го] были похороны. Она была положена в землю рядом с могилами своих детей Китушки и Софи¹⁰. Завтра я возобновлю рассказ о похоронах, а сейчас я расскажу о здравствующих членах семьи.

Сергей Петрович сначала был <пропуск> фатальным событием, ни слезинки, ни вздоха, сверхъестественная и ужасающая выдержка. Позже чувства одержали верх, и ему стало заметно легче, все его страхи перешли на Ал[ександру] Сер[геевну], которая должна приехать. Ее впечатлительность, ее любовь, почтение, с которым она относится к отцу, – это причина страха за нее, и С.П. хочет ее увидеть, но при этом боится последствий этой встречи. Зина плачет сообразно с ее положением, несмотря на то, что вам о ней говорили. Может быть, она и холодна, но это от природы. Мой крестник очень взволнован и ощущает потерю, которую он понес. Горбунов¹¹, дочери Кюхельбекера¹² плакали с искренностью и преданностью. Анна Францевна¹³ тоже, надо отдать ей должное, так как именно она постоянно заботилась о княгине и ясно понимала ее болезнь. Мадемуазель Констанс¹⁴ вторила всему дому, ее скорбь кажется мне искренней, так как она уже не найдет для себя второй Кат[ерины] И[вановны]. Публика воздаст должное покойной как при ее жизни, так и после смерти. <Пропуск>. Вся Сарматия¹⁵ здесь.

Я провожу все время с С.П. Якушкин и я стараемся его отвлечь – вы знаете, что я всегда его уважал, и я счастлив доказать ему это в эти тяжелые для него дни испытаний.

Я возобновляю свой рассказ 18[-го] числа. Вчера бранные останки Кат[ерины] Иван[овны] были преданы земле. Пусть земля ей будет пухом, пусть Господь соизволит принять ее душу. В жизни праведных всякая претензия этой земли должна быть забыта, даже теми, кто на нее имеет право, и я делаю это с искренностью. Утром к 9 часам мы собрались на выносе. Местные власти, публика и все близкие, все были там, похоронная процессия шла до монастыря. Гроб несли монахини, отпевание было в теплом храме, духовенство которого сослужило с отцом Александром¹⁶ из института и отцом Петром¹⁷ из Куды, личным духовником княгини. Церковь была полна народу. К концу отпевания присоединился архимандрит, отец Александр произнес надгробное слово, полное искреннего чувства и смысла, без пафоса ни христианского, ни поэтического. Гроб был опущен в землю, провожали мы все и близкие, могила совсем рядом с могилами ее детей,

и все было кончено для нее, для ее семьи и всех нас. С.П. печален, но не в унынии, скорбь, но скорбь разумная, Зина более эмоциональна, но тоже ее скорбь не безумная. Дом подавлен, кроме Горбунова, сильнее всех удручена Анна Францевна и Магдуша¹⁸.

21. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 29 окт[ября] 1854. № 11

Вчераь минуло Сереже 10 месяцев.

Вы и мы должны благодарить Всевышнего – в течение сего времени ни разу Чичик не был болен, ни разу, можно сказать, не слышали крик страдания. Мил так, что нет слов, чтоб это выразить, утешает нас всех – и тем и вас – хоть заочно – вестьми о нем, спит – слышно, как муха пролетит в комнате. Проснулся – весь дом его забавляет, а бабушка во главе, любит преимущественно Мишу – в обиду нам всем, одного надо желать, просить у Бога сохранения здоровья Сережи и постепенного и легкого прорезывания зубков, которые до сих пор еще не показываются.

Миша, как вы знаете, временно, кратковременно на сей раз, в отлучке – знаем, что переехал благополучно море, и не так, как Трубецкие, которых три дня качало по морю¹. Алек[сандра] Сер[геевна] встретила отца в Кабанском² – и все поехали в Кяхту. Авось это общее соединение семейства умалит их общую грусть.

Нового местного в Иркутске ничего нет. Падение Струве уже перестало занимать умы, все вошло в обычную колею, кроме интрижек *du billeux, du medisant et de leur clique assez nulle au reste – mais ce qui m’etonne c’est que Дядька en fait un peu partie tout en passant l’air chevaleresque – sur le quel je ne me suis jamais faissé abuser*³. Новая и хорошая, по-моему, струна – это поддержание бывшей власти и не давать ходу потачки судам и рядам окружающей молодежи, которая немного и повесила нос. В том числе и новокрещенный Дипломат⁴, но есть домашняя *samarilla*, которая исподтишка действует под <одно слово неразб.> покровом, и тут жена Дядьки⁵ имеет ход. Все это суета сует, и говорю об этом как [о] сцен[е] и актер[ах], вам знакомы[х], – посмеетесь, и тогда достигли своей цели мои строки.

Сестра выезжает по первому зимнему пути, не ранее половины ноября. Теперь здесь морозы, был один день утром до 19-ти градусов, но всякий день от 8-ми до 10-ти. А снегу нет, с трудом ездили в санях по городу, а теперь опять за дрожки. Сестра со своей обычной торопливостью думала выехать двумя месяцами ранее – приказала усеять весь Сибирский путь письмами – а теперь без словечка со всех сторон, а это ей невыносимая скука, между тем каждую почту пишет во все края света. Предстоящая мне разлука с ней – горькая для меня будущность, но должен благодарить Бога и сестру за неожиданное, может быть и незаслуженное, свидание с нею. *Probablement c’est le dernier cri de separat[ion] que je fais envers elle – c’est un cri de douleur mais elle ne peut ni ne dois plus longtemps partager ses loisirs avec moi Elle en a assez fait en ma faveur*⁶, четыре месяца меня лелеяла своим пребыванием со

мною, сблизилась с женой, полюбила Мишу, вас двоих еще более узнала и полюбила, полюбила Сережу и так оставляет по себе в моем сердце неизгладимые следы живейшей признательности. Мокшецкого дело не окончено, но принимает окончательный оборот, окончательное заключение предоставлено Запольскому, а он с начала дела оказывает благосклонное участие; Миша был в Чите, еще поможет и, вероятно, ускорит все эти затруднения, здесь вымышленные, нерасположением к тебе и Павлу Ивановичу⁷ – уже я перестал об этом толковать мужу Катиньки⁸ – не только глуп, но и неверен в обещаниях. Авось это все кончится на днях и по первому пути Мокшецкий выедет; как [и] сестра, выезжает также по первому пути и ей необходимый спутник, то до Казани он поедет с ней, и тем расход для тебя не в накладе, а она и без того едет в двух экипажах, задержки же не будет, потому что она спешит возвратом. Позабыл сказать, что ген[ерал] *ni pro ni contro*⁹ за Мокшецкого, а в неправильных на него притязаниях – даже защитник.

Жена купила по продажной цене всю мебель Салона¹⁰, за ней бы я не гнался, а желал бы, чтоб купила все, что в будуаре Нелли. Мне грустно, что это пойдет в чужие руки, но она не согласилась на обе покупки.

Не скрываю от вас, что смерть К[атерины] И[вановны] сделала впечатление на жену, нервическое ее состояние как-то слабее, нет причины беспокойства, а успокоительные известия о вас более всего ей будут в помощь к восстановлению здоровья. Бог ей и вам в помощь. Кончаю свое письмо обычно. Не беспокойтесь о маме, не беспокойтесь о Чичике – и да вас и их сохранит Божия милость. Я надеюсь, что по приезде в Москву позаботитесь о немедленной высылке денег, как я вам припис[ал], сериями, – это безубыточно по многим местным и путевым расчетам. *Nous sommes a[ssez] d'argent et enfin il faut regler nos comptes d'ici, tous d'emprunt. Votre ami sincer. S.W.*¹¹

22. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 1 ноября 1854. № 12

Добрые друзья и милые сердцу моему детки, формат моего письма уже доказывает вам, что эти строки от меня, а разбор моей грамоты – что оно собственноручное. Вооружитесь терпением из любви ко мне. Жена моя вам пишет о себе, о Чичике. Не огорчайтесь приступом головной боли, вы знаете, что это часто бывает, – тут причиной и грусть о вас, и отсутствие Миши, к тому и другому надо привыкнуть, но вдруг невозможно, к тому и неосторожности, в которых при приступе недуг[а] и сознаются, а потом в урок не принимают. Утешительные успокоительные известия о тебе, Нелли, и о Дмитриии – вот что ей необходимо для подкрепления ее здоровья, и поэтому пишите часто, подробно, но, во всяком случае, без обмана. О Чичике что вам сказать, полный отчет даст вам мать о нем, скрепляю его. Ждем зубков, но не дождемся. Авось Бог утешит вас и нас, а заботы о нем постоянны, усердны от всех и всях.

Жена пишет о вчерашнем происшествии в доме, что за охота способствовать этим забавам, неуместным в порядочном доме и влекущим всегда за собой неожиданные последствия. Не знаю, правда ли все эти подсыпки пер-

цем и табаком, но правдоподобны по рассказам и действию над Нимфами¹, но что была враждебная партия против вечерка Иоганна², то нет сомнения и для куража и Арсения³, и Геннадия⁴, нынешний наш повар, и Митька, и даже Ефимка⁵, т. е. мои мальчики, что пили. Ваш Ефим⁶ – не знаю, а Василий⁷ под сумнением. И все чисты нонче при разбирательстве как стеклушки, лгут дерзостно, один Геннадий сознался, а во главе recatcitrants, impertinents⁸ – это Арсений. Я во все это дело не вмешиваюсь, а не худо бы тебе, Дмитрий, Гермогену⁹ [сказать], что ты [ими] недоволен, что так люди выходят из нашего повиновения, но чтоб я был в стороне, и так люди меня ненавидят [за] матку-правду, а ты уверен, что я настроен против них. Но о всех этих пустяках довольно.

Нового сообщить о Иркутске нечего к предшествующим моим письмам. То же в общем мире, то же и у нас. Получено положительное известие о смерти Николая Басни[на]¹⁰, пал с честью, но для родителей не полное утешение. Отец весьма грустен¹¹. Мать неутешна¹². [Стала] было поправляться, а теперь все хуже, вряд ли уцелеет в мире. На днях свадьба вдовца Охочинского¹³ со старой девой Кукуевой¹⁴, что нашли друг в друге, кажется, не решились вопрос. С одной стороны, не может быть любовь, с другой – надежда на счастье.

Вчера мне сообщили, что получено известие в доме du grand calomnieur¹⁵, что он выехал 6 окт[ября] из Омска в Москву. Не успел поверить этого слуха, но сообщили мне люди положительные. А здесь официального ничего нет об окончании дела. Поехал ли по воле или вытребовали, искал ли или выехал невзнач[ай]. Как[ое] ли дело и чем для него [закончилось], мне все равно, но для тебя – вот в чем бы желал иметь удостоверительно известие. О этих слухах я не сообщил, а то был бы повод к агитациям. Пишу в Омск, авось узнаю правду в этом, а во всяком случае, и ты пиши мне, что с тобою делается по служебной прошедшей части. Незаслуженную опалу легко вынести, когда совесть чиста, а здоровье твое – вот главное, и о этом молю Бога.

Ангел мой, Нелля, крепко тебя обнимаю, крепко, очень крепко и горжусь тобой, да как бы мне иначе – не диво ли ты и как дочь, и как жена, и как мать. У нас в доме пусто без тебя, но не в сердце нашем, мысль о вас двоих теснится ежеминутно в оных, а вряд ли когда было горячее молитвы тех, которые возносили Богу жена и я за вас обоих, за Мишу и за Чичика. Бог вам всем в помощь.

Ваш друг С[ергей] В[олконский].

23. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 6-го ноября 1854 года. № 13

<...> «теперь если не Н.Н. повредим прямо, но повредим его правой руке Молчанову и тем досадим отъявленному врагу всех сибиряков».

<...> «много перетерпел, много перетерплю, но многих и утоплю. Я записался в гильдию в Омске, перевел туда мою контору, а в Иркутск ворочусь, когда смещу из оною Муравьева»¹.

<...> Камчатка – у ген[ерала] ушки на макушке, да и есть от чего, что бы было, если там не было направленных туда 350 солдат, просто нечем бы было защищаться. Завойка² оказал отличную твердость и распорядительность, все предугадывал – отлично распорядился и делал <пропуск> все опасности, Лохвицкий³ был за адъютанта и предоставлен к Влад[имиру] 4-й степ. с бантом.

24. Е.С. и Д.В. Молчановым
Иркутск, 6-го ноября [1854 г.]. № 14

<...> Опять заговорю о Камчатке – известия полученные font fureur et le fait le merite¹. Генерал был любезен и ждет, что его происшествие оценят в Питере, жители же Иркутска гордятся своими сибир[скими] радостя[ми]. По нынешнее число собрано в пользу защитников Петропавловска семь тысяч руб[лей] серебром. Опять обращусь о немедленной высылке нам неминуемо возможных денег – проценты по взятым тобою, Дмитрий, билетам Опекун[ского] совета. Также постарайся, прежде всего, переговорить с Репниным, склонить его о немедленной высылке следуемых с него за 21 месяц *argiere*² процентов до выдачи векселей. Всякие деньги, нам присылаемые, высылай в сериях. Получка денег без замедления в полном объеме суммы только может удовлетворить сделанный запас и обеспечить наше существование вперед на час. Кроме текущих расходов надо и дать поболее и Мише, который, вероятно, около года будет в отлучке – с весны. Тем более это надо, что ему свыше ставят в упрек, что он скуп. Все это происки *du petit billeux et de la confrérie des joueur – qui voudraient le depouiller*³, надо и это <пропуск> отправить денежными расходами от него в пользу защитников предприятия и, вероятно, вверенных ему поселенцев. Но того и смотри, что тогда назовут его выскочк[ой]. Таковы всегда суждения мирские и особенно завидников.

Сестра ждет пути зимнего, и как скоро установи[тся] положительно – пустится в обратный путь. Я имею дозволение проводить ее до Ачинска, но поеду или нет, не решаю этот вопрос – приедет ли Миша скоро и как оставить жену и Сережу без опекунов. Разлука с сестрой – вечная, грустна эта мысль, и поэтому оставляю перо до завтрашнего дня.

11-е число ноября, продолжение № 14.

Вчера поздно вечером пришла российск[ая] почта, а письма нам были выданы нонче утром и ваши от 8 и 9-го из Казани. По милости Божией, ваш путь в отношении здоровья и трудностей путевых продолжается счастливо, и в особенности утешаемы, что Дмитрий их переносит, при болезненном его состоянии. Я очень рад, что моряки⁴ вам спутники, это вам развлечение. А ты, моя славная, моя радость Нелли, что за сила воли у тебя в беспрестанных испытаниях, что за попечительность не только для своих, но и для чужих, сибиряков не забываешь. Сердце тоже, когда раз кого полюбит, уже не из-

меняет. Ты достойна уважения общего, а для меня, для нас всех в семействе – предмет гордости.

Из нескольких слов, тобою souligné⁵, я предп[оложил], что ты знаешь, что ожидает Дмитрия в Москве. Не сомневаюсь, что ты и муж твой примете и это новое испытание с чувством самодостоинства в сердце и с чувством безупречной совести. Здесь постигающее тебя гонение многих выказало не в пользу их, но Никитин⁶ не в том счете. Свыше до сих пор мне ничего не говорили – из Омска также не получил известий. Знаю, что от Штуба⁷ с последней почтой получено письмо, но содержание оно мне неизвестно. Моя надежда на безукоризненную твою совесть, на твой ум, на крепость духа, вас обоих и помощь Божию. На людей мало тебе надежды, а если опять все искажено будет, на царя, которому тебе прибегнуть, как говорят, en desespoir de justice⁸.

Нонче написано мною много, много, много, а о своих здешних ни слова, а о Сереже, о маме – для вас главное – нечего сказать, как подтвердить вчераш[ние] мои для вас утешительные известия. Принесите вновь со мною возблагодарение Богу.

Снег валит густо, и поэтому зимний путь, вероятно, установится, и приближается отъезд сестры. Опять мне этим грустно – до завтрашнего числа.

12 ноября 1854. Продолжение № 14.

Вот и день отхода почты, и последний мой отчет за полнедели. Начну с того, чем кончил почти вчерашние строки. В доме все благополучно, а подробности даст сама жена.

Снег шел с полсутки, с нуждою по городу можно ездить в легких санях, но в путь с тяжелым экипажем – беда бы выехать, и поэтому ничего еще не решено в отношении отъезда сестры, и мне поэтому утешительная льгота.

В строках моих от 10 ноября сего письма я просил тебя убедительно о скорейшей высылке денег как процентов взятых тобою билетов Сохранной казны, равно и запоздалой взят от Репнина, жду горячего твоего по этому [участия] личного или кому поручишь. Но не говорил в этих о векселях, выданны[x] Репнин[у]. Следить за ними переговорами по этому делу вряд ли тебе будет возможно, как вести эти переговоры, чрез кого и какой требовать ты будешь конец этому расчету, столь ныне не обеспеченному, – все это вопросы, на которые желаю подробных от тебя сведений. Не забудь, что, сколько упомяну, в марте месяце 1855[-го] – срок платежа первоначальному векселю, мне кажется, надо предварить, что в случае неуплаты в срок будет подан ко взысканию и можно ли будет при неуплате по этому векселю как с неисторического плательщика просить обеспечения по прочим векселям. Но все-[т] аки первое дело стараться получить agiere⁹ – как долг без документа, а потом уже приступить <пропуск> и изменению долга по векселям.

Вчера Свербеев получил известие о кончине княгини Марии Петровны¹⁰, вы ее знали и поэтому можете оценить ее как заслуживает, я в ней вижу мать – и поэтому жалею о детях. Как перенесет Дмитрий Петрович¹¹ эту потерю, он склонен к апоплексическим ударам. Бог ему в помощь, равно и сиротам. Сперва нонче сказали о смерти Марии Петров[ны] <далее до конца фразы неразб.>. Исписал четыре страницы, авось не будете сетовать за

пространн[ость] моих ежедневных отчетов. Пишу вам с чувством преданности и любви, все, что сообщено о семействе здешнем, пишу по истине, общаю, может быть, не полезно по постигшем тебя событ[ии], уважаемый друг Дмитрий, но это с желанием быть тебе полезным. Поручаю вас и ваших здесь благословию Божию.

Ваш друг С[ергей] В[олконский].

25. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 9-го ноября 1854 года. № 14

Вчерашнего дня я писал к вам, сердечные мои деточки и друзья, с курьером, привезшим из Камчатки известие о блистательном отражении анг[ло]-фран[цузского] <пропуск> и десанта в Петропавловске. Не распространяюсь о подвиге блистательном, привезенном сюда князем Максютовым¹, давно до получения сего письма вам это будет официально известно. Кроме радости по чувству народному, ты порадуешься и за Лохвицкого, который участвовал видно в бою, исполняя должность адъютанта при Завойке, а в день отражения окончательного покушения неприятеля командовал дружиной мирных городских жителей, шел в главе их, они вооруженные, а он с зеркалом в руках <пропуск>, и его дружина способствовали к отражению. Тебя, Дмитрий, пораду[ют] действия Лохвицкого тем, что он оправдал твое ходатайство о нем, я рад за тебя, так как твои выборы были удачны для службы и тобою дорожили.

Четырех почт нет, и потому нет известий от вас после Оханска² и вестей из Крыма посл[е] 24-го сент[ября]. Об вас грусть, а о Крыме нетерпеливо ждем развязки. Первая грусть тем для меня тяжела, что жена моя не догадывается и ничего не знает о новых испытаниях и преследованиях, которым тебя подвергают, и предаётся всем утешениям, неминуемым по ее убеждению, – твоего отъезда за границу. До ваших писем буду стараться, чтоб не знала ничего, как писал вам, ваши строки о невольном вашем пребывании в Москве – боль ее поддержать, как все наши утешения. Бог вам и нам в помощь. Если хотите мне что дать знать помимо мамы, то вложите ваше письмо в конверт на имя Никитина.

Ваш и наш Сережа здоров, мил, весел, и об нем надо молить Провидение и нам и вам о продолжении всего этого.

<...>10 ноября, прод[олжение] № 14.

Опять прошли сутки, опять за перо – все благополучно в доме, как в отношении Сережи, мамы, оба без причин о них беспокоиться. От Миши нет известий после Посольского³ авось по милости Божией здоров. Не имеем известий потому, что почта Забайкальска⁴ задержана непроездом чрез Селенгу. Поселенцы шли из Кяхты 12 суток в Иркутск. Два обстоятельства занимают рго и contra жителей, так склонных к толкованиям. Одно – это донос Сычева⁵ Козак[евичу] Ост.⁶ на Моллера, приговор против Сычева возвращен из Аудотариата⁷ для исследования по этому доносу. Все это происки Занад[ворова], которого склонил на это донос Сычева и который и в Питере

через своих агентов следил производство по оному, там это все в виде – вредить Ник[олаю] Ник[олаевичу]. Когда положат конец его проискам? Другое происшествие – это то, что без вести пропал начальник Артилл[ерийского] управл[ения] в Иркутске – подполковник [так в тексте. – Е.Д.] Краузе⁸, открыто было злоупотребление по продаже пороха, требовал от него Пищенко, его бригадный командир, пояснения – он их не представил, и нигде его не могут отыскать. Скрывается ли или покушал на жизнь, еще ничего не узнали, разыскивают, но без успеха. У него молодая жена и двое детей без куска хлеба, а дадут ли пенсион за службу – это вопрос.

26. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 15 ноября 1854 года. № 15

Сего дня почтовый день, но пишу эти строки не по почте, а с состоящим при ген[ерал]-губ[ернаторе] по особым поручениям инженерным офицером г-не Рейном¹, который нонче вечером отправляется курьером в Питер, и поэтому мое письмо сего числа опередит многие, по почте отправленные.

Начну с двух добрых вестей – мама уже третий день не страдает головными болями, которые более или менее постоянно ее тревожили, а другая весть, что в ночь с 14[-го] на 15[-е] прибыл обратно здоровым Миша. Сережа так здоров, мил, забавен, по обыкновению, но все зубков нет, а, кажется, рубчик показывается на десне – предвестник зубка.

Миша еще не был у генера[ла] и поэтому ничего не знает, что с ним будет, но, кажется, не засидится здесь, что решено будет, в этом же письме припишу. Вчера сестра имела разговор о нем с ген[ералом], и он ей сказал: я очень доволен, он теперь позаймется Забайкалом, потом поплывет по Амуру, а потом со мной же и в другой путь. Спасибо за намерение, а если выдержит эту программу неизменным действием, то от души поблагодарю и Бога, и генер[ала]. Вы знаете, как я высоко ценю поезд[ку] Миши в Россию, это для него единственное средство к гражд[анской] независимости – да Бог ему в помощь.

По обстоятельствам твоего дела много я писал в предшествующих письмах. Все в недоумении о предвещаемых тебе испытаниях, нельзя не верить слухам, дошедшим с разных сторон, но официального извещения нет². Также не получил еще ожидаемого мною ответа от Я[кова] Д[митриевича]³. Грустно, что подверга[ют] тебя таким испытаниям, грустно для твоего болезненного положения, как обстоятельство, мешающее твоей поездке за границу, но о самом деле, если только не подействует золото Занадворова, то безукоризненная твоя служба возьмет верх, а при несправедливом приговоре суда – к царю прибегнуть и просить защиты. Не излишним почитаю тебе сообщить, что гласно здесь известно, что *Якобсон*⁴ из вражды к генералу, за какие-то меры по золотопромышленности, нанесшие ему вред, ищет случаю идти наперекор генералу, тому доказательство – возвращение дела Сычева против Моллера. Донос подсудим[ого] может быть взят в соображение для сепаратн[ого] исследования, но не должно останавливать ход дела

в уличенной винности. В Моллере, как и в тебе <пропуск> преследовав вас, одна цель – вредить, рассердить генерала. Господа Якобсон, Репинский⁵ и многие другие, привыкшие с давнего времени ловить рыбку в мутной воде – управлении Сабира⁶ в <пропуск> до прие[зда] генерала сюда в тесной связи с Занад[воровым], с Трапезниковым⁷, с Дараганом⁸, что мне изве[стно] по бывшим моим близким сношения[м] с последним. Штубс⁹ много обещал своим ходатайством, но, кажется, ничто не исполнится, а что можно наверно сказать, ни о чем не уведомлял тебя. Вот еще новый урок для тебя: займись собственно сам защитой своей, без заносливости, без обычной тебе спеси (excuse moi ce jugement)¹⁰, выдь из апатического состояния своей правоты и выкажи все, на что есть у тебя данные.

Что вам сказать о Иркутске – те же интриги, те же сплетни, одни чистые души генер[ала] и Венцеля, но на одно действуют впечатления, часто ловко наводимые, а другой добр до слабости. Падение Струве не изменяется *il pourrait revener sur l'eau s'il se decidait a faire des demarches de concession qu'il pourrait selon moi faire – mais sans l'influen[ce] de sa femme et de sa belle mere – il ne veut pas les faire*¹¹. Покамест сказывается больным, и есть чем жить до истечен[ния] четырех месяцев, потом за что приняться – надежда о переводе и проезде на казенный счет, осуществится ли это – вопрос неразрешенный, сумнительный, а все вы[й]дет просто ему крыж. Сношения с Запольским шипко туманятся, кажется, и тут будет падение, дай Бог, чтоб не было, и дай Бог, чтоб и он был умнее и не столь самонадеян и привязлив, но он в подчиненных восстанови[л] на себя общее негодование. Здесь ждут с нетерпением приезда Корсакова – много в <пропуск> разрешить, потом возврата Козакевича – ту <пропуск> еще более, а наконец участь защиты Петропавлов[ска] и нового берега при устье Амура решится по возвращении Рейна, который везет все, что до оного относится, здесь об нем хлопочут, приготавливая горячо, будет ли то же в решениях Питера.

Любезный друг, прими в соображение и к скорому и безотлагательному исполнению все, что я тебе писал о наших делах и по Опекун[скому] совету насчет высылки денег, и по делам с Репниным, как о недоимке, следующей за 21 месяц процентов, так и о приведении в ясность и обеспечение долга по передаче еще имени. Это так долго тянется, что пора этому конец ясный.

Сестра еще здесь, снега все нет, а погода стоит теплая, небо пасмурное, авось зимний путь, которого только нет до Нижнеудинска. Конечно, тягостна для меня разлука с ней, но все желаю ее отправить до больших морозов. А как вдруг нагрянут николевские, то ей беда ехать будет.

Если вы хотите что мне сообщить такое, что не прошло чрез чтение жены, то адресуйте Никитину – с передачею С[ергею] Г[ригорьевичу], он о том будет предварен, с передачею мне рука в руки.

Миша поехал к генералу, дай Бог, чтобы угодил ему, не прогневит ли скорый его возврат, но служебные опросы этого требовали, боюсь, чтоб не приписано было другому. Припишу при его возврате, и он от себя пустит вам весточку.

Ангел мой, ненаглядная радость моя, Нелли, и ты, мой друг, многоуважаемый Дмитрий. Сердце мое крушится за вас, одна радость – обоюдное

ваше счастье, самими вами и утешение тем, нами ощущаемое. Кончаю тем мое письмо, чем начал, что мама, Сережа здоровы. Не пишите первые, что вы знаете от меня, что у нее были сильные головные боли, беда мне будет за это сообщение, а теперь повторяю, что мама смотрит молодцом, да как же иначе – Миша возвратился, да Бог вас благословит обоих, и Сережу, и маму, и Мишу здесь. Ваш друг и отец Сергей В[олконский].

Р. С. Миша воротился от генерала, благодаря Бога им доволен, пробудет здесь несколько дней, а потом опять за Байкал вернется на месяц времени. Еще раз целую вас обоих заочно.

С[ергей] В[олконский].

27. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 19-го ноября 1854

Сердечные друзья и обожаемые мною детки, наконец получили мы вчерась письмо ваше после свидания с матушкой вашей и сестрицей¹. Сколько вы проживете у них, не пишете, но все-таки это преддверие вашего выезда в Москву, жду отсюда с нетерпением[м] ваших писем и по здоровью Дмитрия, и по распространившимся здесь слухам о новых испытаниях нравственных, которы[м] ты подвержен, хотя официального здесь ничего нет или скрывают от меня, о здоровье твоём, Нелли, моя радость, говорю о здоровье, а не спрашиваю о бодрости твоего духа, в котором я уверен, какие бы ни были тебе испытания. Жду також писем ваших по делам с Репниным, по которым надо принять решительные меры, и по высылке денег, в которых крайний у нас недостаток, и если бы сестра не дала мне и сыну известный вам дар, то бы по уши были в долгах и нечем было бы удовлетворить расходу нашей скромной жизни.

Все эти [ответы на] вопросы, недоумения [и] утешение о вас должны получить от вас в непродолжительном времени. Бог вам в помощь, друзья мои, один он справедлив, а люди или враги или с жестоким сердцем, каждый день в том убеждаюсь, вне своего семейства, однако ж.

Но прежде бы всего надо было бы мне дать отчет, что происходит под кровлею нашей. Мама, слава Богу, покрепче, с приезда Миши не было сильной головной боли, не было бессонниц, не было ночного пота, довольно весела и молит Бога о вас. Сережа здоров, весел, мил, забавен, много умственных способностей, разумеется, в отношении младенческого возраста, но все нет зубков, а кажутся ощутительны по деснам. Бог ему в помощь в жизненном перевороте, а в попечении нечего вас заверять, на маму вы должны вполне надеяться. Хоть вы не имеете полное доверие к Холодковскому², но поверь, что он хорош[ий] медик и новой школы, да притом же другой медик не вытерпел [бы] всех безрассудных часто требований наше[го] дома, где при малой встрече незначуща недуга посылается за медиком, выказывают ему недоверие, удостоверяют его самого в незнании и весьма часто не следуя[т] его наставлениям. Холодк[овский] без <пропуск> всегда приезжа-

ет ежедневно, часто завертывает и другой раз, а когда <пропуск> не отказывал и сам предлагал ночевать, что, слава Богу, случилось только раз. Пишу все поистине, но, друзья мои, не выдайте меня, а то мне беда, и я буду вынужден вперед взвешивать мои слова в письме к вам, а мне желательно вас не обманывать и во всем, что пишу, иметь душевный простор изложения.

Миша еще с нами, не знаю, успел ли к вам написать словечко, он теперь с докладом по поручению, на него возложенному. Приедет поранее, то напишет. Не могу заверить, но, кажется, проживет еще несколько дней, а потом в путь на <пропуск>, но по Иркут[ской] губ[ернии] до Качуги и потом опять за Байкал. Пишу об этом гадательным предположением – нонче при докладе это решится.

Здоровье Миши хорошо, за порученное ему дело принялся дельно, горячо, и как бы ни желал я для жены, чтоб он долее пожил в Иркутске, но лучше для него, когда он вне Иркутска. Свыше все те же предубеждения против жены моей³. Все те же мелкие, подлые интрижки против сына, в которых главою *le petit billeux*⁴ и всех ничтожностей Военного штаба наличного. Один честный, прямой, с горячей душой человек – это Буссе⁵, и он сделал много добра Мише – поборствует предубеждения сильных, хотя все ничтожност[и] причина, и который и вперед окажет Мише дружеское ходатайство. В числе ничтожных штаба, конечно, не ставлю *le petit billeux*, но он про себя знает, и про других славные дела *un petit machiavel en toute forme*⁶.

Послезавтра собирается выездом Варвара Прохоровна с Фофкой⁷, как матери желаю ей успеха, в здешней жизни приятная знакомая, но штука тонкая, пронирыливая. Нелля будет рада ее видеть, болтовню бы послушали, но не всему доверяли, и особенно свои тайны ей не передавай.

Добрые мои дети, мыслию, сердцем, молитвою при вас, в дружбе, в доверии вашем, в любви ко мне не сомневайтесь. Нового в Иркутске нечего сообщить, от вас жду вестей с нетерп[ением] по многим предметам. Сестра решила остаться до половины или исхода февраля, бесснежие и холода предстоящие этого требовали. Это будет причиною много толков, не поверят, что я не участвовал в этом решении, а единственно назначение медиков. Для меня, конечно, утешение далее быть с ней, но это само собою устроилось без происков от меня. А присутствие *Adélaïde* при жене – просто *une Providence*⁸. Так за ней ходит, утешает. Поручаю вас благословиению Божиему.

Ваш друг и отец С. Волкон[ский].

28. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 26-го ноября 1854 года. № 17

Мама порядочно здоровьем, голова побаливает, но слабо, спит хорошо, аппетит хорош, но, по обыкновению, мысленно огорчается и за вас, и за нас, и за всех даже не близких, а как мысли у нее всегда грустные, особенно при разлуке с детьми и о здоровье твоём, Дмитрий, то она впадает в нервическую хандру, и тут являются и головные боли, и бессонница. Вот уже несколько дней этого не было, и сейчас в силах, оправилась. Жду с нетерпением вестей о вас из Москвы. Дорохова¹ мне пишет, что еще 25-го окт[ября] вас там не

было, а мы вот уже две почты не имеем от вас писем, последнее сейчас [же] по приезде вашем к матушке, это меня беспокоит. Маме я до сих пор успел скрыть все доходящие частные сведения о новых испытаниях, которым тебя, мой друг, подвергают. Вы сами уведомите, если это точно правда, и тогда спокойствие твое, основанное на чистой совести, сила души и сердца Нелли и ее подкрепят в этом новом для нее испытании, и более ей будет в помощь – как все наши вымышления и бесцветные утешения.

Сережа все без зубков, а вот 11 месяцев чрез два дня, но здоровьем, силушкой, благодаря Бога, очень ладно, мил, понятен выше всякого описания, и грустно мне, что вы не следите этого сами. Узнает на гидериотипе² и папу, и маму, весел, бодр, кое-что покушывает, кроме молока, кормим, конечно, кашки, то с бульоном жиденькой, то ячную с молоком. Желудок выносит хорошо, а самое лучше[е] – кормилица дивно[й] доброты попечения, умеет и лелеять, и забавлять Сережу, а дом весь, весь для него в забаву. Бабу полюбил, Мишу очень и меня также. Кормилица кормит грудью хорошо, боялась возвращения мужа, уверяет горное начальс[тво], что его оставили на зимовку на приисках. Дай Бог для спокойствия кормилицы и тем нашего и вашего.

Миша возвратился [за] несколько часов пред балом 24-го ноября. Обскакал в пять дней более полторы тысячи верст, осмотрел все, что ему поручено было, привез подробные и удовлетворительные сведения и потом, почти из перекладной, явился на бал и плясал вдоволь себе и дамам. Он опять, я думаю, завтра уезжает, но уже за море, вероятно, на целый месяц. Бог ему по здоровью в помощь, едет Кругоморской дорогой³, и это и вернее, и лучше при теперешнем времени года.

О себе что скажу – здоров, домашним бытом семейным очень доволен, светским – стараюсь по возможности быть далек от скользкого его грунта. В сплетнях не вмешен, искательства чужд, признателен тем, кто любит моих деток, прощаю как христианин их врагам, но были не забываю, чтоб быть в пользу им настороже. Молю Бога, чтоб сохранил покровительством мать вашу и вас всех – деток и внучка.

Вы теперь знаете, что сестра осталась до половины февраля, – отрадны мне эти последние минуты моей жизни, проведенные с ней, – это предгробные утешительные минуты, но желал бы, чтоб она лучше при вас была – вам в помощь, но говорю себе, чтоб они ехали не в Москву, а на юг, а теперь, если нужно будет о чем, вы напишите прямо ей, она может без страха крутости зимнего времени приехать к вам. Сестра здорова, Adélaïde тоже, эта последняя большой помощью для вашей мамы – веселит, утешает, поддерживает. Между двумя первыми *je ne sais quel mauvais genie a passé eux il y a du froid et cela me peine d'autant plus que ce n'est pas le coeur mais les les têtes qui divaguent*⁴. Буду стараться сблизить.

Теперь, друзья мои, обращусь к собственно вашему положению, все нет известий о вас из Москвы, и поэтому ничего положительного о твоем здоровье, Дмитрий, и о новым испытаниях, предрекаемых тебе здесь, – по частным известиям. Стараюсь узнать из официальных источников, но ничего не добился – или таят, или не получили. Впрочем, мой друг, предание суду не есть еще приговор виновности. Как мне сказывали, причина твоего предания

суду (если оно так) – это дело с Павлом Басниным⁵, а при окончании оного приговор будет принят в соображение по делу с Занадворовым. Из пусто-го дела, не служебно-официального, а чисто частного, выискивают орудие мести против тебя, по делу, где в винности не находят никаких ни начал, ни доводов. Не излишним полагаю привесть тебе, на какие все обстоятель-ства доноса Павла Баснина и известных обстоятельств хода оного здесь. Первые справочные его бумаги, т. е. просьбы, были поданы им несколько дней по отъезде твоём с генералом, по получении сведен[ий], что день-ги по Губ[ернскому] пр[авлению] не записаны в приход, он сделал донос Мин[истерству] вн[утренних] дел. Что происходило по этому доносу в Пите-ре, мне неизвестно, но уже по отъезде генер[ала] в Амур[скую] экспед[ицию] получена бумага о истребовании от Баснина той расписки оригинальной, на которую он опирался в своем доносе; это предписание пришло сюда, когда Баснин был на Алёкме на приисках, и оставалось неисполненным до его возвращения, а канцелярская тайна по этому делу вовсе не была соблюдена, так что весь город знал о содержании полученной бумаги. Обыск в его доме и в его отсутствие многое, может быть, открыл в тайных сношениях с ним шайки занадворовской и их зловредн[ых] против местного начальства про-исков. Занадворов, который еще был в Иркутске, явно хвалился, что донос Баснина погубит тебя в собственном его деле с тобой, и никому здесь не было тайной, что этот донос поднят происками Занадворова и его золотом. Все дело к Баснину оставалось без хода до его возвращения с приисков, тог-да он был потребован к предс[едателю] (управляющим губернии), и потре-бована от него расписка, на которую он упирался, эта приватная одиенция подала ему более смелости (по-моему), отобран[ие] расписки должно было быть учинено просто полицмейстером перед зеркалом⁶, а если хотели этому дать ход ексепциальный⁷, то полицмейстером в присутствии жандармского штаб-офицера. Приглашение Басни[на] прямо к ген[ералу] Венцелю дало ему вид значительности личной, и после оной он сам рассказывал, что он имел конфиденциал[ьный] разговор с Венцелем. Этот разговор Баснин со-общал так: Воп[рос]: Почему вы так долго не справлялись о употреблен[ии] суммы, вами переданной г-ну Молчанову? Отв[ет]: Имел на то свои при-чины и свой расчет. Воп[рос]: Зачем Вы это дело не кончили просто объ-яснением с Молчан[овым]? Ответ: Молчанов – правая рука Муравьева. А Муравьев – враг сибиряков, лишив его правой руки его, я отомщал за своих обиженных собратий. Этот разговор не следовало бы допускать, а уже до-пущенный, следовало из него составить факт, требовав тут же повторения все сказанного собственноручным подписан[ием] оного Басниным. Вообще все поднятые на тебя дела – это желание вредить генералу в деле, поднятом на Моллера⁸, и это дело – подкуп и подкуп Занадворова, а в Питере рады придирааться *pur chercher noire en Général*⁹. Пора бы ему разгромить и своих, и твоих врагов. Не знаю, почерпнешь ли ты полезные сведения из всего, что тебе сообщаю и прежде сообщил, – это древняя история, но и ее иногда должно возобновлять в памяти, и потому еще сообщаю две данные, давно тебе известные, но, может быть, забытые; это копия с расписки, которую он

представил как от тебя полученную, и також сведения, в чем состояла его просьба в Иркут[ское] губ[ернское] прав[ление].

*Копия с вымышленной будто бы твоей руки
записки к Павлу Баснину*

О получении от Вас трехсот рублей сер[ебром] не считаю нужным уведомить Вас от себя, потому что Вы мне привезли эти деньги лично, и я предполагаю, что записка Ваша написана была по тому лишь случаю, когда Вы бы не застали меня дома. Теперь же долгом считаю ответить Вам, что триста рублей, пожертвованные Вами на заведение при остроге огорода, хранятся у меня, и Вы, милостивый государь, будете о том уведомлены официально в будущем месяце, когда положительно утвердят по означенному предмету предположения. Во всяком случае, будьте уверены, что доброе дело Ваше не останется без благодарности.

*Ход дела по просьбе Павла Баснина
в Иркутском губер[нском] правлении*

Баснин пишет в просьбе, что 8 июня 1849 года он лично передал г-ну Молчанову 300 руб[лей] сер[ебром], пожертвованные по убеждению г-на Молчанова в пользу Иркутского тюремного замка на заведение огорода, и г-н Молчанов обещался официально уведомить его о представлении тех денег по принадлежности, но не уведомил. Посему просит навести справку, были ли представлены те деньги в присутствие правления, если не были, то узнать у г-на Молчанова, куда он их представил, и если не представил никуда, то где делись эти деньги, а его, Баснина, на поданную просьбу о последующем уведомить.

Хотя все это, вероятно, тебе будет сообщено, если ты подвержен суду, но все-таки сообщаю я тебе это, может, оно дойдет до тебя заблаговременно.

Лица, которым, случайно имея в руках тебе приписываемую записку, все подтверждали, без различия соотношения их к тебе, что пропись содержания этой записки весьма сходна с твоим почерком, но что, видя слепое подражание твоего шрифта, а не разгул свободн[ого] почерк[а] оногo, подпись же твоего имени и фамилии не сходна с обыкновенным твоим почерком твоей подписи. К этому я прибавлю, что слог не твой обычный и неправильного изложения, чем всякое твое письмо особенно было замечательно. Вот мое личное суждение.

Что же относится до просьбы в Губ[ернское] прав[ление], по сущности оной, она не должна была быть принята. Баснин при желании благотворительном в пользу казенного ведомства заведенья должен бы был представить жертвуемые деньги лично или в общее присутствие или записать также лично в книге, находящейся при остроге для записки подаяний. Вручение этих денег лично им Молчанову явно дают этому взносу частный, а не служебный оборот. Странно, что с июн[я] месяц[а] 1849 по первую треть 1854 Баснин никогда об этом взносе не спросил Молчанова, а что огород при зам-

ке острожном не был устроен, то он ежедневно мог видеть, проезжая довольно часто пред острогом и убеждаясь, что к устройению оногo и не было приступлено. Как взнос частным образом к предмету, еще не учрежденному, ты мог этот взнос удержать до утверждения предположенного улучшения по тюремному содержанию и тем более, что все это дело улучшения шло по управляемому тобою отделению Гл[авного] упр[авления] Вост[очной] Сибири, а он в доносе имел двойную цель – исполнить то, в чем обязался Занадворову, и потом отплатить тебе за то, что ты вследствие его гнусного поведения с женой его и ей отказали вход в ваш дом, а дурака взбесить – сейчас делается врагом.

Вот мои краткие суждения, желая, чтоб в моих письмах что-либо нашлось полезное для тебя, и молю Бога, чтоб ты вышел из всех этих дел, поднятых клеветой, так светел и чист, как твоя совесть, но будьте оба уверены, что моя любовь, уваже[ние] к вам не по <пропуск> вашего гражд[анского] зн[ания], а что я ваш неизменный друг и уважатель.

Поговорив о ваших делах, поговорю о своих. Если ты, Дмитрий, будешь предан суду, возможно ли тебе заняться нашим делом с Репниным и по нашему поручению о высылке денег из процентов данных тебе билетов Опек[унского] совета на имя жены и сына. А с Репниным надо дело вести обдуманно и горячо и с полным знанием предшествующих обстоятельств. Подумай об этом, и я бы предложил тебе Капниста¹⁰, бывшего адъютанта тестя моего, разумеется, с тем, что все поездки и издержки на наш счет. Это я тебе предлагаю, а, впрочем, не настаиваю, а предоставлю твоему выбору – и решению необходимости, и решению передачи, что же касается до высылки процентов, это дело не затруднительно и возможно даже и в случае тебе предрекаемого – просто через жену, но позаботись о скорейшей высылке – нечем будет жить и обеспечить Мишу, не забудь выслать деньги в сериях – непременно на имя Миши. Опять коснусь до дела Баснина, не повредил ли я тебе, что не вывел на чистую воду Петра Алек.¹¹, но он бы отказался, и, во всяком случае, его даже сознание не было тебе в помощь, если упор[но] опять будут из частного дела делать служебную виновность. Известия, полученные чрез Соф[ью] Ник[олаевну]¹² о Яготине¹³, заставили меня писать к ней и к Репнину. Письмо к Репнину посылаю тебе в копии для сведения, а в оригинале – для доставления. Желал бы, почти требую, чтоб ты его переслал как неизвестное тебе содержанием и полученное приватным путем, которому и поручили привести ответ, которого и требовать от него моим именем. В одном случае можешь не послать его, если Репнин приступил добровольно и без проволо[чек] к положительн[ому] окончанию нашего расчета с нами. Сблизьтесь с Кривцовой¹⁴ и попросите, чтоб она усовести[ла] своего брата. Да Бог охранит вас от всего вредного в мире, и злого, и от люди.

Ваш неизмен[ный] друг.

29. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 3 декабря 1854. № 19

Позавчера мы получили второе ваше письмо от 3[-го] числа из Москвы, письмо, где вы, Дмитрий, сообщаете вполне утешительные для нас новости о результате твоей консультации с Иноземцевым¹. Он, как светило медицины, способен верно оценить твое состояние, таким образом, можно полностью ему доверять, подчиняйся ему со слепой покорностью во всем, что он будет тебе говорить касательно твоего лечения. Я знаю твою нетерпеливость в том, что касается состояния твоего здоровья, – улучшения не появятся сразу, так что наберись терпения и *понимания*, и когда рядом с тобой такое прелестное существо, как Нелли – твоя сиделка, твоя спутница, нужно быть смелым и покорно выдержать и моральные, и физические испытания, которые тебе выпали либо по воле Господа, либо по людской несправедливости. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в стойкости твоего духа, но делить со своей женой жизненные невзгоды, лежащие на твоём сердце, – я это знаю, но эти невзгоды не давят на <одно слово неразб.> – она их переносит не только с отвагой и смирением, но и с довольством, так как они дают ей возможность показать тебе ее преданность. Дорогой друг, будь достоин этого – как мы гордимся ей.

Наконец я получил ответ от хозяина Усти и Андриюши², только вчера, он мне говорит о поездке большого клеветника³ и о сборе в Москве всех тех, кто его поддерживает, и всех тех, на кого он нападает. Но он не расценивает эту авантюру с негативной стороны, как первоначально сделали это здесь. Дай Бог, чтобы все было так, и я с большим нетерпением жду от вас ответа на мое письмо, написанное в середине октября после весьма печальных событий. Сделайте милость, скажите правду и будьте уверены, что я сделаю все, что необходимо, все, что в моих силах, я не считаю нужным беспокоить вашу мать раньше времени – она и так уже перенесла столько испытаний, с ее слабым здоровьем, как вы знаете и как вы сами говорили, особенно с ее слабой нервной системой. Завтра я вам напишу более подробное письмо, которое отправлю частным образом, но на данный момент могу затронуть лишь те вопросы, касающиеся лично вас, и не могу оставить вас без новостей от меня нынешней почтой, которая приходит к вам чаще всего частным образом, как, впрочем, и письмо, которое я напишу завтра.

Сережа день ото дня все милее, набирается сил, становится очень подвижным, но пока не видно ни одного зуба, в остальном мы не видим не только опасности, но и поводов для беспокойства, предположительно, это отставание в развитии костной системы, но это не опасно, так как он развивается нормально. Вот такие хорошие новости о вашем ребенке. Что касается здоровья вашей матери, с некоторых пор я нахожу ее состояние вполне удовлетворительным, слабости нервной системы не так сильны, ее не так беспокоят бессонница и головные боли, так что она чувствует себя лучше.

Мишель уехал от нас позавчера вечером, то есть 1 декабря. Да поможет ему Господь и в его здоровье, и в его работе, порой весьма сложной. Его не будет около двух месяцев, достаточно долгий срок для нас, в марте он уедет

от нас еще на более долгое время, но нужно покориться – ведь это крайне необходимо, чтобы достичь желаемого, о чем мы все знаем. Я могу только воздать должное Мишелю во взаимоотношениях, на мой взгляд, я заслужил его доверие, и я абсолютно счастлив, так как я хочу для своих детей одного – чтобы они видели во мне лучшего друга и не слишком взыскательного отца. Моя сестра тоже прониклась к Мишелю дружескими чувствами, и я рад и за него, и за себя. Я так спешу, что не могу писать долго, и в завтрашнем письме расскажу о делах – теме, так часто мной затрагиваемой. Но примите во внимание, дорогой друг, все, что вы нам посылаете, – потерянные проценты, которых недостаточно, чтобы покрыть все неплатежи, что нам необходима поддержка на 1855 г., что к этому необходимо удвоить годовое содержание Мишеля – так как у него много растрат для того, чтобы заменить скупость, которую ему несправедливо приписывают, и также нужно загнать в угол господина Репнина, чтобы он выплатил свою задолженность от 21 марта, часть суммы, которую он должен, которая не принималась во внимание с февраля или марта 1854 г. Все это должно быть улажено без отлагательств, и нужно решить, как достичь того, чтобы он выплатил все, что он должен по совести, если он не хочет быть нечестным человеком.

Новости, которые вы мне сообщили о моей невестке Репниной⁴, меня огорчают; без сомнений, ее страдания несоотнесимы с ее возрастом, но если я ее теряю – это будет ужасная утрата для меня, так как, сколько я себя помню, я относился всегда к ней с почтением. Если такова ее судьба, если ее жизнь оборвется, скажите Варе и Лизе⁵, что я разделяю их горе. Скажите им также, что я не сомневаюсь, что они все сделают и Лиза в каком-то роде несет ответственность, согласно бумаге, которую она подписала как свидетель, чтобы повлиять на своего брата⁶ в выполнении его святого долга, так как он доверен ему его отцом на смертном одре и строгая исправность была всегда в намерениях его матери.

Спасибо за ваше дополнение, где вы говорите о выходе 24 октября из Севастополя, – это неутешительно по размерам потерь и ничтожным результатам. Крымская кампания – смелое и весьма рискованное предприятие англичан и французов, и если с нашей стороны мы будем правильно вести войну, и если будет достаточно средств, она будет губительна для них. Но все может не соответствовать прогнозам. Не надо напрасно строить догадки, надо ждать результатов. Да поможет Господь государю и нашей армии. Когда вы получите это письмо, все уже будет понятно и с Крымом, и с Севастополем. Пусть Господь нам поможет. Итак, достаточно на сегодня – до завтра. Искренне ваш друг.

30. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 4 дек[абря] 1854. № 20

Сейчас возвратился от Зиновьева¹, которому дал для вручения вам письмо от вашей матери и записку от меня, вчерась я вам писал с почтой, и по № моего письма вы видите, что не ленюсь, но почти с вашего отъезда не ленил-

ся, четыре № сверх почтовых отправлений. Ежели наскучил, простите, что вы мне так милы, если в угоду вам, тем для меня приятнее.

По твоему здоровью, Дмитрий, новости утешительны. Иноземцев – хороший судья, и предайся вполне его советам, и не надейся на скорое излечение – будь доволен постепенным излечением.

По твоему характеру ты хочешь скоротечного оборота к лучшему в твоём здоровье, скоро можно расстроить оное, но восстановить надо время и умение, одно, надеюсь, будет по милости Божией, в твоей воле, несмотря на временные на тебя гонения, которым ты ни в сущности, ни в духе не поддаешься, в умении Иноземцева не можешь иметь сомнения, и к этому же еще попечение, любовь, преданность жены твоей, нашего ангела Нелли, с этим в жизни можно идти счастливо во внутри сердца и с гонением судьбы, и с недочетом в людях, и даже с борением темных сил. Бог вам в помощь, друзья мои сердечные, вот ежечасная моя молитва к Всевышнему.

О твоих делах столько писал, и столько все сказанное о них так не положительно, что боюсь, чтоб, обратив на все эти слухи мое внимание, не надоел ли тебе моими советами. Ты мне ничего не пишешь об этом, хотя сам давно уже в Москве, известия от хозяина Усти и Андриюши убеждают, что-то есть, но не в размере первой разголоски здесь об этом, и поэтому ничего уже не буду говорить до известия от тебя более положительного и все-таки повторю: не надейся на свою чистоту совести – она дорогой клад для тебя, для нас, а против злобы, клеветы и несправедливости людей надо ум, и ты его имеешь, надо прозорливость, а с умом твоим не мудрено ее иметь, надо выказать в прошедшем твоих врагов – так как они были, потому что они и тебя прошедшим укоряют в настоящем и прошедшем, не преступном, не легкомысленном, тогда как прошедшее – что ни шаг, то уголовный факт. Потом, мой друг, при клевете в оных ставка – не огорчайся и принимай клевету хладнокровно, огорчением даешь повод к торжеству противника и себя расстраиваешь, а хладнокровием поражаешь противника и убеждаешь беспристрастных судей. *Ne vous livrez pas à l'apathie du bon droit et mettez au pied du mur les accusateurs et voyez dans vos juges si tels ils sont ce qu'il sont et s'il le faut... les avec prudence pour ne pas donner des armes contre vous*².

Сердечный друг, не сердись на меня за эту мою проповедь и прежние слова, в разлуке с тобой сердце мое рвется к тебе в недоумении об обстоятельствах твоих, ум и чувства мои бредят предметом всемогущего быть, желание быть тебе полезным – вот моя цель, а если все сказанное мною болтовня, по твоему и по обстоятельствам, – на тебя не буду сетовать за суждение, лишь бы последнее было таково.

Теперь и тебе советы, ангел мой Нелли, не сердись, что пожурю, но поверь, что это делаю в пользу вашу. У тебя врагов нет, но у мужа их много. Суди людей строго, но про себя, и особенно в письме к матери не сообщай негодования <далее до конца фразы неразб.>. Жена моя не умеет скрывать впечатления, любит делить ваши вести со многими без разбора, полагает, что выказывать лиц, не расположенных вам, – это польза вам, а все это делает или новых врагов к вам или есть новая причина упрекам на ее счет. Говорю все это по предосуждению твоего о матери претендента Зинни³ покамест, но

убеждены, что точно врага считай всякого хоть не другом, но еще не врагом. Дмитрий холодностью нажил их много – остерегайся этого и не сердись, что пишу тебе об этом. А как хочешь отделать кого на все корки или предварить нас об осторожности, то пиши ко мне, я уж не дам твои строки для чтения другим, и твое письмо не будет валяться – на прочтение всякому. Пишу об этом, но это для тебя, мужа и меня.

Я очень признателен родственникам твоей матери, дочь моя, что они радушно, родственно, пусть и с открытым сердцем, вас приняли. В последнем я сомневаюсь от дяди, от тетки же нет.

Но вы знаете, так, как и я, что дядя и его сестра⁴ строго судят других, и первый очень снисходительно себя, и поэтому, сохраняя все приличн[ые] договоренности, не очень вверяйтесь их суждениям, их нерасположениям к другим. Вверяйтесь собственному вашему уму, а не их уму. Часто он несправедлив и чересчур строг.

Наши сношения свыше здесь тяж[елье] <пропуск> шагу нерасположения к жене, моему, хотя в последнее время менее, нежели прежде⁵. Конечно, обидно, но, по-моему, жена слишком это все ставит в строку, свое достоинство можно бы сохранить без выказывания негодования, *mais le pli est pris et il est difficile d'en prendre un autre*⁶. В этих сношениях, как мне кажется, подсаживала и жена Дядьки⁷, хитрая баба, искавшая в виду себя удержать в близких сношениях, хотевшая сблизить <пропуск> смерть пошлет Тамбурину⁸ и способствовавшая водворить на стару[ю] ногу Констанцию⁹. Удастся ли, не знаю, но более расположения. В отношении сношений с матерью твоею, я все полагаю, что ты могла быть посредником лучших сношений, выказав матери необходимость *de moins de raideur*¹⁰ – и в противной стороне более справедливых суждений. (*Далее по-франц.*) Тебе всегда предлагают любовь, восхищение, справедливость. Я говорю о тебе, так как безразличие, которое тебе, Дмитрий, свидетельствуют, меня не только огорчает, но и является для меня поводом к осуждению несправедливости. Я признаюсь, что это мне горько и для тебя, Дмитрий, и для него. Дай Бог, что я ошибаюсь в этом обвинении, но до сегодняшнего дня ни одного слова о тебе со мной и другими, я не заводил бы разговора об этом сюжете, потому что это не в моей власти¹¹.

(*Далее по-русски.*) Мои сношения по-прежнему, благорасполо[жение] не изменяется, не часто посещаю, и всегда после упрек, что не был долго. В дело не вмешиваюсь, говорю о политике, о Крыме, о мелких <пропуск>. Оказываю глубокую признательность за сына и держу себя не близко, но недалеко¹².

Сношения с Мишей хороши вопреки всех прежних и настоящих враждебных влияний и впечатлений. Сильно поддержан супругой¹³, и в отношении его убедился, что он годен по уму, способностям и желанию заслужить доверие, что годен и мог быть употреблен с пользою. Один из окружающих в пользу и помощь Мише, как я уже писал тебе, – это Буссе, надеюсь, что и Корсаков будет такой, прежде обещался мне, и теперь попрошу – искатель[ство] отца не есть подлость. Боюсь только, что много сложных данных поручений не ввело по неответности в неудачное исполнение оных, тем более что и сущ-

ность некоторых этих в начале их необдуманна. Эти суждения относятся к некоторым распоряжениям по будущей Амурской экспедиции. Миша должен дать ответы на вопросы, которые весьма затруднительно ему поверить или разрешить. Дал я ему некоторые наставления к руководству, потому что предмет их хозяйственный, и дал совет быть осторожнее, чтоб не попасть <пропуск> в дураки.

Сцена людей и деятелей здешних тебе известна, и поэтому некоторые сообщения о сбывшемся и настоящем тебя займут. Падение Струве было неожиданное, он сам накликал на себя оное якутскими интригами и учреждениями здешним торговым лицам, но кто более всего навел на него опалу – это безрассудство и заносчивость делами жены и тещи. Он бы мог удержаться, но с опорочиванием жены и тещи, он этого не хотел не из слабости, но из самолюбия, и в этом я его уважаю. Кончится ли <пропуск> по его ожиданиям, вряд ли, а здесь уже ему нельзя остаться, *les affaires ont été poussés trop loin*¹⁴ – и в этом предположении жаль его. Теперь он сбавил с обычной его спеси, против тебя был часто виноват – против Миши ты говоришь, что да, против меня лично – не думаю, но теперь и вы должны ему простить – сильно наказан и вряд ли <пропуск> будущее время.

Григорьев¹⁵ совершенно оперился, умел выказать, что если были неудачи, то это было следствие интриг, против него затеянных, в виде очистить место другому. Ты знаешь, что я не большой защитник многих, туда завезенных Струвом, но мне жаль, что Н.Ф.¹⁶ попался если не в опалу, то, по крайней мере, не в обещанное располож[ение]. Хотел было сказаться больным, выйти в отстав[ку], но мы с Мишей уговорили письмами потерпеть, еще и не гневить, авось уладится его дело – и, дай Бог, во-первых обещано, а во-вторых, он достоин. Сейчас получил от него письмо, пишет, что посылает рыбку, пришлю ее к вам, просит уведомить о положении твоём и говорит: я постоянно сохраняю уважение к Д[митрию] В[асильевичу], не все таковы, спасибо ему за то.

Еще надо поговорить об одном губерн[аторе], это о забайкальском. Кажется, на него гроза со всех сторон, конечно, записывается и часто рядит по-своему, чиновники все против него, но зато народ за него – лично в том убедился в повед[ении] с тобой, чем это кончится, не знаю, но интриге против него нет конца – и червячки вкупе сделают и змею, и от жала змеи не уберечься, и я останусь с моими убеждениями о <пропуск>¹⁷.

Говорить о червячках, если говорить о всех, то много и надоешь и себе, и тебе, но главное – червячки в настоящее время в ходу – это *(Далее по-франц.)* маленький злыдень, муж Катеньки, князь, муж уехавшей дамы, большие бездари, и, однако, они добиваются своей цели, нанося вред тем, кто более здравомыслящий, чем они.

(Далее по-русски.) Также и против Раз[гильдеева] происки, там подкапывается хозяин лошади, на которой ездила Нина¹⁸, что найдет, не знаю и не слышно, но что он будет небеспристрастен, то заключаю из того, что слышал из собственных его уст уже год тому.

Один, который вне всех этих раздоров и происков, *c'est le petit médisant*¹⁹, он дельный и проложил себе дорогу, идет по ней независимо от этих всех

мелкотных дрызг, не то что по чистоте души, но по осторожности ума. Хотя не на старых я с ним сношениях, но не так довольно близко светских, в этом мне опора для сына²⁰.

Что же тебе сказать о К[арле] К[арловиче], все тот же честный, верный в сношениях человек, уважения заслуживает, кроме <пропуск> слабости. Но он теперь оперился, в хороших сношениях у двора и замечательно с ним добродуш[ен]. Струве был солон ему, а он не только злопамятен, но оказывает ему радуш[ие] и защиту. В доме же у него по-старому. Был довольно серьезно болен – вскочил на спине между становой костью и лопатками *clou, qui a frisé un Carboucell*²¹. Теперь гораздо лучше.

У нас новый председатель Врачебной управы – *un certain*²² Мг Кинаст²³, непроходимы[й] немец, но человек умный и хорош к людям. Мы с ним познакомились частным образом, и он *assendant*²⁴ над женой своими советами, *il n'est pas*²⁵ <пропуск> и уговорил жену ежедневно выезжать на воздух и стараться достигать развлечения. Насчет выходов она последовала совету, и вот уже настал день, что выезжает и с опущенным окном в карете, первые два дня возвращалась со слабостию в груди, но теперь уже три дня, что окрепла, *et j'en trouve beaucoup mieueux*²⁶, спит порядочно, головной боли нет и как бы совершенно иная. Дай Бог, чтобы устояла против 25 градусов мороза, которые начались, и, вероятно, <пропуск> и боли.

Я в понедельник буду писать и по почте, и с частным случаем, надо отправить письмо, боюсь опоздать. В понедельник дам вам отчет по женскому иркутскому полу.

Друзья мои, мысленно всегда с вами, и сердце мое скорбит о вас во всех на вас судьбою налагаемых испытаниях. Настанет ли вам когда-нибудь година спокойствия? Как вы бы счастливы были видеть развитие умственное, телесное Сережи, авось Бог его сохранит, вам и нам в утешение.

Друзья мои, конечно, поручаю вас покровительству Всевышнего.

Ваш друг и отец Сергей Волконский.

31. Е.С. и Д.В. Молчановым

[Иркутск,] 17-го дек[абря] 1854 года. Vendredi № 23

1. Известное дело кончится без важных последствий, оно надоело всем, его разделят на два дела¹.

2. Первое дело собственно о подкупе, как недоказанное ничем, кончится тем, что М[олчанов] останется в подозрении, не потому что есть подозрение во взятке, а потому что с его стороны есть натяжки в производимых им следствиях над *grand calomniateur*² и несправедливый доклад Г[лавного] уп[равления].

3. Второе дело – о несоблюдении формы и правил в следственных делах разными лицами по этому общему делу – будет передано на заключения министра Панина³.

Как ни обидно тебе будет, что при чистой твоей совести будет слабая тень на твою безукоризность[ь], хоть не честь, а служба, Бог с ней, не желаю зла

твоему противнику, а при его настойчивости и средствах, по-моему, я буду рад и этому исходу. Здоровье твое восстановить – вот для нас главное, лишь бы исход дела не затянул и не сделал затруднений для поездки за границу. Вот для нас главное, и к этому да Бог вам был бы в помощь.

Здоровье матери, Сережи вполне удовлетворительно, потому что жена дает полный отчет. От Миши после 5 дек[абря] из Верх[не]удин[ска] нет известий. Принялся горячо за исполнение данных ему поручений. Бог ему в помощь в неопытности его, Бог ему в помощь и при трудностях пути и суровой погоды. Нечего сказать, с мая месяца не сидит он на месте, и теперь убедились, что теперь действует без Дядьки, а своим умом. Такое одобрение для него и мне драгоценно.

Мы получили от вас письма от 17-го и от 20-го, с будущей почтою должны узнать о приезде князя Максимова чрез Москву и о письме наше[м] от 8-го ноя[бря], которые опередят многие почты отсюда. Известия о Камчатке вас порадуют, дай бог, чтоб М.С. Корсаков, которого ждем и не дождемся, обрадовал нас и из Питера, и из Крыма.

Крестный отец твоего Сережи⁴ с нектор[ого] времени о тебе спрашивал с большим участием при каждом свидании моем с ним, и все спрашивает о ходе дела; я сообщаю, что вы пишете с полным изложением спокойствия твоего, но с приобщением о слухах городских, о происках и надеждах du grand calomniateur et de sa coterie⁵, пусть на ус мотает то, что сам навлек на тебя.

32. Е.С. и Д.В. Молчановым

[Иркутск,] 20-го дек[абря] 1854. Понед[ельник]. № 24

Ожидание наше всех исполнилось, благодаря Бога, счастливо, и с вчерашнего дня наш *Сережа с зубком*. Вы можете себе представить, как это событие, столь долго нами ожидаемое, нас обрадовало, и представляю себе, как и вы счастливы будете, что ваш сынок получил новое развитие в жизни и что оно воспоследовало не только с какими-либо обычными страданиями, но даже без всякого малого жара. Бог в помощь Сереже, вам и нам вперед в его жизни, пойду в монастырь Богу помолиться, но выберу день, где бы не прозяб от мороза. Жена вам, вероятно, опишет все подробно – баловницей Бабашкой, и поэтому вы по ее письму все видите радость, судите заочно, как бы здесь были.

Нового о твоём деле ничего мне не дошло, вчера виделся с крестным отцом твоего Сережи, он спрашивал меня, знаю ли я, что бывший постоялец Дядьк[и]¹ ему писал. На мой ответ, что да, надо дожидаться его приезда, чтоб узнать подробно, из каких исто[чников] имеет он это сведение и более подробностей, а что он пишет, зять, спросил он меня, спокоен? По всему, что соведь его чиста, и надеется, что безвинно не утопят его, как здесь распускают слухи клеветы Занадвор[ова]. Вообще, мой друг, я с некоторого времени с получе[нием] известий от твоих новых испытаний в Москве, я вижу в твоём куме соучастие к тебе, тогда как прежде со времени приезда и вопроса о тебе

не было, но вместе с тем знаю положительно, что больш[ая] часть окружающих распространяют слух, что всех сношения с тобой прекратились, а зная, что они же по возможности подсаживают тебе и теще твоей. Мне кажется, что ты понапрасну меня удержал вывести на явь сплетню, о которой я тебе говорил в Кяхте. Мы все жалеем других, а нас не жалеют, а, по-моему, зуб за зуб и око за око. Вы не можете себе вообразить, друзья мои, как мне гадко все здешнее общество, и поэтому весьма мало выезжаю, изредка на Ангару, но чаще к старику насупротив нас², иногда к Фину³, к tête blanche⁴, иногда к соседу⁵ за сплетнями, всего чаще к Ивану Дмитриевичу⁶. Иногда также к Дядьке, его люблю, хотя весьма часто не соглаш[аюсь] в мнениях, ни старик с супругой – у ней кошачь[и] лапки, а весь синклит посещающих не по мне. Слежу их речи, а свой язык держу за зубой. Дядька и супруга его в большом ходу, а кому не знать, как нам, что значит здесь двор.

На днях было горестное событие: в институте классная дама, недавно сюда прибывшая, М-me Кабро⁷, мать двух малолетних дочерей, скончалась после кратковременной болезни une pleurésie – qu 'on a pris d'abord pour une douleur Rhumatismale⁸. Лечил Грибовской, которому никогда я не имел доверия, а теперь вопреки всех протекций выказал себя дураком. Начальница Липранди⁹ в большой горести. М-me Кабро была для нее незаменимой сотрудницей, а не ветер, как многие другие, нам знакомые. Надо отдать справедливость, что институт переродился прилично порядком и делом учения. Не поссорьте меня по этому суждению с Мераной¹⁰.

Мокшецкого дело все нельзя направить к окончанию, все говорят, что не за что его задерживать, а все-таки не отпускают. Предоставлено Павлу Ивановичу¹¹ редкое дозволение выехать в отпуск и подать в отставку Макшецкому, а он или молчит, или ссылается на первое донесение, совершенно в пользу Мокшецкого писанно[е].

Вот, мой друг, каковы твои приятели, Кукель много обещался, а не только помощь в нем, а просто противодействие, потому что в этом иметь случай подсаживать Павлу Ивановичу, а bibi¹², который во время оно был протектором Мокшецкого, теперь не удостаивает его дружелюбным перстом, когда прежде давал и до ладони. Все это гадко, подло, но таково время и люди. Я многое скрываю от жены о наших светских сношениях, боюсь вспышек, и поэтому не удивитесь, если есть в наших суждениях разногольшина.

Субботняя почта еще не пришла, хотя понедел[ьник]. Нонче ждем писем и подтверждающего сообщения о испытанном тобою облегчении в недвижимос[ти] твоих ног; ожидаем известий о ходе дела, ожидае[м] известий от писем чрез Максютова и сообщен[ий], оцениют ли достоительно зашиту Камчатки, ожидаем весть из Питера и из Крыма, где на что происходит непонятно с обеих сторон. Ожидаем приезда Корсакова, который, если бы выехал 1-го дек[абря], уже был бы здесь и который для известий опередит три почты. Ждем все это и не дождемся, но как можно послать письма до 6-ти часов по полдню, то надо закончить мое письмо, писанное до половины одиннац[атого] часа. И так до нового <пропуск> за этот листок.

[Далее по-франц.] Уже четыре часа, и я боюсь опоздать. В заключение письма я вам повторю, что мама, Сережа чувствуют себя хорошо. Мы по-

лучили письмо Мишеля от 9 числа из Петровского Завода. Он выехал в тот же день в Читу, в Нерчинский завод и Шилку, где он присоединится к Буссе, и они должны вернуться вместе в Иркутск в середине января. Чем больше я узнаю Буссе, веду с ним переписку, тем больше убеждаюсь в искренности его дружбы с вашим братом. Пусть хранит вас Господь, пусть будут услышаны все мои молитвы о вас¹³.

33. Д.В. Молчанову

Дмитрию. Кр[асноярск,] 9-го сент[ября 1855]

Сердечный друг и сын, я получил по прибытии моем с прииска¹ в Красноярск² твое письмо от 27-го июля. Не буду тебе говорить о несчастном окончании твоего дела. Клевета, злоба и подкуп восторжествовали над тобою, но ты остаешься перед мною то, что был: человек безукоризненный, и постигшее тебя несчастье еще более тебя сделало мне дорогим. Я переношу это испытание так, как и ты, твердо, уверен будучи в твоей невинности. Авось близкое и беспристрастное рассмотрение нелепого и несправедливого приговора над тобой людьми честными, светлыми умом и добросовестными будет в твою пользу. Авось генерал примет твою защиту, но Бог весть, когда он воротится, а ты жертва, принесенная злобе на него. Молю за тебя, за Нелли, за жену Бога. О[бо] мне будьте спокойны, я закален в испытаниях, и, страдая сердцем и душой за тебя, я сердцем и душой останусь тверд. Помоги Бог тебе и тем нам.

Друг мой Дмитрий, как тебе не совестно принимать на себя, упрекать себя, те испытанья, которые не ты, но злые люди навлекли на горячо любящее тебя семейство наше.

Мы тебя знаем, любим, уважаем. Поверь, что я, чем ты более подвержен испытаниям, ты мне будешь дороже, ближе и более уважаемый. Поверь, что даже если приговор, над тобою произнесенный, сохранится во всей его силе, то сердце мое и ум не престанут тебя любить и уважать и что там, где ты будешь в предназначенной опале, там и я буду с тобою, буду лелеять тебя и оказывать тебе все пространство моей любви и уважения моего к тебе. Сибирь перестанет быть для меня местом ссылочным, а краем благословенным, и никогда из Сибири не выеду, пока там ты будешь, даже если [бы] высочайшая милость доставила мне возможность выехать из Сибири. Я это докажу врагам твоим, ложным друзьям твоим и нашим и тем, которые меня так ошибочно судят, забавляющими меня надеждами и не понимающими, что мне не нужно их советов, чтобы быть твердым.

Я как отец и ты как муж – мы оба должны гордиться нашей бесценной Нельгой, что за душа, она – ангел, сошедший с высоты, чтобы утешить тебя и нас. Она достойная дочь матери, которой цену и я, и ты знаем. Какова бы ни была твоя будущая судьба, счастье семейной жизни несравненно выше всех побрякушек светской жизни. Общими молитвами будем просить Бога о сохранении нам Сережи, а я горячим призывом к Всевышнему буду молить

Его в пользу твою, Нелли, и высоко заслуживающей всеобщего уважения жены моей.

Ты мне приносишь не заслуженные тобою извинения, но я, в мою очередь, должен повторить эти извинения, которые раз тебе приносил, – это несправедливое мое о тебе суждение прежде брака твоего с моей дочерью. На этих преждевременных, не заслуженных тобою тогдашних моих упреках, получивших, к несчастью, тогда гласность, многие, как я знаю, основываются, чтобы порочить тебя при злобных своих вымыслах. Поверь, что не упускаю ни одного случая, чтобы доказывать несправедливость тогдашних неосновательных моих суждений, и прошу мою жену, чтоб сие письмо получило гласность в моем семействе и ее, и даже общую, где нужно, гласность.

Благословляю тебя как отец, жму руку как друг и молю Бога быть тебе в защиту. Как отец мысленно прижимаю тебя к сердцу, как друг тоже, с полным уважением к тебе.

34. Е.С. и Д.В. Молчановым
[Иркутск,] 18 апреля 1856 года. № 9

Христос Воскресе, дорогие мои детки, и с этим радостным приветствием, переходившим из уст в уста по всем странам православия, в ознаменование великого этого события в христианском мире – молю с горячею молитвою христианина, что сподобил бы Всевышний снять с вас, с нас тот крест, который наложен на тебя, милый наш Дмитрий, злобой, клеветой, а испытания твои – наши, мой друг. Жду с нетерпением вестей от Нелли о исходе дела, надеяться надо по многому, мне сообщенному, но чем бы ни кончилось, я ваш, весь ваш, вы ни в чем не сомневайтесь.

<...>

«Дурак Павел Баснин соорил себе какой-то мундир с саблей на бедре. Видев его в <одно слово неразб.>, я не мог удержаться от смеха. В этом шутовском костюме он поехал к Комаровичу, споткнулся на верхних ступенях от вооружения, полетел кубарем вниз, руки и ребра все выдержали, подлецы и дураки почти всегда невредимы, но меч-кладенец, припоясанный на его бедре, попался между его ног и, несмотря на металлический его состав, вдребезги разметан был кубарным падением. В то время поднимался на лестницу Карл Карлович, от кубарного падения отстранился, но весь осыпан был отломками меча соборного старосты, все это рассказываю со слов Згибнева¹, солгано – он ответчик, но, впрочем, все это получило всеобщую огласку.

Другое обстоятельство сообщу в двух словах. Подумай, Дмитрий, что Козакевич предложил Басныкову – брату Басниной, и какому-то Нюдаеву или Нюгаеву, который был сводником Петра Васильева, служившего в Глав[ном] упр[авлении] и общего там шута, быть при нем чиновником по особым поручениям². Прискорбно за воеводу и за новый край, и эти личности я не пригласил бы.

35. Е.С. Молчановой
[Иркутск,] 22 июня 1856 [года]

Ты меня балуешь, радость моя Нелли, и в текущую неделю я получил от тебя три письма – от 16-го, 21-го и 23-го мая, – и берусь за перо, чтоб отвечать на оные.

[*Далее по-русски.*] Каков Репнин! Что я не понимал, как право собственности – давно не родной, и как он мог прежде покупать дом и соглашаться на взнос за оный денег, когда теперь почитает, не купивши его, своею собственностью и приступает к продаже. Большой легист¹ твой муж, но на деле во многом доказывает противное. Прошу его извинить мне это замечание на его счет.

Друг мой Нелли, радость моя, ангел-покровитель для нас всех, ты говоришь, что грустно тебе было, что 21-го (на это письмо я отвечаю) не было меня среди вас, – нет, я был в сердцах ваших, так как и ты, и вы были в этот день в моем сердце, а что я в Иркутске – это не наша воля, а что вы в Москве – это для меня утешение. <Пропуск.> Будем благодарить Бога и царя, определено было судьбой быть нам в разлуке, что ж делать, мне повелено жить безропотно – вам не вымышлять приезда сюда, от меня это было верх безрассудности, от тебя также, у тебя на руках мать, муж и сын, ты в них должна быть их ангел-хранитель, а я живу вашими письмами, и мой удел хорош <пропуск>, лишь бы знать, что вам хорошо. Насчет твоих китайских покупок я маме писал не раз, что Игумнин² хлопочет, но еще не выслал, а как получаю, сейчас же высылаю.

Теперь принимаюсь отвечать на твое письмо от 23-го мая. С нетерпением ожидаю портрета милого, дорогого Сережи, жду и твоего, и тогда из трех твоих портретов худший (*pardonne moi cet surnisme*³) – награжу Сонюшку⁴ оным.

36. Е.С. Молчановой
[Иркутск,] 29 июня 1856. № 20

Радость моя, ангел мой, несравненная Нелли, спасибо тебе, что пишешь ко мне, я тебе пишу также, уверен будучи, что и мой листок тебе принесет утешение.

Я получил твое письмо от 30 мая, во-первых, ты меня уведомляешь, что ты отлучаешься из Москвы, от своих на четыре дня в Питер. Вполне одобряю этот порыв признательности к Алине и Павлу Дмитриевичу¹, радужные их бесчисленные прием, попечение, сочувствие – заслуженно это и тем, что приносишь утешение и сестре моей. Я горжусь тобой, но и горжусь тем, что мы тебя поняли, и поэтому и про них горжусь тоже.

Ты мне приписываешь, или, лучше сказать, памяти, которую мне сохранили многие мои товарищи молодости и службы, тот прием, который во многих местах тебе сделали. Нет, мой друг, сколько я ни имел добрую память ко мне, сколько я ни признателен тем, которые ее хранят ко мне, не мне

ты обязана общему усилен[ию] сочувствия к тебе, но самой себе. Это достоинственное возмездие в уважении твоей великой души и святой преданности к долгу супружескому. Презирай самих тех, которые дерзают вымышлять осуждения на тебя, а если есть у тебя противник, семейные обязанности, продолжай их исполнять. *C'est la meilleure recompence que tu peux tirer de leur injustice*², и доказывай им, что ты это делаешь не из расчета денежного, но по обязанности к самой себе и к твоему мужу.

Поблаговари всех, кто меня вспомнил добрым словом, доброй памятью, добрым чувством.

Каков Репнин, прямой князь удельный, враждует против своих кровных, авось все выйдет к лучшему <далее несколько слов неразб.> если продадут желающему купить его у Репнина. Я вас уверяю, что этот дом – груда камней и что ценностью надо считать не дом, а единственно место. Перестанете верит[ь] Принсбургу³, и в ваших делах будете зорки и не под влиянием Принсбурга, до <пропуск> кто или им подобных.

Жду с нетерпением твою фотографию и такую же Сережи, обе ты расхваливаешь, что меня очень радует. Сережин портрет принимаю как дар, на твой и на портрет мужа твоего я выслал тебе 20 рублей сер., руководствуясь ценностью портрета мамы, почему же ты не высылаешь и его фотографию. Я с некоторого времени во многом не схожусь в заключениях, но не менее того люблю его как твоего мужа и поэтому надеюсь на сыновнюю снисходительность ко мне.

Друзья мои, я счастлив вашим общим счастьем, утешением, спокойствием моей жены, вашей матери.

Комментарий

1. Е.С. Молчановой

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 1–1 об.

¹ Молчанова Елена Сергеевна (урожд. Волконская, 1834–1916), дочь С.Г. и М.Н. Волконских.

² Волконская Екатерина Алексеевна (урожд. Мельгунова, 1770–1853), тетья С.Г. Волконского по прозвищу Военная Тетушка, вдова генерал-майора, князя Дмитрия Петровича Волконского (1764–1812).

³ Волконский Петр Михайлович (1776–1852), князь, министр императорского двора.

⁴ Волконская Софья Григорьевна (1786–1868), княгиня, сестра С.Г. Волконского, жена П.М. Волконского.

⁵ Любимую родину (*итал.*)

⁶ После свадьбы в сентябре 1850 г. супруги Молчановы уехали в Россию, несколько месяцев жили в Петербурге. Их тепло приняли родственники С.Г. Волконского. Очевидно, Е.С. Молчанова просила М.Н. Волконскую о подарке для Е.А. Волконской. Возможно, оказия была только до Енисейска, а оттуда посылка была отправлена почтой.

⁷ Молчанов Дмитрий Васильевич (ок. 1824–1857), выпускник Училища правоведения, в 1850–1854 гг. – управляющий отделением и член Совета Главного управления Восточной Сибири.

2. Д.В. Молчанову

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 2–2 об.

¹ Разгильдеев Иван Евграфович (ок. 1812 – после 1862), выпускник Горного кадетского корпуса, в 1831 г. служил на Нерчинских горных заводах и на Урале, в 1849 г. – чиновник по

особым поручениям при горном отделении, в 1855 г. – горный инженер, подполковник, и. д. горного начальника Нерчинских заводов, с 1862 г. – в отставке на Урале.

²Танкевич – возможно, ошибка переписчика. Правильно: *Панкевич Викентий Бонифацевич*, в 1847–1851 гг. – врач Иркутского девичьего института.

³*Муравьев* (Амурский) *Николай Николаевич* (1809–1881), граф, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 гг. Генерал – так называли Н.Н. Муравьева в Восточной Сибири.

⁴Сергиевские воды – минеральные серные источники в Бугурусланском уезде Оренбургской (с 1851 г. Самарской) губернии. Были открыты в начале XIX в. На водах лечили ревматизм, заболевания опорно-двигательного аппарата.

⁵Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁶Лицо неустановленное.

3. Д.В. Молчанову

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 3–6 об.

¹*Раевский Александр Николаевич* (1795–1868), старший брат М.Н. Волконской, управлявший наследством сестры и ее детей. Неприязненные отношения А.Н. Раевского с С.Г. Волконским сохранялись со времени отъезда Марии Николаевны к мужу в Сибирь, поскольку Раевский считал декабриста причиной несчастий своей сестры. Эти отношения усугубились из-за того, что А.Н. Раевский слишком самостоятельно управлял наследством М.Н. Волконской, не считаясь с ее мнением и всячески порицая ее за расходы.

²*Раевская Анна Михайловна* (урожд. Бороздина, 1819–1883), жена Н.Н. Раевского-младшего, брата М.Н. Волконской.

³*Волконский Михаил Сергеевич* (1832–1909), сын С.Г. и М.Н. Волконских, в 1849 г. окончил Иркутскую гимназию, в 1849–1856 гг. – чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири.

⁴*Раевская Софья Николаевна* (1806–1881), сестра М.Н. Волконской.

⁵*Орлов Михаил Федорович* (1788–1842), генерал-майор, член Союза благоденствия. Благодаря заступничеству брата А.Ф. Орлова, был лишь уволен со службы, выслан в деревню под надзор с запрещением въезда в столицу, в 1831 г. переехал в Москву. С 1821 г. женат на сестре М.Н. Волконской Екатерине.

⁶Лицо, о котором идет речь, установить не удалось.

⁷Имение С.Г. Волконского в Днепровском уезде Таврической губернии.

⁸Лицо неустановленное.

⁹Скорее всего, речь идет о тетке М.Н. Волконской *Екатерине Алексеевне Константиновой*.

¹⁰*Орлова Екатерина Николаевна* (урожд. Раевская, 1796–1884), сестра М.Н. Волконской.

¹¹Сестры М.Н. Волконской Софья и Елена (1804–1852) были бездетны.

¹²Я умываю руки (*франц.*).

4. М.Н. Волконской

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. не пронумерованы

Машинописная копия на франц. яз. Перевод О.А. Акулич и Л.Г. Гладовой. Публикуется впервые

¹Правильно – Дарасун, курорт в Забайкалье.

²Возможно, слуга Волконских.

³Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁴С.Н. Раевская приезжала к Волконским в Сибирь и совершила вместе с сестрой путешествие в Забайкалье.

⁵ Маймачин, Маймачен (по-китайски торговое место) – в Монголии общее название торговых предместий, которые обыкновенно стоят отдельно от городов и обнесены деревянной стеной; в них живут купцы без семейств. В частности, Маймаченом называлась китайская слобода, расположенная в Монголии у русской границы, напротив Кяхты.

⁶ Имеется в виду Нерчинский Завод – село, в настоящее время административный центр Нерчинско-Заводского района (с 1926 г.), расположено в 658 км от Читы. Современное название поселение получило в 1763–1775 гг. В 1787–1917 гг. завод принадлежал кабинету его императорского величества. В 1760-е гг. – центр горнорудной промышленности Забайкалья, сосредоточивший все административные учреждения по управлению заводами и рудниками Забайкалья.

⁷ Возможно, *Белоголового Андрея Васильевича* (1806–1860), иркутского купца I гильдии.

⁸ *Мазарович Иван Семенович* (ок. 1823–1896), в 1847–1852 гг. – адъютант и офицер для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, в 1853–1856 гг. – командующий Енисейским конным казачьим полком.

⁹ Очевидно, шутивное или иносказательное название места, где в это время находился на службе Михаил Волконский.

¹⁰ Абакум, Нинишка – скорее всего, слуги Волконских.

¹¹ Н.Н. Муравьев не заехал в Кяхту из-за трений с градоначальником Кяхты Н.Р. Ребиндером. Он обвинял Ребиндера в том, что за время его пребывания в Кяхте в качестве градоначальника вчетверо больше золота прошло через границу и что это результат послабления контрабандистам с его стороны, поэтому посещение Кяхты не было ему приятно. Н.Р. Ребиндер считал, что эти обвинения несостоятельны и причина неприязни в желании Н.Н. Муравьева уничтожить Кяхту и этим заставить правительство открыть другие пункты для торговли с китайцами, возможно на берегах Амура (Архив В.П. Павловой. ИМД ВХ ФЗК 117/1).

¹² *Анненков Николай Николаевич* (1799–1865), генерал-адъютант, в 1849–1851 гг. ревизовал Западную Сибирь по военно-сухопутному и гражданскому управлениям.

¹³ Речь идет об Н.Н. Муравьеве, который имел звание генерал-лейтенанта.

¹⁴ *Ребиндер Николай Романович* (1813–1865), в 1851–1855 гг. – кяхтинский градоначальник, в 1856–1858 гг. – попечитель Киевского, в 1858–1859 гг. – Одесского учебных округов, в 1859 г. – директор департамента народного просвещения, с 1861 г. – сенатор. Женат на дочери С.П. Трубецкого Александре.

¹⁵ *Трубецкая Екатерина Ивановна* (урожд. гр. Лаваль, 1800–1854), княгиня, жена декабриста С.П. Трубецкого.

¹⁶ Черным доктором С.Г. Волконский называл иркутского врача *Ивана Сергеевича Персина* (1804–1858), друга семьи Трубецких.

¹⁷ Скорее всего, гувернантка Трубецких *Олендская (Оленская, Аленская)* (в замужестве *Тулинская*) *Констанция Юлиановна*, была приглашена в 1851 г. И.С. Персиным по рекомендации С.И. Борх.

¹⁸ Возможно, *Вольф Владимир Иванович*, барон, чиновник по особым поручениям генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева.

¹⁹ Возможно, речь идет о негативной реакции Е.И. Трубецкой на осложнения в отношениях Н.Н. Муравьева и Н.Р. Ребиндера. К этому же времени относится и откровенное противостояние семей Волконских и Трубецких по открывшемуся «занадворовскому делу». Врач И.С. Персин, по свидетельству современника «отличавшийся удивительным умением обращаться со своими пациентами и ловкостью принаравливаясь к их требованиям и в то же время любимый и уважаемый в среде золотопромышленников и купцов», сам, будучи золотопромышленником, был сторонником опального Ф.П. Занадворова (см.: *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. С. 61). Близость к семье Трубецких и их безусловное доверие позволяли ему влиять на мнение Е.И. Трубецкой. В деле был замешан Д.В. Молчанов, противницей брака которого с Е.С. Волконской наряду со многими декабристами была и Е.И. Трубецкая. Очевидно, сочувствие к Занадворову до такой степени разгневало Н.Н. Муравьева, что его адъютант А.Н. Похвиснев сообщал М.С. Корсакову о полученном от генерала распоряжении «передать некоторым лицам, а именно кн[ягине] Трубецкой, находящейся под влиянием Персина с его штабом, Муханову, чтобы они держались осторожнее и не мешались бы в глупые разговоры и суждения,

из опасности *переменить Иркутск на Колыму*» (см.: *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири. Новосибирск, 1998. С. 141).

²⁰ Речь идет о семье Трубецких.

²¹ *Трубецкой Иван Сергеевич* (1843–1874), сын С.П. Трубецкого, крестник С.Г. Волконского.

²² *Трубецкая Елизавета Сергеевна* (1834–1918), дочь Трубецких.

²³ Скорее всего, слуга Волконских.

²⁴ *Мальнева Мария Матвеевна* (ок. 1812 – после 1863), служанка Волконских, приехала в Сибирь в 1828 г. В Сибири вышла замуж, имела сына Ивана. Выехала из Сибири вместе с М.Н. Волконской в 1855 г. Крепостная Волконской, в 1849 г. – отпущенница (ГАИО. Ф. 266. Оп. 2. Д. 28. Л. 329 об.).

²⁵ Лицо неустановленное.

5. Д.В. Молчанову

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 14 об.–17

Черновое письмо. Публикуется впервые

¹ *Репнин Василий Николаевич* (1806–1880), князь, племянник С.Г. Волконского, сын его брата *Николая Григорьевича Волконского*, в честь своего деда принявшего фамилию Репнин. Недовольство действиями своих родственников, в том числе и В.Н. Репнина, в отношении наследства своих детей С.Г. Волконский выражал неоднократно в письмах как к детям, так и к самому Репнину.

² *Репнина-Волконская Варвара Алексеевна* (урожд. гр. Разумовская, 1778–1864), жена Н.Г. Репнина-Волконского.

³ *Волконский Александр Никитич* (1811–1878), сын Никиты Григорьевича Волконского, брата С.Г. Волконского.

⁴ Из письма М.Н. Волконской А.М. Раевской от 10 июля 1852 г.: «Мой сын скоро будет совершеннолетним, а я совершенно ничего не знаю о моих делах, а между тем я должна дать ему в них отчет. Мой брат [А.Н. Раевский. – *Е.Д.*], на которого я всегда смотрела как на благодетеля моих детей, виноват только в одном – он держал меня 48 лет под опекой. Он ограничивается тем, что время от времени пишет Михаилу письма, в которых называет меня безумной, расточительной, «мать твоя транжирит, разорит тебя...» и т. д., и в конце концов сообщает ему, что у нас 200 тыс. рублей капитала, а со временем мы будем иметь еще 100 тысяч рублей и аренду на 15 лет, все это по милости Репниных и Александра Волконского. Но представьте себе, что этот капитал в безымянных банковских билетах, и брат писал мне много раз, что он несколько раз пользовался ими под собственной ответственностью, – судите сами: какой риск, если он внезапно умрет, а ведь в этом заключается все состояние моего сына. Затем он закладывает мое личное имение с оплатой по 6% со 100 рублей, а получает только по 4% с моего капитала, помещенного в Опекунский совет» (Неизданные письма М.Н. Волконской. С. 109–110). Также речь идет о добровольной передаче Нижегородского имения Волконских семье декабриста. Братья С.Г. Волконского, Николай и Никита, отказались от своих наделов в пользу М.Н. Волконской, это решение поддержали их дети (*Караи Н.Ф.* Князь Сергей Волконский. С. 249).

⁵ В 1852 г. А.Н. Раевский выдал В.Н. Репнину акт на владение принадлежащим М.Н. Волконской Нижегородским имением. Эта сделка была оформлена не юридически, а лишь на основании частной расписки В.Н. Репнина, в которой он обязывался заключить в ближайшее время официально арендный акт и отдать деньги за аренду. Однако он не только забрал часть имения, отданную его отцом семье декабриста, но и присвоил себе наделы М.Н. Волконской и ее детей. Кроме того, он не платил за аренду имения на основании того, что сделка с А.Н. Раевским не носила юридического характера (*Караи Н.Ф.* Князь Сергей Волконский. С. 249).

Записка, представленная мною жене моей...

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 18–24 об. Публикуется впервые

¹ Орлов Николай Михайлович (1821–1886), сын М.Ф. и Е.Н. Орловых. Речь идет о настойчивом предложении А.Н. Раевского порекомендовать ведение дел М.Н. Волконской ее племяннику Н.М. Орлову. М.Н. и С.Г. Волконские решили доверить ведение дел по оформлению наследства своему зятю Д.В. Молчанову. Из письма М.Н. Волконской А.М. Раевской от 10 июля 1852 г.: «Я воспользовалась отъездом в Петербург моего зятя и объяснила брату от своего имени и от имени Сергея, что именно мы хотим сделать, чтобы формально по закону утвердить наше состояние детям. В конце концов, я заявила ему, что если наши планы ему не нравятся и он приведет в исполнение свою угрозу бросить мои дела, то я прошу не поручать их никому, кроме Дмитрия, потому что при всей моей дружбе с Николаем Орловым, которого он мне указывает, мне позволено предпочесть ему своего зятя» (Неизданные письма М.Н. Волконской. С. 110).

б. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 9–9 об., 9а–9а об.

(Черновое карандашом)

¹ Верхнеудинск – город в Забайкалье, ныне г. Улан-Удэ.

² Мадам Эк – одна из сестер Эк. *Эк Софья Андреевна* – классная дама Иркутского девичьего института в 1845–1852 гг., *Эк Дарья Андреевна* – классная дама Иркутского девичьего института в 1845–1849 гг.

³ О сложных отношениях между семьями Трубецких и Волконских было известно в Иркутске и за его пределами. Из письма В.И. Штейнгейля от 27 июня 1854 г.: «Самое неприятное: взаимное несогласие семейств Волк[онского] и Трубецкого» (*Штейнгейль В.И. Сочинения и письма*. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 293).

⁴ Возможно, *Деятов Михаил Петрович*, чиновник, в 1853 г. – советник Забайкальского областного правления, в 1859 г. – заседатель Ачинского окружного суда.

⁵ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁶ *Занадворов Фавст Петрович* (1811–1888), отставной сибирский чиновник, купец и промышленник. Был женат на племяннице и наследнице иркутского купца-золотопромышленника, мецената и благотворителя *Ефима Андреевича Кузнецова* (1771–1851) *Екатерине Александровне* (урожд. Малеевой).

⁷ Возможно, ошибка переписчика письма. Скорее всего, речь идет о Е.А. Занадворовой.

⁸ Очевидно, речь идет о жалобе «кочующих тунгусов» об учиненном Занадворовым поджоге лесов в Олёкминском округе Якутской области, «на огромном пространстве, где пролегла дорога к его золотоносному прииску». Этот пожар нанес урон звериному промыслу и, следовательно, уплате ясака. Следователь А.И. Бибиков вызвал Занадворова к месту пожара, но тот не явился сначала под предлогом болезни, а затем заявил, что дал Молчанову, который мог повлиять на следствие, 20 тыс. рублей серебром, чтобы избавиться от поездки к месту расследования.

⁹ Сын И.С. Персина Сергей.

¹⁰ Лицо неустановленное.

¹¹ Речь идет о слухах в Иркутске, в которых обсуждалась нечистоплотность Ф.П. Занадворова в отношении иркутского купца и золотопромышленника Е.А. Кузнецова и раздела имущества Е.А. Кузнецова после его смерти между его сонаследницами (см.: *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. С. 67–69; *Вагин В.И.* К биографии Муравьева-Амурского // Там же. С. 275.

¹² Лицо неустановленное.

¹³ Возможно, И.Е. Разгильдеев.

¹⁴ *Поджио Александр Викторович* (1798–1873), отставной подполковник, член Южного общества, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в Усть-Куде, где жил с 1834 г. его

ссылный брат *Поджио Иосиф Викторович* (1792–1848). Недалеко от Усть-Куды, на берегу Ангары, в живописном месте, именуемом Камчатником, у Волконских был небольшой дом.

7. Д.В. Молчанову
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 7–7 об.

8. Д.В. Молчанову
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 11–11 об.
Публикуется впервые

¹ 5 июля – день преподобного Сергия игумена Радонежского.

9. Д.В. Молчанову
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 8–8 об.
(Черновое)
Подлинник на франц. яз. Перевод Л.Г. Гладовской
Публикуется впервые

¹ Пария, парии (от тамильского *парайян*) – одна из неприкасаемых каст на юге Индии. В европейских языках слово «пария» приобрело значение «отверженный», «бесправный».

² На момент ареста С.Г. Волконский владел солидной недвижимостью и крепостными. По его собственной оценке, недвижимость состояла из двух основных частей: благоприобретенной и родовой, т. е. переходящей по наследству к членам семьи Волконских (*Караи Н.Ф.* Князь Сергей Волконский. С. 235).

³ Из письма С.Г. Волконского В.Н. Репнину: «Вы <...> вступили в полное владение бывшей моей частью Нижегородского имения со второй половины 1852 года, и вот почти три года как вы пользуетесь доходами ононого, а нам не высылаете ни копейки <...>. Вы <...> имеете право перед законом, но не перед совестью владеть наделом нашим из бывшего моего Нижегородского имения, то есть по праву благовидной конфискации. Но по какому праву вы похищаете у детей моих надел племянника моего Александра Никитича, добросовестно им в пользу их пожертвованного? По какому праву вы похищаете у жены моей ее вдовый надел? (*Караи Н.Ф.* Князь Сергей Волконский. С. 249).

10. Д.В. Молчанову
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. Л. 18–19 об.
Черновик. Публикуется впервые

¹ В.А. Репнина-Волконская.

² *Репнина-Волконская Варвара Николаевна* (1808–1891), дочь Н.Г. и В.А. Репниных-Волконских.

³ *Волконская Зинаида Александровна* (урожд. кн. Белосельская-Белозерская, 1792–1862), жена Н.Г. Волконского, брата С.Г. Волконского.

⁴ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

11. Е.С. Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 20–21

¹ 7 сентября 1854 г. Е.С. и Д.В. Молчановы выехали из Иркутска в Москву в связи с отставкой, полученной Д.В. Молчановым.

² Сын Молчановых, которого они оставили в Иркутске у М.Н. и С.Г. Волконских.

³ Скорее всего, ошибка переписчика и С.Г. Волконский пишет о возвращении из Тырети – села, расположенного на Московском тракте. Иреть же расположена в Черемховском районе в стороне от Московского тракта, поэтому проезжать Иреть путешествующие в Москву не могли. С.Г. Волконский и Аделаида Пэт, компаньонка С.Г. Волконской, приехавшая с ней в Сибирь, планировали проводить Молчановых до Нижнеудинска. «7-го наконец Молчановы двинулись из Иркутска, проводы им, как говорят, были великолепны. Сер[гей] Григ[орьевич] отправился с ними до Нижнеудинска вместе с Аделаидой, которую вы скоро увидите <...>» (Из письма В.И. и И.Д. Якушкиных И.И. Пущину от 10 сентября 1854 г. из Иркутска // Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. СПб., 2007. С. 385).

⁴ Зуя, Зуй, Зуевская – село, почтовая станция Московского тракта.

⁵ Станция Московского тракта.

⁶ *Комарович (Коморович)*, иркутский почтмейстер.

⁷ *Борзатти Иосиф*, преподаватель музыки в Иркутском девичьем институте. Учил музыке детей Волконских.

⁸ Мокшецкий – написание фамилии в письмах на русском и французском языках разное: Мокшецкий и Макшецкий. Скорее всего, речь идет о прапорщике *Мечиславе Францевиче Мокржецком* (Макржецком), служившем в Иркутске «помощником начальника отделения продовольственного» (ГАИО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 7. Л. 172 об.–173. Метрическая книга Спасо-Преображенской церкви. 1850–1853).

⁹ Скорее всего, *Кукель Болеслав Казимирович* (1829–1869), выпускник Главного инженерного училища, с 1850 г. служил в Восточной Сибири; с 1851 г. – по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, с 1856 г. – управляющий казачьим отделением, член Совета Главного управления, в 1862–1864 гг. – и. о. забайкальского губернатора.

¹⁰ *Малахов Иван Алексеевич*, чиновник.

¹¹ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

¹² *Венцель Карл Карлович* (1796–1874), генерал-майор, в 1851–1860 гг. – военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор, начальник штаба войск Восточной Сибири. Во время отлучек Н.Н. Муравьева исполнял обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири.

¹³ *Таскин Алексей Николаевич* (ок. 1806 – после 1862), горный инженер, в 1837–1841 гг. – правитель дел и начальник горного отделения при генерал-губернаторе Восточной Сибири, в 1848–1853 гг. – управляющий горным отделением Главного управления Восточной Сибири.

12. Е.С. и Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 24–24 об.
Подлинник на франц. яз. Перевод Л.Г. Гладовской

¹ 17 сентября – день венчания Е.С. Волконской и Д.В. Молчанова в 1850 г.

² *Запольский Павел Иванович* (1797–1860), с 1849 г. – генерал-майор, бригадный командир Иркутского и Енисейского казачьих полков, в 1851–1855 гг. – наказной атаман Забайкальского казачьего войска, забайкальский военный губернатор.

³ *Стадлер Андрей Осипович* (ок. 1817 – после 1866), выпускник Московского университета, в 1848–1850 гг. – член Совета, управляющий отделением Главного управления Восточной Сибири, в 1850 г. на эту должность назначен Д.В. Молчанов, в 1850–1857 гг. – председатель Енисейского губернского суда.

⁴ Вторая речная экспедиция – второй сплав по Амуру, который был разделен на три отряда под руководством генерал-губернатора. 1-й отряд возглавил Н.Н. Муравьев, он был с женой

Екатериной Николаевной; 2-й отряд – под начальством командира 15-го линейного батальона подполковника А.А. Назимова и 3-й – под начальством полковника М.С. Корсакова. С этим сплавом прибыли для защиты Приамурского края всего 2500 человек войска. В составе сплава находилась также научная экспедиция, снаряженная Сибирским отделом Географического общества.

⁵ Софья Григорьевна Волконская приехала в Иркутск в 1854 г. навестить брата.

⁶ Иркутский девичий институт им. Николая I.

⁷ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁸ Поселение Усть-Мая известно еще с XVII–XVIII вв. как пристань на левом берегу р. Алдана, у впадения в нее р. Май, как почтовая станция на Аянском тракте.

⁹ *Казакевич Петр Васильевич* (1814–1887), в 1848–1850 гг. – участник экспедиции Г.И. Невельского, в 1851–1855 гг. – офицер для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурском, в 1856–1865 гг. – военный губернатор Приморской области Восточной Сибири, контр-адмирал.

¹⁰ *Савич Никанор Никанорович* (?–1860), лейтенант 25-го флотского экипажа на фрегате «Паллада».

¹¹ *Крюднер* (Крюденер) *Николай*, барон, лейтенант Гвардейского экипажа на фрегате «Паллада».

¹² *Путятин Евфимий Васильевич* (1803–1883), граф, адмирал, дипломат; совершил кругосветное плавание на фрегате «Крейсер» под командованием М.П. Лазарева. В 1842 г. – посол России в Персии. В 1843 г. разработал проект экспедиции по исследованию Тихого океана, в котором предлагал изучить юго-западное побережье Охотского моря с целью переноса Охотского порта, исследовать Сахалин и попытаться завести дипломатические отношения с Японией. Такая экспедиция под начальством Е.В. Путятин была организована лишь в 1852 г. – на фрегате «Паллада» в сопровождении винтовой шхуны «Восток». Несмотря на трудности, возникшие из-за начавшейся Крымской войны, Е.В. Путятин сумел добиться выгодного для России Симодского торгового договора с Японией. Офицеры «Паллады» описали восточное побережье Кореи. В 1858 г. Путятин заключил с Китаем Тяньцзиньский договор, аналогичный Айгуньскому.

¹³ Шанхая.

¹⁴ *Аничков Владимир Иванович* (1812–1863), выпускник Пажеского корпуса, генерал-майор, состоял при Н.Н. Муравьеве, в начале 1856 г. временно управлял Иркутской губернией. С 1857 г. варшавский обер-полицмейстер.

¹⁵ *Грот* (*Гротте*) *Эдуард Васильевич* (?–1859), капитан-лейтенант; плывал с Г.И. Невельским мичманом на «Байкале». Исследовал лиман Амура, в июле 1849 г. участвовал в открытии Южного пролива между Сахалином и материком (прохода Невельского)

¹⁶ В тексте: Витин. Правильно: Витим – одна из крупнейших рек Восточной Сибири, правый приток Лены.

¹⁷ Река в Иркутской губернии, правый приток Лены.

¹⁸ *Моллер Николай Павлович* (1814–1868), майор, командир Иркутского конного казачьего полка. Суть взаимоотношений выяснить не удалось.

¹⁹ В письме И.И. Пущину от 28 июня 1854 г. С.Г. Волконский сообщал о своей сестре: «Нет слов, чтобы достаточно возблагодарить Бога и ее за это неоцененное для меня пожертвование и по трудности пути, и по разлуке с ее семейством. Ведь ей 68 лет от роду – и она полуслепая» (Декабристы. Летописи Литературного музея. Кн. 3. С. 92).

13. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 26–26 об.

Подлинник на франц. яз. Перевод Л.Г. Гладовской

¹ Молчановы по пути в Москву останавливались в Омске.

² *Крюднер* (Крюденер) *Амалия Максимилиановна* (урожд. фон Лерхенфельд, 1808–1887), баронесса, жена русского дипломата барона Александра Сергеевича Крюденера. По свиде-

тельству современников, баронесса была одарена редкостной, уникальной красотой, ею восхищались Г. Гейне, А.С. Пушкин, император Николай I. После смерти Крюденера Амалия Максимилиановна стала женой финляндского губернатора и члена Государственного совета графа Н.В. Адлерберга.

³ *Константин Николаевич* (1827–1892), великий князь, генерал-адмирал, второй сын императора Николая I. В 1853 г. вступил в управление морским министерством. С 1855 г. – адмирал, управляющий флотом и морским ведомством на правах министра.

⁴ Так в письмах Е.С. и Д.В. Молчановым Волконский называет А.В. Поджио, поскольку братья Поджио были двоюродными братьями М.Н. Волконской (см.: Неизданные письма М.Н. Волконской. С. 82, 90). Как А.В. Поджио был связан с Гротом, установить не удалось.

⁵ А.В. Поджио и его жена Л.А. Поджио были в дружеских отношениях с Трубецкими.

⁶ *Буссе Николай Вильгельмович* (Васильевич, 1826–1866), выпускник Пажеского корпуса, с 1853 г. майор, подполковник, офицер для особых поручений при Н.Н. Муравьеве-Амурском, в 1856 г. – полковник, в 1857 г. – начальник штаба войск Восточной Сибири, в декабре 1858 г. – генерал-майор, военный губернатор Амурской области.

⁷ П.И. Запольскому.

⁸ В Красноярске.

14. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 27–27 об.

Подлинник на франц. яз. Перевод Л.Г. Гладовской

¹ Молчановы ехали в Москву.

² Город (с 1782 г.) в России, в настоящее время – административный центр Канского района Красноярского края.

³ Возможно, жена Борзатти.

⁴ *Шелашников Константин Николаевич* (1820–1888), выпускник Школы армейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1851 г. из гвардии капитанов переведен дежурным штаб-офицером в Дежурство войск Восточной Сибири, подполковник, с 1856 г. бригадный командир Иркутского и Енисейского конных казачьих полков, в 1859 г. – генерал-майор, в 1864–1880 гг. – военный губернатор г. Иркутска и иркутский гражданский губернатор.

⁵ *Заборинский Ахиллес Иванович* (1820–1895), офицер Генерального штаба, в 1848–1856 гг. служил в Восточной Сибири, начальник штаба, полковник.

⁶ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁷ *Муравьева Екатерина Николаевна* (урожд. де Ришмон, ?–1897), с 1847 г. жена Н.Н. Муравьева-Амурского.

⁸ Так Волконские называли внука.

15. Е.С. и Д.В. Молчановым.

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 28

16. Д.В. и Е.С. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 29

¹ Станция Московского тракта.

² *Корсаков* (Карсаков) *Михаил Семенович* (1826–1871), выпускник Школы армейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1848 г. назначен для особых поручений к генерал-губернатору Восточной Сибири, майор, в 1852 г. подполковник, начальник казачьего отделения и член Совета ГУВСа, в 1854 г. полковник, в 1855–1860 гг. – военный губернатор

Забайкальской области, с 1856 г. генерал-майор, с 1861 г. – генерал-губернатор Восточной Сибири.

³ *Невельской Геннадий Иванович* (1813–1876), мореплаватель, исследователь Дальнего Востока, адмирал с 1874 г. Окончил Морской кадетский корпус и Высшие офицерские классы при Морском кадетском корпусе. В 1848–1849 гг. в чине капитан-лейтенанта командовал транспортом «Байкал», прошел из Кронштадта в Петропавловск-Камчатский. В 1850–1855 гг. руководил Амурской экспедицией по исследованию бассейна Нижнего Амура, побережья Приморья, острова Сахалин и Татарского пролива. Во время Крымской войны участвовал в защите Тихоокеанского побережья от нападения англо-французской эскадры. За критику высших государственных органов в 1856 г. был отстранен от исследований на Дальнем Востоке и отозван в С.-Петербург.

⁴ Николаем I, великим князем Александром Николаевичем, великим князем Константином Николаевичем.

⁵ *Дейхман Оскар Александрович* (1818 или 1820–1891), горный инженер, окончил Горный институт, с 1841 г. служил в Восточной Сибири, в 1845–1847 гг. – чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе, с 1847 г. управляющий Петровским железодельным заводом, в 1856–1865 гг. – начальник Нерчинского горного округа.

⁶ *Михайловский Яков Павлович*, в 1854 г. – генерал-майор, командир 3-й бригады 24-й пехотной дивизии.

⁷ *Беклемишев Федор Андреевич* (1829–1899), выпускник Лицея, с 1851 г. на службе в Восточной Сибири, в 1854–1857 гг. – верхнеудинский земский исправник, в 1858–1861 гг. – член Совета Главного управления, управляющий IV отделением, за убийство на дуэли М.С. Неклюдова в 1859 г. отстранен от службы и арестован, затем прощен по ходатайству Н.Н. Муравьева.

⁸ *Якушкин Иван Дмитриевич* (1793–1857), декабрист, с 1836 г. на поселении в Ялуторовске. 14 августа 1854 г. приехал в Иркутск, жил у Трубецких, выехал из Иркутска в августе 1855 г.

⁹ Скорее всего, речь идет о Н.Д. Свербееве.

17. Д.В. и Е.С. Молчановым ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 30

¹ *Струве Бернгард Васильевич* (1827–1889), чиновник по особым поручениям при Н.Н. Муравьеве, в 1851–1852 гг. – временно управлял Якутской областью, председатель Иркутского губернского правления в 1853–1855 гг. Жена – *Анна Федоровна Розен*. Охлаждение в отношениях и конфликт с Н.Н. Муравьевым сам Б.В. Струве объяснял тем, что строгость и взыскательность сочетались в нем со стремлением защищать «низшие классы». При заготовке хлеба для казенных нужд он доказывал необходимость установления более высоких цен, отстаивая «интересы крестьян и бурят, с которых... приходилось взysкивать подати, повинности и недоимки». Это противоречило планам Муравьева, заинтересованного в 1850-х гг. в максимальной экономии средств, необходимых для решения амурского вопроса. Современники называли иные причины немилости генерал-губернатора. Н.Д. Свербеев объяснял так: «Бедный Струве поплатился, и поделом, за то, что попал в команду к жене и теще, стал жить сверх своих средств, делать непозволительные долги и заважничался окончательно до того, что не чувствовал под собою земли, перессорившись со всеми... Не будь сварливой Струвищи и будь другим Струве – давно был бы губернатором» (см.: *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Новосибирск, 2002. С. 152–153).

² *Соловьев Степан Федорович* (1819–1867), с 1853 г. временный красноярский купец. По доверенности от 11 сентября 1853 г., выданной ему отцом, Ф.П. Соловьевым, он имел право полновластно производить розыск, разведку и разработку золотосодержащих россыпей в Восточной Сибири и кредитоваться от имени отца до 100 000 рублей. Соловьев постоянно расширял свое дело, организуя большие разведывательные партии в Верхотурский уезд Пермской губернии, в Забайкальский край, олекминскую тайгу, в Архангельскую губернию,

на Алтай и в другие местности. На открытых месторождениях золота и платины создавал новые прииски. Известный благотворитель.

³ Правильно: Олёкма – река в Забайкальском крае, Амурской области и Якутии, правый приток р. Лены. Между реками Витимом, Леной и Олёкмой были расположены золотые прииски Олёкминско-Витимского горного округа, часть которых принадлежала золотопромышленнику С.Ф. Соловьеву.

⁴ Жигалово – пристань в верхнем течении р. Лены.

⁵ Б.В. Струве долго ждал перевода, в 1856 г. был назначен вице-губернатором в Астрахань.

⁶ Ф.А. Беклемишев.

⁷ *Трапезников Константин Петрович* (1790–1860), иркутский купец 1-й гильдии, иркутский городской голова в 1847–1850 гг.

⁸ *Борисовы*, братья – *Петр Иванович* (1800–1854), *Андрей Иванович* (1798–1854), декабристы, на поселении с 1839 г. в с. Подлопатки близ Верхнеудинска, с июля 1841 г. – в д. Малой Разводной, расположенной недалеко от Иркутска. 30 октября 1854 г. П.И. Борисов скоропостижно скончался, А.И. Борисов, страдавший душевной болезнью, в этот же день покончил с собой.

⁹ *Булычев Иван Демьянович* (1813–1877), камер-юнкер, член комиссии, возглавлявшей сенатором И.Н. Толстым и осуществлявшей ревизию Восточной Сибири в 1842–1846 гг. В Иркутске женился на племяннице купца Е.А. Кузнецова.

¹⁰ П.И. Борисов в Сибири стал художником. Основная часть сохранившихся рисунков была создана им на поселении, когда он «выполнил большое количество заказов чиновников и купцов на изготовление альбомов с рисунками животного и растительного мира Сибири» (Декабристы о Бурятии: Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ, 1985. С. 13). В 1848–1854 гг. П.И. Борисов был занят выполнением большого заказа, сделанного И.Д. Булычевым. Рисунки из собрания И.Д. Булычева сохранились полностью. С.Г. Волконскому, оказавшемуся распорядителем дел Борисовых после их смерти, принадлежит заслуга в сохранении этого собрания.

18. Е.С. и Д.В. Молчановым

Фрагмент письма. Подлинник на франц. яз. Перевод Л.Г. Гладовской

¹ К.К. Венцель.

² *Моллер Николай Павлович* (1814–1868), в 1851 г. – майор, командир Иркутского казачьего конного полка.

³ *Ефимов Иван Владимирович* (1820–1905), чиновник, в 1848 г. – управляющий Илгинским, с 1849 г. – Александровским казенными винокурными заводами, в 1853–1856 гг. – иркутский земский исправник.

19. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 33–34

¹ В это время в Москве была эпидемия холеры.

² Город в Западной Сибири на реке Каинке, притоке Оми. В настоящее время город г. Куйбышев Новосибир. обл.

³ *Казмирский Яков Дмитриевич* (1800–1860), штаб-офицер корпуса жандармов, плац-майор в Чите и Петровском Заводе, с 1853 г. – генерал-майор корпуса жандармов, начальник 8-го (Сибирского) округа, находился в Омске.

⁴ Аделаида хорошая, услужливая, приятная, как обычно, и совершенная забота о моей жене и о вашем ребенке (*франц.*).

⁵ П.И. Запольский.

⁶ Б.К. Кукель.

⁷ Правильно: *Н.А. Гильтебрандт*, правитель канцелярии военного губернатора.

⁸ *Струве Анна Федоровна* (урожд. Розен, ?–1905), жена Б.В. Струве; *Розен Надежда Федоровна*, баронесса, вдова коллежского советника, в 1852–1855 гг. – смотрительница Иркутского сиропитательного дома Ел. Медведниковой, мать А.Ф. Струве.

⁹ Е.И. Трубецкая.

¹⁰ *С.П. Трубецкой* (1790–1860), декабрист, в 1845–1856 гг. жил в Иркутске.

¹¹ Иван Трубецкой.

¹² *Трубецкая Зинаида Сергеевна* (1837–1924), дочь Трубецких.

¹³ *Н.Д. Свербеев* (1829–1859), выпускник Лицея, в 1851–1853 гг. – чиновник по особым поручениям Якутского областного правления, в 1854–1855 гг. – секретарь генерал-губернатора по дипломатической части, участник амурских сплавов 1854 и 1855 гг. Увлечение Свербеева Зинаидой Трубецкой, которое началось еще в 1852 г., несколько изменилось после смерти Е.И. Трубецкой, когда Зинаида могла стать бесприданницей (см.: *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма, дневник 1857–1858 гг. Иркутск, 1987. С. 521–522).

¹⁴ *Якушкин Вячеслав Иванович* (1823–1861), старший сын И.Д. Якушкина, чиновник, титулярный советник, участник первых амурских сплавов. В.И. Якушкин также претендовал на руку З.С. Трубецкой.

¹⁵ Речь идет о содействии семьи в сватовстве В.И. Якушкина к Зинаиде Трубецкой. В письме И.И. Пушину от 24 октября 1855 г. С.Г. Волконский писал: «Возврат генерала решит, кто будет счастливец у Зины, усердно работают за Вячеслава. Но что скажет сама, то не знаю, и желал бы, чтоб было в пользу Свербеева. Тут Поджии много за первого хлопочут, а они так несчастливо свихляли свадьбу Ребиндера, чтобы не должны брать новую на свою ответственность» (*Волконский М.П.* Письма декабриста С.Г. Волконского. С. 395).

20. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 35–38

Фрагмент письма на франц. яз. Перевод О.А. Акулич, Л.Г. Гладовской.
Публикуется впервые

¹ *Юшневская Мария Казимировна* (1790–1863), жена декабриста А.П. Юшневского. После смерти мужа в 1846 г. не получила разрешения на выезд из Сибири. Жила в деревне Малой Разводной.

² Братья П.И. и А.И. Борисовы.

³ Других сведений не найдено.

⁴ В 1853 г. Малая Разводная была причислена к казачьим поселениям. «Ты уже знаешь, что Малая Разводная назначена под поселение: все крестьяне этой деревни записаны казаками» (из письма М.К. Юшневской С.П. Юшневскому от 3 мая 1853 г. // Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. Киев, 1908. С. 154).

⁵ И.Д. Булычев.

⁶ Возможно, имеется в виду А.В. Белоголовый.

⁷ *Н.П. Стеффенс*, иркутский врач.

⁸ *Грибовский* (Гржибовский) *Отто Степанович*, врач Иркутского девичьего института в 1854–1865 гг.

⁹ *Касаткин Иван Александрович*, врач Иркутского девичьего института в 1851–1854 гг., участник амурских экспедиций, в 1854–1861 гг. – старший чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири, с 1861 г. – в отставке.

¹⁰ Трубецкие Никита (Кит, Кита, Китушка) (1835–1841), Софья (1844) – дети Е.И. и С.П. Трубецких. Похоронены в Иркутском Знаменском монастыре.

¹¹ *Горбунов Петр Александрович* (1808–1880), выпускник Московского университета, был приглашен в 1851 г. И.С. Персиным к Трубецким в качестве воспитателя для их сына Ивана.

¹² *Кюхельбекер Анна Михайловна* (1834–?) и *Юстина Михайловна* (1836–?), дочери М.К. Кюхельбекера. Первая воспитывалась у Трубецких, вторая также находилась под их покровительством. Обучались в сиропитательном доме Ел. Медведниковой. А.М. Кюхельбекер вышла замуж за иркутского чиновника В.К. Миштовта.

¹³ Служащая в доме Трубецких. Фамилия не установлена.

¹⁴ К.Ю. Тулинская (см. примеч. 17 к п. 4).

¹⁵ Очевидно, С.Г. Волконский так называет молодых претендентов на руку З.С. Трубецкой.

¹⁶ Орлов Александр Матвеевич, протоиерей, настоятель церкви Иркутского девичьего института в 1845–1882, 1885–1889 гг.

¹⁷ Родионов Петр Петрович (?–1885), священник Кудинской Свято-Троицкой церкви с 1826 по 1875 г., протоиерей, благочинный.

¹⁸ Закиевская Магдалена Параскева, няня в семье Трубецких и впоследствии у Ребиндеров. Прибыла в Сибирь в 1842 г., будучи служанкой жены польского ссыльного В. Мигурского Альбины. «В ожидании переправы через Байкал прожили мы здесь более двух недель, но добрая, верная, и преданная Магдуся так заболела, что ни ждать ее, ни взять с собой мы никоим образом не могли. Поэтому под свою опеку взяла ее княгиня Трубецкая, супруга преступника 1825 года, после смерти которой в Иркутске помилованный муж ее увез Магдусю в Киев, где, как я слышал, живет она до сих пор» (*Мигурский Винценты*. Записки из Сибири // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / Публ., сост., перевод Б.С. Шостаковича. Иркутск, 2009. С. 266).

21. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 45–46 об.

¹ После смерти Екатерины Ивановны С.П. Трубецкой вместе с дочерью и сыном уехал в Кяхту к Ребиндерам.

² Кабанское – село, расположенное на левом берегу реки Селенги.

³ Желчных, сплетников и их имени, ничего более, но что меня удивляет – это то, что Дядька в этом участвует, выступая в рыцарском образе, по поводу которого я никогда не мог обмануться и никогда не заблуждался (*франц.*).

⁴ Н.Д. Свербеев.

⁵ Поджио Лариса Андреевна (урожд. Смирнова), бывшая классная дама Девичьего института, с 1851 г. жена А.В. Поджио.

⁶ Вероятно, это последний крик разлуки, обращенный к ней, это крик боли, но она не может и не должна дольше разделять мой досуг. Она и так достойно делала это по моей милости (*франц.*).

⁷ П.И. Запольский.

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ Ни за ни против (*лат.*).

¹⁰ Гостиной.

¹¹ У нас [достаточно] денег, и нужно наконец оплатить наши здешние счета и вернуть все займы. Искренне ваш С[ергей] В[олконский] (*франц.*).

22. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 47–48

¹ Смысл непонятен.

² Скорее всего, речь идет о прощальной вечеринке, устроенной слугой Волконских Иоганном, которого загребовали в армию в Лифляндию.

³ Слуга Волконских.

⁴ Повар Волконских.

⁵ Слуги Волконского.

⁶ Слуга Молчановых.

⁷ Слуга Михаила Волконского.

⁸ Наглец, нахал (*франц.*)

⁹ Слуга Молчанова.

¹⁰ *Баснин Николай Васильевич* (старший) (1832–1854), офицер, поручик драгунского полка, участник Крымской войны, погиб в сражении при Курюк-Даре.

¹¹ *Баснин Василий Николаевич* (1799–1876), иркутский купец, меценат, библиофил, коллекционер, садовод.

¹² *Баснина Елизавета Осиповна* (урожд. Портнова, 1804–1881), жена В.Н. Баснина.

¹³ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

¹⁴ Лицо неустановленное.

¹⁵ Большой клеветник (*франц.*). Речь идет о Ф.П. Занадворове.

23. Е.С. и Д.В. Молчановым ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 48–48 об. Фрагменты письма на рус. яз.

¹ С.Г. Волконский приводит высказывания Ф.П. Занадворова.

² *Завойко Василий Степанович* (1810–1898), адмирал, мореплаватель, участник Наваринского сражения. С 1840 г. — начальник Охотской фактории Российско-Американской компании; в 1843 г. перенес факторию в Аян, в 1854 г. возглавил оборону Петропавловска, куда уже был перенесен Охотский порт, от англо-французской эскадры. В 1855 г. ранней весной под носом противника вывел русскую эскадру из Авачинской бухты и благополучно привел ее в залив Де-Кастри, откуда вместе с Путятиным и Невельским направился в лиман Амура. С 1860 г. — военный губернатор Камчатки.

³ *Лохвицкий Аполлон Давыдович* (ок. 1823 – после 1883), чиновник, с 1851 г. — в Восточной Сибири, в 1854–1856 гг. — правитель канцелярии камчатского военного губернатора, в 1856–1861 г. — старший советник Забайкальского областного правления.

24. Е.С. и Д.В. Молчановым ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 57 об.– 59 об.

¹ Произвели фурор, и дело того заслуживает (*франц.*).

² Просроченных (*франц.*)

³ Желчного малыша и братства картежников, которые хотели его попотрошить (*франц.*). Желчным малышом С.Г. Волконский называл А.И. Бибикова (1826–1889), племянника декабриста М.И. Муравьева-Апостола, в 1852–1854 гг. — чиновника по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири (об отношении С.Г. Волконского к А.И. Бибикову см.: Декабристы. Летописи Литературного музея. Кн. 3. С. 95).

⁴ Барон Крюднер и Савич, которые нагнали в дороге Молчановых.

⁵ Подчеркнутых (*франц.*).

⁶ *Никитин Петр Васильевич*, губернский землемер, титулярный советник.

⁷ *Штубендорф Юлий Иванович* (1811–1888), выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1851 г. из гвардии капитанов переведен дежурным штаб-офицером в Дежурство войск Восточной Сибири с зачислением по армии подполковником, в 1856 г. — бригадный командир Иркутского и Енисейского конных казачьих полков, в 1859 г. — генерал-майор, в 1863–1864 гг. — и. д. забайкальского военного губернатора, в 1865 г. генерал-лейтенант. Правитель дел СОРГО в 1851–1859 гг.

⁸ В отчаянии от правосудия (*франц.*)

⁹ Просроченные (*франц.*)

¹⁰ О ком идет речь, выяснить не удалось.

¹¹ Неустановленное лицо.

25. Е.С. и Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 60–61 об.

¹ *Максутов (Максютов) Дмитрий Петрович* (1832–1889), князь, адмирал. В чине лейтенанта участвовал в Петропавловской обороне, затем плывал на корвете «Оливуца». В 1852–1853 гг. – участник плавания в Японию под командованием Е.В. Путятина, В 1854 г. – активный участник обороны Петропавловска-Камчатского. Помощник капитана порта. Впоследствии занимал пост главного правителя Российско-Американской компании. Его двоюродный брат Александр Петрович Максудов был смертельно ранен в Петропавловском сражении.

² Оханск – город в Пермском крае.

³ Посольское – село на северо-востоке Посольского сора – залива озера Байкал.

⁴ Забайкальск – поселок в Забайкалье.

⁵ Лицо неустановленное.

⁶ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁷ Аудиториат – военный суд; Генеральный аудиториат при военном министерстве Российской империи, место для пересмотра и решения военно-судных дел.

⁸ *Краузе* – полковник артиллерии. Из письма С.П. Трубецкого от 6 декабря 1854 г. Н.Д. Свербееву: «Здесь [в Иркутске. – Е.Д.] разнесся слух, что арт[иллерийский] полк[овник] Краузе найден повешенным близ Малой Разводной» (*Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 228).

26. Е.С. и Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 62–63 об.

¹ *Рейн Эдуард* (1829 – после 1867), с 1854 г. служил в Восточной Сибири, с 1856 г. – военный инженер-капитан.

² Скорее всего, речь идет о рассмотрении дела Молчанова в Омске.

³ Я.Д. Казимирский.

⁴ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁵ *Репинский Кузьма Григорьевич*, действительный статский советник, золотопромышленник.

⁶ Возможно, флигель-адъютант, прикомандированный к военному суду, который был назначен над Занадворовым в Омске. В 1853 г. приехал из Омска в Иркутск (см.: Иркутская летопись. Иркутск, 1911. С. 320; *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 212).

⁷ Скорее всего, К.П. Трапезников.

⁸ *Дараган Кузьма Яковлевич*, чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири в середине 1840-х гг., был женат на Анне Ивановне Кузнецовой, дочери золотопромышленника И.К. Кузнецова.

⁹ Ю.И. Штубендорф.

¹⁰ Прости мне это суждение (*франц.*).

¹¹ Он мог бы выбраться на поверхность, если бы он решился предпринять шаги к уступкам, которые он мог бы, по-моему, сделать, но без влияния своей жены и тещи, но он не хочет их делать (*франц.*).

27. Е.С. и Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 64–65

¹ Очевидно, речь идет о матери и сестре Д.В. Молчанова.

² Иркутский врач.

³ Очевидно, имеется в виду охлаждение отношений с Н.Н. Муравьевым.

⁴ Желчный карлик (мальш) (*франц.*) – А.И. Бибииков. «Не все нам друзья здесь, даже очень мало их, а племянничек твоего товарища [М.И. Муравьева-Апостола. – *Е.Д.*] во главе их – не знаю, про что за что. Что нас не любит – бог с ним, что вредит сыну – гадко, подло, но и тут скажу – бог с ним. Вперед говоря, об нем буду говорить le petit billeux» (Декабристы. Летописи Литературного музея. Кн. 3. С.107).

⁵ *Буссе Николай Васильевич* (Вильгельмович) (1828–1866), в 1853–1854 гг. – командир русского военного поста на Сахалине, в 1855 г. – подполковник, офицер для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, в 1856 г. – начальник экспедиции по Амуру, в 1857–1858 гг. – начальник штаба войск, в Восточной Сибири расположенных, с 1859 г. – генерал-майор, первый губернатор Амурской области.

⁶ *Форменного маленького Макиавелли* (*франц.*)

⁷ Лица, о которых идет речь, не установлены.

⁸ *Провидение* (*франц.*).

28. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 68–71 об.

¹ *Дорохова Мария Александровна* (1811–1887), двоюродная сестра Ф.Ф. Вадковского и З.Г. Чернышева, директриса Иркутского девичьего института в 1849–1854 гг. С 1 апреля 1854 по 1863 г. – начальница Нижегородского Мариинского института. Очевидно, Молчановы должны были посетить М.А.Дорохову в Нижнем Новгороде.

² *Дагерротип.*

³ *Дорога вокруг Байкала.*

⁴ Я не знаю, какая собака пробежала между ними, холодность меня удручает, и это не от сердца, а от головы в бреду (*франц.*).

⁵ *Баснин Павел Петрович* (1816–1867), двоюродный брат В.Н. Баснина, кяхтинский, иркутский 1-й гильдии купец, золотопромышленник, потомственный почетный гражданин.

⁶ Трехгранная призма с орлом наверху и с тремя указами Петра I (от 17 апреля 1722, 21 и 22 января 1724 ст. ст.) на гранях; в царской России была непрременной принадлежностью каждого присутственного места, символ государственной власти.

⁷ Скорее всего, эксцепциальный от слова «эксцепция» – ссылка на фактические обстоятельства или правовую норму, которая исключала возможность удовлетворения иска по римскому праву.

⁸ О сути дела против Моллера сведений не найдено.

⁹ *Очернить генерала* (*франц.*).

¹⁰ *Капнист Алексей Васильевич* (ок. 1796–1867). Подполковник Воронежского пехотного полка, в 1821 г. – адъютант Н.Н. Раевского, уволен от службы в 1827 г., почетный смотритель миргородского уездного училища в 1833 г., миргородский уездный предводитель дворянства в 1829–1835 и в 1841–1844 гг.

¹¹ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

¹² С.Н. Раевская.

¹³ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

¹⁴ *Кривоца Елизавета Николаевна* (урожд. кн. Репнина-Волконская, 1817–1855), племянница С.Г. Волконского.

29. Е.С. и Д.В. Молчановым

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 74–75 об. Публикуется впервые

¹ *Иноземцев Федор Иванович* (1802–1869), известный московский врач, лечивший Д.В. Молчанова.

² Лица, о которых идет речь, не установлены.

³ Так С.Г. Волконский называет Ф.П. Занадворова.

⁴ В.А. Репниной.

⁵ Племянницы С.Г. Волконского.

⁶ В.Н. Репнин.

30. Е.С. и Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 76–79 об.

¹ *Зиновьев Петр Васильевич* (1812–1868), знакомый многих декабристов, неоднократно доставлял их письма, по свидетельству И.Д. Якушкина – золотопромышленник.

² Не предавайтесь апатии в вашем правом деле, приприте к стенке обвинителей и увидите ваших судей, если они таковыми являются, кто они на самом деле, и если необходимо... с осторожностью, чтобы не подставить себя под удар (*франц.*).

³ Скорее всего, речь идет о Н.Д. Свербееве, являвшемся претендентом на руку Зинаиды Трубецкой.

⁴ А.Н. и С.Н. Раевские.

⁵ Скорее всего, речь идет об отношении к М.Н. Волконской в связи с делом Молчанова. Н.Д. Свербеев сообщал С.П. Трубецкому из Иркутска в Кяхту 7 декабря 1854 г. о том, что врач Иноземцев признал болезнь Д.В. Молчанова весьма серьезной: «Эта вещь, кажется, не по нутру Мар[ии] Ник[олаевне], которая, между прочим, пользуется теперь всеобщей любовью, начиная сверху» (*Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 513).

⁶ Но привычка усвоена, и трудно усвоить другую (*франц.*).

⁷ Речь идет о жене А.В. Поджио – Ларисе Андреевне.

⁸ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁹ Скорее всего, К.Ю. Тулинская.

¹⁰ Меньшей непреклонности (*франц.*).

¹¹ Скорее всего, С.Г. Волконский имеет в виду отношение Н.Н. Муравьева к Молчанову. В 1854 г. Н.Н. Муравьев, который с начала «занадворовского дела» защищал Д.В. Молчанова, отказался принимать его у себя. Декабрист П.С. Бобрищев-Пушкин в письме И.И. Пущину сообщает: «По приезде не только Молчанов, но и Нелинька не были приняты в доме М[уравьева] – это страх огорчило Мар[ью] Ник[олаевну], так что она несколько дней прохворала. Теперь, я думаю, кается, что не слушала ничьих советов» (*Бобрищев-Пушкин П.С.* Сочинения и письма / Изд. подг. В.С. Колесниковой. Иркутск, 2007. С. 232).

¹² Речь идет об отношениях С.Г. Волконского с Н.Н. Муравьевым.

¹³ Е.Н. Муравьева.

¹⁴ Дела зашли слишком далеко (*франц.*).

¹⁵ *Григорьев* (Игорев) *Константин Никифорович* (1799–1871), в 1851–1856 гг. – якутский гражданский губернатор.

¹⁶ Лицо неустановленное.

¹⁷ О П.И. Запольском, губернаторе Забайкальской области, и о назревающем недовольстве со стороны генерал-губернатора неисполнением его распоряжений, которое впоследствии привело к снятию генерала Запольского с должности, см.: *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. С. 53–55.

¹⁸ Речь идет об интригах против И.Е. Разгильдеева, но суть и лица, указанные С.Г. Волконским, не установлены.

¹⁹ Менее злоречивый (*франц.*).

²⁰ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

²¹ Чирий, который развился в карбункул (*франц.*).

²² Некий (*франц.*).

²³ *Кинаст Карл Васильевич*, доктор медицины, в 1854–1860-х гг. – инспектор Иркутской врачебной управы.

²⁴ Завоевал авторитет (*франц.*).

²⁵ Он не есть (*франц.*).

²⁶ Мне кажется, ей намного лучше (*франц.*).

31. Е.С. и Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5 и № 30. Л. 91–92
Фрагмент письма на рус. яз.

¹ Дело о взятке и дело о присвоении денег, пожертвованных В.Н. Басниным.

² Большой клеветник (*франц.*).

³ Панин Виктор Никитич (1801–1874), министр юстиции в 1841–1862 гг.

⁴ Скорее всего, Н.Н. Муравьев.

⁵ Большого клеветника и его компании (*франц.*)

32. Е.С. и Д.В. Молчановым
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 93–94

¹ Возможно, Я.Д. Казимирский, который в это время приезжал в Иркутск и останавливался у А.В. Поджио.

² Лицо, о котором идет речь, не установлено.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Белая голова (*франц.*). Возможно, А.В. Белоголовый.

⁵ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

⁶ И.Д. Якушкин.

⁷ Кабро Анастасия Алексеевна, классная дама в Иркутском девичьем институте в 1854 г.

⁸ Плеврита, который первоначально приняли за ревматическую боль (*франц.*).

⁹ Липранди Екатерина Петровна (?–1874), начальница Иркутского девичьего института с 1854 по 1858 г.

¹⁰ Лицо неустановленное.

¹¹ П.И. Запольский.

¹² Скорее всего, А.И. Бибилов.

¹³ Во французском тексте имена и географические названия часто пишутся по-русски.

33. Д.В. Молчанову
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 98–98 об.

¹ О приисках, принадлежавших С.Г. Волконскому, информации не найдено.

² С.Г. Волконский получил разрешение сопровождать до Красноярска Марию Николаевну, уезжавшую в Россию.

34. Д.В. Молчанову
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 103–103 об.

¹ Сгибнев Александр Степанович (1826–1881), лейтенант, участник первого сплава по Амуру, командир парохода «Аргунь». В будущем известный деятель Сибирского отделения Русского географического общества и видный военно-морской историк.

² О ком идет речь, не установлено.

35. Е.С. Молчановой
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 113–113 об.

¹ Законник (*лат.*)

² Скорее всего, кяхтинский купец Николай Игумнов.

³ Простите мне этот цинизм (*франц.*)

⁴ Возможно, кормилица или няня Сережи Молчанова.

36. Е.С. Молчановой
ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 116

¹ Дурново Александра Петровна (урожд. Волконская, 1804–1859), племянница С.Г. Волконского, дочь его сестры Софьи, муж – Дурново Павел Дмитриевич (1804–1859), гофмейстер.

² Это лучшая компенсация их несправедливости, которую ты можешь получить (*франц.*)

³ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

О.А. Акулич

К вопросу об эпистолярном наследии княгини Е.И. Трубецкой

Самая известная из русских женщин XIX в., воспитанная в поэмах Н.А. Некрасова, А. де Виньи, Ю. Словацкого, Екатерина Ивановна Трубецкая вошла в историю мировой культуры как идеал бескорыстной любви и самопожертвования. Ее подвигом восхищались современники, ее имя помнят и чтят потомки через полтора столетия после смерти. Личность княгини Трубецкой кажется доподлинно известной благодаря художественной литературе¹ и мемуарам ее сестры Зинаиды Лебцельтерн, опубликованным в переводе на русский язык В.П. Павловой и А.Л. Вайнштейн². Но, как ни парадоксально, документальные свидетельства от первого лица – письма, в которых отражен богатый внутренний мир чувствующей и страдающей женщины, не становились до сих пор предметом специальных исследований. Еще в конце XIX в. ярославский краевед Л. Трефолев, предвзято публикуя письма Е.И. Трубецкой из архива архиепископа Нила (Исаковича), писал, ссы-

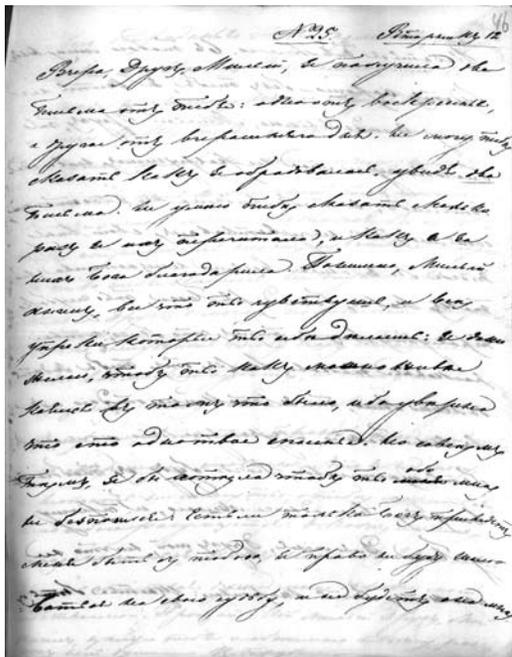

Н.А. Бестужев. Портрет Е.И. Трубецкой.
1830. Миниатюра на слоновой кости

Еще в конце XIX в. ярославский краевед Л. Трефолев, предвзято публикуя письма Е.И. Трубецкой из архива архиепископа Нила (Исаковича), писал, ссы-

лаясь на друга декабристов Н.А. Белоголового, о том, что жены декабристов еще не нашли до сих пор достойной оценки. Трефолов отмечал: «...было бы странно в настоящее время ограничиваться относительно этих незабвенных русских женщин одною лишь поэтической оценкою их, как бы она ни была верна с исторической стороны. Возможно полное собрание их писем – вот что, по нашему мнению, всего нужнее в данном случае для характеристики тех героинь, которые вслед за своими мужьями устремились в сибирские трущобы»³. Четыре письма Е.И. Трубецкой, обращенные к владыке Нилу и датированные 1839–1846 гг., стали первой и самой «обширной» публикацией эпистолярного наследия Е.И. Трубецкой на весь последующий XX в.⁴ Справедливости ради стоит отметить, что историком А.Д. Марголисом было введено в научный оборот еще одно письмо Е.И. Трубецкой, адресованное в 1830 г. А.Х. Бенкендорфу⁵. Вот и весь корпус опубликованных источников, на которых построено представление о выдающейся русской женщине XIX в.

Крупный специалист по истории семьи Трубецких, составитель двухтомника документов и эпистолярного наследия С.П. Трубецкого в серии «Полярная звезда» В.П. Павлова отмечала почти полное отсутствие в архивах писем Е.И. Трубецкой⁶. Так ли это – предстоит проверить. В целом ряде писем С.П. Трубецкого периода поселения автор указывает, что это приписки к письмам Екатерины Ивановны. Для выявления писем княгини можно будет использовать архивные данные, приведенные во втором томе «Полярной звезды», посвященном С.П. Трубецкому. В личном архиве, который В.П. Павлова передала на хранение в наш музей, отложились рабочие материалы по подготовке томов «Полярной звезды». Здесь же хранятся тетради с краткими конспектами или выписками из двухсот писем Екатерины Ивановны, датированных 1825–1826 гг. Это самые ранние из известных нам писем Е.И. Трубецкой. Они были адресованы мужу в Петропавловскую крепость. Практически ежедневно, а иногда и дважды в день супруги писали друг другу. Причем все эти письма написаны по-русски. Ответные письма С.П. Трубецкого вошли в первый том, выпущенный В.П. Павловой в 1983 г.⁷ Благодаря этим конспектам нам удалось создать специальный видеоролик, в котором профессиональные актеры воспроизводят текст двух писем, написанных

Письмо Е.И. Трубецкой. 1826. Автограф.
ГАРФ

супругами Трубецкими в январе 1826 г. Таким образом, впервые в экспозиции Дома-музея Трубецких появилось звучащее эпистолярное наследие, в основе которого диалог двух любящих сердец.

Сегодня известно, что письма княгини Трубецкой хранятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Ярославля и Парижа⁸. Эпистолярное наследие княгини Каташи, как называли ее близкие и друзья и как именуют ее сегодня ее потомки, поистине обширно. Во все годы каторжных работ мужа Е.И. Трубецкая от своего имени писала родным многих декабристов, лишенных права переписки. Впервые часть этих писем (81 письмо) была опубликована Т.Г. Любарской в 27-м томе «Полярной звезды», посвященном декабристу А.З. Муравьеву⁹. Несмотря на соавторство с безгласным декабристом, Трубецкая выражает в них и свои собственные мысли, чувства, сообщает некоторые факты от первого лица. Весь сибирский период с 1827 по 1854 г. Трубецкая вела регулярную переписку со своей семьей, друзьями-декабристами, жившими на поселении, друзьями, приобретенными в Сибири. Из семейных архивов на сегодня нам известно 130 писем, хранящихся в Национальном архиве Франции (Archives nationales de Paris). Эти письма, написанные по-французски, адресованы сестре Зинаиде Лебцельтерн. Именно эти письма читал и цитировал в переводе в 1930-х гг. русский священник-иезуит Иоанн Кологривов. Пересказанные и переведенные им на русский язык фрагменты этих писем являются сегодня основным источником для биографии княгини Трубецкой. Французские потомки Е.И. Трубецкой по линии графини З.И. Лебцельтерн трудятся над расшифровкой этих писем и подготовкой их к публикации на французском языке¹⁰. В перспективе сотрудничества музея и потомков Е.И. Трубецкой значатся перевод и публикация в Иркутске писем будущего французского издания.

Возвращаясь к русской части архивного наследия Е.И. Трубецкой, хотелось бы сказать, что публикацией каждого нового письма мы вызволяем из-под замшелой бронзы художественного образа настоящую княгиню Каташу.

Ниже мы приводим два письма Е.И. Трубецкой из Государственного архива Российской Федерации. Содействие в их выявлении любезно оказала нам О.В. Эдельман, за что мы ей искренне благодарны. В расшифровке текстов принимала участие М.Ю. Кельчевская. Письма публикуются по цифровой копии, полученной нами из ГАРФа. Орфография подлинника сохранена, пунктуация текста приведена в соответствие с современными нормами.

Е.И. Трубецкая – С.П. Трубецкому¹¹

№ 25¹²

[Санкт-Петербург.] Вторник, 12 [января 1826 г.]

Вчера, друг милый, я получила два письма от тебя: одно от воскресенья, а другое от вчерашнего дня. Не могу тебе сказать, как я обрадовалась, увидя два письма. Не умею тебе сказать, сколько раз я их перечитала и как я за

них Бога благодарила. Понимаю, милый ангел, все, что ты чувствуешь, и все упреки, которые ты себе делаешь. Я даже желаю, чтоб ты как можно живее каялся в том, что было, ибо уверена, что это одно твое спасение. Но со всем тем я бы хотела, чтобы ты обо мне не беспокоился. Если только Бог приведет меня быть с тобою, я, право, не буду жаловаться на свою судьбу, и не будет она мне казаться тяжелою. С тобою мне везде будет хорошо – без тебя я жить не могу, следственно, милый друг, ты благополучие мое не разрушил навсегда. Если б я тебя видела в ожесточении, если бы ты не чувствовал своей вины, тогда бы я была весьма несчастлива; но так как, благодаря Богу, ты глубоко тронут всем тем, что было, и твое раскаяние таково, как от тебя ждать должно было, то я спокойно отдаю себя в волю Божию и чувствую, что могу еще быть счастливою, когда буду с тобою вместе. Всегда одного желаю и прошу у Бога. Для меня, друг мой, ничто не может быть жертвой: счастье быть с тобою, страдания твои делить – заменит мне все на свете. Ты знаешь, что я никогда на земле ничего столько не любила, как тебя, мой милый ангел. Не думай, чтоб я смогла о чем-нибудь жалеть: цель жизни моей – тебя утешать. Нет у меня мысли, которая бы не к тебе стремилась, нет чувства, которое бы не до тебя касалось. Не тужи, мой милый друг, о моем положении, старайся только заслужить, чтоб нас соединили, когда возможно будет, и чтоб не отдалили обещанное нам свидание. Молись Богу и себя храни – вот моя просьба, и на мой счет будь совершенно спокоен. Что я не могу перестать ни минуты о тебе молиться, само собой разумеется. О ком и о чем мне молиться, как не о тебе? Ты давно знаешь, что твоя душа мне дороже моей собственной. Прощай, мой милый друг, мой ангел, целую тебя и обнимаю тысячу раз от всей души.

«Князю Сергею Петровичу Трубецкому» – адрес на письме Е.И. Трубецкой. 1826. Автограф. ГАРФ

К. Трубецкая

Е.И. Трубецкая – С.П. Трубецкому¹³

№ 26

[Санкт-Петербург.] Среда, 13 генваря [1826 г.]

Надеюсь, милый друг, сегодня получить письмо от тебя. Вчера не имела и ждать не могла. Но со всем тем с нетерпением жду сегодняшнего письма и молю Бога, чтоб надежда моя не была обманута. Каков ты душою и телом? Меня одно беспокоит – страх, чтоб твоя вера ослабла, чтоб ты в минуту слабости усомнился в милосердии Божиим. Ради Христа, мой ангел, старайся

сего избегнуть. У Бога любовь, милость, прощение всегда можно снискать. Раскаянием и верою возможно получить, чего его будешь просить, а мы, друг милый, об одном только молим и должны молиться, чтоб он принял наше раскаяние и соединил бы нас опять. Конечно, друг мой, я хочу делить твоё раскаяние. Ты не можешь иметь чувства, которому бы я не была причастна. Бог сказал, что, когда его двое призывают с упованием, он всегда слышит такую молитву. Как же мне не хотеть и тут с тобой вместе молиться? Мне кажется, что тебе от того легче будет, если я на себя возьму часть твоего раскаяния. Ах, если б тебе знать, мой ангел, как бы я желала в чём-нибудь облегчить твоё положение! Когда Бог приведет нас быть вместе, надеюсь, что любовь моя будет немного утешать тебя, не может быть, чтоб Бог меня лишил этого счастья. Меня поддерживает одна эта надежда; этим одним живу; твердо уповаю, милый друг, что Бог услышит мою молитву. Ты знаешь, мой ангел, как я тебя любила, теперь я только живее чувствую, сколько я к тебе привязана. Для меня счастье в том состоит, чтоб быть с тобою, а несчастье – в разлуке. Храни себя, друг милый, из жалости ко мне. Отдай себя от глубин души в волю Божию: он тебя наставит, поддержит, утешит. Молись ему, мой ангел, как можно чаще, всегда призывай его на помощь. Его нельзя напрасно призывать. Он никогда не презрив молитвы несчастных. С любовью моли его, он отец наш, единственное наше прибежище. Не уставай в молитве, не унывай: он, право, нас не оставит. Обо мне, мой ангел, не беспокойся, здоровье мое хорошо. Занятие мое одно: молиться о тебе, думать о тебе и о том, как бы я счастлива была, если б удалось мне хоть одну минуту на тебя посмотреть. Прощай, мой ангел, будь здоров, целую тебя и обнимаю от всей души сто раз.

К. Трубецкая

Примечания

¹ *Сергеев М.Д.* С Иркутском связанные судьбы. Иркутск, 1986. При создании образа Е.И. Трубецкой автор взял за основу документально-публицистический очерк И.Н. Кологривова (см.: *Кологривов И.* Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // *Современные записки.* Париж, 1936. Кн. 60. С. 204–249; Кн. 61. С. 231–279; Кн. 62. С. 247–283).

² *Лебцельтерн З.И.* Екатерина Трубецкая // *Звезда*, 1975. № 12. С. 179–194.

³ *Трефолов Л.* Отношения Иркутского архиепископа Нила к декабристам // *Русская старина*, 1899. № 9. С. 560.

⁴ В 1989 г. ярославский историк Н.Н. Тупицина упоминает о пяти письмах Екатерины Ивановны, с указанием места их хранения – фонд архиепископа Нила в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике. Но цитирует она только три из четырех, опубликованных ранее Л. Трефоловым (см.: *Тупицина Н.Н.* По страницам одного архива // *Экспонаты музея рассказывают: Научно-популярные очерки / Сост. Д.Ф. Полознев.* Ярославль, 1989. С. 27–33).

⁵ *Марголис А.Д.* Письма жен декабристов А.Х. Бенкендорфу // *Сибирь и декабристы.* Иркутск, 1983. Вып. 3. С. 241–250.

⁶ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности / Изд. подгот. В.П. Павловой. Иркутск, 1987. Т. 2. С. 17.

⁷ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности / Изд. подгот. В.П. Павловой. Иркутск, 1983. Т. 1.

⁸ ГАРФ. Ф. 1143; РГИА. Ф. 1657; ГАИО. Ф. 774; Национальный архив Франции (Les Archives nationales de France). Личные фонды. Фонд Малезерб (Archives Malesherbes).

⁹ Опубликованы письма Е.И. Трубецкой за 1829–1834 гг., адресованные родным А.З. Муравьева (см.: *Муравьев А.З. Письма* / Изд. подгот. Т.Г. Любарской. Иркутск, 2010).

¹⁰ Правнучки З.И. Лебцельтерн в пятом поколении Мари-Анес Андрие и графиня Беатрис де Тредерн в сентябре 2011 г. присутствовали на открытии Дома-музея Трубецких после реставрации и сообщили на встрече с общественностью Иркутска об истории архива, его теперешнем состоянии и собственных творческих планах по подготовке к изданию в 2013 г. книги писем княгини Каташи.

¹¹ ГАРФ. Ф. 1143. Оп. 2. Д. 1. Л. 46–47.

¹² Приводится авторская нумерация писем. С момента ареста С.П. Трубецкого прошло 27 дней.

¹³ ГАРФ. Ф. 1143. Оп. 2. Д. 1. Л. 48–49.

У нас в гостях школьные краеведы

М.Н. Сапигев

Декабрист Александр Николаевич Сутгоф. Жизнь на поселении

Писатель В. Чивилихин писал: «Любой рядовой декабрист нам должен быть интересен еще и потому, что на его облике и судьбе так же отразилось время, как на каждом из самых ярких и замечательных».

На протяжении ряда лет ребята из туристско-краеведческого клуба «Наследники», который работает при Центре развития творчества детей и юношества, исследуют жизнь декабриста Александра Николаевича Сутгофа, который некоторое время проживал на поселении в с. Введенском Шелеховского района. Нам удалось многое узнать благодаря изучению литературных источников, переписке с архивами, знакомству с работами краеведов Ю.С. Душкина и В.Н. Кравченко. Ребята познакомились и встречаются в Иркутске с потомком А.Н. Сутгофа по линии его жены Анны Федосеевны Николаем Владимировичем Янчуковским.

С дочерью отставного штабс-лекаря Петровского железодельного завода Федосея Янчуковского декабрист познакомился на каторге и обвенчался 17 марта 1839 года в Петровском Заводе. Анна добровольно соединила навек свою судьбу с нелегкой судьбой «государственного преступника».

Мы собрали большое количество материалов о семье, детстве, военной службе, участии в восстании, каторжной жизни, службе декабриста на Кавказе и последних годах его жизни. В данной работе мы представляем небольшой фрагмент этой работы, в котором изложены все известные нам подробности жизни Александра Николаевича Сутгофа на поселении в Иркутской губернии.

В середине августа 1839 г. семья Сутгофа приехала из Петровского Завода во Введенскую слободу. 23 сентября этого же года в письме к П.Н. Свисту-

*Н.А. Бестужев. Портрет А.Н. Сутгофа.
1839*

нову декабрист писал: «Вот уже более пяти недель, что я на поселении, и до сих пор не находил свободной минуты, чтобы писать к тебе, любезнейший Свистунов. Ты не можешь себе вообразить, что за тоска в наши лета начинать привыкать к новому образу жизни; в особенности меня пугает сельское хозяйство; я в нем решительно никакого понятия не имею, а по необходимости заняться должен. Все дико и ново для меня по этой части, – хожу по деревне и расспрашиваю жителей, чем бы выгоднее заняться и за что приняться. И до сих пор ничего от них не узнал. Один уверяет, что самое выгодное занятие – хлебопашество, другой говорит, что сенокос еще лучше, третий – сеяние конопли, четвертый – доставка строевого леса в Иркутск и так далее. Все это справедливо, и все они за малым исключением живут в большой бедности, во всей деревне не можем найти себе на зиму порядочной и теплой избы... мои дела в очень плохом положении благодаря г. Монрозу, который был так добр, что поссорил меня с моими родными, наговорив им кучу лжи насчет моей бедной жены. Более трех месяцев я не имею писем от родных, ты можешь себе представить, как это тяжело для меня»¹.

Через три месяца, 30 декабря, жена Сутгофа подала прошение генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту: «Я так страдала в продолжение всей зимы в Введенской слободе от простуды по причине неудобной квартиры, что принужденной нахожусь прибегнуть вторично к Вашему Высокочеславительству с покорнейшей просьбою о переводе мужа моего в селение Куду. Там, как мне сказали, есть теплый дом, теперь свободный, который занимали Юшневские. Кроме этой выгоды, в соседстве живет г-н Вольф, помощь которого при расстроенном моем здоровье была бы для меня неоценима². Того же числа Руперт написал Иркутскому гражданскому губернатору: «Принимая в уважение просьбу жены поселенного в слободе Введенской государственного преступника Сутгофа, что по неимению там удобной для жительства ее с мужем квартиры она совершенно расстроила свое здоровье и претерпевает великий недостаток в жизненных потребностях, покорно прошу Ваше превосходительство сделать распоряжение о временном переселении Сутгофа из слободы Введенской в селение Куду согласно просьбе жены его, впредь до особого разрешения, которое я со временем испрошу»³.

В январе 1840 г. В.Я. Руперт сообщил А.Х. Бенкендорфу о получении разрешения на перевод Сутгофа из Введенской слободы в с. Куду.

О своем устройстве Сутгоф пишет: «Мы просились в другое место и получили отказ, вследствие которого купили себе маленький домик, отделали его по-своему, издержали на него довольно много денег, он уже был готов, мы собирались в него переходить, как вдруг ему вздумалось вспыхнуть и сгореть до основания, мы остались без дома и без денег. К счастью, через пять дней мы получили матушкино благословение и деньги, это нас немного поправило и ободрило. Мы наняли себе другую квартиру, состоявшую из одной избы, разделенной на три части дощатыми перегородками... Наконец сил наших не стало, жена больная поскакала в город просить г. генерал-губернатора о переводе нас в другую деревню, где бы мы могли иметь порядочную квартиру. По приезде ее нас поместили в с. Куду, здесь у священника

мы имеем славную квартиру, я совершенно ожил. Жена же моя еще не может поправиться...»⁴.

Интересно, что села Усть-Куда и Куда – разные населенные пункты, стоящие на одной реке. Сохранились письма Сутгофа, написанные из этих сел.

В конце марта 1840 г. шеф корпуса жандармов А.Х. Бенкендорф написал генерал-губернатору Восточной Сибири: «Государственный преступник Александр Сутгоф, поселенный в Иркутской губернии в слободе Введенской и по случаю сгоревшего там купленного им дома перемещенный с разрешения Вашего превосходительства на время в той же губернии в село Куду, обратился к г. начальнику округа корпуса жандармов с просьбою об исходатайствовании ему дозволения остаться всегда в селении Куды. Сообщая о сем Вашему превосходительству, покорнейше прошу Вас... уведомить меня, находите ли Вы возможным удовлетворить настоящую просьбу Сутгофа». В.Я. Руперт ответил Бенкендорфу: «Чсть имею донести, что удовлетворение просьбы государственного преступника Александра Сутгофа об оставлении его на поселении в с. Куде, где он находится ныне, с дозволения моего, временно, по случаю уничтожения пожаром его дома, бывшего в слободе Введенской, в которой он поселен, – я, с своей стороны, нахожу совершенно возможным»⁵. 10 апреля А.Х. Бенкендорф сообщил В.Я. Руперту: «Государь император... повелеть соизволил: государственных преступников Мозалевского и Сутгофа оставить на поселении, первого в Петровском Заводе, а последнего Иркутской губернии в селе Куде»⁶. В мае поступило распоряжение об оставлении Сутгофа на постоянное жительство в Куде.

Старинное село Куды располагалось в живописном месте в 23 верстах от места впадения реки Куды в полноводную Ангару. О том, как жилось на поселении, Александр Николаевич рассказывает в своих письмах к П.Н.Свистуну и И.И. Пушкину.

22 декабря 1840 г.: «О постройке дома теперь еще и думать не смею, денег мало, а лес и работники чрезвычайно дороги. Поневоле не придерживаешься пословицы: в гостях хорошо, а дома лучше. Мы хотя в чужом доме живем, но жаловаться не можем, хозяева наши люди очень деликатные, они предоставили мне право распоряжаться их заимкой как мне угодно, огород при доме огромный, летом займусь им, страсть моя к цветам также не будет забыта...»⁷.

Александр Сутгоф, живя с больной женой, получил некоторую сумму от родственников, но она была незначительной, и поэтому он искал дополнительных средств для жизни.

Декабрист обратился к генерал-губернатору с просьбой о разрешении ему перейти на мельницу купца Герасимова. В переписке по этому поводу, присланной на имя В.Я. Руперта, говорится: «Проживающий в Кудинском селении Иркутского округа государственный преступник Сутгоф объясняет, что он, по недостаточности средств, не имеет возможности вторично обстроиться и, опасаясь по расстроенному здоровью своей жены провести зиму в крестьянской избе... обратился с просьбою о дозволении ему еще остаться в означенном селении и для поддержания себя в содержании управлять находящейся там мельницею купца Герасимова... причем присовокупил, что

дом купца Герасимова, состоящий при мельнице, имеет еще выгоду в том, что не был никем занят, дает возможность завести при нем небольшое хозяйство, чего в наемной квартире, живя вообще с хозяевами на одном дворе, нет никакой возможности сделать»⁸. В 1840 г. декабрист получил разрешение от генерал-губернатора Восточной Сибири на поступление в службу к частным лицам.

Отставной титулярный советник В. Т. Павлинов и иркутский первой гильдии купец П. М. Герасимов доверили А. Н. Сутгофу управлять их мукомольной мельницей на реке Куде. Это была большая мельница с плотинами и прудом. Здесь мололи зерно жители окрестных сел и деревень, денежная плата взималась за перемол с мешка или пуда. На мельнице работало несколько рабочих под руководством крестьянина Оёкской волости Степана Степановича Новоселова, нанявшегося мельником. Деньги с крестьян собирал мельник, передавал их приказчику, который отчитывался перед управляющим мельницей А. Н. Сутгофом. Мельница работала целыми сутками, все шесть жерновов, скованных железом, растирали зерно в муку, которую мельник сдавал в амбар. Почти всегда у мельницы скапливались крестьянские возы с зерном, каждый крестьянин ждал своей очереди. Мельник и мельничные рабочие жили у мельницы, питались за счет ее владельцев⁹.

В письме к И. И. Пущину от 20 февраля 1841 г. Сутгоф сообщает: «Мы до сих пор живем с большим трудом, деньги, которые я ожидал от сестер, никогда не были присланы, и капитал, отложенный для меня племянницей несколько лет тому назад, без моего ведома был употреблен сестрой (сестра декабриста – Анна Николаевна Нарышкина. – *М. С.*) на уплату долга за К. Нарышкина (К. М. Нарышкин, генерал-майор, брат М. М. Нарышкина, женат на А. Н. Сутгоф, сестре декабриста. – *М. С.*). Это нас подкосило совсем, мы теперь живем и долги выплачиваем деньгами, присылаемыми матушкой. В нынешнем году я взял на себя управление Кудинской мельницей, за что получаю 400 руб. жалованья и имею довольно большой дом со всеми удобствами и отоплением даром. Местоположение у нас порядочное, мы сидим большею частью дома, в Урике и в Оёке гостим иногда по несколько дней и жаловаться на свое положение не можем. Одно плохо – это что жена беспрестанно хворает»¹⁰.

В конце лета 1841 г. А. Н. Сутгоф обратился к В. Я. Руперту: «Расстроенное здоровье жены моей заставляет меня покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство дать мне позволение ехать с нею на Тункинские минеральные воды для излечения ее болезни на два месяца. Я надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство благосклонно примет просьбу мою, тем более что врачи находят это единственным средством, могущим избавить жену мою от хронической болезни».

Генерал-губернатор наложил резолюцию: «Написать г. гражданскому губернатору, что, снисходя на просьбу государственного преступника Александра Сутгофа видом для проезда и вообще, соблюсти весь тот порядок, который учрежден на подобные случаи. 2 сентября. Руперт»¹¹.

Летом 1841 г. поднялась вода в р. Куде и своей массой разрушила плотину, повредила мельничное производство настолько серьезно, что Павлинов

и Герасимов отказались от восстановления мельницы, принятые люди были уволены.

Без дела оказался и Александр Николаевич. Он обратился к управляющему делами и капиталами Тальцинской фабрики почетному гражданину Александру Андреевичу Свешникову, и тот предложил декабристу управлять упомянутой фабрикой при условии водворения его в Тальцинское селение. 10 декабря 1841 г. А.Н. Сутгоф обратился с прошением к В.Я. Руперту: «В прошлом году мне разрешено Вашим Высокопревосходительством по недостатку средств моих принять управление Кудинской мельницей господ Павлинова и Герасимова, наводнения нынешнего года нанесли ей столько вреда, что хозяева этой мельницы отказываются ее восстанавливать, и поэтому я лишился своего содержания. Между тем средства мои все более и более стесняются тем, что аренда, дававшая матушке моей возможность поддерживать меня, оканчивается с будущего января, почему я и решился просить Ваше Высокопревосходительство о позволении принять предложение господина Свешникова, вызвавшего меня управлять Тальцинской фабрикой.

Условия, им предложенные, такого рода, что были бы совершенно обеспечены... Г-н Свешников предупредил меня, что без Вашего формального отношения он водворить меня не может, почему, если это дело возможное, я осмелюсь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство принять в уважение причины, заставляющие меня вторично беспокоить Вас».

В июле 1842 г. он обратился к иркутскому гражданскому губернатору с просьбой разрешить ему покупку дома у станционного смотрителя Егора Енисоя в Хомутовском селении, в двух верстах от Куды. Губернатор доложил о просьбе Руперту, который наложил резолюцию: «Я не вижу препятствий насчет дозволения государственному преступнику Александру Сутгофу купить дом в Хомутовском селении»¹².

А.Н. Сутгоф 14 марта 1843 г. сообщает И.И. Пущину: «В прошлом году мы купили себе хорошенький маленький домик, вышли через это опять в долги и теперь во всем себе отказываем, чтобы скорее выплатиться...».

29 августа 1843 г.: «Теперь мы начали готовиться к зиме, конопатим дом, собираем в огородах, сушим овощи и солим огурцы. Мы часто раскаиваемся, что купили дом, гораздо умнее было бы перепроситься к вам в Тобольск или в Курган, где бы могли жить порядочно небольшими деньгами, которые нам присылают. В наших же восточных местах ежегодно становится все дороже и дороже; золотоискатели осадили нас со всех сторон...»¹³.

А.Н. Сутгоф активно поддерживал связь с товарищами. Он навещал декабристов в Усть-Кудинском селении, в Олонской слободе, в Урике, Оёке, Малой Разводной, где прожил более года. 13 июля 1840 г. он пишет И.И. Пущину из Усть-Куды: «Трубецкие все здоровы, мы с ними часто видимся, почти каждый праздник они за нами присылают лошадь, и мы... отправляемся к ним гостить на день и на два...»¹⁴.

В дружеских отношениях на поселении Сутгоф был и с Федором Федоровичем Вадковским, находившимся с 16 марта 1841 г. в с. Оёк Иркутского округа. Этой дружбе не помешала произошедшая в Читинском остроге ссора между ними. Вспыльчивый Вадковский, поссорившись с Сутгофом, бросил-

ся на него с ножом в руках. Комендант Нерчинских рудников и Читинского острога генерал-майор С.Р. Лепарский приказал заключить Вадковского в одиночную камеру¹⁵. Ф.Ф. Вадковский в письме к Е.П. Оболенскому от 7 октября 1839 г. из Иркутска сообщал: «На будущей неделе поеду взглянуть на Сутгофа»¹⁶.

Поддерживал он отношения и с Н.М. и А.М. Муравьевыми¹⁷.

7 января 1843 г. П.А. Муханов писал И.И. Пущину о семействе Сутгофа: «Жена Сутгова любит его без памяти, и они очень счастливы, купили прекрасный домик и живут себе»¹⁸.

В марте 1844 г. в ежемесячном донесении в Петербург иркутского гражданского губернатора о поведении ссыльных говорилось, что Сутгоф «занимается чтением книг и домашним хозяйством, ведет себя похвально, в образе мыслей скромн»¹⁹.

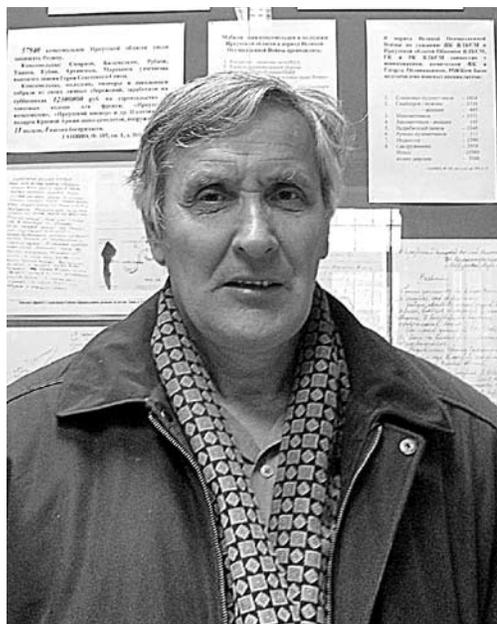
В апреле 1847 г. мать А. Сутгофа, в то время уже вдова, обратилась к шефу корпуса жандармов графу Орлову с просьбой о переводе сына из села Куды в Малую Разводную по случаю болезни его и его жены для получения возможности пользоваться пособием медиков.

А.Ф. Орлов просил В.Я. Руперта уведомить его, заслуживает ли Сутгоф снисхождения и возможно ли перевести его в Малую Разводную. Генерал-губернатор отвечал: «...честь имею ответить, что Сутгоф, как видно из месячных ведомостей, доставляемых ко мне начальником Иркутской губернии, ведет себя всегда хорошо, а поэтому я нахожу, что он вполне заслуживает этого снисхождения и может быть переселен из Куды в Малую Разводную». 7 июля того же года последовало царское повеление о переводе декабриста в Малую Разводную, куда он и переехал в августе 1847 г.

В марте 1848 г. мать А.Н. Сутгофа написала царю прошение о том, что ее сын «желал смыть кровью сделанное в молодости преступление, но был удерживаем от этого разными семейными обстоятельствами, которые только ныне несколько улучшились и дозволяют ему предаться означенному желанию об определении рядовым в Отдельный Кавказский корпус». Граф Орлов запросил генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева о поведении А. Сутгофа. 21 апреля 1848 г. Н.Н. Муравьев отвечал: «Государственный преступник Александр Сутгоф хорошим и скромным своим поведением при искушенном раскаянии вполне заслуживает испрашиваемой для него милости... назначения на Кавказ». 1 июня граф Орлов сообщил Н.Н. Муравьеву: «Государь император по всеподданнейшему докладу моему высочайше повелеть соизволил: находящегося в Иркутской губернии на поселении государственного преступника Александра Сутгофа согласно ходатайству его матери и собственному его желанию определить рядовым в Отдельный Кавказский корпус с правом выслуги». О воле царя Орлов уведомил военного министра и попросил Н.Н. Муравьева отправить Сутгофа в город Тифлис в штаб Отдельного Кавказского корпуса и об отправлении декабриста уведомить его. 14 июля А. Сутгофу объявили об определении его на службу рядовым в Отдельный Кавказский корпус с правом выслуги и об отправке его в Тифлис.

На запрос генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева 15 сентября 1848 г. иркутский гражданский губернатор сообщил: «На предписание вашего высокопревосходительства от 3 числа сего месяца имею честь донести, что находившийся на поселении в Иркутской губернии государственный преступник Александр Сутгоф отправлен на Кавказ 27 июня сего года»²⁰.

На Кавказе Сутгоф прослужил более 20 лет и в 69-летнем возрасте вышел в отставку в чине капитана. Заболев воспалением легких, 14 августа 1872 г. А.Н. Сутгоф скончался в возрасте 70 лет и был похоронен в ограде боржомской церкви Иоанна Крестителя. Его вдова Анна Федосеевна обратилась с просьбой о назначении пенсии: «Муж мой, капитан Сутгоф, состоя на службе с 1 ноября 1848 г., умер, оставив меня без всяких средств к существованию. <...> Всеподданнейше прошу <...> мне, на основании законоположений, назначить пенсион по жительству моему в местечке Боржом Тифлисской губернии». В положительном ответе главнокомандующего Кавказской армией было сказано, что «во внимание к исключительным обстоятельствам означенного офицера, его безукоризненной по возвращении из ссылки в Сибирь службе на Кавказе и оказанным им на Кавказе военным отличиям, равно в уважении крайне бедного положения вдовы <...> производить со дня смерти мужа из Государственного казначейства выплату в размере 315 рублей в год»²¹. Детей у супругов Сутгофов не было. Анна Федосеевна умерла после 1886 г., точная дата смерти сегодня нам неизвестна. Ни церкви, ни кладбища не сохранилось, в советское время там был построен санаторий. «После ее кончины в Боржом из Сибири приезжал племянник, акцизный чиновник Виктор Викторович Янчуковский, который продал доставшийся по наследству небольшой дом, сфотографировался на фоне гор в бурке и уехал обратно в Иркутск»²².

*Николай Владимирович Янчуковский,
внучатый племянник по линии жены декабриста
А.Н. Сутгофа Анны Федосеевны. Иркутск.
Фото М.Н. Сапижева. 2010*

Примечания

¹ Декабристы. Летописи Литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 310.

² Душкин Ю.С. Из жизни декабристов на каторге и поселении в Иркутской губернии. Рукопись // Архив службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Д. 1429. С. 100 (далее: Душкин Ю.С.).

³ Там же. С. 100–101.

- ⁴ *Кравченко В.Н.* Шипы для изгнанников. Ставрополь, 2003. С. 33–34 (далее: *Кравченко В.Н.*).
- ⁵ *Душкин Ю.С.* С. 101.
- ⁶ Там же. С. 101–102.
- ⁷ *Кравченко В.Н.* С. 34.
- ⁸ *Бубис Н.* Усть-Куда // Земля Иркутская. 1994. № 2. С. 11.
- ⁹ *Душкин Ю.С.* С. 103–104.
- ¹⁰ Записки ОР ГБЛ. М., 1939. Вып. 3. Декабристы. С. 34–35.
- ¹¹ *Душкин Ю.С.* С. 102–103.
- ¹² Там же. С. 104–106.
- ¹³ *Кравченко В.Н.* С. 34.
- ¹⁴ Начинается борьба, достойная человека (Письма А.Н. Сутгофа к И.И. Пушкину 1840–1843 гг.) // Советская Россия. 1980. 20 янв. (№ 17). С. 4.
- ¹⁵ *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 452.
- ¹⁶ Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Иркутск, 1978. С. 72.
- ¹⁷ *Муравьев А.М.* Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 189, 199, 203, 205.
- ¹⁸ *Муханов П.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1991. С. 371–372.
- ¹⁹ *Кравченко В.Н.* С. 35.
- ²⁰ *Душкин Ю.С.* С. 106–108.
- ²¹ *Кравченко В.Н.* С. 54.
- ²² Там же. С. 55.

Есть ли жизнь в музее?

О.А. Акулич, А.В. Грейзе

Материалы к летописи Иркутского музея декабристов

Материалы к летописи Иркутского музея декабристов охватывают период с 1838 г. – времени строительства дома декабриста С.Г. Волконского до 2011 года, ставшего важной вехой в истории Иркутска и нашего музея. Опыт составления хронологической канвы истории нашего музея предпринимается впервые и носит характер предварительного, пунктирного освещения темы. К сожалению, за более чем 40 лет, прошедших после открытия Дома-музея декабристов в Иркутске, никто к этой теме не обращался. С чего-то нужно было начинать эту работу. Потребность в изучении собственной истории музейщики явно ощутили во время создания выставки «40 лет Иркутскому музею декабристов». Представленные читателю факты составители почерпнули в основном из газетных статей и в меньшей степени из внутренней музейной документации. Мы использовали вырезки из газет, которые собирал и систематизировал бывший директор музея Е.А. Ячменев. Много еще предстоит потрудиться над фактическим насыщением данной канвы и возможной корректировкой опубликованного нами. Предстоит кропотливая работа по изучению архивов и фондов собственного музея и Иркутского областного краеведческого музея, где осели документы по первым трем десятилетиям жизни Иркутского музея декабристов. Авторы выражают надежду на сочувственную поддержку и соучастие заинтересованных лиц в составлении летописи уникального для истории и культуры Иркутска музея, которому в 2020 году исполнится 50 лет.

1838 год

Декабрист С.Г. Волконский, находившийся вместе с женой и двумя детьми на поселении в Иркутской губернии, выстроил деревянный дом в селе Урик.

1847 год

Волконские из Урика перенесли свой дом в Иркутск на участок земли за Преображенской церковью (ныне пер. Волконского, 10). Земля была оформлена на имя Г.П. Волконского, племянника декабриста.

1850-е годы

На улице Главной Арсенальской (ныне ул. Дзержинского, 64) построен новый деревянный одноэтажный дом на подклете. По преданию, принадлежал семье С.П. Трубецкого.

1864 год

6 июня. Дом Волконских был куплен иркутским купцом И.С.Хаминовым.

На «Плане губернского города Иркутска» (1862–1864) на улице Главной Арсенальской под № 1795 отмечена усадьба из двух построек: главный дом и каретник, совмещенный с конюшней. До 1920 года этот дом последовательно находился в частной собственности иркутян А.С. Кошкаровой, семьи Гасс, С.Л. Гортиковой.

На том же плане в безымянном переулке напротив Преображенской церкви под № 1798 отмечена усадьба Волконских из шести построек: главный дом, людская изба, каретный сарай, конюшня и два хозяйственных строения.

1867 год

16 сентября. Иркутский купец И.С. Хаминов пожертвовал городу купленный им ранее дом Волконских под сиропитательно-ремесленную школу для мальчиков.

1911 год

Декабрь. Ремесленная школа из дома Волконских переведена в Знаменское предместье. Дом и усадьбу Волконских город использовал для размещения казаков Забайкальского казачьего войска.

1920 год

Дома декабристов С.П. Трубецкого (ул. Дзержинского, 64) и С.Г. Волконского (пер. Волконского, 10) муниципализированы и отданы под коммунальные квартиры.

1936 год

Иркутский городской совет выделил средства на установку мемориальных досок на домах декабристов С.Г. Волконского и С.П. Трубецкого.

1936–1965 годы

На фасаде дома по ул. Дзержинского, 64, до начала реставрации висели две мемориальные чугунные доски с текстами: «В этом доме с 1845 до 1856 г. жил декабрист С.П. Трубецкой» и «Сергей Петрович Трубецкой, полковник Преображенского полка, видный член Северного общества декабристов. Сослан в Сибирь в 1826 году. В Иркутске жил с 1844 по 1856 г.».

1965–1970 годы

Проведена реставрация дома по ул. Дзержинского, 64, именуемого в документах домом Трубецких. Автор проекта – архитектор ЦНРМ Г.Г. Оранская (г. Москва) при участии Иркутского отделения ВООПИК. Это был первый опыт реставрации историко-архитектурного памятника в Иркутске.

1970 год

30 ноября. Принято решение исполкома Иркутского городского Совета депутатов трудящихся установить заповедную зону деревянного зодчества в районе, ограниченном улицами Дзержинского, Октябрьской Революции, Фридриха Энгельса и Декабрьских Событий «как мемориальный комплекс жилых домов и приусадебных сооружений, принадлежавших декабристам С.П. Трубецкому и С.Г. Волконскому».

Дом-музей декабристов. Иркутск. 1970-е

29 декабря. Открытие в Иркутске Дома-музея декабристов – филиала Иркутского областного краеведческого музея. Первая выставка называлась «Декабристы в Иркутске».

1973 год

7 мая. Принято решение исполкома Иркутского городского Совета депутатов трудящихся «О создании историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске».

Открыта постоянная экспозиция «Декабристы в Восточной Сибири», рассказывающая о 30-летнем периоде пребывания декабристов на каторге и поселении (авторы Н.С. Струк и Т.В. Налётова).

1974 год

Июнь. Началась реставрация дома декабриста С.Г. Волконского. Архитекторы – Л.С. Васильев и Е.Ю. Барановский, трест «Росреставрация» (г. Москва). Средства на реставрацию были выделены Центральным Советом ВООПИК.

1975 год

29 июля. Начались работы по первой заповедной зоне – мемориальному комплексу «Декабристы в Иркутске».

Сентябрь. Впервые в Иркутске состоялась Всесоюзная научная конференция «Декабристы и русская культура». Почетными гостями конференции были внук декабриста Д.И. Завалишина Борис Иванович Еропкин (г. Ленинград) и правнучка декабриста В.П. Ивашева Елена Константиновна Фандерфлит.

1976 год

По рекомендации Всесоюзной научной конференции 1975 года создан проблемный научный совет «Декабристы и Сибирь» при Иркутском государственном университете. Председателем совета избран доцент ИГУ С.Ф. Коваль, ответственным секретарем – доцент ИГУ Е.М. Даревская.

1977 год

14 сентября. В Доме-музее Трубецких прошел вечер, посвященный декабристу Н.А. Бестужеву. Выступали директор художественного музея А.Д. Фатьянов, краевед А.П. Буранов и др.

Мемориальные доски, установленные на стене дома, именуемого домом Трубецких. Иркутск. 1960-е

1978 год

26 сентября. Потомок из рода декабриста В.П. Ивашева Т.В. Цукшвердт подарила музею мемориальные вещи своих предков: подушечку, вышитую бисером, агатовую ручку и оттиск фамильного герба рода Ивашевых.

1979 год

Март. Музей посетила Т.В. Цукшвердт и передала в дар коллекцию бытовых вещей конца XIX – начала XX века.

20 марта. Ленинградский коллекционер В.Н. Грусланов подарил музею перламутровый веер первой четверти XIX века, принадлежавший семье декабриста К.Ф. Рылеева.

Декабрь. Проблемный научный совет «Декабристы и Сибирь» при Иркутском государственном университете совместно с музеем декабристов провел первые «Декабристские чтения», которые предполагалось сделать ежегодными.

1980 год

Апрель. В музее состоялся вечер памяти В.Ф. Раевского, посвященный 185-летию со дня рождения декабриста.

1981 год

5 февраля. В Доме культуры села Олонки состоялись традиционные чтения, посвященные памяти декабриста В.Ф. Раевского, организованные Иркутским государственным педагогическим институтом иностранных языков и Иркутским отделением Союза писателей СССР.

23 сентября. Иркутянин Л.В. Линицкий передал в музей декабристов книгу с автографом декабриста С.П. Трубецкого «Мемуары герцогини д'Абрантес» (Брюссель, 1834).

23 сентября. Открытие второй научной конференции «Сибирь и декабристы». В конференции приняли участие видные декабристоведы страны Н.Я. Эйдельман, С.В. Житомирская, Г.П. Шатрова, С.В. Мироненко и др. Приехали в Иркутск и потомки декабристов: Борис Иванович Еропкин – внук Д.И. Завалишина, Ольга Евгеньевна Сахалтуева – родственница В.Ф. Раевского, Леонид Владимирович Гирченко и Ольга Николаевна Захвалинская – праправнуки В.А. Бечаснова.

30 декабря. В Доме-музее Трубецких состоялась встреча с гостьей из Парижа – праправнучкой декабристов С.П. Трубецкого и В.Л. Давыдова Ольгой Александровной Давыдовой-Дакс.

Правнучка декабриста В.Л. Давыдова Ксения Юрьевна Давыдова в гостиной Иркутского дома-музея декабристов. 5 октября 1983 г.
Фото С.С. Падалко

1983 год

5 февраля. Снят верхний ярус строительных лесов на Преображенской церкви. Эта церковь является ядром историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске».

6 июня. В музее декабристов побывала правнучка декабриста И.И. Пущина леди Мария Лаврентьевна Уильямс (Великобритания) во время своего путешествия по Сибири.

5 октября. Музей посетила правнучка декабриста В.Л. Давыдова, внучатая племянница композитора П.И. Чайковского Ксения Юрьевна Давыдова (г. Клин).

26 ноября. Иркутский писатель-декабристовец М.Д. Сергеев передал в музей шкатулку для шахмат, принадлежавшую декабристу И.И. Горбачевскому. Шкатулка

была подарена музею Панной Борисовной Львович (г. Москва), дядя которой был учеником И.И. Горбачевского.

1984 год

Февраль. В дар Иркутскому музею декабристов были переданы девять подлинных декабристских реликвий из фондов Иркутского областного художественного музея.

15 мая. В Доме-музее декабристов состоялось прослушивание музыки нового балета «Души прекрасные порывы» (в последующем «Свет мой, Мария!») в исполнении автора, московского композитора В. Кикты. Либретто было написано главным балетмейстером театра музыкальной комедии Н.Катугиным. Эскизы костюмов и декораций выполнены художником Г. Якубовской.

26 июня. В Доме-музее декабристов прошел музыкально-литературный вечер «Музыка в жизни декабристов». В программе приняли участие декабристовец, доцент ИГУ С.Ф. Коваль, писатель М.Д. Сергеев, преподаватели и студенты Иркутского училища искусств, сотрудники музея декабристов.

1985 год

1 июня. Накануне открытия Пушкинского праздника на иркутской земле в Доме-музее Трубецкого состоялась встреча, на которой присутствовали Булат Окуджава, Сергей Давыдов, Олег Хлебников и Лидия Либединская, где каждый сказал свое слово о Пушкине. Участники читали свои стихи и рассказывали о дружбе с потомками декабристов.

28 сентября. В доме Волконского ведутся реставрационные работы: строятся инженерные сети, проводится телефон, сносятся все лишние постройки на территории усадьбы.

16 октября. Завершаются реставрационные работы в усадьбе (осталось закончить отделочные работы, установить скобяные изделия и облицевать изразцами печи), проведены телефонные линии, выкопана траншея, 9 октября началась укладка колодцев и труб, есть электроснабжение. Над макетом будущей экспозиции работают художники Иркутского творческо-производственного комбината Худфонда РСФСР К.Е. Шулунов и Ю.Е. Шейкин под руководством главного художника В.Н. Бешнова.

Ноябрь. Музей декабристов получил из Тулы для Дома-музея Волконских обои, восстановленные по старинным образцам. Туляки все работы выполнили бесплатно и подарили обои для дома Волконских иркутянам вместе с обоепечатным валиком.

8 декабря. В гостиную дома С.П. Трубецкого вернулась картина, написанная дочерью ссыльного декабриста А.С. Трубецкой. Картина была найдена директором музея декабристов Е. Ячменевым в фондах Иркутского областного художественного музея с пометкой: «Картина неизвестного автора».

10 декабря. По распоряжению исполкома Иркутского горсовета № 672 на пересечении улиц Ленина, 3-го Июля и Седова установлен памятный камень с надписью: «Здесь будет сооружен памятник декабристам. 10 декабря 1985 года».

10 декабря. Торжественное открытие Дома-музея Волконских. Открытие I фестиваля «Декабристские вечера». На открытии выступил народный артист СССР Владислав Пьявко в сопровождении секстета Большого театра СССР.

11 декабря. В Доме дружбы состоялось открытие Всесоюзной научной конференции «Декабристы и Сибирь», посвященной 160-летию восстания декабристов и 300-летию присвоения Иркутску статуса города. На пленарном заседании с докладом «Издание серии «Полярная звезда» и важнейшие задачи декабристоведов на современном этапе» выступил председатель проблемного совета «Декабристы и Сибирь» при Иркутском государственном университете С.Ф. Коваль. С докладами выступили также ведущие дека-

Первый фестиваль «Декабристские вечера». Е.А. Ячменев и Г.Ф. Богач в гостиной Дома-музея Волконских. 11 декабря 1985 г. Фото А.Д. Князева

бристоведы страны Н.Я. Эйдельман, С.В. Житомирская, И.А. Желвакова, Н.П. Матханова и др.

17 декабря. Закончился фестиваль «Декабристские вечера». Одним из главных событий стала премьера балета «Свет мой, Мария!» (композитор В. Кикта, балетмейстер Н. Катугин). В музей декабристов на вечное хранение переданы пуанты, в которых балерина И. Макеева танцевала Марию Волконскую.

24 декабря. В Доме-музее Волконских прошел вечер памяти декабриста М.С. Лунина. В мероприятии приняли участие историки Н.Я. Эйдельман и Т.А. Перцева. Все собравшиеся познакомились с книгами из библиотеки Лунина и с рабочим экземпляром пьесы Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака», записанная в присутствии хозяина».

1986 год

30 апреля. Дом-музей Волконских был закрыт для устранения недоделок после реставрации.

6 июня. В музее декабристов проходит Пушкинский праздник поэзии. В доме С.П. Трубецкого выставлен уникальный экспонат – дагерротип И.И. Пущина, подаренный музею К.Г. Волконской-Никулиной в 1972 году.

Декабрь. В Доме-музее Волконских открылись выставки «Лев Толстой и декабристы» и «Дары детей декабриста». На второй представлена уникальная коллекция буддийских книг, икон и других культовых предметов. Ее основу составляют дары детей декабриста Н.А. Бестужева А.Д. Старцева и Е.Д. Гомбоевой.

1987 год

13 июня. Поступило предложение о переносе места будущего памятника декабристам на территорию мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске».

12 декабря. В Доме-музее Трубецких состоялся вечер под названием «Она других на подвиг увлекла», посвященный Е.И. Трубецкой.

Декабрь. Музейные работники отыскали дом декабриста В.А. Бечаснова в селе Смоленщина под Иркутском.

1988 год

17 апреля. Завершена работа над генеральным планом мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске». Главный архитектор проекта Е.Ю. Барановский (Москва).

1989 год

18 мая. Открытие Дома-музея Волконских после дополнительной реставрации.

Декабрь. Возрожден «Домашний театр Волконских».

14 декабря. В гостиной Дома-музея Волконских впервые для широкой публики выступил юный пианист Денис Мацуев.

1990 год

Весна. В Доме-музее Волконских экспонировалась выставка графических произведений Н.М. Полянского – художника из Петровска-Забайкальского, посвященная декабристам. Уезжая, автор передал в дар музею несколько своих графических работ.

19 июля. Прямой потомок декабриста С.Г. Волконского, его прапраправнук, князь Петр Андреевич Волконский прибыл в Иркутск и посетил дом, где жили когда-то его предки.

30 октября. Мемориальные музыкальные инструменты княгини М.Н. Волконской – рояль «Лихтенталь» и пирамидальное фортепиано – приняты на реставрацию комбинатом производственных предприятий Ленинградского отделения Музфонда СССР, кооперативом «Камертон».

Декабрь. «Декабристские вечера» в Домах-музеях Волконских и Трубецких с участием заслуженной артистки РСФСР А. Кузнецовой (Москва), иркутских солистов Л. Перовой, Г. Томас, Н. Порошина, С. Сметанина. Звучала музыка А. Верстовского и Г. Доницетти.

1992 год

8–14 декабря. VIII фестиваль «Декабристские вечера» посвящен 180-летию Отечественной войны 1812 года и ее участникам – будущим декабристам. В Доме-музее Волконских был показан водевиль по пьесе Э. Лабиша «Пощечина». Играли актеры «Домашнего театра Волконских» Л. Толстоухова, Е. Ишимцева, Н. Владимирова, И. Вырыпаев и Е. Ячменев.

1993 год

14 декабря. В рамках IX фестиваля «Декабристские вечера» состоялся творческий вечер заслуженного работника культуры РСФСР М.Д. Сергеева. Писатель рассказал о работе над темой «Вдовы живых мужей» – о женах декабристов, не бывших в Сибири.

1994 год

15 октября. В Доме-музее Волконских прошел вечер в рамках программы Дней польской культуры в Иркутской области.

28 октября. В Доме-музее Волконских прошел вечер в рамках программы Дней французской культуры в Иркутской области.

14–17 декабря. Прошел X фестиваль «Декабристские вечера». В рамках фестиваля в Доме-музее Волконских выступил бард Михаил Кукулевич (Москва).

1995 год

24 февраля. В Доме-музее Волконских открылась выставка «Война и мир в романе Л.Н. Толстого».

1997 год

6–9 декабря. Прошел XIII фестиваль «Декабристские вечера».

9 декабря. В Доме-музее Волконских состоялся вечер памяти иркутского писателя Марка Давидовича Сергеева (1926–1997), а также открылась посвященная ему выставка «Душа в заветной лире».

14 декабря. В Доме-музее Волконских состоялась премьера литературного спектакля «Штос» по повести М.Ю. Лермонтова (режиссер С. Ямпольская).

19 декабря. Открылась выставка «Далече северной столицы» и прошел вечер памяти пушкиниста Г.Ф. Богача.

1998 год

Июль. В Доме-музее Волконских проходят репетиции водевиля А.Писарева «Учитель и ученик». Одну из главных ролей играет директор музея Е.А. Ячменев. Идея принадлежала художественному руководителю театра «Юность» А.А. Худякову.

1999 год

30 сентября. Десятилетний юбилей «Домашнего театра Волконских» был отмечен премьерой спектакля «Пушкин. Судьба поэта» (автор инсце-

нировки А.А. Худяков). Первыми зрителями стали представители Пушкинского центра Великобритании. Руководитель делегации – праправнучатая племянница графа А.Х.Бенкендорфа. Роль ее знаменитого предка исполнил профессор Иркутского педагогического университета доктор исторических наук С.Б. Панин.

7 октября. После девятилетней реставрации в Санкт-Петербурге в Доме-музее Волконских установлены рояль «Лихтенталь» и пирамидальное фортепиано.

2000 год

1 апреля. Иркутский музей декабристов выделился из состава Иркутского областного краеведческого музея в самостоятельное государственное учреждение культуры.

Октябрь. На конюшне усадьбы Волконского разместился благотворительный фонд Тихомировых, занимающийся реабилитацией детей-инвалидов.

27 октября. В Доме-музее Волконских состоялось открытие выставки восковых фигур «В садах Лицея», посвященной юности А.С. Пушкина и декабристов.

Ноябрь. Возобновлено издание документальной серии «Полярная звезда». Право на издание передано Иркутскому музею декабристов. Вышел первый том сочинений и писем декабриста Н.М. Муравьева.

17 декабря. Открытие XVI фестиваля «Декабристские вечера». В Иркутском академическом драматическом театре имени Н.П. Охлопкова было показано театрализованное представление в двух частях «Иркутский театр и декабристы», посвященное 175-летию восстания декабристов и 150-летию иркутского театра.

18 декабря. Открытие Всероссийской научно-практической конференции «Декабристы: история и современность» (итоги и перспективы исследований). В работе конференции кроме иркутских ученых принимали участие приглашенные декабристоведы М.М. Сафонов, Т.С. Комарова, В.В. Гаполенко, Л.Л. Бойчук и др.

23 декабря. Моноопера М.Шмотовой «Записки Марии Волконской» на сцене Иркутской областной филармонии в исполнении Н. Головиной, К. Сероватова и ансамбля солистов Иркутской областной филармонии под управлением В. Карпенко.

24 декабря. Завершился XVI фестиваль «Декабристские вечера», приуроченный к 175-летию восстания декабристов. В фестивале принимала участие актриса и режиссер, заслуженная артистка России Наталья Бондарчук.

2001 год

17 мая. По приглашению музея из Санкт-Петербурга в Иркутск приехал внук декабриста Д.И.Завалишина Юрий Иванович Еропкин, профессор, доктор технических наук.

2002 год

Декабрь. Вышел в свет очередной том из серии «Полярная звезда» – «П.Н. Свистунов. Сочинения и письма». Т. 1.

18 декабря. В Доме-музее Трубецких открылась выставка «Сибирский альбом княгини Е.И. Трубецкой».

19 декабря. В Доме-музее Волконских состоялась творческая встреча с режиссером художественного фильма «Одна любовь души моей» Натальей Бондарчук.

Музей приобрел подлинный портрет декабриста Никиты Михайловича Муравьева работы художника-декабриста Н.А. Бестужева из частного собрания в Санкт-Петербурге.

2003 год

5–6 мая. Ночью произошел пожар в усадьбе Волконских. Пострадала конюшня.

16 декабря. Вышел в свет 24-й том документальной серии «Полярная звезда», посвященный декабристу Н.А. Бестужеву. Книгу представил читателям автор-составитель С.Ф. Коваль.

Музею подарен портрет матери С.Г. Волконского княгини Александры Николаевны Волконской (урожд. Репниной) кисти неизвестного художника конца XVIII – начала XIX века.

2004 год

19 января. Иркутский музей декабристов посетил директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский, прибывший в Иркутск на открытие выставки «Античные коллекции Санкт-Петербурга эпохи Пушкина и декабристов».

6 июня. В музее открылась выставка факсимильного издания рукописей А.С. Пушкина под названием «Минута – и стихи свободно потекут...».

14 декабря. Музей представил читателям новый, 25-й том серии «Полярная звезда», посвященный декабристу В.Л. Давыдову. Книгу представила автор-составитель красноярский историк Т.С. Комарова.

Проведена дополнительная реставрация в интерьере Дома-музея Волконских: воссоздана парадная лестница дома.

2005 год

Март–апрель. Иркутский музей декабристов и архитектурно-этнографический музей «Тальцы» стали площадками для съемок исторического художественного фильма «Серко». Режиссер Ж. Фарж (Франция).

Июль. В Музее декабристов состоялась филателистическая выставка «Польские истории».

16–17 декабря. В Доме-музее Волконских прошла VII региональная молодежная конференция «Я и в цепях буду вечно свободен».

18 декабря. Открыта выставка одного экспоната «Веер М.Н. Волконской».

Литературно-музыкальный салон «Одна любовь души моей», посвященный 200-летию М.Н. Волконской.

20 декабря. В Доме-музее Волконских прошел вечер памяти декабристоведа С.Ф.Коваля (1923–2005).

25 декабря. В Доме-музее Волконских состоялся концерт заслуженного работника культуры России Нины Воротниковой «Тридцать пять лет вместе».

2006 год

Принято решение о реставрации Дома-музея Трубецких. Экспозиция, построенная в 1973 году, демонтирована и передана в фонды музея.

25–29 сентября. Музей совместно с историческим факультетом ИГУ провел всероссийскую научно-практическую конференцию «Декабристы и Сибирь», посвященную 180-летию прибытия декабристов в Сибирь и 150-летию амнистии. В конференции принимали участие ведущие декабристоведа страны Н.П. Матханова, М.М. Сафонов, О.В. Эдельман, Г.В. Чагин, А.А. Кононов, М.В. Вершевская, В.Д. Юшковский и др.

21 декабря. Музей издал монографию санкт-петербургского историка Н.Ф. Караш «Князь Сергей Волконский: история жизни декабриста». Автор лично представила книгу иркутянам в рамках фестиваля «Декабристские вечера».

В музей переданы научная библиотека и архив С.Ф. Коваля. После смерти ученого родственники решили передать его мемориальное наследие музею, в жизни которого он принимал самое живое участие.

2007 год

14–15 декабря. В Доме-музее Волконских прошла региональная молодежная научно-практическая конференция «Униженным да возрадятся».

17 декабря. В рамках XXIII областного фестиваля «Декабристские вечера» состоялось представление 26-го тома из серии «Полярная звезда» «П.С. Бобрищев-Пушкин. Сочинения и письма» (автор-составитель В.С. Колесникова, Москва).

2008 год

26 июня. Трагически погиб директор музея Е.А. Ячменев, бессменно возглавлявший его с 1983 года.

Декабрь. Музей представил культурную программу в рамках «Декабристских вечеров» в Чите. Выставка «Сибирский альбом княгини Е.И. Трубецкой» впервые была вывезена за пределы Иркутской области.

В музейное собрание поступил новый мемориальный предмет – портрет Екатерины Николаевны Давыдовой (урожд. Самойловой, бабушки М.Н. Волконской) работы неизвестного художника 1820-х годов с оригинала В.Л. Боровиковского. Ранее портрет находился в частном собрании в Санкт-Петербурге.

2009 год

1 апреля. В музее прошел вечер «Загадка Гоголя», посвященный 200-летию юбилею писателя.

Май. Впервые в Иркутске музей провел культурную акцию «Ночь в музее».

6 июня. В Доме-музее Волконских открылась выставка «Друзей моих прекрасные черты», посвященная 210-летию А.С. Пушкина.

Октябрь. В Доме-музее Волконских выступила французская пианистка Ф. Тийар. Она провела музыкальную конференцию под названием «Женщины-композиторы».

Декабрь. Выставкой «История «Полярной звезды». 1979–2009» был отмечен тридцатилетний юбилей документальной серии, изданием которой музей занимается с 2000 года.

14 декабря. В областной филармонии состоялось торжественное открытие юбилейного, XXV областного фестиваля «Декабристские вечера». В рамках фестиваля была представлена премьера оперы Г. Доницетти «Элизабет, или Дочь ссыльного» в аранжировке композитора М.А. Шмотовой. Шесть фрагментов оперы были исполнены солистами Г. Григорьевой, М. Аюушем в сопровождении камерного оркестра «Амадей». Жителям Иркутской области была показана литературно-музыкальная композиция «Свет «Полярной звезды»».

17 декабря. Открылась выставка «Декабрист П.А. Муханов и Братск».

18 декабря. Состоялось представление шестого выпуска научного сборника «Сибирь и декабристы».

2010 год

18 августа. Музей принимал участников Всероссийской экспедиции молодежи «В потопках наше имя отзовется». В числе участников были потомки декабриста Н.А. Бестужева Н.В. Редько, Т.В. и Е.В. Ситниковы и юный потомок декабриста К.П. Торсона А.А. Кондратьев.

Октябрь. Музей выступил организатором Всероссийской научно-практической конференции «Восьмые Щаповские чтения».

Ноябрь. Музей приобрел мемориальные реликвии – кандалы перстни М.Н. и С.Г. Волконских. Ранее эти предметы хранились в частном собрании Н.А. Никифорова (Тамбов).

Декабрь. Вышел из печати 27-й том серии «Полярная звезда» «А.З. Муравьев. Письма». Автор-составитель тома историк-архивист Т.Г. Любарская (Санкт-Петербург) лично представила свой многолетний труд иркутянам.

16 декабря. Состоялась презентация второй книги из серии «Польско-сибирская библиотека» «Путешествие по Восточной Сибири Леопольда Немировского», посвященной 200-летию со дня рождения художника.

В тот же день прошло празднование 200-летия Ф. Шопена с участием генерального консула Республики Польша в Иркутске К. Чайковски.

2011 год

1 августа. Закончена реставрация Дома-музея Трубецких.

12 сентября. Открыт памятник женам декабристов (творческий коллектив скульптора Михаила Переяславца и архитектора Юрия Волчка) в сквере у стен Дома-музея Волконских. Открыта новая историко-мемориальная экс-

позиция «Эпоху отразившая судьба» в Доме-музее Трубецких. В обеих церемониях принимали участие французские потомки Е.И. Трубецкой по линии графини З.И. Лебцельтерн и потомок по линии дочери декабриста Е.С. Давыдовой. Правнучки З.И. Лебцельтерн в пятом поколении Мари-Анес Андри и графиня Беатрис де Тредерн передали в дар музею копию карандашного портрета княгини Е.И. Трубецкой, который ни разу не публиковался в России. Валентин Витебский (Москва), правнук в шестом поколении двух декабристов – С.П. Трубецкого и В.Л. Давыдова, – подарил музею подлинные фотографии своих предков из семейного архива.

13 сентября. В Доме-музее Трубецких прошла публичная встреча с потомками декабристов «155 лет после Сибири».

19 октября. В Доме-музее Волконских прошел литературно-музыкальный салон «Лицея день заветный», посвященный 200-летию Царскосельского лицея.

Декабрь. Музей расширил свою территорию, присоединив два памятника архитектуры XIX века, расположенных по границе усадьбы Трубецких, – амбары усадьбы Левенсона (Дзержинского, 62).

16 декабря. В Доме-музее Волконских состоялась премьера литературно-музыкальной программы «Музыка А.Е. Варламова в жизни декабристов», посвященная 210-летию со дня рождения композитора.

Н.С. Струк

Сорок лет назад

(к истории создания музея декабристов в г. Иркутске)

Очень люблю мемуарный жанр в литературе, но никогда не собиралась сама писать воспоминания, потому что считаю, что историю учреждения, предприятия и музея должны писать историки или другие специалисты, поскольку история, воссозданная участником событий, чаще всего страдает субъективизмом. Сегодня я уступаю по настойчивым просьбам руководства музеем вспомнить, как начинался музей декабристов в Иркутске сорок лет тому назад.

Как я оказалась в музее, тогда еще не существовавшем?

Будучи студенткой третьего курса ИГУ в 1967 г., из предлагавшихся нескольких спецкурсов я выбрала «Декабристов в Сибири» – и выбрала свою судьбу. Спецкурс вел Семен Федорович Коваль, ученик Федора Александровича Кудрявцева, в свое время учившегося у основателя сибирского декабриствоведения Бориса Георгиевича Кубалова. Коваль и Кудрявцев дружили с Кубаловым. Сохранились их интересные письма к мэтру декабриствоведения.

Семен Федорович вел занятия эмоционально, рассказывая о первых революционерах как о людях, с которыми он был знаком лично, при этом глаза его ярко горели, худощавое лицо покрывал румянец. Фронтвик С.Ф. Коваль через всю жизнь пронес честность, стремление бороться с несправедливо-

стью, и для нас, слушавших его лекции, казалось, что преподаватель и декабристы – это нечто единое.

Когда пришла пора определяться с темой диплома, я, не раздумывая, выбрала «Подвиг жен декабристов». Тогда эта тема практически была неизученной. В дореволюционных журналах выискивала воспоминания декабристов (вспомним, что серии «Полярная звезда» еще не было даже в проекте),

*Н.С. Струк открывает вечер памяти А.С. Пушкина в Доме-музее Трубецких.
6 июня 1978 г.*

изучала документы, хранившиеся и ныне хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области, который тогда располагался в складах бывшей усадьбы купца Бутина (теперь здесь располагается ресторан «Эстрада»). До защиты диплома оставалось полгода, и после январских каникул в коридоре второго корпуса Иркутского государственного университета (Карла Маркса, 1), где тогда занимались историки, филологи, юристы, журналисты), ко мне подошел наш преподаватель, ныне доктор исторических наук Владимир Павлович Олтаржевский, который удивил меня вопросом: «А где вы собираетесь работать после окончания университета?». Я честно ответила: «Не знаю, куда распределят». После чего Олтаржевский (в 1950-х – начале 1960-х он несколько лет был директором краеведческого музея) задал еще один вопрос: «А не хотите ли вы пойти в краеведческий музей, поскольку, как мне известно, вы занимаетесь декабристами, а музеем предлагают дом Трубецкого?». «Ой, не знаю, я плохо себе представляю, что такое работать в музее. Надо подумать».

13 февраля 1968 года я была зачислена на должность экскурсовода дореволюционного отдела Иркутского областного краеведческого музея с окладом 60 рублей, поскольку в штатном расписании музея, конечно, не было никаких единиц для реставрировавшегося музея. Экскурсовод – это только название, а фактически я занималась тем, что входит в обязанность научного сотрудника: изучала тему, собирала экспонаты, принимала участие в

подготовке выставок. Любопытно, что сразу же после первого дня работы меня привлекли к строительству выставки, посвященной 60-летию Советской армии, и за участие в этом проекте (так бы теперь назвали это событие) я получила первую трудовую награду – набор портретов иркутских героев Советского Союза с дарственной надписью директора музея Владимира Вячеславовича Свинина. А летом я уже сама строила выставку о сойотах (по материалам экспедиции Ф. Кона), потом – о деятельности поляков в Сибири. Надо отметить, что работа по отбору материалов на выставки, их оформление, подготовка экскурсии по выставке дали неоценимый опыт, который пригодился не только в музее декабристов, но и позднее.

Прошла защита дипломной работы (она была ГЭКом рекомендована к печати, но сначала не было опыта издательского дела, а потом появились публикации других авторов), дом С.П. Трубецкого продолжал реставрироваться, а я наряду с экскурсиями по залам краеведческого музея, по городу, чтением лекций по истории Иркутской области на предприятиях (довелось читать лекции по всей области, от Слюдянки до Усть-Илима, в составе агитпоезда ОК ВЛКСМ в сентябре 1968 г.) занималась в библиотеках и архиве, отбирала материалы для экспозиции в доме Трубецких. А их оказалось до обидного мало: экспонаты, собранные Б.Г. Кубаловым и его учениками в 1920-х гг., да фотокопии, сделанные с документов в Государственном архиве Иркутской области. Оказалось, что в Иркутске, пережившем пожар 1879 г. и огонь революции, предметов дворянского быта практически нет.

Реставрация дома Трубецкого заканчивалась, а экспонатов по-прежнему не было, и тогда наш дореволюционный отдел при поддержке «матери-начальницы», так мы называли заведующую Ларису Яковлевну Подольскую, решил открыть музей небольшой выставкой, построенной на имеющихся в нашем распоряжении материалах.

Первая выставка была оформлена практически без материальных затрат. В трех комнатах первого этажа по стенам были выставлены фотокопии с портретов декабристов, некогда выполненных Н.А. Бестужевым и переснятых из издания 1904 г. Художник Виталий Ильин выполнил для них рамки из белого картона.

В гостиную к камину перекочевали экспонаты из краеведческого музея, собранные в 1920-х гг.: пирамидальное фортепиано Трубецких (сейчас оно атрибутировано как мемориальное фортепиано М.Н. Волконской и находится в экспозиции Дома-музея Волконских), ковер П.А. Муханова. Все было наивно, но претендовало на то, чтобы раскрыть тему восстания на Сенатской площади и показать роль декабристов в развитии Сибири, а главное – сообщить городу и миру (!) об открытии первого в Восточной Сибири музея декабристов и его проблемах иркутскому сообществу. Проблема была воспринята и управлением культуры Иркутского облисполкома, которое направило в Москву в Министерство культуры письмо с просьбой оказать помощь создающемуся музею декабристов.

Министерство культуры РСФСР командировало в Иркутск С.А. Каспаринскую, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника НИИ культуры. Светлану Александровну растрогали наши попытки создать экспо-

зицию, удивило, что ни я, ни второй сотрудник музея Тамара Владимировна Налётова (мы вместе учились на истфаке ИГУ, в 1976–1983 гг. – заведующая музеем декабристов) не видели ни одной экспозиции, построенной с учетом современных требований. Ей удалось убедить управление культуры в необходимости поучить сотрудников экспозиционной работе в столичных музеях и установить контакты с коллекционерами Москвы и Санкт-Петербурга.

Именно она взяла шефство надо мной – провинциалкой: водила по залам Государственного исторического музея, объясняя, как надо подавать тот или иной экспонат, и познакомила с М.Ю. Барановской – сотрудником Государственного исторического музея, биографом Н.А. Бестужева и знатоком культуры. Мария Юрьевна в одном из писем, хранящемся в ГАИО, писала Б.Г. Кубалову, что по его работам она узнала и полюбила Сибирь. Наверное, поэтому М.Ю. Барановская, бывшая к этому времени легендой ГИМа, приняла не просто дружелюбно, а с какой-то материнской заботой. Она не только учила меня музейному делу, показывала работы в фондах, связанные с Иркутском, но и познакомила с художником ГИМа Б.И. Беляниновым, который выполнил в технике оригинала копии с двух акварелей – «Портрет дочерей Трубецких» неизвестного художника и «Цветы Сибири» П.И. Борисова, муляжи рукописей М. Лунина. Мария Юрьевна же дала адреса коллекционеров Москвы и Ленинграда.

А в это время С.А.Каспаринская «выбила» в Минкультуры для меня командировку в Ленинград. Я смотрела экспозицию музея-квартиры А.С. Пушкина на Мойке, работала в рукописном отделе Института русской литературы, знакомилась с коллекционерами и впервые держала в руках раритеты начала XIX в., а главное – ходила мимо домов, в которых жили декабристы, вдыхала воздух невских вод, постигала атмосферу Петербурга.

На обратном пути в самолете Ленинград – Иркутск развернула газету «Вечерний Ленинград» и прочитала заметку В.Н. Грусланова о книгах с автографом С.Г. Волконского, которые он нашел в 1945 г. в одном из бункеров Берлина. Тут же в самолете я написала письмо Владимиру Николаевичу, рассказала о музее и просила передать книги для будущей экспозиции. Письмо адресовала редактору газеты и бросила его в почтовый ящик аэропорта Омска, где была дозаправка. Теперь я думаю о своей наивности и беспредельной вере в человеческую доброту, но тогда они оправдались: недели через две-три после моего возвращения из командировки почтальон принес бандероль с двумя книжками и письмом В.Н. Это был первый подарок музею.

Позднее с Владимиром Николаевичем мы познакомились, и он рекомендовал меня нескольким ленинградским коллекционерам.

Поездки в Москву и Ленинград, знакомство с литературным музеем А.С. Пушкина в Москве, где под руководством его директора Александра Зиновьевича Крейна (его перу принадлежат книги «Рождение музея» и «Жизнь музея») была построена экспозиция, бывшая новым словом в музейном деле той поры, вобравшая в себя изящность и научность, позволили «увидеть» будущую экспозицию. Я написала тематико-экспозиционный план, суть которого сводилась к тому, что это будет не Дом-музей Трубецких, как предполагалось первоначально, а музей, посвященный пребыванию в Восточной Сибири всех декабристов. Предложение поддержал и С.Ф. Коваль.

Сложность нашего положения происходила еще и от того, что с чем большим числом источников мы знакомились, тем больше убеждались в том, что дом Трубецких находился в Знаменском предместье, но наши предшественники назвали дом на ул. Арсенальской домом Трубецких, да и дом был отреставрирован. Он должен был жить музейной экспозицией. Зная, что Трубецкой покупал дом в 1850-х гг. то ли для себя, то ли для одной из дочерей,

С.Ф. Коваль представляет новую книгу в Доме-музее Трубецких. 1978

мы выдвинули гипотезу, что Трубецкой с малолетним сыном после смерти Екатерины Ивановны переехал в дом на Арсенальской улице. Позднее с этой гипотезы мы начинали экскурсию по музею.

А вначале, разрабатывая тематико-экспозиционный план, я пыталась найти место в этом доме каждому из отправленных в Сибирь декабристов. Хотелось создать музей, который должен быть дворянским гнездом большой декабристской семьи. Интерьеры комнат соответствовали назначению: малая приемная, гостиная, кабинет, спальня, комната для прислуги, столовая, внизу – кухня, хозяйственные службы. Сени отводились под гардероб и каску и выполняли функцию комнаты, где собиралась группа.

Комната перед лестницей, ведущей в мезонин, в котором, по нашей легенде, жил Ваня, отводилась под тему «Восстание. Приговор». Затем посетители по крутой лестнице спускались в подклет, где рассказывалось о пребывании декабристов в каторжных работах: «Декабристы в Иркутске и на близлежащих заводах», «Декабристы в Благодатске и Чите», «Декабристы в Петровском Заводе». Затем посетители по этой же лестнице поднимались на первый этаж, где в приемной (диванной) раскрывалась политическая деятельность декабристов на примере М.С. Лунина, П.Ф. Громницкого и Д.И. Завалишина; в гостиной – общественная деятельность декабристов: научная Н.А. Бестужева, сельскохозяйственные опыты В.Ф. Раевского, братьев Н.М. и А.М. Муравьевых, врачебная деятельность Ф.Б. Вольфа и занятия изобразительным искусством П.И. Борисова. Следующую комнату мы

представляли как кабинет С.П. Трубецкого, где рассказывали об истории семьи Трубецких, подвиге Екатерины Ивановны. Последняя комната на левой половине посвящалась подвигу жен декабристов. В соседней малой комнате мы рассказывали о гостях дома Трубецких, а в столовой – об амнистии и возвращении декабристов в Европейскую Россию.

Когда план был закончен, Художественный фонд выделил оформителей (ныне бы сказали – дизайнеров): преподавателя Иркутского художественного училища Н.И. Домашенко и недавних выпускников училища В. Ильина и А. Муравьева.

Виталий Ильин был талантливым художником, который сумел почувствовать стиль эпохи, хотя приходилось спорить, но сразу же было оговорено, что при разработке художественного образа не будут проектироваться витрины, подиумы и прочая музейная мебель. Решено было, что стены по моде первой четверти XIX века, когда воспитывался вкус декабристок, будут обтянуты либо ситцем, либо шелком.

Мы ходили по магазинам, пытались найти ткани с орнаментами, похожими на те, что были вычитаны у Пушкина, Гоголя и других современников декабристов, описавших быт дворянских усадеб, тех мест, где проходила юность декабристов. К сожалению, выбор в те времена был небольшим, и после долгих мучений остановились на ткани под загадочным названием «альпак» – нечто среднее между атласом и шелком. Да и цветовая гамма была не ахти: голубой, сиреневый и розоватый. Но поскольку это было время, когда учреждения приобретали материал, оборудование и предметы, включая порошки и хозяйственное мыло, согласно выделенным нормам, в Облснабсбыте, то на приобретение такого огромного количества ткани и только в одном месте необходимо было получить специальное разрешение в управлении торговли облисполкома. Это же управление выделило еще одно разрешение – на покупку двух стекол размером 2×4 м толщиной 6 мм, которые можно было купить только в РСУ торговли, стеклившем витрины магазинов, поэтому стекло называли витринным. Стекла были использованы в теме «Декабристы в Петровском Заводе». Комната была длинная, поэтому в торце ее, выходящем на ул. Дзержинского, были установлены эти стекла и между ними огромного размера позитив, выполненный мастерски К. Линкевичем с небольшой репродукции акварели Н. Бестужева «Камера Волконских в Петровском Заводе» в фотолаборатории управления геологии. Слайд сзади подсвечивался лампами дневного света. Перед ним стоял рояль фирмы «Лихтенталь», принадлежавший Волконским, и у посетителей создавалось ощущение присутствия в камере, что усиливалось также и небольшими окнами подклета. Следует заметить, что в музеях Иркутска ни до, ни после музея декабристов не использовали слайды-позитивы такого размера.

В этой первой экспозиции было еще одно, как теперь говорят, ноу-хау. Часть рукописей декабристов, в том числе Лунина, художники ГИМа выполнили в технике фотомуляжей: бумага XIX в. пропитывалась специальным раствором, и на нее в виде фотографии переносился документ. Фотомуляж повторял все особенности документа.

В собрании краеведческого музея не было тогда портретов декабристов, и нам пришлось пойти на рискованный шаг – заказать портреты в Художественном фонде. Выполнялись портреты в разных техниках и разными художниками.

Пожалуй, первой к теме обратилась Светлана Ивановна Таволжанская, в конце 1960-х гг. переехавшая из Львова в Иркутск. Помню, как в небольшой квартире на Синюшиной горе уговаривала красивую, несколько даже величественную молодую женщину создать образ декабристок. Талантливейший скульптор, очень требовательный к своему творчеству человек, С.И. не сразу согласилась. Попросила дать ей литературу о декабристах, долго изучала декабристскую иконографию и наконец-то согласилась работать над композицией, посвященной Волконским. Материал она выбрала сложный – шамот. Сейчас скульптура, на которой Мария Николаевна и Сергей Григорьевич склованы кандалами, заняла свое место в экспозиции дома Волконских.

Александр Муравьев, ныне народный художник и академик, выполнил серию графических работ, которые получили всероссийское признание. Николай Домашенко, работающий теперь в Санкт-Петербурге, создал тематические произведения: «Восстание на Сенатской площади», «Казнь декабристов».

Конечно, очень хотелось, чтобы в доме был портрет хозяина. Музей подал заявку в Худфонд, и за живописное полотно принялся Виктор Мироненко, бывший тогда директором Художественного фонда. Портрет мы получили за несколько часов до открытия постоянной экспозиции. Насколько удачным он получился, судить искусствоведам. Портрет открывал экспозицию, расположенную в той же комнате, что и тема «Восстание на Сенатской площади».

Следует заметить, что жизнь музея декабристов в начале 1970-х гг., подготовка к 150-летию со дня восстания декабристов всколыхнули неподдельный интерес к декабристской тематике среди творческой интеллигенции Иркутска: в драматическом театре был поставлен по пьесе М. Сергеева спектакль «Записки Марии Волконской» (1975 г.) о подвиге жен декабристов.

Вспоминается, как в мезонин, где находился наш рабочий кабинет, поднялся А.И. Алексеев (теперь народный художник РФ, академик Российской академии художеств, на протяжении многих лет возглавлял Иркутскую организацию художников). Всегда спокойный, сдержанный, в этот день Анатолий Иванович был взволнован и попросил, чтобы ему разрешили поработать, чтобы дали кандалы и чернильницу. Здесь, в мезонине, он сделал наброски, а затем в мастерской он дорабатывал натюрморт «Памяти декабристов».

Его сосед по мастерской, непререкаемый авторитет, учитель иркутских прикладников и дизайнеров Борис Тимофеевич Бычков (тоже народный художник, член-корреспондент РАХ) вслед за другом увлекся декабристской тематикой. Б.Т. выбрал тему «Подвиг жен декабристов» и запечатлел образы женщин в своем любимом материале – стекле. Он выполнял 11 кубков на заводе в г. Гусь-Хрустальном.

Открытие первой экспозиции в доме Трубецкого было очень скромным. Тогда еще не было «пиар-акций», а мы с коллегой Тамарой Владимировной Налётовой варились в собственном котле настолько, что накануне от-

крытия поздно вечером красили лестницу в мезонин (краску купили за свои деньги). Руководству краеведческого музея было не до нас. Был конец года, надо было использовать все лимиты, финансы, написать отчеты. Забавно, что от руководства «головного» музея никто на открытии не присутствовал, а когда я, счастливая, позвонила, чтобы «похвастаться», то директор музея М.С. Гезунгейт (старшее поколение иркутян вспоминает его как музыканта,

*Рабочее совещание на реставрационном объекте «Усадьба Волконских».
Слева направо: Б.А. Говорин, Н.Ф. Салацкий, Е.А. Ячменев, Н.С. Струк.
1983. Иркутск*

пропагандиста народной музыки и отличного балалаечника) первым делом спросил, почему до сих пор нет годового отчета, и предупредил, что за это мне будет объявлен выговор. Но через несколько дней он остыл и даже подарил мне старинную книгу М.М. Зензинова «Декабристы. 86 портретов» с трогательной надписью. На открытии были в основном студенты и преподаватели ИГУ и пединститута. Небольшую речь сказал Ф.А. Кудрявцев.

Торжество прошло, и начались будни. На первых порах посетителей было немного, бывали дни, когда не было ни одного человека.

Но летели месяцы, и музей постепенно встраивался в культурную жизнь города. Стало хорошим тоном приводить в музей гостей Иркутска, а тогда их было не меньше, чем теперь. Очень любил бывать в «декабристах» с гостями московскими и иностранными председатель горисполкома Николай Францевич Салацкий. Он очень гордился музеем, считал его такой же визитной карточкой, как Иркутская ГЭС. Музей же своим открытием был в большой степени обязан Салацкому.

Бесспорно, реставрация дома Трубецкого, как и Волконского, Спасской церкви, Богоявленского собора и Польского костела, ледокола «Ангара», отчасти музея на 47-м километре Байкальского тракта – весь реставрационный

бум в Иркутске в 1970–1980 гг. – это заслуга Николая Францевича, сначала на посту председателя горисполкома, а затем председателя Иркутского отделения ВООПИК. Если вспомнить только количество квартир, которые были выделены для отселения домов Трубецких и Волконских, плюс снос магазина, закрывавшего фасад дома Трубецких, то память о председателе горисполкома должна быть вечной. Не каждый бы решился снести каменный магазин.

Да и сама история реставрации дома Трубецкого началась с решения горисполкома, принятого 1967 г.

Но вернемся в музей 1970-х. Росло число друзей музея, и одним из самых верных был поэт, писатель и общественный деятель Марк Давидович Сергеев, который успевал не только писать, но и выступать на предприятиях, вести передачу на телевидении, ездить в командировки, заниматься десятком общественных дел. В 1986 г. ему было присвоено звание почетного гражданина г. Иркутска.

На первых порах он, как ответственный секретарь Союза писателей, приводил своих гостей в музей, слушал экскурсию. Но подружились мы в 1971 г. Наслушавшись от своих коллег о литературных вечерах в Литературном музее Пушкина и декабрьских вечерах в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина, я как-то, когда М.Д. заглянул в музей, рассказала о вечерах в московских музеях и помечтала, что хорошо бы и нам устроить такой вечер, тем более что видела по телевизору, как Галина Алексеевна Крамова читает поэму Некрасова «Русские женщины», но я с ней незнакома. М.Д. идея понравилась, и он сказал, что переговорит с Г.А. Через несколько дней Марк Давидович позвонил, сообщив, что Г.А. согласна, и назвал дату встречи.

Вечер в музее по тем временам был дерзостью с нашей стороны, поскольку никого не должно было быть к 18.00, когда музеи четко сдавались под охрану.

А здесь сумерки, окна закрыты, зажжена свеча в единственном тогда музейном подсвечнике на столике в дальнем углу, по диагонали от камина, и неповторимый голос Г.А., то дрожащий от гнева, то полный любви, звучит в гостиной.

Постепенно зарождалась традиция музыкальных вечеров «У Трубецких», на которых зачастую пела Нина Забелинская, преподававшая в музыкальном училище. Через некоторое время сложилось содружество с Ниной Дмитриевной Воротниковой, воспитавшей в пединституте не одно поколение солистов. На первых порах ей аккомпанировала Наталья Тихонова, потом пианино стало звучать с виолончелью солиста филармонии Валентина Тихонова, а затем к ансамблю присоединилась скрипка Натальи Аввесаломовой.

Марк Давидович приглашал на вечера и гостей города: то хор Минина, то актеров Новосибирского театра «Красный факел». Декабристоведы Л.Б. Либединская и В.И. Зоркин делились своими находками. Все эти люди были романтиками, одержимыми служением искусству, все выступления были бесплатными. Событием становились вечера, в которых участие принимал сам Марк Давидович. Здесь, у камина, он впервые читал публике стихи, посвященные Ибрагиму Ганнибалу, Натали Пушкиной, Николаю Бестужеву.

Спустя некоторое время музыкально-литературные вечера стали проводиться и вне музея: со сцены Дома культуры «Современник» в г. Ангарске я показывала экспонаты, рассказывала о декабристах, М.Д. читал свои стихи, звучала классическая музыка.

Популярность музея выросла настолько, что мы вдвоем не могли уже справиться с потоком посетителей. В музей декабристов была принята вы-

*В гостиной Дома-музея Трубецких. Слева направо: М.Д. Сергеев, Г.Ф. Богач, Т.В. Налётова.
Декабрь 1979 г. Фото В.А. Ефимова*

пускница пединститута Елена Прядко, позднее для проведения экскурсий на один-два дня отправляли сотрудников краеведческого музея, среди них нынешний преподаватель педуниверситета, кандидат исторических наук Виктор Ветров. Популярность музея выражалась и в желании людей, побывавших в нем, поделиться своими сокровищами. Без них не было бы сегодняшнего музея, его известности далеко за пределами области.

Почти после каждой экскурсии кто-либо предлагал посмотреть, не подходят ли музею диваны, столы, вышивки, доставшиеся им от предков. К сожалению, это были чаще всего предметы второй половины XIX в., но их брали с благодарностью и передавали в фонды краеведческого музея, поскольку музей был его отделом, как и фонды. Некоторые экспонаты, выполненные в более позднее время, из-за отсутствия современных декабристам предметов заняли свое место в экспозиции дома Трубецких, а диван и пара кресел 1860-х гг., обтянутые все тем же альпаком, до сих пор стоят теперь уже в гостиной музея Волконских.

Особенную роль в становлении экспозиции дома Трубецких сыграл Д.Н. Марковский – реставратор, проработавший в Эрмитаже с довоенных лет до 1960-х гг. С ним меня познакомил все тот же В.Н. Грусланов. Знавший всех ленинградских коллекционеров, Дмитрий Николаевич стал «агентом» нашего музея в Ленинграде. Он рекомендовал меня многим из них: и под его рекомендацию по одному лишь акту приема-сдачи экспонатов я увозила

антиквариат. Зачастую пенсионер на свои деньги приобретал у коллекционеров мебель, столь необходимую нашему дому. Иногда где-то на мусорке мог подобрать сломанный стул, а то и всего лишь ножку от него, принести домой, восстановить стул с использованием родных материалов. Так в течение полугода, а иногда и года дальняя комната в его трехкомнатной квартире на проспекте Науки превращалась в фондохранилище нашего музея. Когда же набиралось достаточное количество предметов, он звонил в Иркутск и приглашал приехать. Вывезти антиквариат из Ленинграда в то время было очень сложно: существовало постановление местных властей, разрешающее отправку мебели из Ленинграда только при наличии справки о том, что она не представляет музейной ценности. До сих пор помню коридоры и кабинеты в Управлении Октябрьской железной дороги, где доводилось бывать, чтобы получить разрешение на заказ контейнера.

Получив разрешение, через весь Невский проспект пешком шла на товарный двор Московского вокзала, стояла в очередях, заказывала контейнер. Оформляя документы о его содержании, антиквариат называла мебелью, бывшей в употреблении, и страховую стоимость указывала в копейках. Через день-два контейнер загружали мебелью из квартиры Марковских, опечатывали, и я улетаю в Иркутск. Начинались тягостные дни ожидания, но Господь меня хранил: ни разу отреставрированная мебель не была поцарапана или что-либо пропало из контейнера.

Зато случались кражи из музея. В ноябре 1975 г. из экспозиции была украдена шаль, по легенде принадлежавшая Марии Волконской. В этот день экскурсии шли одна за другой, практически без перерыва. После обеда я закончила экскурсию, взяла следующую. Между этими группами Тамара Владимировна прошла с группой, и когда я вошла в гостиную, то увидела, что на стуле у камина нет шали. Подозвала смотрителя, тихонечко спросила, почему убрали шаль, но и она удивилась. Спросили у Т.В., но и она не убирала экспонат. Перекрыли музей, вызвали милицию. Сначала было возбуждено уголовное дело, потом его закрыли. Через много лет Читинскому краеведческому музею предложили шаль, аналогичную нашей. Е.А. Ячменев, став уже директором музея, занимался вопросом возвращения ее в Иркутск. В 2012 г. шаль была возвращена в Иркутский музей декабристов.

Другая кража была связана с проникновением в музей через форточку в окне подклета молодого человека с фамилией Дураков. Сработала сигнализация, приехала вневедомственная охрана, обошли дом: все тихо, следов взлома нет, все закрыто. Уехали, снова поставили музей на пульт, а через несколько минут снова сработала сигнализация, и, приехав, обнаружили открытую форточку: теперь вор ее не закрыл. В 3 часа ночи охрана приехала за мной. Когда вошли в дом, стало ясно, что украли каминные часы. К чести Октябрьского РОВД, воришку нашли быстро, но часы не вернулись в музей, потому что, поняв, что похищенное не золото, Дураков распилил часы и выбросил их в отхожее место. Обидно до слез, поскольку этот экспонат был не только украшением гостиной, но и свидетельством благородства двух людей. Часы предложила экскурсантка из Ленинграда, но поскольку командировки давались с трудом, то ехать за подарком не представлялось случая. Прошло,

наверное, с полгода, как после очередного музыкально-литературного вечера ко мне подошел молодой человек и сказал, что он летчик и хотел чем-нибудь помочь музею. Тут же вспомнилось предложение летней посетительницы, и я позвонила в Ленинград, спросила, не передумала ли она, и сообщила, что к ней зайдет в ближайшее время наш представитель. Когда Анатолий Графенков полетел в Ленинград, он зашел к дарительнице, и через сутки часы были в музее. Через несколько месяцев самолет, в 1973 г., в составе экипажа которого был А.Графенков, разбился.

Теперь, вспоминая те времена, поражаюсь своей то ли смелости, то ли доверчивости, когда могла просить совершенно незнакомого человека перевезти предмет, стоивший огромную сумму денег на антикварном рынке, или оценивать отправляемые вещи в копейки. Но доверие не подводило: люди отвечали благородством.

Часть предметов приобреталась у коллекционеров. И здесь они оказывали доверие музею: обычно один коллекционер рекомендовал меня другим. Я приходила, отбирала нужные музею вещи, составляла акт, под честное слово забирала эти предметы и, упаковав в ручную кладь, увозила в Иркутск гарднеровский фарфор, хрупкие хрустальные чернильницы и т. д. Затем закупочная комиссия музея подтверждала стоимость предметов, и деньги переводились на сберкнижку коллекционерам. Здесь тоже была определенная доля риска, поскольку музей самостоятельно выплачивал стоимость только до 300 рублей, а все, что свыше, оплачивалось только с разрешения управления культуры облисполкома. Но начальник управления А.С. Раздроков и начальник планового отдела управления О.М. Хейфиц настолько с пониманием и доброжелательностью относились к проблеме музея, что никогда не возникало проблем с закупкой дорогостоящих раритетов да и с выделением дополнительных средств на их приобретение.

В какой-то момент появилась возможность, опять же по рекомендации Д.Н. Марковского, изготовить новодел по образцам XIX века, и мастера Музея истории города Ленинграда (Петропавловская крепость) выполнили гарнитур из карельской березы, которому теперь уже более 30 лет и который через какое-то время сам станет раритетом.

Иногда, чтобы приобрести необходимые экспонаты, я совершала отчаянные поступки. Как-то захожу в антикварный магазин и вижу люстру: хрусталь, первая половина XIX века, небольшого размера – прямо для нашей гостиной, но стоит 500 рублей, а командировочные закончились, своих почти ноль, так как зарплата моя 90 рублей, просить деньги телеграммой бесполезно: пока оформят все разрешения, если только оформят, пройдет несколько дней, а люстру согласились оставить только до утра следующего дня, и тогда беру в долг эти деньги у приятельницы. Новый начальник управления А.М. Куницын после долгих раздумий подписал протокол закупки, деньги я вернула, а люстра украшала гостиную Трубецких до самой разборки дома. Насколько это был правильный шаг, показало время: в дом Волконских через несколько лет пришлось закупать люстры современного производства.

Хочется подчеркнуть, что большая часть фондов музея декабристов комплектовалась за счет подарков. Виталий Иннокентьевич Зоркин, живший

тогда в Улан-Удэ, приезжая в Иркутск, забегал в музей, чтобы подарить книгу XIX века, а то и дагерротип И.И. Пущина, иногда он принимал участие в салонах. Тогда же возникла традиция дарить комнатные цветы: теперь уже в зимнем саду дома Волконских цветет сиреневыми цветами, похожими на колокола, настоящее дерево, которое когда-то принесли в кабинет Трубецкого хрупкой веточкой африканского цветка, где он впервые зацвел.

Появился у музея даже свой фотограф: Виталий Ефимов, инженер ВАМИ, совершенно безвозмездно снимал музейные события, потом приносил фотографии. Он снял даже любительский фильм, который остался в его семейном архиве.

Незаметно пролетели «детские» годы музея декабристов: он стал на ноги, окреп и занял свою нишу в культурной жизни города.

Нам с Тamarой Владимировной Налётовой довелось принять активное участие в подготовке и проведении первой научной конференции «Декабристы и русская культура» (1975 г.), которая не только обогатила музей связями с учеными, но и дала возможность познакомиться с внуком Д.И. Завалишина Борисом Ивановичем Еропкиным, правнучкой Ивашевых Еленой Константиновной Фандерфлит, которые подарили музею семейные реликвии. Борис Иванович сначала передал на временное хранение шкатулку с портретом деда, выполненным известнейшим портретистом М.И. Тербеневым, но, приехав в Иркутск через несколько месяцев и увидев ее в экспозиции, понял, насколько шкатулка органично вписалась в интерьер дома, и подписал акт о передаче раритета музею на вечное хранение. До сих пор сердце начинает усиленно биться, когда я вспоминаю, как Елена Константиновна, похожая как две капли воды на Камиллу Ледантю, расправляет косичку, сплетенную из отрезанных перед отъездом в Сибирь волос прабабушки, отрезает часть ее и передает ее мне.

Музей, по оценке специалистов, работал интересно, искал новые формы: фотографии нашей экспозиции были опубликованы в альбоме «Новые музеи СССР». Меня же в марте 1976 г. назначили директором Иркутского областного краеведческого музея, посчитав, что смогу решать проблемы большего масштаба: остановилась реставрация на 47-м километре, краеведческий музей являлся заказчиком по реставрации Польского костела, где помимо органного зала предполагалось открыть музей «Поляки в Сибири», шла реставрация Спасской церкви, которую по окончании реставрации должны были передать краеведческому музею.

По «декабристам» скучала, пыталась всячески помогать им: на первых порах даже ездила за экспонатами, но потом захлестнули проблемы, связанные с реставрацией нескольких объектов, необходимостью комплектования фондов этих филиалов и филиалов, открывшихся в области, а также та работа директора, которая не видна на первый взгляд, но без которой не может существовать живой музейный организм.

Скучаю по «декабристам» до сих пор, с благодарностью вспоминаю тех, с кем свела меня судьба в те годы, кто подарил иркутянам и гостям города удивительный мир, в котором можно вспоминать о благородстве как давно живших, так и наших современников.

Об авторах

Акулич Ольга Аркадьевна, заместитель директора Иркутского музея декабристов по научной работе.

Бедулина Ирина Павловна, кандидат исторических наук, заведующая отделом историко-культурного наследия ИОГУНБ им. И.И.Молчанова-Сибирского. Живет в Иркутске.

Бухаров Вадим Геннадьевич, директор Историко-архитектурного заповедника семьи Раевских (с. Разумовка Кировоградской области Украины), председатель совета Кировоградского благотворительного фонда им. Н.Н. Раевского. Живет в с. Разумовка (Украина).

Гаращенко Алексей Николаевич, историк, главный редактор журнала «Земля Иркутская». Живет в Иркутске.

Грейзе Александр Витольдович, научный сотрудник отдела научно-просветительской и образовательной деятельности Иркутского музея декабристов.

Добрынина Елена Аркадьевна, директор Иркутского музея декабристов.

Комарова Тамара Семеновна, ведущий научный сотрудник отдела истории Красноярского краевого краеведческого музея, заслуженный работник культуры РФ. Живет в Красноярске.

Нефедьева Анна Ивановна, старший научный сотрудник отдела «Музей декабристов» Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. Живет в Чите.

Пашко Игорь Васильевич, заведующий отделом «Дом и усадьба Трубецких» Иркутского музея декабристов.

Пинайкин Игорь Петрович, кандидат технических наук, инженер-конструктор, доцент кафедры строительных конструкций ИрГТУ. Живет в Иркутске.

Сакович Александр Васильевич, главный специалист по учету фондов Иркутского музея декабристов.

Сатижев Михаил Николаевич, педагог дополнительного образования МОУ ДОД Центра развития творчества детей и юношества, г. Шелехов.

Струк Нина Степановна, специалист отдела публикации и информации Государственного архива Иркутской области, заслуженный работник культуры РФ. Живет в Иркутске.

Шапошникова Наталья Михайловна, главный хранитель фондов Иркутского музея декабристов.

Ярош Дарья Владимировна, главный специалист по библиотечно-информационной и архивной работе Иркутского музея декабристов.

Содержание

К читателю 3

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

В.Г. Бухаров

Усыпальница семьи Раевских, Мария Николаевна Волконская
и Александр Сергеевич Пушкин 6

Т.С. Комарова

«Сибирские» дети декабристов (из неопубликованного) 26

Музейное дело

Н.М. Шапошникова

Комплектование фондовых коллекций Иркутского областного
историко-мемориального музея декабристов в 2000–2008 гг. 32

А.В. Сакович

Коллекция редких книг в собрании Иркутского музея декабристов . . . 36

И.В. Пашко

Сибирский альбом кн. Е.И. Трубецкой (история одной реликвии) 43

Д.В. Ярош

К вопросу о быте семьи Трубецких на каторге и поселении. 57

Сохранение историко-культурного наследия

А.И. Нефедьева

Дом Е.И. Трубецкой в Петровском Заводе 63

И.П. Пинайкин

Загадки старого дома (строительная история
Дома-музея Трубецкого) 67

А.Н. Гаращенко

Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода
(1925–1975 гг.) 74

Люди и судьбы

- И.П. Бедулина*
Борис Георгиевич Кубалов (1879–1966)116

Архивное наследие

- Б.Г. Кубалов*
С.Б. Броневский и его донос 1837 г.123
- Е.А. Добрынина*
Письма декабриста С.Г. Волконского140
- О.А. Акулич*
К вопросу об эпистолярном наследии княгини Е.И. Трубецкой.226

У нас в гостях школьные краеведы

- М.Н. Сапижев*
Декабрист Александр Николаевич Сутгоф. Жизнь на поселении232

Есть ли жизнь в музее?

- О.А. Акулич, А.В. Грейзе*
Материалы к летописи Иркутского музея декабристов240
- Н.С. Струк*
Сорок лет назад (к истории создания музея декабристов
в г. Иркутске)253
- Об авторах266

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 1

Редактор А.В. Глюк

Издательство «Оттиск»

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 29.05.2011 г. Формат 60/84/16.

Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,9.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 150 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.

Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru